УЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ
THE CULTURAL LEGACY OF UZBEKISTAN
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА

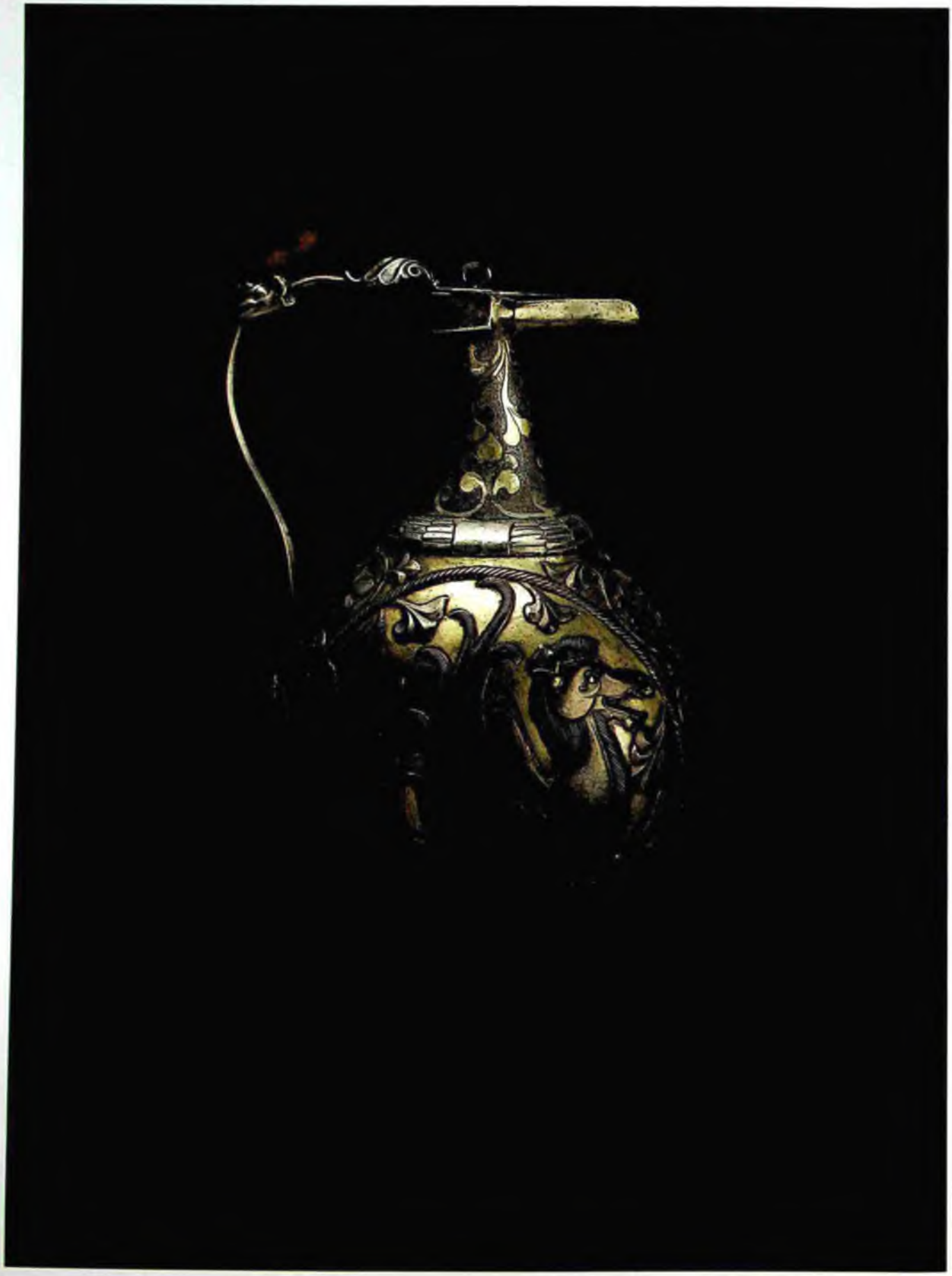

ДАВЛАТ ЭРМИТАЖИ ТЎПЛАМИ.
(БИРИНЧИ ҚИСМ)
(Санкт-Петербург, Россия)

THE COLLECTION OF THE STATE HERMITAGE MUSEUM.
(PART ONE)
(St. Petersburg, Russia)

СОБРАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА.
(ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)
(Санкт-Петербург, Россия)

ЎЗБЕКИСТОН
МАДАНИЙ МЕРОСИ

THE CULTURAL LEGACY OF UZBEKISTAN

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА

ДАВЛАТ ЭРМИТАЖИ ТЎПЛАМИ. (БИРИНЧИ ҚИСМ)

(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

THE COLLECTION OF THE STATE HERMITAGE MUSEUM. (PART ONE)

(ST. PETERSBURG, RUSSIA)

СОБРАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА. (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)

(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

VIII

«SILK ROAD MEDIA» • «EAST STAR MEDIA»
TOSHKENT • 2020

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» туркумидан чоп этилаётган «Давлат Эрмитажи тўплами» (Санкт-Петербург ш.) китоб-альбомида мазкур музейнинг фахри ҳисобланган, Ўзбекистоннинг тарихий-маданий ҳудудларидан келтирилган, кадимги ва илк ўрта асрлар давридаги бебаҳо осори атикалар ҳақида ҳикоя қилинади. Бу дурдоналар Ўзбекистоннинг бутун дунё бўйлаб турли музейларда ва шахсий коллекцияларда сақланаётган бебаҳо моддий ва маданий меросини ўзида тула-тўкис акс эттиради.

Ушбу нашр нафақат олим ва тадқиқотчилар, балки Ўзбекистоннинг бой маданий меросига қизиқувчи барча маҳаллий ва хорижий ўқувчилар, ёш авлод вакиллари учун мўлжалланган. Жаҳонда ўхшаши йўқ ушбу лойиҳа мустақиллик йилларида яратилган имкониятлар ва Ўзбекистон Республикаси Президенти Шавкат Мирзиёевнинг ўзбек халқининг маданий, тарихий ва интеллектуал меросини асраб-авайлаш, бойитиш ҳамда янада кўпайтириш масалаларига бўлган шахсан эътибори туфайли амалга оширилмоқда.

Мазкур китоб-альбом ўқувчилари нашрга илова қилинаётган махсус ҳужжатли фильмлар ёзилган диск ёрдамида Ўзбекистоннинг бой маданияти ва санъати ҳақида ўз тасаввурларини янада кенгайтиришлари мумкин. Шунингдек, саҳифаларда 3D-форматида қўшимча визуал маълумотларни олиш учун планшет ёки смартфонда сканерлашга мўлжалланган махсус ёрликлар мавжуд.

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» кўп жилдли туркуми Ўзбекистоннинг ноёб тарихий-маданий меросининг бошқа намуналарига бағишланган китоб-альбомларни чоп этишни ҳам назарда тутади.

The book-album "The Collection of the State Hermitage Museum" (St. Petersburg, Russia) from the series "The Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections" presents the unique works of art created by talented scholars, craftsmen and artists who had been developing arts and crafts in this ancient land through many centuries, eras and civilizations. The Museum is proud of these masterpieces. They fully convey the all heritage of the material and artistic culture of Uzbekistan kept in various museums and private collections all around the world.

The publication is intended not only for members of the academic research community, but also for broad local and foreign audiences, as well as the younger generation interested in the rich cultural heritage of Uzbekistan. The project without any analogue in the world has been carried out due to favourable conditions created in the years of Independence and to the personal attention of the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev to such issues as the careful preservation, enrichment and augmentation of tangible and intangible cultural heritage of the Uzbek people.

The readers of the book-albums may broaden their concept of the rich culture and art of Uzbekistan and watch the documentary on the disk attached to the book-album. The pages are also marked with special tags for scanning with a tablet or smartphone to get additional visual information in 3D format.

The multivolume series "The Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections" provides for publication of other books devoted to the unique masterpieces of the historical and cultural legacy of Uzbekistan.

В книге-альбоме «Собрание Государственного Эрмитажа» (г. Санкт-Петербург, Россия) из серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» представлены уникальные образцы искусства, созданные талантливыми художниками и мастерами, творившими на этой древней земле на протяжении многих веков, эпох и цивилизаций, и являющиеся предметом гордости музея. Эти шедевры в полной мере отражают уникальное наследие материальной и художественной культур Узбекистана, хранящееся в различных музеях и частных коллекциях по всему миру.

Издание рассчитано не только на представителей научно-исследовательских кругов, но и на широкую отечественную и зарубежную аудиторию, представителей молодого поколения, интересующихся богатым культурным наследием Узбекистана. Проект, аналогов которому нет в мире, осуществляется благодаря условиям, созданным в годы независимости, и личному вниманию Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева к вопросам бережного сохранения, обогащения и приумножения исторического, культурного и интеллектуального наследия узбекского народа.

Читатели смогут расширить свое представление о богатой культуре и искусстве Узбекистана, ознакомившись со специально снятым документальным фильмом, диск с которым прилагается к книге-альбому. Также на страницы нанесены специальные метки для сканирования планшетом или смартфоном для получения дополнительной визуальной информации в 3D-формате.

Многотомная серия «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» предусматривает публикацию и других книг-альбомов, посвященных уникальным образцам историко-культурного наследия Узбекистана.

inv. № 24678

ISBN 978-9943-4865-6-0

© «Zamon Press info» nashriyot uyi МЧЖ, Тошкент, 2020.
© «Silk Road Media», «East Star Media» МЧЖ, Тошкент, 2020.
© «Darakchi inform servis» МЧЖ, Тошкент, 2020.
© Давлат Эрмитажи, Санкт-Петербург, 2020.
© Ф.Ф. Абдухоликов, Э.В. Ртвеладзе, А.В. Омельченко, П.Б. Лурье, А.И. Торгоев, К.К. Кравцов, Л.Ю. Кулакова, 2020.

«ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ ЖАҲОН ТЎПЛАМЛАРИДА» ЛОЙИҲАСИ ҲАҚИДА

Китоб – устоз... Китоб мутолаасининг хар бир сонияси сени донишмандлик хазинаси билан ошно эта олади.

Алишер Навоий

Ўзбекистон – дунё тамаддуни тарихида ёркин из қолдирган буюк давлатлар вориси. Асрлар давомида унинг заминида ажойиб меъморчилик, санъат ва адабиётга оид асарлар яратилган бўлиб, улар ҳанузгача бутун дунёдаги Ўзбекистон халқлари маданияти ихлосмандларини ҳайратга солиб келмоқда. Ушбу меросни ҳаққоний ва ҳар томонлама ўрганиш нафақат Ўзбекистон, балки бутун жаҳоннинг муҳим вазифаси ҳисобланади, зотан мамлакатимиз маданияти бутун инсониятнинг бойлигидир.

Ўзбекистон Республикаси давлат мустақиллигини қўлга киритгач, бу соҳада кўплаб ишлар амалга оширилди. Шу билан бирга, мамлакатимиз ривожланишининг янги босқичида маданий тараққиёт ва меросимизни сақлаш борасидаги муаммоларни ҳал қилишда янги стратегиялар очилди. Мамлакат Президенти Шавкат Мирзиёев ўзбек халқининг тарихий, маданий ва маънавий меросини асраб-авайлаш, бойитиш ва янада кўпайтириш, ёш авлодни умуминсоний ва миллий қадриятлар асосида тарбиялаш масалаларини давлат сиёсати даражасига кўтарди. Мамлакатда хорижда сақланаётган Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, келгусида қўлёзма бойликларни сақлаш, тадқиқ этиш ва тарғиб қилиш тизимини такомиллаштириш, моддий ва маданий мерос объектларини сақлаш соҳаси фаолиятини тубдан яхшилаш каби жуда муҳим ташаббуслар амалга оширилмоқда. Доимий равишда республикамизнинг ноёб маданияти, халқимизнинг тикланаётган гўзал ва пурҳикмат анъаналарини намойиш этадиган тадбирлар ўтказилмоқда. Улар орасида Халқаро халқ амалий санъати фестивали (Қўқон), Халқаро бахшичилик санъати фестивали (Термиз) ва Халқаро мақом санъати фестивали (Шаҳрисабз)ни мисол келтириш мумкин. Янги ташаббусларнинг амалга оширилиши туфайли кейинги уч йил ичида

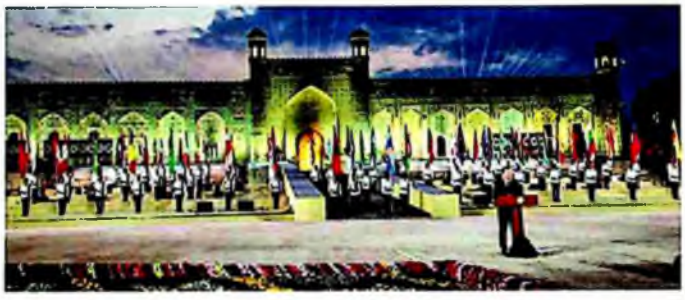
Халқаро мақом санъати анжумани. Шахрисабз ш.

The Maqom Art International Forum. Shahrisabz.

Международный форум искусства макома, г. Шахрисабз.

Халқаро бахшичилик санъати фестивали. Термиз ш.
The International Bakhshi Art Festival in Termez.
Международный фестиваль искусства бахши, г. Термез.

Халқаро хунармандчилик фестивали. Қўқон ш.
The International Festival of people's applied art in Kokand.
Международный фестиваль народно-прикладного искусства, г. Коканд.

маданий ҳаётнинг кўплаб соҳаларида, шунингдек, жамиятда рўй бераётган ижобий ўзгаришларга халқаро ҳамжамият эътиборини жалб қилиш борасида сезиларли натижаларга эришилди.

Бугун мамлакатимиз жаҳонга юз тутмоқда. Бу сиёсат қўшни давлатлар билан муносабатларда, сайёҳлик соҳаси ва гуманитар йўналишларда кўзга ташланади. Жамият ҳаётининг ҳар томонлама янгиланиши фуқаролик жамиятининг фаоллашувига олиб келади, бу эса миллий уйғониш, ўз тарихи ва маданиятини англашдан бошланади.

Ушбу икки муҳим омил – халқаро майдонда очиқлик сиёсати ва ижтимоий фаол кучларнинг вужудга келиши мамлакатимиз ҳаётида янги, ажойиб воқелик – «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» мультимедиа лойиҳасининг пайдо бўлишига олиб келди. Жамоат, нодавлат ва халқаро ташкилотлар, ижтимоий аҳамиятга молик тадбиркорлик тузилмалари унинг ташаббускорлари бўлдилар.

Фредерик Старр, Марказий Осиё ва Кавказ институтининг асосчиси ва раиси (АҚШ):

«Бу жуда катта Лойиҳадир. Ҳеч бир бошқа мамлакат дунёнинг турли коллекцияларида жойлашган маданий меросини ягона каталогда тўпламаган. Санъатнинг асосий асарлари каталогларини тақдим этиш, уларни дунёнинг ҳар бир мамлакатидан қидириш, тавсифлар тайёрлаш, фотосуратлар олиш, ҳужжатлаштириш ва нашр этишдек ажойиб ташаббус – бу таҳсинга лойиқ бўлган улкан мақсаддир».

Сайид Абдулҳаким Жузжони, профессор (Швеция):

«Ўзимнинг ўзбек илдизларим ва аждодларим билан доимо фахрланаман. Мен Швецияда яшайман, лекин ҳар доим хаёлан Ўзбекистондаман. Президент Шавкат Мирзиёевга алоҳида миннатдорчилик билдирмоқчиман, чунки унинг бевосита раҳбарлигида мамлакатда маданий меросни асраб-авайлаш ва оммалаштириш бўйича кенг кўламли чора-тадбирлар амалга оширилмоқда. Бутунжаҳон жамияти аъзоси сифатида мен бошқараётган Бобур номидаги халқаро фонд орқали Ўзбекистон маданияти ва илм-фанини дунёга танитиш имконига эга бўлганимдан хурсандман».

Лойиҳа асоси ушбу қадимий ўлкада яратилган, аммо баъзи бир ҳолатлар сабаб ҳозирда чет элда – Россия давлати, Европа мамлакатлари ва Осиё, Америка, Африкадаги турли музейлар ва шахсий тўпламларда сақланаётган Ўзбекистон маданий мероси дурдоналарини каталоглаштириш ва билишга йўналтирилган. Булар археологик артефактлар, ноёб миниатюраларга эга нодир қўлёзмалар, турли хил амалий санъат буюмларидир. Бу каби вазифаларни ҳали дунёнинг бирон бир мамлакати ўз олдига қўймаган. Инчунун, маданий мерос ҳақида тўлиқ маълумот йиғиш унинг чинакам аҳамиятини баҳолаш имконини беради.

Лойиҳа бутун дунё бўйлаб кенг халқаро илмий алоқаларни ўрнатишни назарда тутади. Унинг фаол ютуқлари хорижда тобора тан олинмоқда. Олдимизда энг йирик музей ва кутубхоналар, шахсий коллекциялар эшиклари очилмоқда. Ҳар бир янги қадам билан биз билим йўлида олга одимлаймиз.

Тўпланган материаллар китоб-альбом шаклида нашр этилади. Уларнинг ҳар бири маълум бир хорижий тўпламда ёки бирор бир мамлакат тўпламларидаги Ўзбекистон моддий ва маънавий меросига бағишланган. Нашрлардан жаҳон миқёсида тан олинган дурдона асарлар, шунингдек, кенг жамоатчилик ва мутахассисларга унчалик маълум бўлмаган ёки умуман номаълум намуналар ўрин олган. Матн уч

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» туркумидаги китоб-альбомлар.

Book-albums of the series "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections."

Книги-альбомы серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира».

«Моддий ва номоддий меросни асраш: долзарб муаммолар ва уларни хал этиш йўллари» халқаро конференцияси. Самарқанд ш., 2019 й.

The International Conference "The preservation of tangible and intangible cultural heritage: topical issues and strategies to resolve them." Samarkand, 2019.

Международная конференция «Сохранение материального и нематериального культурного наследия: актуальные проблемы и стратегии их решения», г. Самарканд, 2019 г.

тилда – ўзбек, инглиз ва рус тилларида берилган бўлиб, имкон қадар кенг китобхонлар аудиториясини қамраб олиш мақсад қилинган.

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳаси мультимедиа эканлигини ҳисобга олиб, нашр этилган китоб-альбомлар матнига қўшимча равишда махсус тайёрланган видеофильм дисклари илова қилинган. Лойиҳанинг суратга олиш гуруҳи тўпламлари китоб саҳифаларида акс этган мамлакатлар ва музейларда фильмлар устида иш олиб бормоқда.

Шу билан бирга, Ўзбекистон ноширлик амалиётида биринчи марта китоб-альбомларда китобхонга тўплам ёки маълум бир мавзу ҳақида қўшимча визуал маълумотларни олиш имконини берадиган кенгайтирилган воқелик услубидан фойдаланилди. Планшет ёки смартфон ёрдамида махсус белгиларни сканерлаш орқали экранда объектнинг 3D-форматидаги модели, шунингдек, тегишли видео пайдо бўлади. Бундай янгиликлар ўсиб келаётган ёш авлоднинг кенг доирасини илмий-оммабоп адабиётларга жалб қилиш имконини беради.

Лойиҳа нашр-ахборот фаолияти билан чекланиб қолмайди. Бугунги кунда у ўз ишидаги ёндашувлар уйғунлигини акс эттирувчи бир нечта янги йўналишларни бирлаштиради. Кенг кўламли нашриёт дастуридан ташқари, фильмлар ва телевизион дастурларни яратиш, халқаро конгресслар, медиа тадбирлар ўтказилмоқда, янги ғоялар ва йўна-

Одри Азуле, ЮНЕСКО Бош директори:

«Мерос – бизнинг авлодларимиз ва жамиятимиз ўртасидаги боғлиқлик. У келажак авлодларга етказилиши, бутун дунё билан бўлишиш керак бўлган нарсадир. Бу умуминсоний мерос бўлиб, биз қон-қонимизда буни ҳис қиламиз, шунинг учун биз ушбу меросни асраб-авайлашда барча саъй-ҳаракатларни амалга оширишимиз керак. Бу нафақат Ўзбекистон, балки бутун инсоният учун муҳимдир».

«Ўзбекистон маданий мероси – халқлар ва мамлакатлар ўртасидаги мулоқотга йўл» I Халқаро илмий-маданий конгресси қатнашчилари. Самарқанд ш., 2017 й.

Participants of the First International Scientific and Cultural Congress "Cultural Heritage of Uzbekistan – the Path to Dialogue between Peoples and Countries." Samarkand, 2017.

Участники I Международного научно-культурного конгресса «Культурное наследие Узбекистана – путь к диалогу между народами и странами», г. Самарканд, 2017 г.

лишлар ишлаб чиқилмоқда. Мисол учун, «Ўзбекистон обидаларидаги битиклар» серияси аллақачон халқаро миқёсда тан олинган, ҳозирда эса «Ўзбекистон фан ва маданияти олимлар асарларида» нашр серияси чоп этиш режалаштирилган бўлиб, бу йўналиш илгари яратилган, аммо илм-фан учун жуда катта қизиқиш касб этган, ҳозиргача ноёб ҳисобланган монографиялар қайта нашр этилишини кўзда тутади. Шунингдек, «Ўзбекистон археологик ёдгорликлари картографияси», «Ўзбекистон архитектура ёдгорликлари картографияси», «Ўзбекистон маҳаллалари» лойиҳаларини ҳам алоҳида таъкидлаш жоиз. «Ўзбекистон ёзма ёдгорликларининг 100 дурдонаси» йўналиши доирасида тадқиқотчиларга осон бўлиши учун илмий ва бадиий нуқтаи назардан жуда қадрли қўлёзмаларнинг факсимиллари нашр этилмоқда.

Умуман олганда, «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳасини Янги Ўзбекистоннинг ташриф қоғози деб аташ мумкин. Бу фуқаролик жамияти, жамоат, давлат ва халқаро ташкилотлар, ижтимоий аҳамиятга молик тадбиркорлик тузилмалари, оммавий ахборот воситалари ва дунёнинг турли мамлакатларидаги олимларнинг саъй-ҳаракатлари бирлашуви маърифат ва таълим соҳаларида мисли кўрилмаган натижаларга эришишига ёркин мисолдир. Унинг фаолияти ўз ғояси ва кўламига кўра нафақат мамлакатимиз, балки дунё миқёсида ҳам ноёбдир. Халқаро экспертларнинг таъкидлашига кўра, Ўзбекистоннинг бундай кенг кўламли каталоглаштириш ва маданий меросни оммалаштириш борасидаги тажрибаси дунёнинг бошқа давлатлари учун намунадир.

Дунё илмий ҳамжамиятининг кўмагисиз ишимиз давомида олға ҳаракатлана олмасдик. Фаолияти мамлакатимиз билан боғлиқ бўлган етакчи тадқиқотчилар, музей ходимлари ва коллекционерлар бизнинг ҳамкорлик ҳақидаги мурожаатларимизга хайрихоҳлик кўрсатдилар. Қисқа вақт ичида Ўзбекистон тарихи ва маданиятини ўрганишга жалб

Сали Шахсивари, «Al-Furqan» Ислом мероси жамғармаси ижрочи директори (Буюк Британия):

«Мен бир неча бор Ўзбекистонга ташриф буюрганман ва шахсан Президентнинг ўзбек маданиятини сақлаш ва оммалаштиришдаги муҳим ролига гувоҳ бўлганман. Ишонаманки, бу Ўзбекистонда амалга оширилаётган энг муҳим лойиҳалардан бири. Одамлар мазкур ҳодисани «ўзбек маданияти» ва «ўзбек мероси» дея таърифлайдилар, бу айни ҳақиқат, шу билан бирга ушбу жараён дунё тамаддуни ва маданиятининг жуда муҳим қисмидир. Шундай қилиб, айтиш мумкинки, сиз дунё тарихи ва дунё маданиятининг муҳим қисмини қайта тикламоқдасиз».

II Халқаро конгресс қатнашчилари Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақаш ва оммалаштириш бўйича Бутунжаҳон жамияти резолюцияси ва Низомини ўқиб чиқишмоқда. Санкт-Петербург ш., 2018 й.

Participants of the Second International Congress read out the resolution and charter of the World Society for Study, Preservation and Promotion of the Cultural Heritage of Uzbekistan. St. Petersburg, 2018.

Участники II Международного конгресса зачитывают резолюцию и устав Всемирного общества по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана, г. Санкт-Петербург, 2018 г.

қилинган дунёнинг 300 дан ортиқ зукко олимлари – шарқшунослар, санъат тарихчилари, этнографлар, турли мамлакатларнинг музей мутахассисларини бирлаштирган тармоқ яратилди. Кучларнинг бундай уйғунлиги бизга тажриба ва фикр алмашиш, маданиятлараро ва давлатлараро мулоқотни кучайтиришга имкон яратди.

2017 йил май ойида Тошкент ва Самарқандда бўлиб ўтган «Ўзбекистон маданий мероси – халқлар ва мамлакатлар ўртасидаги мулоқотга йўл» I Халқаро илмий-маданий конгрессида илк марта Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш бўйича Бутунжаҳон жамиятини яратиш ғояси илгари сурилди. 2018 йилда Санкт-Петербургда бўлиб ўтган II Халқаро конгресс доирасида Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш бўйича Бутунжаҳон жамияти ташкил этилди – унинг низоми тасдиқланди, Кенгаш раёсати ва Илмий кенгаш сайлаб олинди. Янги тузилма Ўзбекистон тарихи ва маданиятини қадрлайдиган барчани ўзида жамлади.

Тарих бир мамлакат меросини ўрганиш учун бутун дунё олимлари тўпланган бундай кенг кўламли воқеликни ҳали билмайди. Бундан ташқари, ушбу халқаро эътибор маълум даражада бири-бирига ўхшаш тарихий ҳодисаларни қўллаб-қувватлайди: Ўзбекистон ҳудуди ҳар доим турли халқлар ва маданиятларнинг учрашадиган жойи бўлиб келган.

Жамиятнинг мақсади Ўзбекистон ва умуман Марказий Осиёнинг маданий меросини сақлаш, ўрганиш ва оммалаштиришга жалб этилган маҳаллий ва халқаро, давлат ва жамоат ташкилотлари, тадқиқотчилар, экспертлар, фан, оммавий ахборот воситалари вакиллари ва бошқа манфаатдор тузилмаларга дунё маданий меросини сақлаш контекстида кўмаклашишдан иборат. Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш,

Эрнесто Ренато Оттоне Рамирес, ЮНЕСКО Бош директорининг маданият бўйича ўринбосари:

«Сўнгги йилларда сизнинг мамлакатингизда моддий ва маънавий меросни асраб-авайлаш бўйича олиб борилаётган саъй-ҳаракатларни ғоят муҳим, деб ҳисоблайман. Сиз Ўзбекистоннинг маданий мероси бойликлари нафақат мамлакатда, балки бутун дунёда – Европа ва АҚШнинг асосий музейларида сақланаётганлигини бутун дунёга намойиш этиш учун ҳаракат қилмоқдасиз. Ўйлайманки, Ўзбекистоннинг ушбу масалага жиддий муносабати – тадқиқотлар, кўргазмалар, янги илмий тузилмалар ва лойиҳаларни яратиш орқали кўп давлатлар учун намуна. Тадқиқот нафақат академик билимлар, балки фарзандларимиз ва янги авлод учун ҳам билимларни етказиш усулидир. ЮНЕСКО Ўзбекистон билан фаол ҳамкорлик қилаётганидан жуда мамнунмиз».

Давлат Эрмитажи директори М. Пиотровский II Халқаро конгрессда иштирок этди. Санкт-Петербург ш., 2018 й.

Director of the State Hermitage M. Piotrovsky took part in the Second International Congress. St. Petersburg, 2018.

Директор Государственного Эрмитажа М. Пиотровский принял участие во II Международном конгрессе, г. Санкт-Петербург, 2018 г.

Михаил Пиотровский, Давлат Эрмитажи директори (Россия):

«Қадимги тарих ва маданият ҳозирги дунёда хотиранинг бир тўлқинидир. Ушбу Лойиҳа фуқароларнинг ташаббускорлиги, нотижорат ва маданий муассасаларнинг ёрқин уйғунлигини топа билди. Бу маданий концепцияга оид ёдгорликлар қандай йиғилгани, қандай чоп этилгани, одамлар бутун дунёда мавжуд бўлган маданий меросга қай даражада ғамхўрлик қилаётганига ёрқин бир мисолдир».

сақлаш ва оммалаштириш бўйича Бутунжаҳон жамияти 2019 йилнинг август ойида Париж шаҳрида расмий рўйхатдан ўтказилди.

Дунё олимларининг бирлашиши туфайли, Лойиҳа нафақат информацион, балки илмий аҳамиятга ҳам эга бўлди. Илк бор катта миқдордаги миллий маданиятимизнинг бойлиги ва хилма-хиллиги ҳақидаги тушунчамизни кенгайтирувчи янги маълумотлар илмий муомалага киритилди. Ўнлаб йиллар давомида омборхоналарда «мудраб ётган» кўплаб ажойиб санъат асарлари аниқланмоқда, махсус кўргазмалар ташкил этилмоқда. Жаҳон ҳамжамияти томонидан ўтказиладиган конгрессларда дунёнинг турли мамлакатларидан келган олимлар мамлакатимиз маданиятига оид долзарб илмий мавзуларда ўнлаб янги тақдимотлар қилмоқдалар. Барча ҳисоботлар Интернет тармоғида, лойиҳа манбаларида, ёшларга илғор илмий ютуқларни тақдим этиш учун жойлаштирилган. Пировардида Ўзбекистоннинг қиёфасини яратиш учун мамлакатимизнинг бой тарихи, маданияти ва урф-одатларини оммавий ахборот воситаларида акс эттиришдан-да яхшироқ бирон нарса ўйлаб топишнинг иложи бўлмади.

«Янги Ўзбекистон: ноёб маданий ташаббуслар» мавзусидаги медиа ивент. Лондон ш., 2019 й.

Media event "New Uzbekistan: unique cultural initiatives." London, 2019.

Медиа ивент «Новый Узбекистан: уникальные культурные инициативы», г. Лондон, 2019 г.

Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш бўйича Бутунжаҳон жамияти 2019 йилнинг август ойида Париж шаҳрида расмий рўйхатдан ўтказилди.

The World Society for the Study, Preservation and Promotion of the Cultural Heritage of Uzbekistan was officially registered in August 2019 in Paris.

Всемирное общество по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана прошло официальную регистрацию в августе 2019 года в г. Париже.

Дунёнинг 40 мамлакатидан келган 300 дан ортиқ олимларга «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» китоб-альбомлари ҳадя қилинди. Тошкент ш., 2019 й.

More than 300 scholars from 40 countries were presented with books and albums of the series "The Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections." Tashkent, 2019.

Более 300 ученым из 40 стран были вручены в дар книги-альбомы серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира», г. Ташкент, 2019 г.

Бутунжаҳон жамияти халқаро дипломатиянинг самарали шакли ҳам бўлиб, у халқлар ва мамлакатлар ўртасидаги ўзаро ҳамжиҳатликни мустаҳкамлашга, энг муҳими, дунё саҳнасида Ўзбекистоннинг маданий нуфузини оширишга хизмат қилмоқда.

Шуни таъкидлаш керакки, Лойиҳа ўз фаолиятининг дастлабки кунларидан бошлаб ижтимоий йўналтирилган – у томонидан нашр этилган барча маҳсулотлар Ўзбекистон ва дунёнинг бошқа мамлакатларининг таълим ва маданият муассасаларига бегараз тарқатилади.

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳасининг биринчи натижалари дунё илмий жамоатчилигининг мамлакатимиз бой маданий меросига бўлган катта қизиқишини намойиш этди. Ва, албатта, у Президентимиз Шавкат Мирзиёевдан ҳар томонлама мадад олмоқда. Давлатимиз раҳбари 2019 йил август ойида Тошкентда бўлиб ўтган Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш бўйича Бутунжаҳон жамиятининг III Халқаро конгресс иштирокчиларига йўллаган мурожаатида таъкидлаганидек: «Маърифат ва таълимга қаратилган лойиҳалар кўлами жуда катта. Уларнинг амалга оширилиши биз учун нафақат шараф, балки Ўзбекистон келажагини белгиловчи асосий йўналишдир. Дарҳақиқат, маърифат ва таълим тинчлик ва яратувчиликка олиб боради. Айнан маърифат ва таълим халқлар фаровонлигининг калитидир. Айнан маърифат ва таълим одамларни эзгу ишлар,

Павел Лурье, Давлат Эрмитажи Шарқ бўлими Ўрта Осиё, Кавказ ва Крим шўъбаси мудири (Россия):

«Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш Бутунжаҳон жамияти олимлари номидан Ўзбекистон Республикаси Президентига қилинган мурожаатда кўплаб жуда яхши ташаббуслар ва лойиҳалар киритилган. Албатта, амалга оширилган ишлар – Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида мавзусига бағишланган ажойиб китоб-альбомларга қараб, қойил қолмай иложимиз йўқ. Лекин шу қаторда янги лойиҳаларни, айниқса, меъморий ёдгорликларни каталоглаштириш ва хариталаш лойиҳасини амалга татбиқ қилиш ҳам ғоят муҳимдир».

яхшилик ва багрикенгликка етаклайди. Фақатгина кучларни бирлаштириш орқали биз ушбу эзгу мақсадларга эришишимиз мумкин».

Ўша конгрессда Бутунжаҳон жамияти аъзолари Президентга Лойиҳа доирасида тайёрланган китоб-альбомлардан мамлакатимиз ва дунёнинг ҳар бир кутубхоналари сингари республикадаги мактаблар ва университетларда ўқув қўлланма сифатида фойдаланиш мумкинлиги ҳақидаги таклифни билдиришди. Ушбу таклиф Ўзбекистон Республикаси Президенти ва ҳукумати томонидан қўллаб-қувватланди. Китобхоннинг қўлида бўлган кўп жилдли «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» китоб-альбомларининг иккинчи нашри бепул тарқатиш учун мўлжалланган ва бу юксак қўллаб-қувватлашнинг тасдиғидир.

Бутунжаҳон жамият олимлари номидан Ўзбекистон Президенти Шавкат Мирзиёевга Ўзбекистон маданий меросини асраб-авайлаш, ўрганиш ва оммалаштиришга йўналтирилган мазкур Лойиҳага шахсан эътибори ва қўллаб-қувватлагани учун миннатдорлик билдирамиз.

Ушбу Лойиҳа узоқ йилларга мўлжалланган, негаки унинг мавзулари чексиз. У мамлакатимиз маданий меросини нафақат ҳозирги кунда қадрлашни, балки келажак авлодларга ҳам сақлаб қолиш учун барча имкониятларни ишга солиш кераклигини таъкидлайди.

Э.В. Ртвеладзе,
Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш бўйича Бутунжаҳон жамияти Илмий кенгаши раиси, Ўзбекистон Фанлар академияси академиги

Ф.Ф. Абдухоликов,
Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш бўйича Бутунжаҳон жамияти Бошқаруви раиси, Ўзбекистонда хизмат кўрсатган журналист

Халит Эрен, Ислом тарихи, санъати ва маданияти тадқиқот маркази (IRCICA) Бош директори (Туркия):

«Президент Шавкат Мирзиёевдан Имом ал-Бухорий халқаро марказини барпо этиш, улуғвор бино қуриш, динлараро тотувликни мустаҳкамлаш, ислом цивилизациясини ривожлантиришга қўшган хиссаси учун миннатдорман. Бир пайтлар мамлакатингиз Президенти томонидан илгари сурилган маърифий Ислом ғояси амалга оширилаётганига гувоҳ бўлгандим.

Бир сўз билан айтганда, Ўзбекистон бой тарихга эга ва тинчлик, ҳамжиҳатлик, бағрикенгликнинг намунасидир. IRCICA Ўзбекистон билан қадимий қўлёзмаларни тадқиқ қилиш, аудио, видео версияларини тарқатиш ва буюк мутафаккирлар тўғрисидаги янги лойиҳаларни амалга ошириш, Ўзбекистон маданияти ва санъатини ўрганиш соҳасида ҳамкорлик қилишга доим тайёр».

III Халқаро илмий-маданий конгресс қатнашчилари. Самарқанд ш., 2019 й.

Participants of the Third International Scientific and Cultural Congress. Samarkand, 2019.

Участники III Международного научно-культурного конгресса, г. Самарканд, 2019 г.

ABOUT THE PROJECT "CULTURAL LEGACY OF UZBEKISTAN IN WORLD COLLECTIONS"

The book is a teacher ...
Every moment it gives you the revelation of wisdom.

Alisher Navoi

Uzbekistan has succeeded to the great states, which added a glorious page to the history of the world civilization. Amazing works of literature, architecture and arts have been created in this country for centuries and they still delight those interested in the culture of Uzbekistan peoples all over the world. An objective and comprehensive study of this heritage is an urgent task not only for Uzbekistan, but also for the whole world, since the culture of our country is the heritage of all mankind.

Since the Republic of Uzbekistan has become independent, much has been done in this field. At the same time, a new stage in the development of our country has opened new strategies in solving the fundamental problems of cultural development and preservation of heritage. The President of the country, Shavkat Mirziyoyev, raised the issues of the careful preservation, enrichment and enhancement of the historical, cultural and intellectual heritage of the Uzbek people, the education of the younger generation on the basis of universal and national values to the rank of state policy. Such important initiatives as the study of the cultural values of Uzbekistan kept abroad are being implemented in the country, measures are being taken to further improve the storage, research and promotion of manuscripts, and activities are being improved in the field of safeguarding tangible cultural heritage. Events demonstrating the unique culture of the republic, reviving the beautiful and wise traditions of our people are held on a regular basis. Among them are the International Festival of Folk Applied Arts in Kokand, the International Art Festival "Bakhshi" in Surkhandarya and the International Art Festival "Maqom" in Shakhrisabz. Owing to the implementation of new initiatives, it has been possible to achieve a significant upsurge in many areas of cultural life, as well as to draw the attention of the international community to the positive changes that are taking place in society in less than three years.

Халқаро мақом санъати анжумани. Шахрисабз ш.

The Maqom Art International Forum. Shahrisabz.

Международный форум искусства макома, г. Шахрисабз.

Халқаро бахшичилик санъати фестивали. Термиз ш.
The International Bakhshi Art Festival in Termez.
Международный фестиваль искусства бахши, г. Термез.

Халқаро хунармандчилик фестивали. Қўқон ш.
The International Festival of people's applied art in Kokand.
Международный фестиваль народно-прикладного искусства, г. Коканд.

Audrey Azoulay, Director – General of UNESCO:

"Heritage is a connection between our generations, between our society. This is exactly what needs to be passed on to other generations, it is something that needs to be shared with the world. This is a universal heritage that we see at the root of our history, and we must therefore make every effort to preserve that heritage. This will be important not only for Uzbekistan, but for the entire world."

Today our country is opening up to the world. It is palpable in politics – in relations with neighbouring states, as well as in tourism and in the humanitarian sphere. The renewal of many aspects of public life leads to the revitalization of civil society, which understands that a national revival begins with gaining identity, understanding one's own history and culture.

These two important factors – the policy of openness in the international arena and the emergence of socially active forces – led to the birth of a new, vivid phenomenon in the life of our country – the multimedia project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections." Its initiators were public, non-governmental and international organizations, socially responsible business.

The project is based on the current idea of cataloging and comprehending the masterpieces of the cultural heritage of Uzbekistan created on

this ancient land, but due to a number of circumstances housed now abroad – in various museums and private collections in Russia, Europe, Asia, America, Africa... They are archaeological artifacts, the rarest manuscripts with unique miniatures and various objects of applied art. A similar task has not yet been set by any country in the world. Meanwhile, the collection of the most complete information about the heritage makes it possible to judge its true meaning.

The project involves the establishment of the broadest international scientific contacts around the world. Its active work is increasingly recognized abroad. The doors of the largest museums and libraries, private collections are opening in front of us. We move forward on the path of knowledge with every new step.

The collected materials are published in the form of book-albums. Each of them is devoted to artifacts from Uzbekistan in a particular foreign collection or group of collections of one country. An illustrative series may include internationally recognized masterpieces, as well as samples little known or completely unknown to the general public and specialists. The text in three languages – Uzbek, English and Russian – is aimed to reach the widest possible readership.

Considering that the project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections" is multimedia, disks with video films specially created in addition to the text are attached to the published book-albums. Films are being made by the Project crew in countries and museums, the collections of which are presented on the pages of books.

Sayyid AbdulKhakim Jujani, professor (Sweden):

"I have always been proud of my Uzbek roots and ancestors. I live in Sweden, but always in my mind in Uzbekistan. I would like to express special gratitude to President Shavkat Mirziyoyev, under whose leadership large-scale measures are being taken in the country to preserve and popularize the cultural heritage. As a member of the World Society, I am glad that I have the opportunity to glorify the culture and science of Uzbekistan."

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» туркумидаги китоб-альбомлар.

Book-albums of the series "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections."

Книги-альбомы серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира».

Frederick Starr, Founder and Chairman of the Institute of Central Asia and the Caucasus (USA):

"We all need to understand how important it is to have an idea of our own history. If people do not know their past, this indicates the superficiality of life, that over time the significance and great achievements of their ancestors will be lost. I am very glad that the President of Uzbekistan pays so much attention to the preservation and further popularization of the culture of his country. This should be a model for many other countries."

At the same time, an augmented reality technique was used, which allows the reader to receive additional visual information about the collection or a specific artifact, for the first time in the publishing practice of Uzbekistan in books and albums. When scanning special marks with a tablet or smartphone, the model of the object in 3D format will appear on the screen together with the corresponding video. Such innovations allow attracting wide circles of the younger generation to popular science literature.

The project is not limited to publishing and information activities. Nowadays, it combines several new directions demonstrating the complexity of approaches. In addition to a large-scale publishing program the production of films and television programs is active, international congresses and media events are held, new ideas and directions are being developed. E.g., the series "Architectural Epigraphy of Uzbekistan" has already received wide international recognition; the publishing series "Science and Culture of Uzbekistan in the scholars' works" is planned, which implies the re-release of monographs created in the past but of great interest to science, which are now inaccessible. Also worth mentioning are the projects "Cartography of Archaeological Sites of Uzbekistan", "Cartography of Architectural Monuments of Uzbekistan" and "Mahalla of Uzbekistan." Within the framework of the "100 Outstanding Manuscript Monuments of Uzbekistan" facsimiles of manuscripts that are most valuable from a scientific and artistic point of view are published to make them accessible for researchers.

«Ўзбекистон обидаларидаги битиклар» нашр лойихаси ва Ўзбекистоннинг нодир кўлёзмалари факсимиле нусхалари.

Publishing project "Architectural Epigraphy of Uzbekistan" and facsimile copies of outstanding manuscripts of Uzbekistan.

Издательский проект «Архитектурная эпиграфика Узбекистана» и факсимильные копии выдающихся рукописных памятников Узбекистана.

Инв. № 24678

«Ўзбекистон маданий мероси – халклар ва мамлакатлар ўртасидаги мулокотга йўл» I Халкаро илмий-маданий конгресси катнашчилари. Самарканд ш., 2017 й.

Participants of the First International Scientific and Cultural Congress "Cultural Heritage of Uzbekistan – the Path to Dialogue between Peoples and Countries." Samarkand, 2017.

Участники I Международного научно-культурного конгресса «Культурное наследие Узбекистана – путь к диалогу между народами и странами», г. Самарканд, 2017 г.

In general, "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections" project can be named as the calling card of New Uzbekistan, a striking example of how the consolidation of efforts of civil society, public, state and international organizations, socially responsible business, the media and scholars from around the world can achieve unprecedented results in areas of enlightenment and education. Its activity is unique in its design and scale, not only for our country. According to international experts, the experience of Uzbekistan in such a massive cataloging and popularization of heritage is an example for other states of the world.

In the course of our work, we could not advance without the support of the scientific world community. Leading researchers, museum curators and collectors whose interests are related to our country have responded to our call for cooperation. In a record short time, a network was created that brought together more than 300 first-class scholars of the world – orientalists, art historians, ethnographers, and museum experts from different countries involved in the study of the history and culture of Uzbekistan. Such a combination of forces allows us to share experiences and exchange views, strengthen intercultural, interstate dialogue.

During the First International Scientific and Cultural Congress "The Cultural Heritage of Uzbekistan – the Path to Dialogue between Peoples and Countries", held in May 2017 in Tashkent and Samarkand, the idea of creating the World Society for Study, Preservation and Promotion of the Cultural Legacy of Uzbekistan was first put forward. In 2018 as part of the Second International Congress held in St. Petersburg, the establishment

Larisa Kulakova, Researcher, Central Asia, the Caucasus and Crimea Sector, the Oriental Department, the State Hermitage Museum:

"The project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections", the organized congresses and scientific meetings provide a unique opportunity to touch the ancient history and rich culture of Uzbekistan, as well as to take part in solving urgent problems with colleagues from different countries. I would like to note in particular the scale of the plans of this project aimed at studying, preserving and popularizing the cultural heritage of Uzbekistan. Beautifully published album-books and documentaries indicate the enormous work done by the team of first-class specialists from many countries of the world united by love for the ancient land of Uzbekistan."

II Халқаро конгресс қатнашчилари Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш бўйича Бутунжаҳон жамияти резолюцияси ва Низомини ўқиб чиқишмоқда. Санкт-Петербург ш., 2018 й.

Participants of the Second International Congress read out the resolution and charter of the World Society for Study, Preservation and Promotion of the Cultural Heritage of Uzbekistan. St. Petersburg, 2018.

Принятие резолюции и устава Всемирного общества по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана на конгрессе в г. Санкт-Петербурге, 2018 г.

Sali Shahsivari, Managing Director of Al-Furqan Islamic Heritage Foundation (Great Britain):

"I believe that this is one of the most important projects carried out in Uzbekistan. People describe this phenomenon as "Uzbek culture" and "Uzbek heritage", this is true, but it is also a very significant part of world civilization and culture. Reviving the Uzbek culture, you are reviving an important part of world history and culture, and I sincerely congratulate the people in Uzbekistan who were at the forefront of this cultural legacy project. This is a very important project and I wish it the greatest success.
I have visited Uzbekistan several times and personally witnessed the significant role of the President of the country in preservation and popularization of the culture. Indeed, Islam is a religion of culture and tolerance, but there is no better way than to demonstrate this through the history and culture of peoples. And I'm sure that for this reason Uzbekistan should take a part not only on the basis of its internal considerations, but also on the basis of the interests of the entire region, and, truly, for the sake of the whole of humankind."

of the World Society was accomplished – its charter was approved, the board and the scientific council were elected. The new structure united all those who cherish the history and culture of Uzbekistan.

There was no such large-scale phenomenon in the history, when scholars from all over the world came together to study the heritage of one country. Moreover, this international attention is supported by a kind of historical parallel: the territory of Uzbekistan has always been a meeting place for various peoples and cultures.

The purpose of the Society is to assist the local and international state and public organizations, researchers, experts, scholars, the media sphere and other interested structures involved in the conservation, study and popularization of the cultural heritage of Uzbekistan and Central Asia as a whole in the context of preserving the world cultural heritage. The purpose of the Society is to assist the local and international state and public organizations, researchers, experts, scholars, the media sphere and other interested structures involved in the conservation, study and popularization of the cultural heritage of Uzbekistan and Central Asia as a whole in the context of preserving the world cultural heritage.

Owing to the unification of scholars from around the world, the Project has gained not only informational, but also important scientific significance. For the first time, a huge amount of new factual data has been introduced into scientific circulation, expanding our understanding of the richness and diversity of national culture. Attribution of many wonderful works of art "dozing" in the storerooms for decades is carried out and special exhibitions are organized. Scholars from around the world present dozens of new, relevant scientific topics related to the knowledge of our country's culture at congresses held by the World Society. All reports are downloaded on

Маданий мерос хафталиги қатнашчилари «Кушон подшохлиги хазинаси» кўргазмасида иштирок этдилар. Тошкент ш., 2019 й.

Participants of the Heritage week took part in the exclusive exhibition "Treasures of the Kushan Kingdom." Tashkent, 2019.

Участники Недели наследия приняли участие в эксклюзивной выставке «Сокровища Кушанского царства», г. Ташкент, 2019 г.

«Янги Ўзбекистон: ноёб маданий ташаббуслар» мавзусидаги медиа ивент. Прага ш., 2019 йил.

Media event "New Uzbekistan: unique cultural initiatives." Prague, 2019.

Медиа ивент «Новый Узбекистан: уникальные культурные инициативы», г. Прага, 2019 г.

the network with resources of the Project making advanced scientific achievements accessible to young people. As a result, it was impossible to come up with anything better to create the image of Uzbekistan than such a massive reflection in the media about the rich history, culture and traditions of our country.

The world society has also become an effective form of international diplomacy, it serves to strengthen mutual understanding between peoples and countries, and most importantly – to increase the cultural image of Uzbekistan on the world stage.

It is important to emphasize that the Project from the first days of its activity is socially oriented – all the publications are distributed to

«Моддий ва номоддий меросни асраш: долзарб муаммолар ва уларни ҳал этиш йўллари» халқаро конференцияси қатнашчилари «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» туркумидаги китоб-альбомлар билан танишишмоқда. Самарқанд ш., 2019 й.

The participants of the International Conference "The preservation of tangible and intangible cultural heritage: topical issues and strategies to resolve them" look through the book-albums of the series "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections." Samarkand, 2019.

Участники международной конференции «Сохранение материального и нематериального культурного наследия: актуальные проблемы и стратегии их решения» знакомятся с книгами-альбомами серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира», г. Самарканд, 2019 г.

2019 йилда Сурхондарёдаги Окс Александрияси форпости очилишида 40 мамлакатдан 300 дан ортик олимлар иштирок этди.

More than 300 scholars from 40 countries took part in the opening of the archeological fortress "Alexandria the Oxus." Surkhandarya, 2019.

Более 300 ученых из 40 стран мира приняли участие в открытии археологического форпоста «Александрия Оксианская». Сурхандарья, 2019 г.

Halit Eren, Director General, Center for the Study of Islamic Culture, Art and History, IRCICA (Turkey):

"I am grateful to President Shavkat Mirziyoyev for his contribution to the creation of the Imam al-Bukhari International Center, the construction of a magnificent building, the strengthening of interfaith harmony and the promotion of the rich culture of Islamic civilization. I witnessed the practical implementation of the idea of creating enlightened Islam, which was once put forward by the President of your country. In a word, Uzbekistan is a country with a rich history and is an example of peace, harmony and tolerance. IRCICA is ready to work with Uzbekistan in the field of research on ancient manuscripts, distribute audio and video versions and implement new projects about great thinkers, study the culture and art of Uzbekistan."

educational and cultural institutions of Uzbekistan and other countries of the world free of charge.

The first results of the project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections" demonstrated the huge interest of the world scientific community in the rich cultural heritage of our country. And, of course, President Shavkat Mirziyoyev supports the project entirely. As the President noted in his address to the participants of the Third International Congress of the World Society for Study, Preservation and Promotion of the Cultural Heritage of Uzbekistan held in Tashkent in August 2019: "The scope of the projects aimed at enlightenment and education is enormous. Their implementation is not only a matter of honour for us, but also the main vector that determines the future of Uzbekistan. Indeed, it is enlightenment and education that lead to peace and creation. Enlightenment and education are the key to the prosperity of peoples. It is enlightenment and education that lead people to good deeds, goodness and tolerance. And it is only by joining our forces that we can achieve these good goals."

The members of the World Society at the same congress addressed to the President with the proposal that album books prepared under the Project can be used as teaching aids for the schools and universities of Uzbekistan, as well as be in every library in our country and the world. This proposal was supported by the President and the Government of the Republic of Uzbekistan. The second edition of the multivolume series

"Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections", which the reader holds in hands, is intended for free distribution and is a confirmation of the high support.

On behalf of the scholars of the World Society we sincerely thank the President of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev for the personal attention and considerable support of this Project aimed at preserving, studying and popularizing the cultural heritage of Uzbekistan.

The project is designed for many years, since the topics it raises are inexhaustible. The project proves that our country values its cultural heritage not only in the present, but also does its best to preserve it for future generations.

E.V. Rtveladze,
Chairman of the Academic Council of the World Society for study, preservation and popularization of the Cultural Heritage of Uzbekistan, Academician of the Academy of Sciences of Uzbekistan

F.F. Abdukhalikov,
Chairman of the Board of the World Society for study, preservation and popularization of the Cultural Heritage of Uzbekistan, Honored journalist of Uzbekistan

Ўзбекистон Тасвирий санъат галереясида «Кушон подшохлиги хазинаси» эксклюзив кўргазмасининг очилиши. Тошкент ш., 2019 й.

Opening of the exclusive exhibition "Treasures of the Kushan Kingdom" in the Gallery of Fine Arts of Uzbekistan. Tashkent, 2019.

Открытие эксклюзивной выставки «Сокровища Кушанского царства» в Галерее изобразительных искусств Узбекистана, г. Ташкент, 2019 г.

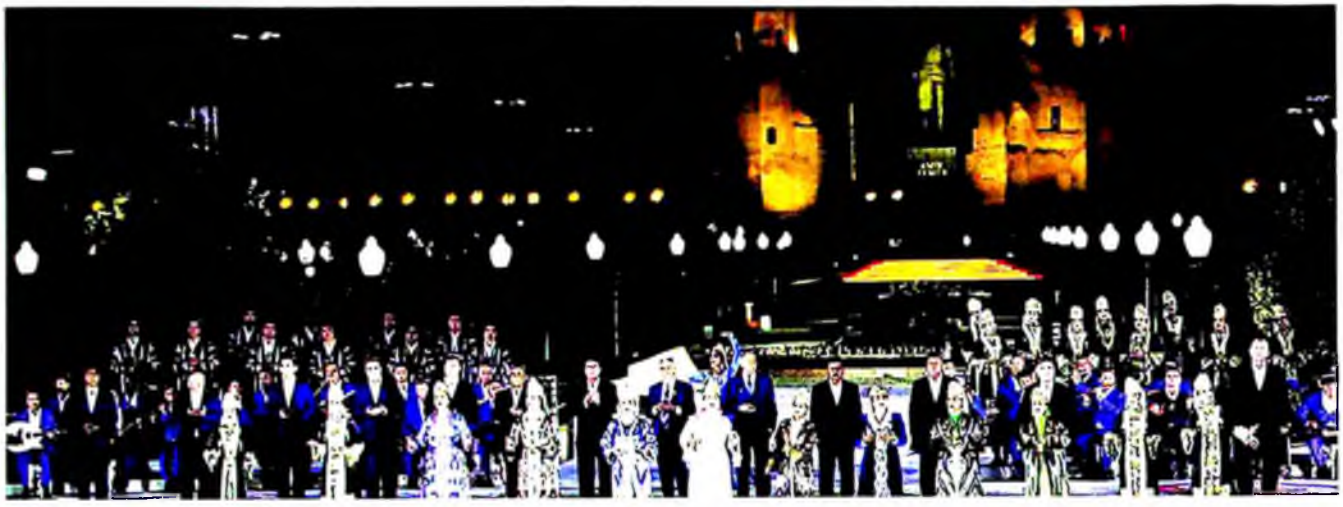
О ПРОЕКТЕ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА В СОБРАНИЯХ МИРА»

Книга – учитель...
Каждый миг дарит она тебе откровения мудрости.

Алишер Навои

Узбекистан – преемник великих государств, вписавших яркие страницы в историю мировой цивилизации. На протяжении веков на его земле создавались удивительные произведения архитектуры, искусства и литературы, которые и поныне восхищают поклонников культуры народов Узбекистана во всем мире. Объективное и всестороннее изучение этого наследия является актуальной задачей не только для Узбекистана, но и всего мира, так как культура нашей страны – достояние всего человечества.

С обретением Республикой Узбекистан независимости в этом направлении сделано немало. Вместе с тем, новый этап в развитии нашей страны открыл новые стратегии в решении фундаментальных проблем культурного развития и сохранения наследия. Президент страны Шавкат Мирзиёев возвел в ранг государственной политики вопросы бережного сохранения, обогащения и приумножения исторического, культурного и интеллектуального наследия узбекского народа, воспитание подрастающего поколения на основе общечеловеческих и национальных ценностей. В стране реализуются такие важные инициативы, как изучение культурных ценностей Узбекистана, находящихся за рубежом, принимаются меры по дальнейшему совершенствованию системы хранения, исследования и пропаганды рукописных памятников, совершенствуется деятельность в сфере охраны объектов материального культурного наследия. На регулярной основе проводятся мероприятия, демонстрирующие уникальную культуру республики, возрождающие красивые и мудрые традиции нашего народа. В их числе – Международный фестиваль народно-прикладного искусства в Коканде, Международный фестиваль искусства бахши в Термезе, Международный форум искусства макома в Шахрисабзе и другие. Благодаря реализации новых инициатив удалось добиться значительного подъема во многих сферах культурной жизни, а также привлечь международное сообщество к участию в позитивных изменениях, которые происходят в обществе.

Халкаро маком санъати анжумани. Шахрисабз ш.

The Maqom Art International Forum. Shahrisabz.

Международный форум искусства макома, г. Шахрисабз.

Халкаро бахшичилик санъати фестивали. Термиз ш.
The International Bakhshi Art Festival in Termez.
Международный фестиваль искусства бахши, г. Термез.

Халкаро хунармандчилик фестивали. Қўқон ш.
The International Festival of people's applied art in Kokand.
Международный фестиваль народно-прикладного искусства, г. Коканд.

Сегодня наша страна открылась миру. Это ощутимо и в политике – в отношениях с государствами-соседями, и в сфере туризма, и в гуманитарной сфере. Обновления многих сторон общественной жизни ведут и к активизации гражданского общества, понимающего, что национальное возрождение начинается с обретения идентичности, постижения собственной истории и культуры.

Эти два важных фактора – политика открытости на международной арене и появление социально активных сил – привели к рождению нового, яркого явления в жизни нашей страны – мультимедийного проекта «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира». Его инициаторами стали общественные, негосударственные и международные организации, социально ответственный бизнес.

В основе Проекта лежит актуальная идея каталогизации и осмысления шедевров культурного наследия Узбекистана, созданных на этой древней земле, но в силу ряда обстоятельств хранящихся ныне за рубе-

Фредерик Старр, основатель и председатель Института Центральной Азии и Кавказа (США):

«Мы все должны понимать, как важно иметь представление о нашей собственной истории. Если люди не знают своего прошлого, это говорит о том, что со временем будет потеряна значимость великих достижений предков. Я очень рад, что Президент Узбекистана уделяет такое большое внимание сохранению и популяризации культуры своей страны. Это должно стать примером для многих».

Андрей Омельченко, старший научный сотрудник сектора Средней Азии, Кавказа и Крыма отдела Востока Государственного Эрмитажа (Россия):

«Проект «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» – весьма интересный и беспрецедентный. В его реализации активно участвует и Государственный Эрмитаж. Благодаря этой инициативе по изданию книги-альбома, посвященной собранию Государственного Эрмитажа, нам удастся продемонстрировать уникальные предметы древности и раннего средневековья, бережно хранящиеся в коллекциях старейшего музея. Книг-альбомов такого типа в Эрмитаже пока не издавалось. Мне кажется, что это будет интересно не только специалистам, но широкому кругу, тем более, коллекция Эрмитажа довольно богата древностями – она одна из самых богатых среди музеев мира».

жом – в различных музеях и частных коллекциях России и других стран Европы, Азии, Америки, Африки... Это археологические артефакты, редчайшие рукописи с уникальными миниатюрами, разнообразные предметы прикладного искусства. Подобной задачи еще не ставила перед собой ни одна страна мира. Между тем, сбор максимально полной информации о наследии дает возможность судить о его подлинном значении.

Проект подразумевает налаживание широчайших международных научных контактов по всему миру. Его активная работа находит все большее признание за рубежом. Перед нами открываются двери крупнейших музеев и библиотек, частных коллекций. С каждым новым шагом мы продвигаемся вперед на пути познания.

Собранные материалы публикуются в виде книг-альбомов. Каждая из них посвящена артефактам из Узбекистана в том или ином зарубежном собрании либо группе собраний одной страны. Иллюстративный ряд может включать в себя как всемирно признанные шедевры, так и образцы, малоизвестные или вовсе неизвестные широкой

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» туркумидаги китоб-альбомлар.

Book-albums of the series "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections."

Книги-альбомы серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира».

«Ўзбекистон обидаларидаги битиклар» нашр лойиҳаси ва Ўзбекистоннинг нодир қўлёзмалари факсимиле нусхалари.

Publishing project "Architectural Epigraphy of Uzbekistan" and facsimile copies of outstanding manuscripts of Uzbekistan.

Издательский проект «Архитектурная эпиграфика Узбекистана» и факсимильные копии выдающихся рукописных памятников Узбекистана.

общественности и специалистам. Текст на трех языках – узбекском, английском, русском – позволяет охватить максимально широкую читательскую аудиторию.

Учитывая, что проект «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» является мультимедийным, к издаваемым книгам-альбомам прилагаются диски с видеофильмами, специально созданными в дополнение к тексту. Работа над фильмами ведется съемочной группой Проекта в странах и музеях, коллекции которых представлены на страницах книг.

Вместе с тем, впервые в издательской практике Узбекистана в книгах-альбомах использован прием дополненной реальности, позволяющий читателю получить дополнительную визуальную информацию о коллекции или определенном предмете. При сканировании планшетом или смартфоном специальных меток на экране появится модель объекта в 3D-формате, а также соответствующий видеоролик. Такого рода нововведения позволяют привлечь к научно-популярной литературе более широкую аудиторию среди подрастающего поколения.

Проект не ограничивается издательско-информационной деятельностью. Сегодня он совмещает несколько новых направлений, демонстрируя комплексность подходов в своей работе. Помимо масштабной издательской программы, создания фильмов и телепередач, проводятся международные конгрессы, медиа ивенты, разрабатываются новые

Константин Кравцов, заведующий сектором монет Античного мира и стран Азии и Африки отдела нумизматики Государственного Эрмитажа (Россия):

«Одна из главных целей проекта – сохранение, изучение и ознакомление широкой аудитории с редкими и уникальными памятниками искусства, многие из которых в рамках серии публикуются впервые. Необходимо отметить, что Проект на деле доказал эффективность своей работы, о чем свидетельствует тот факт, что за довольно короткий срок было издано немалое число полноценных альбомов. Мы рады возможности представить в этом альбоме и богатейшую коллекцию Государственного Эрмитажа».

Бутунжаҳон жамиятининг Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштиришга бағишланган «Янги Ўзбекистон: ноёб маданий ташаббуслар» медиа тадбири иштирокчилари. Вашингтон ш., 2019 й.

Participants of the media event "New Uzbekistan: Unique Cultural Initiatives" dedicated to the presentation of the World Society for the Study, Preservation and Popularization of the Cultural Heritage of Uzbekistan. Washington, 2019.

Участники медиа ивента «Новый Узбекистан: уникальные культурные инициативы», посвященного презентации Всемирного общества по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана, г. Вашингтон, 2019 г.

Сали Шахсивари, управляющий директор Фонда исламского наследия «Al-Furqan» (Великобритания):

«Я несколько раз посещал Узбекистан и был свидетелем важной роли Президента вашей страны в сохранении и распространении богатейшей культуры Узбекистана. Я полагаю, что это один из самых важных Проектов, осуществляемых в Узбекистане. Люди описывают это явление как «узбекская культура» и «узбекское наследие», и это действительно так, но также это очень важная часть мировой цивилизации и культуры. Возрождая узбекскую культуру, вы возрождаете значительную часть мировой истории и культуры».

идеи и направления. Так, уже получила широкое международное признание серия «Архитектурная эпиграфика Узбекистана», планируется издательская серия «Наука и культура Узбекистана в трудах ученых», подразумевающая переиздание созданных в прошлом, но представляющих огромный интерес для науки монографий, которые ныне являются малодоступными. Также следует упомянуть проекты «Картография археологических памятников Узбекистана», «Картография архитектурных памятников Узбекистана», «Махалли Узбекистана». В рамках направления «100 выдающихся рукописных памятников Узбекистана» издаются факсимиле ценнейших с научной и художественной точки зрения манускриптов с целью их доступности для исследователей.

В целом проект «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» можно назвать визитной карточкой нового Узбекистана, ярким примером того, как консолидация усилий гражданского общества, общественных, государственных и международных организаций, социально ответственного бизнеса, СМИ и ученых разных стран мира позволяет добиться беспрецедентных результатов в области просвещения и образования. Его деятельность является уникальной по своему замыслу и масштабу не только для нашей страны. Как отмечают международ-

«Янги Ўзбекистон: ноёб маданий ташаббуслар» мавзусидаги медиа ивент. Варшава ш., 2019 й.

Media event "New Uzbekistan: unique cultural initiatives." Warsaw, 2019.

Медиа ивент «Новый Узбекистан: уникальные культурные инициативы», г. Варшава, 2019 г.

ные эксперты, опыт Узбекистана в деле столь масштабной каталогизации и популяризации наследия является примером для других государств мира.

В ходе работы мы не смогли бы продвинуться вперед без поддержки научного мирового сообщества. На наш призыв о сотрудничестве откликнулись ведущие исследователи, музейные кураторы и коллекционеры, чьи интересы связаны с нашей страной. За рекордно короткий срок была создана сеть, объединяющая свыше 300 первоклассных ученых мира – востоковедов, историков искусства, этнографов, музейных специалистов разных стран, вовлеченных в процесс изучения истории и культуры Узбекистана. Такое объединение сил позволяет делиться опытом и обмениваться мнениями, укреплять межкультурный, межгосударственный диалог.

В ходе I Международного научно-культурного конгресса «Культурное наследие Узбекистана – путь к диалогу между народами и странами», прошедшего в мае 2017 года в Ташкенте и Самарканде, впервые была выдвинута идея о создании Всемирного общества по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана. В 2018 году в рамках II Международного конгресса, прошедшего в Санкт-Петербурге, создание Всемирного общества свершилось – был утвержден его Устав, избрано правление и научный совет. Новая структура объединила всех тех, кому дороги история и культура Узбекистана.

Мировая практика еще не знала такого масштабного явления, когда ученые всего мира объединились для изучения наследия одной страны. Причем это международное внимание поддерживается своего рода

Эрнесто Ренато Оттоне Рамирес, заместитель генерального директора ЮНЕСКО по культуре:

«Я считаю принципиально важными усилия, которые принимаются в вашей стране для сохранения материального и духовного наследия. Вы работаете над тем, чтобы показать миру, что богатство культурного наследия Узбекистана хранится не только в стране, но сохраняется во всем мире – в основных музеях Европы и США и в других государствах. Я думаю, что именно такое серьезное отношение Узбекистана к этому вопросу – через исследования, демонстрацию, создание новых научных структур и проектов – это пример для многих стран. Мы очень рады, что ЮНЕСКО активно сотрудничает с Узбекистаном».

«Маданий мерос – Ўзбекистон ва Франция ўртасидаги кўприк» медиа тадбири. «Gabriel» павильони, Париж ш., 2018 й.

Media event "Cultural heritage as a bridge between Uzbekistan and France." "Gabriel" Pavilion, Paris, 2018.

Медиа ивент «Культурное наследие как мост между Узбекистаном и Францией». Павильон «Gabriel», г. Париж, 2018 г.

Халит Эрен, генеральный директор Центра по изучению исламской культуры, искусства и истории IRCICA (Турция):

«Я благодарен Президенту Шавкату Мирзиёеву за его вклад в создание в кратчайшие сроки Международного центра Имама аль-Бухари, строительство великолепного здания, укрепление межконфессионального согласия и продвижение богатой культуры исламской цивилизации. Я стал свидетелем практического воплощения идеи создания просвещенного ислама, которую в свое время выдвигал Президент вашей страны. Одним словом, Узбекистан – страна с богатой историей и является примером мира, согласия и толерантности. IRCICA готова работать с Узбекистаном в сфере исследования древних рукописей, распространять аудио- и видео-версии и реализовывать новые проекты о великих мыслителях, изучать культуру и искусство Узбекистана».

исторической параллелью: территория Узбекистана всегда была местом встречи различных народов и культур.

Целью Общества является содействие отечественным и международным государственным и общественным организациям, исследователям, экспертам, представителям науки, медиасферы и другим заинтересованным структурам, вовлеченным в деятельность по сохранению, изучению и популяризации культурного наследия Узбекистана и Центральной Азии в целом, в контексте сохранения мирового культурного наследия. Всемирное общество по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана получило официальную регистрацию в Париже в августе 2019 года.

Благодаря объединению ученых мира Проект обрел не только информационное, но и важное научное значение. Впервые в научный оборот вводится огромное количество новых фактологических данных, расширяющих наше представление о богатстве и разнообразии национальной культуры. Проводится атрибуция многих замечательных произведений искусства, десятилетиями «дремавших» в запасниках, организуются специальные выставки. На конгрессах, проводимых Всемирным обществом, ученые разных стран мира презентуют десятки новых, актуальных научных тем, связанных с изучением культуры нашей страны. Все доклады выкладываются в сеть на ресурсах Проекта, делая передовые научные достижения доступными для молодежи. В итоге – невозможно было придумать ничего лучшего для создания образа Узбекистана за рубежом, чем такое массированное отражение в средствах массовой информации богатейшей истории, культуры и традиций нашей страны.

II Халқаро конгресс якуний гала-оқшоми. Санкт-Петербург ш., 2018 й.

The gala evening of the Second International Congress. St. Petersburg, 2018.

Завершение торжественного вечера II Международного конгресса, г. Санкт-Петербург, 2018 г.

Всемирное общество стало также эффективной формой международной дипломатии, оно служит укреплению взаимопонимания между народами и странами, а главное – повышению культурного имиджа Узбекистана на мировой арене.

Важно подчеркнуть, что Проект с первых дней своей деятельности является социально ориентированным – вся изданная им продукция распространяется по образовательным и культурным учреждениям Узбекистана и иных стран мира на безвозмездной основе.

Первые результаты работы проекта «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» продемонстрировали огромный интерес мирового научного сообщества к богатейшему культурному наследию нашей страны. И, конечно, он нашел всемерную поддержку Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева. Как отметил глава нашего государства в своем обращении к участникам III Международного конгресса Всемирного общества по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана, состоявшегося в Ташкенте в августе 2019 года: «Масштаб намеченных к реализации проектов, направленных на просвещение и образование, огромен. Их выполнение является для нас не только делом чести, но и главным вектором, опре-

Сайид Абдулхаким Джузжани, профессор (Швеция):
«Я всегда гордился своими узбекскими корнями и предками. Я проживаю в Швеции, но мысленно всегда в Узбекистане. Хочу выразить особую благодарность Президенту Шавкату Мирзиёеву, под руководством которого в стране осуществляются масштабные мероприятия по сохранению и популяризации культурного наследия. В качестве члена Всемирного общества рад тому, что имею возможность прославлять культуру и науку Узбекистана посредством Международного фонда им. Бабура, который возглавляю».

Маданий мерос хафталиги қатнашчилари Фаёзтепа ёдгорлигида. Термиз ш., 2019 й.

Participants of the Cultural Heritage Week at the Fayaztepa site. Termez, 2019.

Участники Недели культурного наследия во время посещения памятника Фаязтепа, г. Термез, 2019 г.

деляющим будущее Узбекистана. Ведь именно просвещение и образование ведут к миру и созиданию. Именно просвещение и образование являются ключом к процветанию народов. Именно просвещение и образование ведут людей к благодеяниям, добру, терпимости. И только путем объединения усилий мы сможем достичь этих благих целей».

На этом конгрессе члены Всемирного общества дали высокую оценку реформам, проводимым в Узбекистане в сфере культуры, и обратились к Президенту с предложением использовать книги-альбомы, подготовленные в рамках Проекта, в качестве учебных пособий для школ и вузов республики, а также представить их библиотекам нашей страны и мира. Это предложение было поддержано Президентом и правительством Республики Узбекистан. Второе издание многотомной серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира», которое читатель держит в руках, предназначено для безвозмездного распространения и является подтверждением этой высокой поддержки.

От имени ученых Всемирного общества мы искренне благодарим Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева за личное внимание и ве-

сомую поддержку настоящего Проекта, направленного на сохранение, изучение и популяризацию культурного наследия Узбекистана.

Проект рассчитан на многие годы, поскольку поднимаемые им темы неисчерпаемы. Он доказывает, что наша страна ценит свое культурное наследие не только в настоящем, но и делает все возможное, чтобы сохранить его для будущих поколений.

Э.В. Ртвеладзе,
Председатель научного совета Всемирного общества по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана, академик Академии наук Узбекистана

Ф.Ф. Абдухаликов,
Председатель правления Всемирного общества по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана, заслуженный журналист Узбекистана

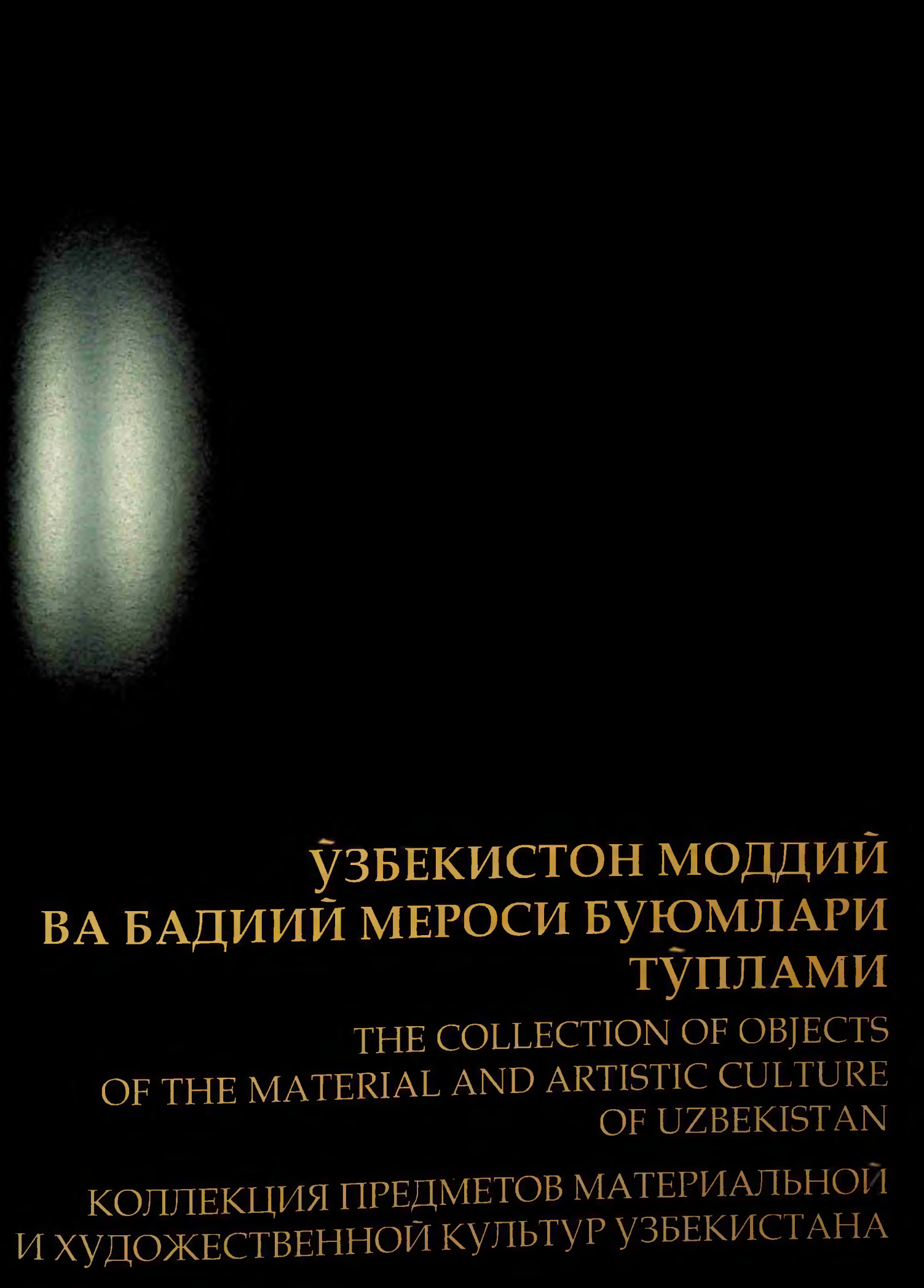
Дунёнинг 40 мамлакатидан келган 300 дан ортик олимларга «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» китоб-альбомлари ҳадя килинди. Тошкент ш., 2019 й.

More than 300 scholars from 40 countries received book-albums of the series "Cultural Legacy of Uzbekistan in World collections." Tashkent, 2019.

Более 300 ученых из 40 стран мира получили в дар книги-альбомы серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира», г. Ташкент, 2019 г.

ЎЗБЕКИСТОН – БУЮК ЙЎЛЛАР
ВА ЦИВИЛИЗАЦИЯЛАР ЧОРРАҲАСИ:
ИМПЕРИЯ, ДИН, МАДАНИЯТ"
МЕРОС ҲАФТАЛИГИ

ЎЗБЕКИСТОН МОДДИЙ ВА БАДИИЙ МЕРОСИ БУЮМЛАРИ ТЎПЛАМИ

THE COLLECTION OF OBJECTS OF THE MATERIAL AND ARTISTIC CULTURE OF UZBEKISTAN

КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕДМЕТОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУР УЗБЕКИСТАНА

ЎЗБЕКИСТОН МОДДИЙ ВА БАДИИЙ МЕРОСИ БУЮМЛАРИ ТЎПЛАМИ

А.В. Омельченко

2014 йилда 250 йиллигини нишонлаган Давлат Эрмитажи Россиянинг энг қадимий, жаҳоннинг эса энг катта музейларидан ҳисобланади.

Эрмитаж бинолари мажмуининг шаклланиши Қишки сарой қурилишига (1754–1762) бориб тақалади. Ушбу мажмуа қурилишининг асосий босқичи Екатерина II нинг ҳукмронлик йилларига тўғри келади ва ўша даврда Кичик (1764–1769) ва Катта Эрмитаж (1771–1787), шунингдек Эрмитаж театри (1783–1787) қуриб битказилган. Кичик Эрмитажда бадиий тўпламлар, расм ва гравюралар, манзаравий ишлар, тош ўймакорлиги буюмлари, тангалар, медаллар ва китоблар, амалий-безак санъати буюмлари жойлаштирилган.

Россияда музей ишининг ривожланиши учун археология муҳим аҳамият касб этган. 1840-йилларга келиб Эрмитажнинг археология тўплами анча бойиб улгурган. 1852 йили фақат ташриф буюрувчилар учун мўлжалланган Янги Эрмитаж иш бошлаган. Унда Эрмитаж тўпламларининг бир қисми, жумладан, ислом дини кириб келгунга қадар Ўрта Осиёда яратилган буюмлар ҳам ўрин олган. Ашёлар, шунингдек, Императорлик археология комиссиясиси (1859 йилдан) орқали қабул қилинган, алоҳида топилмалар, хазиналар ва бутун бошли тўпламлар сотиб олинган.

XIX асрнинг 70–90-йилларида Россияда Ўрта Осиё осори атиқаларига бўлган илмий қизиқиш сезиларли тарзда ошган. 1884–85 йиллари машҳур археолог Н.И. Веселовский Археология комиссияси топшириғи билан Туркистонга илмий хизмат сафари билан келган. У Тошкент округи, Фарғонада кичик қазилма ишларини олиб борди, шунингдек, Зарафшон водийсидаги аҳоли пунктларини кўздан кечирган. Унинг Самарқанддаги Афросиёб шаҳарчасида ўтказган тадқиқотлари анча кенг кўламли бўлиб, у ердан ислом дини кириб келгунга қадар даврга оид бўлган қадимий буюмлар, жумладан, марҳумнинг суяклари солиб сақланадиган сопол идиш – остадон топишга муваффақ бўлинган.

Ушбу қазилма ишлари ва маҳаллий тўпловчилар билан қилинган ҳамкорликлар туфайли Н.И. Веселовский Самарқанднинг осори атиқаларидан иборат катта коллекция тўплаган.

Айниқса, Н.И. Веселовскийнинг қадимий ёдгорликларни тўпловчи Мирза Бухорий билан ҳамкорлиги жуда самарали бўлган ва Археология комиссияси бу тўпловчидан бир неча минг қадимий буюмлар, асосан тангалар, терракоталар ва геммалар (сиртига хат ёзилган ёки нақш туширилган қимматбаҳо тош) сотиб олган. Бадиий ва илмий жиҳатдан қимматлироқ бўлган буюмлар эса Давлат Эрмитажига келтирилган. 1887 йилда Мирза Бухорий Санкт-Петербург шаҳрига ташриф буюрган ва Рус археология жамиятининг Шарқ бўлими (РАЖШБ) мажлисларида иштирок этган.

Машҳур Биянайман остадонларини биринчи бўлиб топган (1908 й.) ҳарбий муҳандис Б.Н. Кастальский ҳам анча катта тўпламга эга бўлган.

1902 йилда Санкт-Петербургда Ўрта ва Шарқий Осиёни ўрганиш учун Рус қўмитаси тузилган. Туркистоннинг маданий (айниқса, ёзма) меросини ўрганишда ушбу қўмитанинг котиби В.В. Бартольднинг роли жуда катта бўлган. 1904 йилда у Афросиёб шаҳарчасида қазилма ишларини олиб борган ва кейинги йили бу ишларни В.Л. Вяткин давом эттирган. Ушбу қазилмалардан топилган буюмларнинг бир қисми Археология комиссиясига, сўнгра эса Эрмитажга берилган. В.В. Бартольднинг тарих олдидаги яна бир катта хизмати шундан иборатки, у Тошкентда археология ҳаваскорларининг Туркистон тўгарагини ташкил қилишда катта ёрдам берган ва бу тўгарак 1895–1917 йиллари Ўрта Осиёнинг моддий маданияти тарихини ўрганиш бўйича фаолият олиб борган.

1917 йилдан сўнг Қишки сарой ва Эрмитаж давлат музейи мақомини олган. XX асрнинг 20-йилларидан бошлаб унинг тўпламлари, жумладан, Шарқ бўлими хусусий тўпламлар ҳисобига, шунингдек, Петроград музейларининг қайта ташкил этилиши муносабати билан анча кенгайди.

Эрмитажнинг Мусулмон Шарқи бўлими негизида худди шу каби Кавказ, Эрон ва Ўрта Осиё бўлимлари ташкил этилди (1920 й.). Бунда С.Ф. Ольденбург, В.В. Бартольд, Н.Я. Марр каби машҳур шарқшунос олимлар катта жонбозлик кўрсатганлар.

1925 йилда Қишки сарой, Кичик Эрмитаж, Эски Эрмитаж ва Эрмитаж театри музей тасарруфига ўтказилган. Бу пайтда музейнинг Кавказ, Эрон ва Ўрта Осиё бўлимларида жами олти нафар ходим фаолият кўрсатган. Уларнинг орасида В.В. Бартольднинг шогирди, Шарқ ёдгорликларининг биринчи доимий кўргазмасини тайёрлашда жуда катта меҳнати сингган А.Ю. Якубовский ҳам бўлган. Кейинчалик у Ўрта Осиё археологияси бўйича Ленинград илмий мактаби асосчиларидан бири

бўлиб, шунингдек Эрмитажнинг Ўрта Осиёга уюштирган археология экспедициясининг ташкилотчиси саналади.

Ушбу бўлимда К.В. Тревер ҳам фаолият кўрсатган бўлиб, унинг асарлари Ўрта Осиё осори атиқаларига тадқиқотчилар қизиқишни орттиришда катта роль ўйнаган. Ушбу бўлимни И.А. Орбели бошқарган бўлиб, у 1934 йилда Эрмитаж директори лавозимига ўтказилган. Бўлимнинг ходимлари моддий маданият ёдгорликлари ва ёзма манбалар, шунингдек шарқий тилларни билишлари билан ажралиб туришган.

1925 йилда Кичик Эрмитажда Кавказ, Эрон ва Ўрта Осиё маданият ва санъат ёдгорликларининг доимий кўргазмаси очилди. Шарқий тўпламнинг ўсиши илмий тадқиқотлар кўламини кенгайтириш, янги мутахассисларни жалб қилиш зарурлигига сабаб бўлди. Шу муносабат билан 1926 йилда бўлим Шарқ бўлимига айлантирилди. Ўша пайтларда Шарқ бўлими тўпламининг Ўрта Осиё қисми Штиглиц музейи, Россия музейи, Кунсткамера (Антропология ва этнография музейи, АЭМ), Санъатни рағбатлантириш жамияти томонидан тўпланган.

XX асрнинг 20-йилларидан бошлаб Эрмитаж Шарқ бўлими тўпламига археология ишлари давомида кўлга киритилган ашёлар келиб туша бошлади.

1935 йилда Эрмитаж негизида ўтказилган Эрон санъати ва археологиясига оид III Халқаро Конгрессга бағишланган янги кўргазма 84 та залда жойлаштирилди. Унда 18 мамлакат вакиллари иштирок этдилар. Кўргазмага қадимий санъатнинг ажойиб намуналари, жумладан, Айритом фризи (кушонлар даври санъатининг шоҳ асари) келтирилди.

1930-йилларда Эрмитаж Ўрта Осиёда кўпинча бошқа ташкилотлар билан ҳамкорликда ўтадиган археология фаолиятини жадал суръатда кенгайтирди. Масалан, А.Ю. Якубовский бошчилигида 1934 йили ташкил этилган Зарафшон экспедицияси Ўзбекистон моддий маданий меросини муҳофаза қилиш ва ўрганиш кўмитаси (Узкомстарис) билан ҳамкорликда ишлаган. Бухоро воҳасининг археология ёдгорликлари, шу жумладан, унинг Бухоро–Самарқанд йўли бўйидаги шаҳарча ва ўраб турган қадимий деворлари ўрганилган.

1939–1940 йилларда Эрмитаж ва Моддий маданият тарихи институти (Ленинград) Узкомстарис мутахассислари иштирокида Пойкент (В.Н. Кесаев), Тали-Барзу (Г.В. Григорьев) ва Кофирқалъа (И.А. Сухарев) шаҳарчаларида археология қазишмалари олиб борди. Эрмитаж ходимлари Хоразм археология ва этнография экспедицияси (ХАЭЭ), (С.П. Толстов) ва Термиз археологик мажмуа экспедицияси (ТАМЭ, М.Е. Массон) ишларида иштирок этишди. Эски Термиз шаҳарчаси ТАМЭда Қоратепа буддийлар ибодатхонасида (1936–37) қазилма ишлари давом эттирилиб,

мазкур ибодатхонани ўрганиш ишига Эрмитаж ходимлари Е.Г. Пчелина, Б.Б. Пиотровский, В.Н. Кесаев кабилар улкан ҳисса қўшдилар. Кейинчалик бу материалларнинг бир қисми Эрмитажга йўл олди.

Шарқ бўлимининг Ислом дини кириб келгунча бўлган Ўрта Осиё тўплами музейнинг бошқа бўлимлари, хусусан, Эллин-скиф ва тош ўймакорлиги бўлимларидан ўтказмалари ҳисобига анча кенгайди. 1930 ва 1937 йилларда Б.Н. Кастальскийнинг Самарқанд ҳудудидан жамланган катта тўплами (остадон, терракота, гемма ва бошқалар) сотиб олинди.

Кўп сонли ашёларни йиғиш минтақавий кўргазмаларни яратишга ёрдам берди, улардан бири 1940 йил 1 январда очилган «Ўрта Осиё маданияти ва санъати кўргазмаси» (10 та хона) эди.

Эрмитажда ноширлик фаолияти ҳам ривожланган. Мисол учун, Эрон Конгрессига бағишлаб И.А. Орбели, К.В. Тревер, М.М. Дяконова, Л.Т. Гюзалиананинг монографиялари нашрдан чиқарилди. 1939 йилдан бошлаб янги археология тадқиқотлари натижаларига бағишланган Эрмитаж Шарқ бўлими тадқиқотлари (ЭШБТ) нашр қилина бошлади. Доимий кўргазмаларга бағишланган бир қатор қўлланма ва очерклар чоп этилди.

Урушдан кейинги йилларда Шарқ бўлимида биринчилардан бўлиб «Ўрта Осиё маданияти ва санъати» доимий кўргазмаси (1951 й.) очилган. Тўплам асосан Археология институтининг (АИЛБ) Ленинград бўлинмаси жамғармаси ҳисобидан янги ашёлар билан тўлдирилар эди. 1954 йилда тўпламдан Эрмитажда тикланган ва Шарқ бўлимидан муносиб ўрин эгаллаган, Варахшадаги Бухорхудотлар саройининг «Қизил хона» тасвирий санъат асарларидан парчалар ўрин олган.

XX асрнинг 40-йиллари охири – 60-йилларининг бошида Шарқ бўлимига янги мутахассислар: Б.Я. Ставиский, В.Г. Луконин, Б.И. Маршак, Э.В. Зеймал, Т.И. Зеймал, С.С. Сорокин келади. Шарқ бўлими Шарқ нумизматика бўлими билан яқиндан алоқа боғлаган. Эрмитажнинг Шарқ нумизматика бўлимининг тўплами ва О.И. Смирнованинг археология топилмалари негизида Шарқ нумизматикасининг янги тармоғини ривожлантириш бошланди, Шарқ бўлимининг суғд тангаларини қазиб олиш фаолияти жонланди. 1947 йилда эндиликда бутун дунёга суғднинг V–VIII асрлардаги кўҳна шаҳри сифатида машҳур бўлган Панжикентда археология қазилмалари бошланди (раҳбар А.Ю. Якубовский, кейин А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак).

1959 йилдан 1986 йилгача Фарғона водийсида Эрмитажнинг археология экспедицияси (Н.Г. Горбунова) вилоят маҳаллий музейлари билан ҳамкорликда иш олиб борди. 1961 йилда Б.Я. Ставиский бошчилигидаги экспедиция Кўҳна Термиздаги Қоратепада археология тадқиқотлари

олиб боради. 1994 йилгача давом этган бу ишларга Шарқ халқлари санъати давлат музейи ва қатор бошқа ташкилотлар қўшилди. Бу ёдгорликнинг Айритом фризи қаторидаги ажойиб топилмалари, Кушон Бақтрияси буддавийлигига бағишланган музей бўлими асосини ташкил этди. 1981 йилда Эрмитаж Ўзбекистон Фанлар академияси Археология институти (Г.Л. Семёнов, Д.К. Мирзаахмедов) билан ҳамкорликда Пойкентда қазилмаларни янгидан давом эттирди.

Археология тадқиқотлари Шарқ бўлими ишлаб чиққан илмий масалаларнинг муҳим қисми бўлди: «Қадим Шарқ мамлакатлари маданияти ва санъати», «Шарқ мамлакатлари шаҳарлари тараққиёти археологияси», «Қадим ва Ўрта асрлар Шарқ тасвирий ва амалий санъати», «Ўрта асрлар Шарқ маданияти ҳамкорлиги».

XX асрнинг иккинчи ярмида Эрмитаж АИЛБ шаҳар музейларидан ва Ўрта Осиёда ишлаётган археология экспедициялари натижасида Ўрта Осиё қадимий буюмларини келтириш давом эттирилди.

1969 йилда музей тўплами Қорақалпоқ мажмуавий ИТИИ (А.В. Гудков) археология гуруҳи ишлари натижасида топилган остадонлар билан тўлдирилди. 1971 йилда Антропология ва этнография музейи (Кунсткамера)дан Эрмитажга Тупроққалъа саройидаги ХАЭЭ қазилмалари (С.П. Толстов)дан тасвирий санъат асарлари ва ҳайкалтарошлик ишларидан парчалар, Қўйқирилганқалъа канораларидан остадон қисмлари келтирилди.

Ушбу барча материаллар Ўрта Осий экспозициясининг қадим ва ўрта асрлар Хоразм маданиятига бағишланган янгиланган бўлимига кирди.

2009 йилда Моддий маданият тарихи институти (ММТИ, собиқ АИЛБ) Эрмитажга Зартепа кўҳна шаҳрида (Ўзбекистон Республикаси Сурхондарё вилояти) 1972–1986 йилларда олиб борилган Бақтрия экспедициясининг қазилмаларидаги топилмалар топширилди. Улар Бақтрия-Тохаристон қадимий тўпламини сезиларли даражада тўлдирди.

Ўрта Осиё тарихи ва маданиятини Россия ва хорижда фаол тарғиб қилишни Давлат Эрмитажи XXI асрда ҳам олиб бормоқда. 2010 йилда Парфия, Бақтрия, Суғд, Хоразм ва Еттисув маданияти ва санъатини илк темир давридан то илк ўрта асрларгача даврини акс эттирувчи материалларнинг янги кўргазмаси очилди.

Ўрта Осиё маданияти ва санъатига бағишланган бу кўргазма материаллари асосида мактаб тўгараклари ва Эрмитаж лекториясида туркум маърузалар ўқилмоқда. Унинг экспонатлари Россия ва чет элларда ташкил этиладиган кўпгина кўргазмаларида намойиш қилинмоқда. Масалан, 2014 йил Эрмитаж-Амстердам марказида «Экспедиция. Буюк ипак йўли. Эрмитаж дурдоналари» кўргазмаси бўлиб ўтди. Эрмитаж ўзбекис-

тонлик ҳамкасблар билан ҳамкорликни давом эттирмоқда. Унинг Ўзбекистон Республикаси ФА Археология институти билан ҳамкорликдаги экспедицияси Пойкентда 35 тадан ортиқ дала мавсуми қазилмаларини олиб борди. Топилган материаллар қадим ва ўрта асрлардаги Суғд тарихининг янги қизиқарли томонларини очиб берди, шунингдек, улар Бухоро музейи ва унинг филиаллари безаклари ҳам ҳисобланади.

THE COLLECTION OF OBJECTS OF THE MATERIAL AND ARTISTIC CULTURE OF UZBEKISTAN

A.V. Omelchenko

The State Hermitage Museum, which 250th anniversary we celebrated in 2014, is one of the oldest museums in Russia and one of the largest in the world.

The Hermitage complex started with the erection of the Winter Palace (1754–1762). The main stage of the construction of the complex dates back to the reign of Catherine the Great, when the Small Hermitage (1764–1769) and the Great Hermitage (1771–1787), as well as the Hermitage Theater (1783–1787) were built. The art collections, paintings and prints, drawings, items of glyptics, coins, medals and books, and items of arts and crafts were collected in the Small Hermitage.

Archaeology played a special role in the development of museums in Russia. In the 1840s, the Hermitage archaeological collection was growing larger and becoming more varied. The New Hermitage intended for visitors was opened in 1852. A part of the Hermitage collection including artifacts of pre-Islamic Central Asia was exhibited. The exhibits also came through the Imperial Archaeological Commission since 1859 and individual finds, treasures, and entire collections were acquired.

In the 1870–1890s in Russia, the scientific interest in the antiquities of Central Asia was significantly increasing. In 1884–1885s the famous archaeologist prof. N.I. Veselovskiy made a scientific trip to Turkestan on the instructions of the Archaeological Commission. He made minor excavations in the district of Tashkent, in Fergana, and also surveyed sites in the Zeravshan valley. More extensive were his studies on the ancient site of Afrasiab in Samarkand, where he managed to discover antiquities of the pre-Islamic era, including clay chests for burial – ossuaries.

These excavations and his personal connections with local collectors allowed N.I. Veselovskiy to assemble an enormous collection of antiquities from Samarkand.

He enjoyed especially the fruitful collaboration with Mirza Bukhari, his fellow collector of antiquities. The Archaeological Committee purchased several thousand objects from Mirza: mostly coins, terracottas and gems. The objects of the great artistic and cultural value were donated to the State Hermitage. In 1887, Mirza Bukhari arrived in Saint Petersburg to attend a panel session of the Eastern Department of the Russian Archaeological Society (EDRAS).

An extensive collection of artefacts was made also by the military engineer B.N. Kastalsky, the discoverer of the famous Biyaniman ossuaries in 1908.

In 1902, the Russian Committee for the Exploration of Central and Eastern Asia was formed in Saint Petersburg. Secretary of the Committee, V.V. Bartold, played a very important role in the study of the cultural heritage of Turkestan (primarily, of written sources). In 1904, he started excavations at Afrasiab, which were continued by V.L. Vyatkin the following year. Some of the materials acquired were sent to the Archaeological Committee, which in turn passed them on to the Hermitage. Another great achievement of V.V. Bartold`s assistance in the formation of the Turkestan group of archaeology enthusiasts in Tashkent, whose members studied the history of the material culture of Central Asia in the period from 1895 to 1917.

After 1917, the Winter Palace and the Hermitage were given the status of state museum. Since the 1920s, its collection, including the Oriental Department, was growing due to nationalization of private collections and reorganization of the Petrograd museums.

The Muslim Oriental Department was testablished in 1920 and later turned into departments of the Caucasus, Iran, and Central Asia. The greatest contributors to this work were the famous orientalists S.F. Oldenburg, V.V. Bartold and N.Y. Marr.

In 1925, the buildings of the Winter Palace, Small Hermitage, Old Hermitage, and the Hermitage Theater became a part of the museum complex. By that time, six scholars were working for the Department of the Caucasus, Iran, and Central Asia. Among them was A.Y. Yakubovskiy, who hugely contributed to the preparation of the first permanent exhibition of Eastern artifacts. Later he became one of the co-founders of the Leningrad scientific school of Central Asian archaeology, and an organizer of archaeological expeditions of the Hermitage to Central Asia. His contribution to Uzbek science was marked by awarding the title of Honored Scholar of Uzbekistan.

Another scholar of the department was K.V. Trever, whose works attracted the attention of researchers to the ancient history of Central Asia.

The department was headed by I.A. Orbeli, who was appointed to the position of director of the Hermitage in 1934. Scholars of the department were distinguished for their knowledge of material cultural artifacts and written sources, as well as the Eastern languages.

In 1925, the permanent exhibition of artifacts of the culture and art of the Caucasus, Iran, and Central Asia was opened in the Small Hermitage. The growing collection of Eastern artifacts encouraged the department to broaden the scope of its research and attract more experts. As a result, in 1926, the department was renamed as the Oriental Department. During that period, the Central Asian portion of the department collection became significantly richer as it acquired exhibits from the Stieglitz Museum, the Russian Museum, Kunstkamera (the Museum of Anthropology and Ethnography), and the Society for the Encouragement of Arts.

Since the mid-1920s, the collection of the Hermitage Oriental Department increased through the addition of finds discovered during excavations.

In 1935, a new exhibition was opened in 84 halls to celebrate the Third International Congress on the Art and Archaeology of Iran hosted in the Hermitage. Representatives from 18 countries participated in it. Beautiful artifacts of ancient art were brought specially for this exhibition, among them the Ayrtam frieze from Uzbekistan (a masterpiece of the Kushan Empire).

In the 1930s, the Hermitage significantly expanded its archaeological activity in Central Asia, often collaborating with other organizations. For example, the Zarafshan expedition, formed in 1934 and led by A.Y. Yakubovskiy, worked with the Uzbekistan Committee for the Protection and Study of Monuments of Material Culture (Uzkomstaris). They explored archaeological sites in the Bukhara oasis, including an ancient wall around and the site-tepa on the Bukhara–Samarkand road.

In 1939–1940, the State Hermitage and the Institute of History of Material Culture (Leningrad), assisted by experts from Uzkomstaris, conducted excavations in the ancient site of Paikend (V.N. Kesaev), Tali-Barzu (G.V. Grigoriev) and Kafir Kala (I.A. Sukharev). Researchers of the Hermitage also participated in the Khorezm expedition (S.P. Tolstov) and the Termez expedition (M.E. Masson). The Termez expedition continued the excavation of the Buddhist Karatepa Monastery at the Old Termez site in 1936–1937. It was thoroughly studied by such scholars of the Hermitage as E.G. Pchelina, B.B. Piotrovskiy and V.N. Kesaev. Some of the materials were later sent to the Hermitage.

Occasionally exhibits were transfered to the collection of Central Asian pre-Islamic antiquities from other departments of the museum, notably from the Hellenistic and Scythian Department and the Department of Glyptics. In 1930 and 1937, the Oriental Department purchased a big collection found by B.N. Kastalsky near Samarkand, which consisted of ossuaries, terracotta, gems and other items.

The growing number of objects encouraged the Department to organize regional expositions. One of them turned into the permanent Exhibition of Culture and Art of Central Asia (10 halls) and was opened on January 1, 1940.

The State Hermitage also developed its publishing activities. For example, monographs written by I.A. Orbeli, K.V. Trever, M.M. Diakonov and L.T. Gyuzalian were published for the Iranian Congress. Since 1939, they have been publishing the Transactions of the Hermitage Oriental Department, reporting the results of the latest archaeological research. A series of guides and essays on the permanent exhibitions and expositions is also published.

After the World War II, the Oriental Department was among the first to open the permanent exhibition Culture and Art of Central Asia (1951). More artefacts entered the Department, mostly from the collection of the Leningrad Department of the Institute of Archaeology. In 1954, the collection received fragments of paintings from the Red Hall of the Bukharhudat Palace in Varakhsha, which were then restored and assigned a place of honor in the exposition of the Oriental Department.

In the period from late 1940s to the early 1960s, many experts joined the Oriental Department, including B.Y. Staviskiy, V.G. Lukonin, B.I. Marshak, E.V. Zeymal, T.I. Zeymal and S.S. Sorokin. The Oriental section of the Numismatics Department also worked closely with the Oriental Department. Taking the Hermitage collection and archaeological findings as the foundation, O.I. Smirnova began to work out a new branch of Eastern numismatics – the Sogdian coins.

During this period, the Department also resumed excavations. In 1947, they started to excavate Penjikent (the expedition was led by A.Y. Yakubovskiy, then by A.M. Belenitskiy and B.I. Marshak), which is now the world-famous Sogdian site of the 5th–8th centuries.

From 1959 to 1986, the Hermitage archaeological expedition led by N.G. Gorbunova in cooperation with the Regional Museum of Local History worked in the Fergana Valley. In 1961, the expedition of B.Y. Staviskiy resumed archeological research in Karatepa, Old Termez. This research until 1994 was joined by the State Museum of Oriental

Art and a number of other institutions. Amazing findings from this site, along with the Ayrtam frieze, formed the basis of the exposition section dedicated to Buddhism of Bactria during the Kushan period. In 1981, the Hermitage, along with the Institute of Archaeology, the Academy of Sciences (G.L. Semyonov, D.K. Mirzaahmedov) resumed exploration of the Paikend site.

The archaeological research has always been an important component of the major scientific issues worked out in the Oriental Department: Culture and Art of the Ancient East, Archaeology of Eastern Urban Civilization, Fine and Applied Arts of the Ancient and Medieval East, Interaction of Cultures in the Medieval East.

During the second half of the 20th century, the Hermitage continued to receive objects from Central Asia, acquired from the Leningrad Department of the Institute of Archaeology, museums of the city, and archaeological expeditions working in Central Asia.

In 1969, the archaeological group of the Karakalpak Complex Institute of Research and Science (A.V. Gudkova) added several ossuaries dating from the early Middle Ages, to the collection of artifacts about pre-Islamic funeral traditions in this region. In 1971, the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) sent to the Hermitage fragments of paintings and loess sculptures, acquired by the Khorezm expedition in the Toprak Kala Palace (S.P. Tolstov), and a statuary ossuary, discovered in the vicinity of Koy-Krylgan Kala.

All these materials entered the renovated exposition of Central Asia devoted to the ancient and medieval culture of Khorezm.

In 2009, the Institute of the History of Material Culture (IHMC, former the Leningrad Department of the Institute of Archaeology) gave to the Hermitage its findings from the excavation site explored by the Bactrian expedition in 1972–1986 at the Zartepa site (Surkhandarya Province). It was a significant addition to the collection of Bactria antiquities.

The State Hermitage continues to promote the history and culture of Central Asia in Russia and other countries in the 21st century. In 2010, it opened a new exposition on the history and culture of Central Asia, which reflects the culture and art of Parthia, Bactria, Sogd, Khorezm and Zhetysu in the period from the early Iron Age to the early Middle Ages.

A series of lectures on the culture and art of Central Asia was created on the basis of this exposition, and presented at the Hermitage school club and lecture hall. Exhibits from this exposition travel around the world as part of numerous temporary expositions of the Hermitage, both

in Russia and abroad. Also, in 2014, the Hermitage-Amsterdam Center hosted the exhibition "Expedition. The Silk Road. Masterpieces from the Hermitage."

The State Hermitage Museum also maintains close archaeological cooperation with its colleagues from Uzbekistan. Their joint expedition with the Institute of Archaeology, the Academy of Sciences of Uzbekistan, has been carrying out excavations in Paikend for 35 field seasons. The materials obtained during this process have made it possible not only to discover interesting new aspects of the ancient and medieval history of Sogd, but also adorn the Bukhara Museum and its branches.

КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕДМЕТОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУР УЗБЕКИСТАНА

А. В. Омельченко

Государственный Эрмитаж, отметивший в 2014 г. 250-летний юбилей, является одним из старейших музеев России и одним из самых больших в мире.

Начало формированию комплекса зданий Эрмитажа было положено строительством Зимнего дворца (1754–1762). Основной этап строительства комплекса относится к периоду правления Екатерины II, когда были построены Малый Эрмитаж (1764–1769) и Большой Эрмитаж (1771–1787), а также Эрмитажный театр (1783–1787). В Малом Эрмитаже были размещены художественные коллекции, картины и гравюры, рисунки, предметы глиптики, монеты, медали и книги, изделия декоративно-прикладного искусства.

Особое значение для развития в России музейного дела имела археология. В 1840-е гг. археологическая коллекция Эрмитажа становится весьма значительной. В 1852 г. был открыт Новый Эрмитаж, предназначенный для посетителей. В нем была выставлена часть собрания Эрмитажа, в том числе предметы доисламской Средней Азии. Экспонаты поступали также через Императорскую Археологическую комиссию (с 1859 г.): приобретались отдельные находки, клады и целые коллекции.

В 70–90-х гг. XIX в. в России значительно возрастает научный интерес к древностям Средней Азии. В 1884–1885 гг. известный археолог проф. Н.И. Веселовский по заданию Археологической комиссии совершил научную командировку в Туркестан. Он произвел небольшие раскопки в округе Ташкента, в Фергане, а также осмотрел поселения в долине Зарафшана. Более масштабными были его исследования на городище Афрасиаб в Самарканде, где удалось обнаружить древности доисламской эпохи, в том числе, глиняные ящики для захоронения – оссуарии.

Благодаря этим раскопкам и контактам с местными коллекционерами Н.И. Веселовский собрал большую коллекцию древностей Самарканда.

Особенно плодотворным было сотрудничество Н.И. Веселовского с собирателем древностей Мирзой Бухари, у которого Археологическая комиссия приобрела несколько тысяч предметов: в основном монеты, терракоты, геммы. Наиболее ценные в художественном и научном отношениях вещи поступили в Государственный Эрмитаж. В 1887 г. Мирза Бухари приехал в Санкт-Петербург, где присутствовал на одном из заседаний Восточного отделения русского археологического общества (ВОРАО).

Обширную коллекцию предметов составил также военный инженер Б.Н. Кастальский, первооткрыватель знаменитых биянайманских оссуариев (1908 г.).

В 1902 г. в Санкт-Петербурге был организован Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии. Громадную роль в изучении истории и культурного (прежде всего письменного) наследия Туркестана сыграл секретарь Комитета В.В. Бартольд. В 1904 г. он провел на городище Афрасиаб раскопки, которые через год продолжил В.Л. Вяткин. Часть этих материалов была передана в Археологическую комиссию, а затем в Эрмитаж. Большой заслугой В.В. Бартольда является помощь в создании Туркестанского кружка любителей археологии в Ташкенте, который в 1895–1917 гг. осуществлял работу по изучению истории материальной культуры Средней Азии.

После 1917 г. Зимний дворец и Эрмитаж получили статус государственного музея. С 20-х годов XX в. его коллекция, в том числе восточный раздел, увеличилась за счет частных собраний, а также проведенной реорганизации музеев Петрограда.

В 1920 г. в Эрмитаже создается отделение мусульманского Востока, ставшее затем отделением Кавказа, Ирана и Средней Азии. Всемерно этому способствовали знаменитые востоковеды С.Ф. Ольденбург, В.В. Бартольд, Н.Я. Марр.

В 1925 г. под Музей были отданы Зимний дворец, Малый Эрмитаж, Старый Эрмитаж и Эрмитажный театр. В это время в отделении Кавказа, Ирана и Средней Азии работало уже шесть сотрудников.

Среди них был ученик В.В. Бартольда А.Ю. Якубовский, сделавший очень много для подготовки первой постоянной выставки памятников Востока. Впоследствии он стал одним из создателей ленинградской научной школы среднеазиатской археологии, организатором археологических экспедиций Эрмитажа в Среднюю Азию. Его вклад в узбекскую науку был отмечен присвоением ему звания заслуженного деятеля наук Узбекистана.

В отделении также работала К.В. Тревер, труды которой сыграли большую роль в привлечении интереса исследователей к древностям

Средней Азии эпохи античности. Возглавлял отделение И.А. Орбели, ставший позднее, в 1934 г., директором Эрмитажа. Сотрудников отделения отличало знание памятников материальной культуры и письменных источников, а также восточных языков.

В 1925 г. в Малом Эрмитаже открылась постоянная выставка памятников культуры и искусства Кавказа, Ирана и Средней Азии. Рост восточной коллекции вызвал необходимость расширения тематики научных исследований, привлечения новых специалистов. В связи с этим в 1926 г. отделение было преобразовано в отдел Востока. В это время среднеазиатская часть коллекции отдела Востока значительно пополнилась за счет собраний музея Штиглица, Русского музея, Кунсткамеры (Музей антропологии и этнографии, МАЭ), Общества поощрения художеств.

С середины 20-х годов XX в. в коллекцию отдела Востока Эрмитажа также начали поступать предметы, добытые в ходе археологических работ.

В 1935 г. в 84 залах размещается новая экспозиция, приуроченная к III Международному конгрессу по иранскому искусству и археологии, проводившемуся на базе Эрмитажа. В ней приняли участие представители 18 стран. На выставку были привезены замечательные памятники древнего искусства, в том числе Айртамский фриз (шедевр искусства кушанского времени) из Узбекистана.

В 1930-х годах Эрмитаж разворачивает интенсивную археологическую деятельность в Средней Азии – зачастую в сотрудничестве с другими организациями. Так, созданная в 1934 г. Зарафшанская экспедиция, возглавляемая А.Ю. Якубовским, работала совместно с Узбекистанским Комитетом по охране и изучению памятников материальной культуры (Узкомстарис). Были обследованы археологические памятники Бухарского оазиса, в том числе окружавшая его древняя стена, а также городища-тепа по дороге Бухара–Самарканд.

В 1939–1940 гг. Эрмитаж и Институт истории материальной культуры (Ленинград) при участии специалистов Узкомстариса проводили археологические раскопки на городищах Пайкенд (В.Н. Кесаев), Тали-Барзу (Г.В. Григорьев) и Кафыркала (И.А. Сухарев). Сотрудники Эрмитажа принимали участие в работах Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ХАЭЭ, С.П. Толстов) и Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ, М.Е. Массон). На городище Старый Термез ТАКЭ были продолжены раскопки буддийского монастыря Каратепа (1936–37 гг.), весомый вклад в изучение которого внесли сотрудники Эрмитажа: Е.Г. Пчелина, Б.Б. Пиотровский, В.Н. Кесаев. Часть этих материалов затем поступила в Эрмитаж.

Коллекция среднеазиатских доисламских древностей в отделе Востока увеличивалась и в связи с передачами из других отделов музея, в частности, из Эллино-скифского отделения и из отделения глиптики. В 1930 и 1937 гг. была приобретена большая коллекция Б.Н. Каштальского (оссуарии, терракота, геммы и т.д.), собранная в районе Самарканда.

Накопление большего числа экспонатов способствовало созданию региональных экспозиций, одной из которых стала постоянная «Выставка культуры и искусства Средней Азии» (10 залов), открытая 1 января 1940 г.

Развивалась в Эрмитаже и издательская деятельность. К примеру, к Иранскому конгрессу был приурочен выпуск монографий И.А. Орбели, К.В. Тревер, М.М. Дьяконова, Л.Т. Гюзальяна. С 1939 г. издаются Труды отдела Востока Эрмитажа (ТОВЭ), в которых освещаются результаты новых археологических исследований. Публикуется серия путеводителей и очерков, посвященных постоянным экспозициям и выставкам.

В послевоенные годы в отделе Востока одной из первых открылась постоянная выставка «Культура и искусство Средней Азии» (1951 г.). Коллекции пополняются новыми экспонатами, в основном из фондов Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА). В 1954 г. в собрание поступают фрагменты живописи из Красного зала Дворца Бухархудатов в Варахше, которые были реставрированы в Эрмитаже и заняли достойное место в экспозиции отдела Востока.

В конце 40-х – начале 60-х гг. XX вв. в отдел Востока приходят новые специалисты: Б.Я. Ставиский, В.Г. Луконин, Б.И. Маршак, Е.В. Зеймаль, Т.И. Зеймаль, С.С. Сорокин. С отделом Востока была тесно связана работа Восточного отделения отдела нумизматики. На базе его собрания и археологических находок О.И. Смирнова начала разрабатывать новую отрасль восточной нумизматики – согдийские монеты.

Отдел Востока возрождает и свою раскопочную деятельность. В 1947 г. были начаты исследования Пенджикента (руководитель А.Ю. Якубовский, затем А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак), всемирно известного теперь согдийского городища V–VIII вв.

С 1959 по 1986 гг. в Ферганской долине работала археологическая экспедиция Эрмитажа (Н.Г. Горбунова) совместно с областным Краеведческим музеем. В 1961 г. экспедиция, возглавляемая Б.Я. Стависким, возобновляет археологические исследования на Каратепа в Старом Термезе. К этим работам, продолжавшимся до 1994 г., подключился Государственный музей искусств народов Востока и ряд других органи-

заций. Сделанные здесь замечательные находки, наряду с Айртамским фризом, легли в основу раздела экспозиции музея, посвященной буддизму Кушанской Бактрии. В 1981 г. Эрмитаж совместно с Институтом археологии Академии наук Узбекистана (Г.Л. Семенов, Д.К. Мирзаахмедов) возобновляет раскопки на городище Пайкенд.

Археологические исследования являлись важной составляющей научных проблем, разрабатываемых в отделе Востока, таких как: «Культура и искусство стран Древнего Востока», «Археология городской цивилизации стран Востока», «Изобразительное и прикладное искусство древнего и средневекового Востока», «Взаимодействие культур средневекового Востока».

Во второй половине XX в. в Эрмитаж продолжают поступать среднеазиатские древности из ЛОИА, музеев города, а также археологических экспедиций, работавших в Средней Азии.

В 1969 г. музейная коллекция пополнилась оссуариями, найденными в ходе работ археологической группы Каракалпакского комплексного НИИ (А.В. Гудкова). В 1971 г. из Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) в Эрмитаж поступили фрагменты живописи и лессовой скульптуры из раскопок ХАЭЭ во дворце Топраккалы (С.П. Толстов), статуарный оссуарий из окрестностей Кой-Крылганкалы.

Все эти материалы вошли в раздел обновленной экспозиции Средней Азии, посвященный древней и средневековой культуре Хорезма.

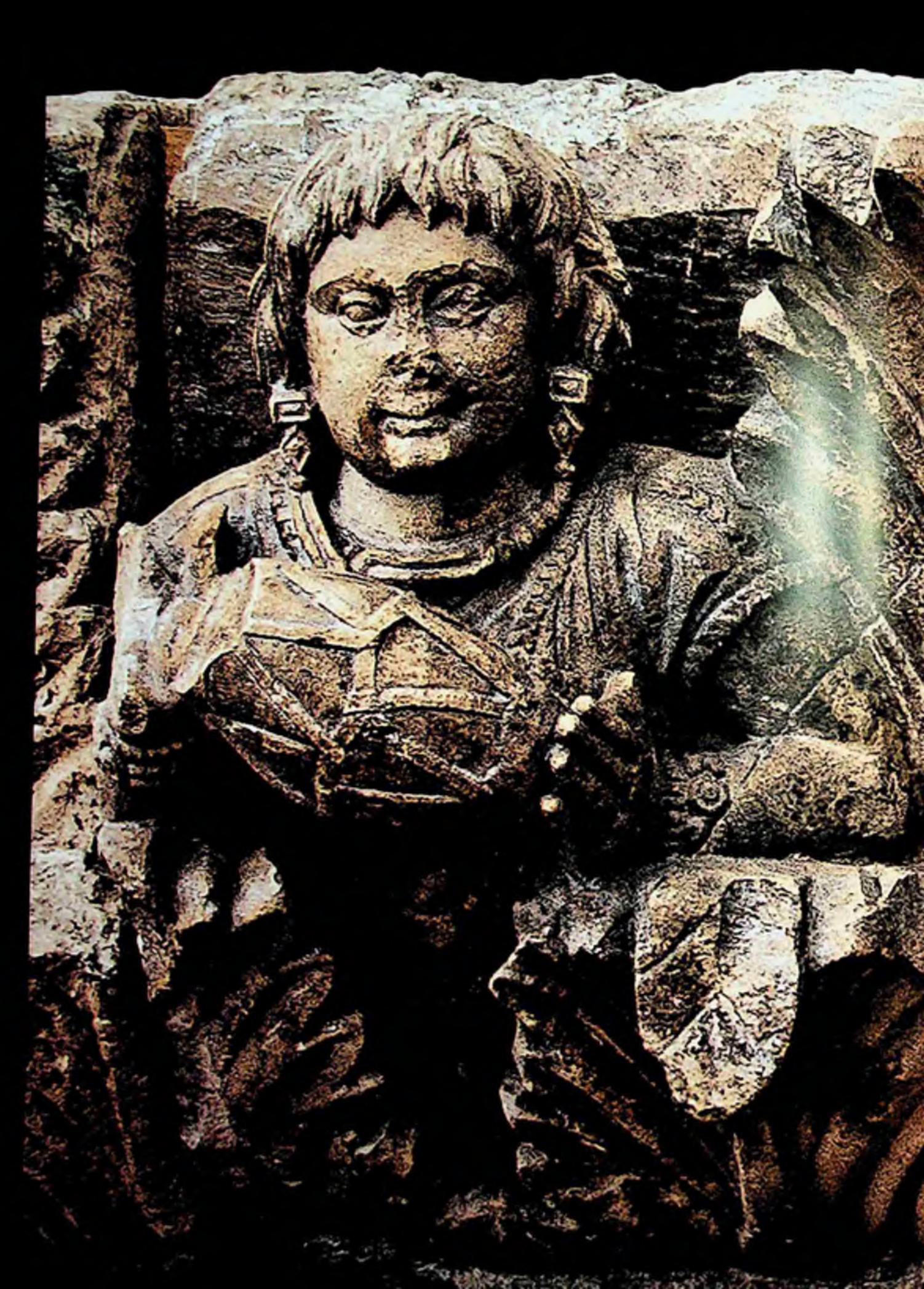
В 2009 г. из Института истории материальной культуры (ИИМК, бывш. ЛОИА) в Эрмитаж были переданы его находки из раскопок Бактрийской экспедиции 1972–1986 гг. на городище Зартепа (Сурхандарьинская область). Они значительно пополнили собрание древностей Бактрии–Тохаристана.

Активную работу по популяризации истории и культуры Средней Азии в России и за рубежом Государственный Эрмитаж ведет и в XXI в. В 2010 г. была открыта новая экспозиция, материалы которой отражают культуру и искусство Парфии, Бактрии, Согда, Хорезма и Семиречья от эпохи раннежелезного века до раннего средневековья.

На основе материалов этой выставки в школьном кружке и Лектории Эрмитажа читается цикл лекций, посвященный культуре и искусству Средней Азии. Её экспонаты участвуют во многих выставках Эрмитажа в России и за рубежом. Так, в 2014 г. в выставочном центре «Эрмитаж–Амстердам» прошла выставка «Экспедиция. Шелковый путь. Шедевры Эрмитажа».

Продолжает Эрмитаж и археологическое сотрудничество с узбекскими коллегами. Его совместная экспедиция с Институтом археоло-

гии Академии наук Республики Узбекистан более 35 полевых сезонов ведет раскопки в Пайкенде. Полученные материалы открывают новые интересные стороны древней и средневековой истории Согда, а также являются украшением экспозиций Бухарского музея и его филиалов.

ҚАДИМГИ ВА ИЛК ЎРТА АСРЛАР АРХЕОЛОГИК ТЎПЛАМИ

THE ARCHAEOLOGICAL COLLECTION OF ANTIQUITY AND THE EARLY MIDDLE AGES

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ЭПОХИ ДРЕВНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ҚАДИМГИ ВА ИЛК ЎРТА АСРЛАР АРХЕОЛОГИК ТЎПЛАМИ

А.В. Омельченко

Давлат Эрмитажи тўпламининг моддий ва бадиий маданият ашёлари китоб-альбомда ўтмишдаги асосий даврлари ва воқеа-ҳодисалари қисқа кириш мақолаларда таништириб ўтилган тарихий-маданий ҳудудлар бўйича тақсимланган.

Бақтрия

Бақтрия (Бахди – авесточа, кейинроқ Тохаристон) – Амударёнинг ҳар икки қирғоғи бўйидаги, Ҳиндикуш (Афғонистон)дан Ҳисор тоғларигача (Ўзбекистон, Тожикистон) чўзилган тарихий-маданий минтақа. Бронза давридаёқ (эрамизгача III–II мингйилликлар) бу ерда Мурғоб дарёси водийси (Жанубий Туркманистон) ҳудудидан кириб келган юқори даражада ривож топган Тошли-Сополли маданияти гуллаб яшнаган. Аҳолиси суғорма деҳқончилик, чорвачилик, ҳунармандчилик, маҳобатли сарой ва қасрлар қуриш ишлари билан шуғулланадиган бир қанча манзилгоҳлар истеҳком маркази кичик воҳалар кўринишини олди (Тошли–3, Жарқўтон). Шу қаторда аҳолиси Месопотамия, Инд (Хараппа) водийси ва Евроосиё чўллари чорвадор қабилалари билан савдо алоқаларини қўллаб-қувватлаган биринчи шаҳар-давлатлар пайдо бўлди.

Эрамиздан аввалги II мингйилликнинг иккинчи ярмида шаҳар-давлатлар таназзули рўй берди. Шимолдан «юксак ривожланган нақшинкор кулолчилик маданияти»нинг янги аҳолиси кириб келди. Эрамизгача бўлган I мингйилликнинг биринчи чорагида кичик ўлкаларнинг марказига айланган, сардорлар бошқарувидаги қўрғон манзилгоҳлари пайдо бўлди. Улардан бирининг ҳовлисидан Зардушт пайғамбарнинг бошпанаси – Виштасп топилган. Кейинчалик аҳолиси шарқий Эрон тилларидан бирида гаплашадиган Қадим Бақтрия ҳукмдорлиги вужудга келди.

Эрамиздан аввалги VI асрнинг охири ва эрамизгача 330 йилга қадар Бақтрия сатраплик ҳуқуқи асосида аҳоманийлар давлати таркибига кир-

ган. Форслар босқинининг оқибатларидан бири бу ерда оромий ёзувининг тарқалиши бўлди. Эрамиздан аввалги 329–327 йилларда Бақтрия Искандар Мақдуний томонидан истило қилинган. Эрамиздан аввалги 306 йилдан эрамиздан аввалги III аср ўрталаригача у салавкийлар ҳукмронларига бўйсунган, кейин эса юз йилдан кўпроқ давр мобайнида бу ерда Юнон-Бақтрия ҳукмдорлиги гуллаб яшнади.

Мазкур даврда юнонлар таъсири ўлароқ Бақтрияда кўплаб шаҳарлар вужудга келди, маънавий ва моддий маданият тараққий этди (А-2594). Бу, айниқса, чап қирғоқдаги Ойхоним ва ўнг қирғоқдаги Тахти Сангин ва Кампиртепа каби Бақтриянинг кўҳна шаҳарларидаги қазиш ишларида яққол намоён бўлди.

Эрамиздан аввалги II асрнинг иккинчи ярмида шимолдан ва шимолий-шарқдан кўчманчи сак ва юечжий (тохарлар) қабилалари Бақтрияга келиб ўрнашади. Эрамиздан аввалги I асрнинг биринчи ярмида унинг ерларида Кушонийлар ҳукмронлиги вужудга келди. Қудратли ҳукмдор Канишка I (тахминан 127–150 йиллар)нинг даврида у жанубдан Ҳиндистоннинг Ганг дарёси ўрта оқими ва шарқдан – Хўтандан Шарқий Туркистонгача чўзилиб, Рим, Парфия ва Чин ҳоқонлиги каби бошқа буюк империялар қаторига кирди. Айни шу даврда, юнон алифбоси асосида шакллантирилган ва ушбу ҳудудда VIII–IX асрларга қадар қўлланган бақтрия ёзуви истеъмолга кириб кела бошлади (Гл-1258, Гл-503, А-1649, А-2603).

Кушон даврида Бақтрияда Ўрта Осиё учун анъанавий бўлган зардуштийлик билан бирга буддавийлик ҳам тарқала бошлади. Эрамизгача бўлган I асрда Амударёнинг ўнг қирғоғида буддавийлик ибодатхоналари пайдо бўлди. Улар айниқса Тармит–Термизнинг Қоратепа, Фаёзтепа, Айритом ҳудудларида кўп эди.

Милодий III асрнинг ўрталарида Бақтрия-Тохаристон сосонийлар томонидан босиб олинган. Зартепа кўҳна шаҳрида олиб борилган қазилма ишларида Ўрта Осиё тарихининг сўнгги антик даври (А-2081 ва бошқалар)га оид Тохаристон шаҳри ҳаётининг турли жиҳатларини очувчи топилмалар мавжуд. Бақтрия-Тохаристонда буддавийлик таъсири остида кундалик ҳаётга кхароштхи брахми деб аталувчи ёзувнинг янги тизими, Эрон таъсири остида эса паҳлавий ёзуви кириб келди.

V асрдан VI асрнинг иккинчи ярмига қадар Бақтрия – Тохаристон эфталийлар давлатининг асосий марказларидан бири бўлган, VI асрнинг иккинчи ярмидан Турк хоқонлигининг олий ҳокимияти остидаги кичик ер эгалари иттифоқи сифатида ҳукм сурди. Ер-мулк эгалари ўз қўлларидаги, жумладан, халқаро савдо ҳисобидан катта молиявий маблағларни тўплаганлар. Бу уларга ўз тангаларини зарб этиш, саройлари учун

маҳобатли деворий безаклар (Болаликтепа, Тавка) ва зиёфатлар учун қимматбаҳо идишларга буюртма бериш имконини туғдирган (S-75, S289, S296). Бироқ тарқоқлик, ички можаролар Тохаристон бекликларининг араб халифалиги томонидан босиб олинишини тезлаштирган.

THE ARCHAEOLOGICAL COLLECTION OF ANTIQUITY AND THE EARLY MIDDLE AGES

A.V. Omelchenko

The objects of material and artistic cultures from the State Hermitage Museum collection in the book-album are divided into the historical and cultural areas, which main stages and historical events are given in the brief introductory articles.

Bactria

Bactria (Avestan: Bakhdhi; later Tokharistan) is a historical and cultural region situated along both banks of the Amu Darya River, from Hindu Kush (Afghanistan) to the Hissar Range (Uzbekistan, Tajikistan). Already in the Bronze age (the third – second millenia BC), highly developed Dashly-Sapalli culture flourished in the area, which arrived here from the valley of Murghab River (Southern Turkmenistan). Several site with a fortified center formed small oases, which residents engaged in irrigated farming, cattle-breeding, and crafts. They built monumental palaces and temples (Dashly-3, Jarkutan). The first proto-cities were formed, the citizens kept trading relations with the civilizations of Mesopotamia, the Indus Valley (Harappa) and the cattle-breeding tribes in the Eurasian steppe.

In the second half of the 2nd millennium BC a decline of proto-town culture happened. The population of the culture of the late painted pottery came from the north. In the first quarter of the 1st millennium BC sites with citadels appeared, which became centers of small possessions, ruled by kavi-chiefs. At the court of one of them – Vishtaspa, the prophet Zarathushtra found shelter. Later, there emerged an early state consolidation – the Old Bactrian kingdom, whose inhabitants spoke one of the Eastern Iranian languages.

From the late 6th century BC and up to 330 BC, Bactria was a satrapy of the Achaemenid Empire. One of the consequences of the Persian conquest turned the spread of Aramaic writing in the area.

In 329–327 BC, Alexander the Great conquered Bactria. From 306 BC to the middle of the third century BC, it was under the reign of the Seleucid kings, then for over a hundred years the Greco-Bactrian Kingdom flourished in this area.

In this, Hellenistic period many towns were developed in Bactria, and their material and spiritual culture reached a high level of development under the significant Greek influence (A-2594). The evidence is excavations at the Ay-Khanum site in left-bank and Takhti-Sangin and Kampyr-tepa in right-banks of Bactria. New trends got its impact on almost all areas of material culture.

In the second half of the 2nd century BC, the Saka and Yuezhi (Tocharian) tribes settled in Bactria, having come from the north and northeast. In the first half of the first century AD, the Kushan Kingdom appeared in Bactria. Under the most powerful king, Kanishka I (circa 127–150), it extended in the south to the middle course of the Ganges River in India and in the east to Khotan in East Turkestan, becoming one of the great empires of that time, including the Roman, the Parthian and the Han in China. At the same time, the Bactrian script was used (chap. 1258, chap. 503b A-1649b A-2603), which was formed on the basis of the Greek alphabet and was used here until the 8th–9th centuries.

In the Kushan era, along with traditional Zoroastrianism in Central Asia, Buddhism spread to Bactria. In the 1st century AD, the first Buddhist monasteries appeared on the right bank of the Amu Darya River. The monasteries in the vicinity of Tarmita–Termez were especially numerous: Kara-tepa, Fayaz-tepa and Ayrtam.

In the middle of the 3rd century AD, Bactria-Tokharistan was conquered by the Sasanians. The Zar-tepa site is dated to that time, materials from the excavations reveal various details of the life of Tokharsitan townsfolk in the late antique period of the history of Central Asia (A-2081 et seq.). Under the influence of Buddhism in Bactria-Tokharistan, new systems of writing – Kharoshthi Brahmi – came into use, and under the influence of Iran – Pahlavi script.

From the middle of the 5th century Tokharsitan was one of the main centers of the Hephthalite state, and from the second half of the 6th century AD it turned into a confederation of many small feudal possessions under the supreme authority of the Turkic kaganate. The rulers of the possessions accumulated considerable financial resources in their hands, including goods obtained through international trade. This allowed them to mint their own coins, order monumental wall paintings for their palaces (Balalik-tepa, Tavka) and precious utensils

for receptions (S-75, S-289, S-296). However, disunity, internal conflicts accelerated the conquest of the Tokharistan princedoms by the Arab Caliphate at the end of the 7th–8th centuries.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ЭПОХИ ДРЕВНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А. В. Омельченко

Предметы материальной и художественной культур собрания Государственного Эрмитажа в книге-альбоме распределены по историко-культурным областям, основные этапы и события истории которых приводятся в кратких вводных статьях.

Бактрия

Бактрия (авест. Бахди, позднее Тохаристан) – историко-культурная область по обоим берегам Амударьи, от Гиндукуша (Афганистан) до Гиссарского хребта (Узбекистан, Таджикистан). Уже в эпоху бронзы (III–II тыс. до н.э.) здесь процветала высокоразвитая Дашлы-Сапаллинская культура, носители которой продвинулись из долины р. Мургаб (Южный Туркменистан). Несколько поселений с укрепленным центром образовывали небольшие оазисы, население которых занималось орошаемым земледелием, скотоводством, ремеслами, строили монументальные дворцы и храмы (Дашлы-3, Джаркутан). Возникают первые протогорода, жители которых поддерживали торговые связи с цивилизациями Месопотамии, долины Инда (Хараппой) и скотоводческими племенами Евразийской степи.

Во второй половине II тыс. до н.э. протогородская культура переживает упадок. С севера приходит новое население «культуры поздней расписной керамики». В первой четверти I тыс. до н.э. возникают поселения с цитаделями, ставшие центрами небольших владений, управляемые вождями-кави. При дворе одного из них – Виштаспы, нашел приют пророк Заратуштра. Позднее возникает раннегосударственное объединение – Древнебактрийское царство, жители которого говорили на одном из восточно-иранских языков.

С конца VI в. до н.э. и вплоть до 330 г. до н.э. Бактрия на правах сатрапии входила в состав державы Ахеменидов. Одним из следствий персидского завоевания стало распространение здесь арамейской письменности. В 329–327 гг. до н.э. Бактрия была завоевана Александром Македонским.

С 306 г. до н.э. и до середины III в. до н.э. она подчинялась селевкидским царям, затем в течение более ста лет здесь процветало Греко-Бактрийское царство.

В этот эллинистический период в Бактрии появляется много городов, высокого уровня развития достигают материальная и духовная культуры, испытавшие значительное греческое влияние (А-2594). Особенно ярко это демонстрируют раскопки городищ Ай-Ханум в левобережной и Тахти-Сангин и Кампыртепа в правобережной Бактрии. Новые веяния отразились практически во всех областях материальной культуры.

Во второй половине II в. до н.э. в Бактрии расселяются пришедшие с северо-востока сакские и юечжийские (тохарские) племена. В первой половине I в. н.э. на ее землях возникает Кушанское царство. При самом могущественном царе Канишке I (ок. 127–150 гг.) оно простиралось на юге до среднего течения р. Ганг в Индии и на востоке – до Хотана в Восточном Туркестане, став в один ряд с другими великими империями того времени: Римской, Парфянской и Ханьского Китая. В это же время в употребление вошла бактрийская письменность (Гл-1258, Гл-503, А-1649, А-2603), сформировавшаяся на основе греческого алфавита и применявшаяся здесь вплоть до VIII–IX вв.

В Кушанскую эпоху, наряду с традиционным для Средней Азии зороастризмом, в Бактрии распространяется буддизм. В I в. н.э. в на правом берегу Амударьи возникают первые буддийские монастыри. Особенно их много в районе Тармиты-Термеза: Каратепа, Фаязтепа, Айртам.

В середине III в. н.э. Бактрия-Тохаристан была завоевана Сасанидами. К этому времени относится городище Зартепа, материалы из раскопок которого открывают различные детали жизни горожан Тохаристана в позднеантичный период истории Средней Азии (А-2081 и далее). Под влиянием буддизма в Бактрии-Тохаристане в обиход входят новые системы письма – кхароштхи и брахми, а под воздействием Ирана – пехлевийская письменность.

С середины V в. Тохаристан – один из основных центров Эфталитского государства, а со второй половины VI в. н.э. – представлял собой конфедерацию множества небольших феодальных владений, находившихся под верховной властью Тюркского каганата. Правители владений накапливали в своих руках значительные финансовые ресурсы, в том числе за счет международной торговли. Это позволяло им чеканить собственную монету, заказывать монументальные стенные росписи для своих дворцов (Балалык-тепа, Тавка) и драгоценную посуду для приемов (S-75, S-289, S-296). Однако раздробленность, внутренние конфликты ускорили завоевание Тохаристанских княжеств Арабским халифатом в конце VII–VIII вв.

БАҚТРИЯ ТОРЕВТИКАСИ

А.В. Омельченко

Эрмитаж коллекцияларида унча катта бўлмаган идишлар тўплами бўлиб, бу буюмларнинг шакли ёки (ва) мазмуни уларни шарқ кумуши намуналаридан ажратиб туради. Идишларнинг аксарияти сосоний ва суғд буюмлари каби Уралбўйи, Кама ва Ғарбий Сибирь ҳавзасига мансуб бўлиб, Ўрта Осиё, Эрон ва Ҳиндистондан қимматбаҳо мўйна эвазига келтирилган. Бироқ айрим топилмалар Бақтриянинг чап соҳилида ишланган ва худудда эфталийлар ҳукмронлик қилган V–VI асрларга тегишлидир.

Цилиндр шаклидаги резервуарли, оёқли коса камёб ҳисобланади (S-289). Унинг деворларида бўртма йўсинда театр ниқоблари, актёрлар, тирслар фигуралари, торли мусиқа асбоблари, амфоралар ва бошқалар тасвирланган. Антик даврларданоқ Бақтрия ва қўшни Гандхара торевтикаси тасвирларида театр сюжетлари асосий мавзу бўлиб келган (The crossroads of Asia, 1992. Кат. 97, 98). Шу билан бирга V–VI асрларда қадимий миллий маданиятга қизиқиш учқунлари кузатилган Византия санъати ҳам ўз таъсирини кўрсатди. Бу вақтларда Шарқда антик сюжетлар тушунарсиз бўлиб қолган бўлса-да, маҳаллий тасаввурлар руҳига сингиб кетган эди.

Ярим шар шаклидаги косалар илк ўрта асрлар давридаги Кама бўйидан Шимолий Ҳиндистонгача ва Суғддаги Бухородан Шимолий Вэй пойтахти бўлган Хитой Датонигача бўлган худудларда топилган буюмлардан маълум (Watt et al., 2004, pp. 50–51, 154–155; Маршак, Крикис, 1969, 67–76 бб.; Expedition Silk Road, 2014. Кат. 175). Эрмитаждаги коса медальонларида (S-296) бўртмада арслонни таъқиб қилиб бораётган камонли овчи, бошқасида найза кўтариб айиқни, учинчисида қобонни таъқиб қилаётган овчи тасвирланган. Буюм ўртасига Македония берети – кавсиони эслатувчи бош кийимдаги шоҳ сурати жойлаштирилган.

Яна бир косадаги сюжет (S-75) V–VI асрлар Ўрта Шарқи санъатида ғарб ва шарққа хос хусусиятлар аралашиб кетганининг ёрқин намунаси

ҳисобланади. Унда Ўрта Осиё маҳаллий халқлари либосидаги жуфтликнинг никоҳ маросими тасвирланган. Аёлнинг қўл бармоқлари розилик бериш, шукроналик маъносида бирлаштирилган. Келин-куёв тепасида тумшуғига узук илинган қуш чарх уради. Атрофда эса қадимий Юнон драматурги Эврипиднинг «Геракл» фожиасидаги саҳналар акс этган. (Ставиский, 1960, сс. 67–71). «Эклектик» сюжетни ҳинд санъатида машҳур мусиқачи-маймунлар тўлдиради. Коса тагида – ҳинд афсоналаридаги Шиванинг кўринишларидан бири арслонга ўхшаш баҳайбат махлуқ Киртимукха жойлаштирилган бўлиб, у вазифасига кўра юнон горгонаси Медузага яқин. Идишдаги ёзув ҳам суғдий бўлиб, у «бу – Хуннинг ўғли Наракнинг пиёласи» деган маънони билдиради. (В.А. Лившиц ўқиган).

THE BACTRIAN TOREUTICS

A.V. Omelchenko

The State Hermitage Museum keeps a small group of bowls of specific shape or (and) topics on which distinguish them among other samples of Oriental silver. Most of these items, like Sasanian and Sogdian products, originate from the Urals, the Kama basin and Western Siberia, i.e., from areas the precious furs came to Central Asia, Iran and India in exchange for silver. But some finds were disclosed on the left bank of Bactria and dated back to the 5th–6th centuries, the time of dominance the Hephthalite State.

A bowl with a cylindrical body on the foot (S-289) is quite unusual. The bowl walls were embossed with images of theatrical masks, figures of actors, thyrsus, stringed musical instruments, amphorae, and others. Theatrical plots were a popular theme in the toreutics of Bactria and neighboring Gandhara in antiquties (The crossroads of Asia, 1992. Cat. 97, 98). The art of Byzantium also had its influence, where in the 5th–6th centuries AD a surge of interest in ancient national culture happened. However, in the East, ancient plots were no longer understood, but adapted in the spirit of local ideas.

The bowls of the hemispherical shape were popular during the early Middle Ages, they were found during the excavations in the territory from the Kama basin to North India and from Bukhara in Sogd to the Chinese Datong, the capital of the Northern Wei (Watt et al., 2004, pp. 50–51, 154–155, Marshak, Krikis, 1969, pp. 67–76, Expedition Silk Road, 2014. Cat. 175). The medallions of the Hermitage cup (S-296) were embossed with images of a hunter with a bow pursuing a lion, another with a spear pursuing a bear, and a third pursuing a wild boar. The center placed a bust of the king in a headdress reminiscent of the Macedonian beret – causia.

A vivid example of a mixture of western and eastern features in the art of the Middle East of the 5th–6th centuries is a plot on another bowl (S-75). The marriage of a couple dressed in local Central Asian clothes is depicted. The woman's fingers are folded in a gesture of blessing. A bird flies over the couple with an investiture ring in its beak. Scenes around them from are the Hercules

tragedy by the ancient Greek playwright Euripides (Stavisky, 1960, pp. 67–71). The "eclectic" plot is complemented with monkey-musicians, popular in Indian art. A lion-like monster Kirtimukha is placed at the bottom - one of the manifestations of Shiva in Hindu mythology, with the functions close to the Greek Gorgon Medusa. The inscription on the bowl is in Sogdian: "This bowl is from Narak, son of Khun." (interpreted by V.A. Livshits).

БАКТРИЙСКАЯ ТОРЕВТИКА

А. В. Омельченко

В коллекции Эрмитажа есть небольшая группа сосудов, форма или (и) сюжеты на которых выделяют их среди других образцов восточного серебра. Большинство этих предметов, как и сасанидские и согдийские изделия, происходит из Приуралья, бассейна Камы и Западной Сибири, то есть, из районов, откуда в обмен на серебро поступала в Среднюю Азию, Иран, Индию драгоценная пушнина. Но некоторые находки были сделаны в левобережной Бактрии и датируются V–VI вв., временем господства в регионе эфталитов.

Необычна чаша с резервуаром цилиндрической формы на ножке (S-289). На стенках рельефом изображены театральные маски, фигуры актеров, тирсов, струнного музыкального инструмента, амфоры и др. Театральные сюжеты были популярной темой изображений в торевтике Бактрии и соседней Гандхары еще в эпоху античности (The crossroads of Asia, 1992. Кат. 97, 98). Влияние оказывало и искусство Византии, где в V–VI вв. наблюдается всплеск интереса к древней национальной культуре. Однако на Востоке античные сюжеты уже не понимались, но адаптировались в духе местных представлений.

Чаши полусферической формы периода раннего средневековья известны по находкам от Прикамья до Северной Индии и от Бухары в Согде до китайского Датонга, столицы Северной Вэй (Watt et al., 2004, pp. 50–51, 154–155; Маршак, Крикис, 1969, сс. 67–76; Expedition Silk Road, 2014. Кат. 175). В медальонах эрмитажной чаши (S-296) рельефом изображены охотник с луком, преследующий льва, другой с копьем – медведя, третий – кабана. В центр помещен бюст царя в головном уборе, напоминающем македонский берет – кавсию.

Яркий пример смешения западных и восточных черт в искусстве Среднего Востока V–VI вв. являет собой сюжет на еще одной чаше (S-75). Изображено бракосочетание пары, показанной в местных среднеазиатских одеждах. Пальцы руки женщины сложены в жесте благословения.

Над парой реет птица с инвеститурным кольцом в клюве. Вокруг же разворачиваются сцены из трагедии «Геракл» древнегреческого драматурга Эврипида (Ставиский, 1960, сс. 67–71). Дополняют «эклектичный» сюжет популярные в индийском искусстве обезьяны-музыканты. На дне помещено похожее на льва чудовище Киртимукха – одно из проявлений Шивы в индуистской мифологии, по функциям близкое греческой горгоне Медузе. Надпись же на сосуде согдийская и гласит: «Эта пиала от Нарака, сына Хуна». (прочтение В.А. Лившица).

CA-754
Ховонча колипи
Урта Осиё,
VII–VIII асрлар.
Сопол; колипдаги бўртма из, тиғли асбобда сайқалланган; ангоб.
4,8×4 см.

SA-754
Mortar model
Central Asia,
7th–8th centuries.
Clay; imprinting in a mold, chisel adjustment; engobe (slip).
4.8×4 cm.

CA-754
Модель ступы
Средняя Азия,
VII–VIII вв.
Глина; оттиск в форме, подправка резцом; ангоб;
4,8×4 см.

S-289
Бўртма тасвирли коса
Бактрия-Тохаристон (?),
V аср.
Кумуш; куйма, кавшарланган, сайқалланган.
11,7×5,7 см, вазни 370 г.

S-289
Bowl with a relief image
Bactria-Tokharistan (?),
5th century.
Silver; casting, soldering, polishing.
11.7×5.7 cm, weight: 370 g.

S-289
Чаша на ножке с рельефным изображением
Бактрия-Тохаристан (?),
V в.
Серебро; литье, пайка, шлифовка.
11,7×5,7 см, вес 370 г.

S-75
Манзарали бўртма тасвирга эга коса
Бактрия-Тохаристон (?),
VI аср.
Кумуш; куйма, уйма тасвир, сайқалланган, зархал.
14,5×4,6 см,
вазни 847,5 г.

S-75
Bowl in the form of a spherical segment with a plot relief image and an inscription
Bactria-Tokharistan (?),
6th century.
Silver; casting, carving, polishing, gilding.
14.5×4.6 cm,
weight: 847.5 g.

S-75
Чаша в форме сегмента шара с сюжетным рельефным изображением и надписью
Бактрия-Тохаристан (?),
VI в.
Серебро; литье, резьба, шлифовка, позолота.
14,5×4,6 см, вес 847,5 г.

S-296
Бўртма тасвирли коса
Бактрия-Тохаристон (?),
V – VI асрлар.
Кумуш; кандакорлик, уйма тасвир, сайқалланган, устма-уст ялпоклар.
Диаметри 15 см,
вазни 347,5 г.

S-296
Bowl in the form of a spherical segment with a relief image
Bactria-Tokharistan (?),
5th–6th centuries.
Silver; chasing, carving, polishing, overlaid plates;
diameter: 15 cm,
weight: 347.5 g.

S-296
Чаша в форме сегмента шара с рельефным изображением
Бактрия-Тохаристан (?),
V – VI вв.
Серебро; чеканка, резьба, шлифовка, накладные пластинки;
диаметр 15 см,
вес 347,5 г.

АЙРИТОМ ФРИЗИ

А. В. Омельченко

Айритом шаҳри Термиз шаҳридан шарққа 18 км узоқликда жойлашган бўлиб, Амударёнинг ўнг қирғоғига 3 км масофага чўзилган кўплаб тепаликлардан иборат бўлган. Ҳозирги вақтда ёдгорлик қисман сақланиб қолган.

Айритомдаги қазишма ишлари Термиз археология мажмуавий экспедицияси томонидан ўтган асрнинг 30-йилларида, шаҳарнинг мустаҳкамланган қисми ғарбида, 60-70-йилларида эса Ўзбекистон санъатшунослик экспедицияси томонидан олиб борилди (Массон, 1976; Пугаченкова, 1992; Вязьмитина 1945; Пугаченкова, Турғунов, 1968; Турғунов, 1987). Қазишмалар 1932 йили Амударё сувларида фризнинг биринчи блоки аниқлангандан кейин бошланди. Кейинги йили М.Е. Массон бошчилигидаги экспедиция қазишмалар чоғида Кушон будда санъатининг бу ажойиб ёдгорлигининг қолган қисмини топди. Тадқиқотлар эрамиздан аввалги II аср ўрталарида сўнгги Юнон-Бақтрия шоҳлари даврида бу ерда Амударё орқали ўтиш йўлини ҳимоя қилиши лозим бўлган кичик қалъа қурилиши бошланганини кўрсатди. Қалъанинг қурилиши ниҳоясига етмаган бинолари II–III асрлардаги будда ибодатхонасини барпо этиш учун пойдевор бўлди ва айни ундан фриз келиб чиқди. Унинг ўзи, чамаси, ибодатхонанинг бир қисми бўлиб, кейинроқ топилган ёдгорлик тошидаги ёзувларга кўра «bagalaggo» – «тангрилар жойи» номини олган сиғиниш мажмуасига кирган (Турғунов, Лившиц, Ртвеладзе, 1981, 45 б.).

Фриз блоклари ибодатхонага кириш девори ёки устунларини безаб турган иккита капителдан иборат бўлган. Улар ҳар бир томонда тўрттадан жойлашган ва девор сатҳини қоплаб турган силлиқ оҳактош плиталардан ясалган қопламалар воситасида ўзаро туташган.

Фризнинг ҳар икки бўлагидан бирининг юқори қисмида акантнинг икки қатор ҳошияси бўйлаб бир-биридан тенг масофада еттита шахс тасвирланган. Чап томондаги устун қошида созандалар тасвирланган: гуллар билан қопланган қисмда сурнайчи, унинг ортида пештоқнинг

узун томонида уд, ноғора, чилтор ва чанг чалаётган тўртта созанда, уларнинг ортида эса қўлида ҳадя қилинган идиш кўтарган аёл тасвирланган. Мусиқа асбоблари таркиби бениҳоя хилма-хил: иккиталик най – юнонча авлос, икки томонли ноғора – ҳиндча мриданга, гитарасимон уд (қаранг. А-681); бурчакли чилтор – уд, қадимги шарқона (қаранг. Хр-757). С.Ф. Ольденбург ва Г.А. Пугаченкованинг фикрича, созандалар панчамахашабта – будда таомилидаги бешта муқаддас оҳангни ифодалаганлар. Ҳар бир персонаж зираклар ва мунчоқлар, худди ўша даврдаги ҳинд заргарлик буюмлари билан ҳашамдор қилиб тасвирланган.

Ўнг тарафига эса қаттиқ шикаст етган, унда тахминан гуллар ва ҳадялар тутган одамлар тасвирланган. Қатор тадқиқотчиларнинг фикрича, фризда фаришталар – Будда паринирванаси иштирокчилари тасвирланган. Айритом фризи бақтрия, юнон ва ҳинд мавзулари ва кушон санъатидаги ўзаро қўшилма ҳосиласи, яъни гандхар санъатининг ёрқин намунасидир.

1935 йили Айритом фризи Эрмитаждаги Эрон санъати ва археологиясига бағишланган III Халқаро конгресси кўргазмасига қўйилди. 1939 йили Ўзбекистон ҳукумати қарорига кўра Эрмитажга совға сифатида тақдим этилди.

THE AYRTAM FRIEZE

A.V. Omelchenko

The Ayrtam site is located 18 km to the east of the city of Termez, looked like a group of hillocks stretching along the right bank of the Amu Darya for 3 km. Currently, the site has partially remained.

Excavations at Ayrtam were conducted in the west of its fortified part first in 1930s by the Termez Archaeological Complex expedition, and in 1960s and 1970s by the Art Studies Expedition in Uzbekistan (Masson, 1976; Pugachenkova, 1992; Vyazmitina 1945; Pugachenkova, Turgunov, 1968; Turgunov, 1987). They began after the discovery of the first block of the frieze in the waters of the Amu Darya River in 1932. The following year, the expedition headed by M.E. Masson during the excavations discovered the remaining parts of this remarkable monument of Kushan Buddhist art.

The research indicated that even under the last Greco-Bactrian kings in the middle of the 2nd BC, the fort construction started at the place aimed to defend the Amu Darya River. Its unfinished premises became the foundation of the Buddhist sanctuary of the 2nd–3rd centuries AD, from which the frieze originated. Apparently, it was a part of a monastery, according to an inscription on the stone stele later found nearby, in the cult complex "bagalaggo" – "the gods' place" (Turgunov, Livshits, Rtveladze, 1981, p. 45).

The frieze blocks formed two capitals that adorned the pylons or walls of the entrance to the sanctuary. They were located four on each side and joined with a facing of smooth limestone slabs covering the surface of the walls.

Seven characters are depicted on each of the two parts of the frieze in the high relief. They are placed at an equal distance from each other in the frame of two rows of lush leaves of acanthus. On the left capitals the main role is assigned to musicians: on the end block there is a female flutist playing the double flute – Greek aulos. Behind her,

on the long side, four other characters play guitar-shaped lute, two-sided drum (Indian mrdanga), triangular harp, and cymbals. A woman with a donative vessel in her hand stands behind them. According to S.F. Oldenburg and G.A. Pugachenkova, the musicians personified the so-called panchamahasabta – five sacred sounds in the Buddhist ritual. All the characters are depicted with accessories (earrings, necklaces), analogue to the Indian jewelry of that time.

On the right side, severely damaged part of the frieze, apparently, garland and gift-bearers are depicted. A number of researchers believe that all the characters are celestials, witnesses of the Buddha's Parinirvana. In general, the Ayrtam frieze is an example of the fusion of Bactrian, Greek and Indian motifs in Kushan art, so vividly expressed in Gandharan an art.

In 1935, the Ayrtam frieze was exhibited in the Hermitage, among the items dedicated to the 3rd International Congress on Iranian Art. In 1939, by the Decree of the Government of Uzbekistan, it was donated to the State Hermitage Museum..

АЙРТАМСКИЙ ФРИЗ

А. В. Омельченко

Городище Айртам расположено в 18 км к востоку от г. Термеза и представляло собой скопление бугров, растянувшихся вдоль правого берега реки Амударьи на 3 км. В настоящее время памятник сохранился лишь частично.

Раскопки Айртама велись на западе его укрепленной части сначала в 30-х гг. прошлого века Термезской археологической комплексной экспедицией, а в 60-х и 70-х гг. – Узбекистанской искусствоведческой экспедицией (Массон, 1976; Pugachenkova, 1992; Вязьмитина, 1945; Пугаченкова, Тургунов, 1968; Тургунов, 1987). Начались они после обнаружения первого блока архитектурного фриза в водах Амударьи в 1932 г. В следующем году экспедиция во главе с М.Е. Массоном в ходе раскопочных работ обнаружила остальные части этого замечательного памятника кушанского буддийского искусства.

Исследования показали, что еще при последних греко-бактрийских царях, в середине II в. до н.э., здесь было начато возведение форта, который должен был защищать переправу через Амударью. Его недостроенные помещения стали фундаментом для сооружения буддийского святилища II–III вв. н.э., из которого и происходил фриз. Само же оно, видимо, было частью монастыря, входившего, судя по надписи на найденной позже неподалеку каменной стеле, в культовый комплекс, который носил название «bagalaggo» – «место богов» (Тургунов, Лившиц, Ртвеладзе, 1981, с. 45).

Блоки фриза составляли две капители, которые украшали пилоны или стены входа в святилище. Они располагались по четыре на каждой стороне и соединялись с облицовкой из гладких плит известняка, покрывавшей поверхность стен.

На каждой из двух частей фриза в высоком рельефе изображено по семь персонажей. Они размещены на равном удалении друг от друга в обрамлении двух рядов пышных листьев аканта. На левой капите-

ли основная роль отведена музыкантам: на торцевом блоке изображена флейтистка, играющая на двойной флейте – греческом авлосе. За ней, уже на длинной стороне последовательно располагались еще четыре действующих лица, которые играют на гитаровидной лютне, двустороннем барабане (индийский мриданга), угловой арфе, кимвалах. За ними находится женщина с дарственным сосудом в руке. По мнению С.Ф. Ольденбурга и Г.А. Пугаченковой, музыканты олицетворяли так называемые панчамахашабта – пять священных звуков в буддийском ритуале. Все персонажи изображены с украшениями (серьги, ожерелья), которые находят аналогии среди индийских ювелирных изделий того времени.

На правой, сильно поврежденной части фриза изображены гирляндоносцы и дароносцы. Ряд исследователей считают, что все персонажи – это небожители, свидетели паринирваны Будды. В целом, Айртамский фриз являет собой пример слияния в кушанском искусстве бактрийских, греческих и индийских мотивов, столь ярко выразившихся в гандхарском искусстве.

В 1935 г. Айртамский фриз был выставлен на экспозиции в Эрмитаже, посвященной III Международному конгрессу по иранскому искусству и археологии. В 1939 г. по Постановлению Правительства Узбекистана он был передан в дар Эрмитажу.

SA-3198, 3199, 3197, 3195 (чап),
SA-3200, 3194, 3193, 3196 (ўнг)

Фриз парчаси

Айритом, мил. II–III асрлар.
Оҳактош, ўйма тасвир; 96×52×38,
100×45×38, 77×54×37, 77×52×37 см
(чап);
75×45×38, 78×48×39, 78×57×39,
78×54×38 см (ўнг).

SA-3198, 3199, 3197, 3195 (left),
SA-3200, 3194, 3193, 3196 (right)

Frieze, fragment

Ayrtam, 2nd–3rd centuries AD.
Limestone, carving; 96×52×38,
100×45×38, 77×54×37, 77×52×37 cm
(left);
75×45×38, 78×48×39, 78×57×39,
78×54×38 cm (right).

SA-3198, 3199, 3197, 3195 (левая),
SA-3200, 3194, 3193, 3196 (правая)

Фриз, фрагмент

Айртам, II–III вв. н.э.
Известняк, резьба; 96×52×38,
100×45×38, 77×54×37, 77×52×37 см
(левая);
75×45×38, 78×48×39, 78×57×39,
78×54×38 см (правая).

ҚОРАТЕПА

А. В. Омельченко

Қоратепа Будданинг ғордаги ибодатхонаси Ўзбекистон Республикасининг Сурхондарё вилоятидаги Эски Термиз қадимий шаҳрининг ғарбий қисмида жойлашган.

1928 йилда Москва Шарқ маданияти музейининг Термиз экспедицияси аъзоси А.С. Стрелков Қоратепада буддавийлик иншооти бўлиши мумкинлигини тахмин қилди. 1934–1936 йилларда Г.В. Парфенов Қоратепанинг учта ғорини ўрганди. 1936 йилда қадимий шаҳарда М.Е. Массон раҳбарлик қилувчи ТАМЭ изланишларини бошлади. Унда Эрмитаж ходимлари иштирок этди.

1961 йилда Давлат Эрмитажининг Б.Я. Ставиский раҳбарлигидаги Ўрта Осиё (кейинчалик Тохаристон) экспедицияси тузилиши билан Қоратепадаги тадқиқот ишларининг янги босқичи бошланди. 1962 йилда қадимий ёдгорликларни ўрганиш ишларига Шарқ халқлари давлат санъат музейи, кейинроқ музей бадиий буюмларини тиклаш ва консервациялаш бўйича Бутуниттифоқ марказий илмий-тадқиқот лабораторияси ҳамда Дин тарихи давлат музейи қўшилди. Турли йилларда қадимий ёдгорликни тадқиқ этишда Эрмитажнинг Т.В. Грек, Е.В. Зеймаль, Т.И. Зеймаль, В.Г. Луконин, М.Б. Северова, Н.С. Сичева, В.Л. Сичев В.В. Вертоградова, Т.К. Мкртычев ва бошқа ходимлари қатнашдилар.

Ёзувлардан (А-1730) хулоса ясасак, бу Ўрта Осиёдаги илк (I–V асрлар) будда ибодат маркази бўлиб, Шоҳона ибодатхона (Хвадевака-вихара) номи билан аталган. Аслида эса мажмуа таркибида ғордаги ва ер устидаги иншоотлар, жумладан, чайтья ибодатхонаси, хўжалик бинолари (вихара), ступа, қоҳинлар ҳужрасидан иборат бир нечта ибодтхона бўлган. Интерьерлар Будда, бодхисаттва, ҳадячилар тасвири туширилган жимжимадор ва мазмундор нақшлар билан безатилган. Иншоотларнинг тахмонида лой-ганчдан ясалиб парчалари сақланиб қолган улкан ҳайкал (А-1658) турибди. Девор ва гумбазлар сиртига мармарсимон оҳактош қопланган. Айрим плиталар тилла суви юритилган ранг-баранг мазмунли

саҳналар тасвири билан безатилган. Бино ичида йирик сопол-ганч ҳайкал (А-1658) ўрнатилган. Девор ва ступалар сиртларига мергел оҳактошлари ишлатилган. Уларнинг айримларини барельеф (ўртача бўртма)лар қоплаган, улар бўялган, кўпинча олтин суви билан қопланган. Бундай ҳайкалнинг ёрқин намунаси ҳиндларнинг Кубера худоси (А-1928) тасвири туширилган капител парчаси ҳисобланади. Унинг вазифаси Дионис-Вакхга, қиёфаси Силенга ўхшашдир.

Буддавийлар сюжетлари қатор бошқа бўртмаларда ҳам акс этган. Уларнинг бирида ўрта қатлам (А-1757) ифодаланган, ўрта қаватни акант япроқларидаги бодхисаттва эгаллаган, унинг қўлида уч баргли гул; юқорироқда геральдик ҳолатдаги иккита зебу сағрисига панжасини қўйган арслон тасвирланган. Бошқа бўртмада (А-1905) гул маржони кўтарган киши акс этган, юқори қатламда ётган ҳолдаги буқа-зебу, унинг оёғи қанотли махлуққа тегиб турибди. Бу арслон ёки афсонавий персонаж (грифон?) чап соҳилдаги Бақтриянинг Тиллатепадаги милодий I асрга мансуб шоҳлар дахмаларидаги арслон ёки афсонавий қаҳрамонга ўхшаб кетади. (Afghanistan, 2008. Cat. 125, 126).

Капителнинг ясалиш услуби Гандхара санъатига яқин. Аммо бошқа ёдгорликлар сингари Қоратепадаги қолган бўртма нақшларнинг (А-1757, А-1905) мазмуни ва деталлари Бақтриянинг Гандхараникидан фарқли ўз меъморий-бадиий мактаби мавжуд бўлганлигини тахмин қилишга имкон беради.

Пиёла, кўза, дастали пиёла, шамчироқ, эсдаликлар қутиси (А-1811, А-1810, А-1736, А-1644, А-1647, А-1648, А-1927; А-1637) сингари сопол буюмлар тўплами коҳинларнинг кундалик ҳаётини акс эттиради. Идишларда тушь билан туширилган ёзувлар кўп учрайди: брахми ва кхароштхи ёзуви да (А-1870, А-1653), бақтрийча – грек ёзуви кўринишида (А-1649), ғор деворлари ва ердаги мажмуаларда ҳам бор (А-1730), уларни коҳинларнинг ўзи ёки мазкур буддавийлик марказига ташриф буюрганлар туширган.

KARATEPA

A.V. Omelchenko

The Buddhist cave monastery of Karatepa is located in the western part of the site of Old Termez (ancient Tarmit), in the Surkhandarya Province.

In 1928, A.S. Strelkov, a member of the expedition organized by the State Museum of Oriental Art, suggested that there might have been Buddhist structures in Karatepa. In 1934–1936, G.V. Parfyonov surveyed three of the Karatepa caves. Since 1936, the Termez expedition headed by M.E. Masson began exploring the site together with the Hermitage staff.

A new stage of exploration of Karatepa began in 1961 with the Central Asian (later – Tokharistan) expedition of the State Hermitage directed by B.Y. Staviskiy. In 1962, the State Museum of Oriental Art also joined the study of the site, followed by the All-Union Central Laboratory of Science and Research for the Conservation and Restoration of Museum Art Treasures and the State Museum of the History of Religion. Many scholars of the Hermitage contributed to the research of this site over the years: T.V. Grek, E.V. Zeymal, T.I. Zeymal, V.G. Lukonin, M.B. Severova, N.S. Sycheva, V.L. Sychev, V.V. Vertogradova, T.K. Mkrtychev and others.

Judging by the inscriptions discovered at the site (A-1730), this was the first (1st–5th centuries) Buddhist religious center in Central Asia; it was called Khvadevaka-vihara (the Royal Monastery). In fact, the complex consisted of several monasteries, including multiple underground and on ground structures: chaitya sanctuaries, monastic cells with utility rooms (vihara), and stupa. The interior was decorated with ornaments and scenes of the Buddha, bodhisattvas, and donors. In the niches there were intact fragments of big clay and ganch (a mix of clay and gypsum) sculptures (A-1658). The walls and stupas were covered with marly limestone. Sections of walls were covered with painted bas-reliefs occasionally coated in golden foil. A very nice specimen is a capital

fragment with the image of the Indian god Kubera (A-1928), analogue to Dionysus-Bacchus and looked like Silenus.

Buddhist plots are illustrated in a number of other reliefs. One of them (A-1757) has the figure of bodhisattva in the leaves of acanthus holding a flower in the form of a trefoil. Above there is a lion with a head in the front and with paws on croups of two zebu in heraldic poses. One more relief (A-1905) has a garland-bearerat; above the lying bull zebu, whose touched by the winged predator. It is a lion or a fantastic mythological animal (griffin?), as on objects from the famous "golden" royal burial of the 1st century AD on Tillya-tepa on the left bank of Bactria (Afghanistan, 2008. Cat. 125, 126).

The style of a series of images on Karatepa is similar to the Gandharan an art. However, the plots and details of other reliefs, including those from neighboring Tokharistan sites, are evidence of the Bactrian architectural and art school.

A set of ceramic items: bowls, jugs, mugs, lamps, lids of reliquaries (A-1811, A-1810, A-1736, A-1644, A-1647, A-1648, A-1927, A-1637), reflects monks' daily life. On the vessels there were often inscriptions written in ink: Brahmi and Kharoshthi scripts (A-1870, A-1653), as well as the Bactrian script (A-1649); they were found on the walls of caves and ground complexes (A-1730), made by the monks themselves or visitors to this Buddhist center.

КАРАТЕПА

А.В. Омельченко

Буддийский пещерный монастырь Каратепа расположен в западной части городища Старого Термеза (древней Тармиты), в Сурхандарьинском вилояте (области) Узбекистана.

В 1928 г. участник Термезской экспедиции московского Музея восточных культур А.С. Стрелков предположил наличие на Каратепа буддийских сооружений. В 1934–1936 гг. три пещеры Каратепа изучал Г.В. Парфенов. С 1936 г. на городище начались работы ТАКЭ, возглавляемой М.Е. Массоном, в которых принимали участие специалисты из Эрмитажа.

Новый этап исследований Каратепа начался в 1961 г. с созданием Среднеазиатской (позднее Тохаристанской) экспедиции Государственного Эрмитажа, под руководством Б.Я. Ставиского. В 1962 г. к изучению памятника присоединился Государственный музей искусств народов Востока, а позднее – Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей и Государственный музей истории религии. В разные годы в этих исследованиях памятника принимали участие: Т.В. Грек, Е.В. Зеймаль, Т.И. Зеймаль, В.Г. Луконин, М.Б. Северова, Н.С. Сычева, В.Л. Сычев, В.В. Вертоградова, Т.К. Мкртычев и другие.

Судя по найденным надписям (А-1730), этот самый ранний (I–V вв.) в Средней Азии буддийский культовый центр носил название Кхадевакавихара – Царский монастырь. В действительности в комплексе было нескольких монастырей, включавших пещерные и наземные постройки: святилища-чайтья, монашеские кельи с хозяйственными помещениями (вихара), ступа. Интерьеры были украшены орнаментальной и сюжетной росписью с изображениями Будды, бодхисаттв, донаторов-дарителей. В нишах помещений располагалась крупная глиняно-ганчевая скульптура (А-1658). В облицовке стен и ступ использовались плиты из мергелистого известняка. Некоторые из них покрывали барельефы, которые

раскрашивались, а нередко покрывались позолотой. Замечательным образцом такой скульптуры является фрагмент капители с изображением индийского бога Куберы (А-1928), аналога Диониса–Вакха и внешне похожего на Силена.

Буддийские сюжеты проиллюстрированы на ряде других рельефов. На одном (А-1757) – средний ярус занимает фигура бодхисаттвы в листьях аканта, держащего в руке цветок в виде трилистника; выше помещена голова льва в фас, положившего лапы на крупы двух зебу, расположенных в геральдических позах. На другом рельефе (А-1905) изображен гирляндоносец; выше – лежащий бык-зебу, ног которого касается крылатый хищник. Это лев или фантастический персонаж (грифон?) – как на предметах из знаменитого «золотого» царского захоронения I в. н.э. на Тиллятепа в левобережной Бактрии (Afghanistan, 2008. Кат. 125, 126).

Стиль ряда изображений на Каратепа близок Гандхарскому искусству. Однако сюжеты и детали других рельефов, в том числе с соседних тохаристанских памятников, позволяют предположить, что в Бактрии существовала своя архитектурно-художественная школа.

Набор керамических изделий: чаши, кувшинчики-кружки, светильники, крышки реликвариев (А-1811, А-1810, А-1736, А-1644, А-1647, А-1648, А-1927; А-1637), – отражает повседневный быт монахов. На сосудах зачастую встречались надписи, нанесенные тушью: письмом брахми и кхароштхи (А-1870, А-1653), а также бактрийским письмом (А-1649); они имелись также на стенах пещер и наземных комплексов (А-1730), сделанные самими монахами или посетителями этого буддийского центра.

A-1928
Устун қоши парчаси
Қоратепа, шимолий томони, Z мажмуаси, II–III асрлар
Оҳактош; уйма тасвир, ранг-баранг бўёк.
35×20 см.

A-1928
Fragment of pilaster capital
Karatepa, northern top, complex Z, 2nd–3rd centuries AD.
Limestone; carving, coloring.
35×20 cm.

A-1928
Фрагмент капители пилястра
Каратепа, северная вершина, комплекс Z, II–III вв. н.э.
Известняк; резьба, раскраска.
35×20 см.

A-1757
Бўртма тасвирли коплама бўлаги
Қоратепа, Б мажмуаси, I–II асрлар.
Оҳактош, бўёклар; уйма тасвир.
27×17×23 см.

A-1757
Fragment of a facing block with relief images
Karatepa, complex B, 1st–2nd centuries.
Limestone, paints; carving.
27×17×23 cm.

A-1757
Фрагмент облицовочного блока с рельефными изображениями
Каратепа, комплекс Б, I–II вв.
Известняк, краски; резьба.
27×17×23 см.

A-1905
Устун қоши бўлаги, уч қаватли йирик бўртма (горельеф) манзарали
Қоратепа, Г мажмуаси, ховлининг жанубий айвони, I–II асрлар.
Оҳактош, қизил бўёқ; уйма тасвир.
22×21×12 см.

A-1905
Fragment of a pilaster capital with a high relief, three-tiered composition
Karatepa, complex G, southern iwan of the court, 1st–2nd centuries.
Limestone, red paint; carving.
22×21×12 cm.

A-1905
Фрагмент капители пилястра с горельефной, трехъярусной композицией
Каратепа, комплекс Г, южный айван двора, I–II вв.
Известняк, красная краска; резьба;
22×21×12 см.

A-1658
Будда хайкали, парча (кўл панжаси)
Қоратепа, жанубий қисми, I қазилма ишлари, ховли; II–III асрлар.
Ганч (алебастр); каркасга ишланган.
25,7×11,5 см.

A-1658
Buddha statue, fragment (hand)
Karatepa, southern hill, excavation 1, court; 2nd–3rd centuries AD.
Ganch (alabaster); molding on a frame.
25.7×11.5 cm.

A-1658
Статуя Будды, фрагмент (кисть руки)
Каратепа, южный холм, раскоп I, двор; II–III вв. н.э.
Ганч (алебастр); лепка на каркасе.
25,7×11,5 см.

A-1811; A-1810; A-1736; A-1644
Идишлар
Қоратепа, II – IV асрлар.
Гил; бўртма қолип, ўйма тасвир; ангоб, сирлаш.
4,6×19,5; 21,5×7,2; 9,6×8,5;
диаметри 10 см.

A-1811; A-1810; A-1736; A-1644
Vessels
Karatepa, 2nd–4th centuries.
Clay; imprinting in a mold, carving; engobe, glazing.
4.6x19.5; 21.5×7.2; 9.6×8.5;
diameter: 10 cm.

A-1811; A-1810; A-1736; A-1644
Сосуды
Каратепа, II – IV вв.
Глина; оттиск в форме, резьба; ангоб, лощение.
4,6×19,5; 21,5×7,2; 9,6×8,5;
диаметр 10 см.

A-1927; A-1637
Нилуфар шаклидаги қопқоқлар
Қоратепа, шимолий томон, Z мажмуаси, I – III асрлар.
Сопол; бўртма қолип, ўйма тасвир; ангоб; 6×16,5; 5,4×11,4 см.

A-1927; A-1637
Lids in the form of a lotus
Karatepa, northern peak, complex Z, 1st–3rd centuries.
Clay; imprinting in a mold, carving; engobe.
6×16.5; 5.4×11.4 cm.

A-1927; A-1637
Крышки в виде лотоса
Каратепа, северная вершина, комплекс Z, I – III вв.
Глина; оттиск в форме, резьба; ангоб.
6×16,5; 5,4×11,4 см.

A-1647; A-1648
Шер боши шакли туширилган идиш парчалари
Қоратепа, II – III асрлар.
Сопол; 5,8×3,6; 3,3×3 см.

A-1647; A-1648
Fragments of bowls with stuck details in the form of a lion's snout
Karatepa, 2nd–3th centuries.
Clay; 5,8×3,6; 3,3×3 cm.

A-1647; A-1648
Фрагменты чаш с налепами в виде львиной головы
Каратепа, II – III вв.
Глина; 5,8×3,6; 3,3×3 см.

ЗАРТЕПА

А.В. Омельченко

Қадимий Зартепа шаҳри Ўзбекистоннинг Сурхондарё вилоятида, Термиз шаҳридан 26 км шимоли-ғарбда жойлашган. Шаҳар эрамизга яқин даврда пухта режа асосида Ангор суғориладиган воҳа ҳудудининг маркази сифатида бунёд этилган. Унинг гуллаб-яшнаган даврига II аср – III аср бошларига тўғри келади. Бу даврда бу қадимий шаҳар ўнг соҳилдаги Бақтриянинг энг катта (16,9 га) шаҳарлардан бири саналган. Шаҳар режа асосида квадрат шаклида қурилган; унинг шимоли-шарқий бурчагида алоҳида кириш йўли бўлган қалъа (майдони: 120×120 м) жойлашган. Шаҳарнинг камида бешта дарвозаси бўлган. Қалъа деворларига тенг оралиқларда туйнукли миноралар жойлаштирилган.

1950–1952 йилларда Л.И. Альбаум Зартепа археологиясини ўрганган. 1972–1986 йилларда бу қадимий шаҳарчада Ўзбекистон Фанлар академияси (ФА) Археология институти экспедицияси ва Россия ФА Археология институтининг Ленинград бўлими ҳамкорликда қазилма ишларини олиб борган ва унда К.А. Абдуллаев, Т.Д. Аннаев, В.А. Галибин, В.А. Завьялов, Г.А. Кошеленко, В.М. Массон, В.И. Осипов, Ш.Р. Пидаев, В.Н. Пилипко, К.С. Собиров, А.Я. Шетенко ва бошқалар иштирок этганлар. Тадқиқотлардан олинган материалларнинг бир қисми 2009 йили Россия Фанлар академиясининг Моддий маданият тарихи институти (ММТИ)дан Давлат Эрмитажига келиб тушган.

Кўҳна шаҳар асосан унинг юқори қатламида кечган ҳаёт (III–IV асрлар) нуқтаи назаридан ўрганилган. Шаҳар қалъасининг шарқий девори, бурчак қўрғони (бу ерда деворга ишланган расмлар қолдиғи топилган) ва тахминан, шаҳар марказида жойлашган сарой тадқиқ қилинган.

Тўртта майдондаги қазишмаларда кўчаларга ёндош маҳаллалар (улардан бирида сопол ишлаб чиқарилгани маълум бўлди) очилган. Шаҳар чеккасида эса буддавийларнинг гумбазли биноси ва Куёвқўрғон қўрғончаси топилган. Бундан ташқари, V аср – VI аср бошларига мансуб объектлар тадқиқ этилган. Улар сирасига қалъа арки тепа қисмидаги

икки қаватли қаср, жануби-шарқдаги қўрғон ва буддавийлик ибодатхонаси киради.

Шаҳарнинг (Р-6) жануби-шарқий қисмида шаҳарликларнинг кушоний-сосонийлар давридаги турмушини тавсифловчи кўп сонли археология топилмалари, жумладан, тангалар, меъморий қисмлар, идиш-товоқлар, меҳнат қуроллари ва уй-рўзғор буюмлар, темир, бронза ва суякдан ясалган қуроллар ва ашёлар топилган. Сопол буюмлар тўпламида эса жом, тоғора, турли кўзалар жуда кўп. Шунингдек чой ичиладиган кўзачалар, қуйи қисмида тешикчалари бўлган зираворлар учун идишлар ва ҳозирги чойнакларга ўхшаш кичик идишлар ҳам бу даврга хос бўлган (А-2609; А-2430; А-2519; А-2577; А-2308; А-2517; А-2141). Зартепа қатламларида топилган кўплаб тангалар қадимда Бақтрия-Тохаристонда савдо-сотиқ жадал ривожланганидан далолат беради.

Зартепа терракота ялпоқларида Тохаристонни юнон-рум дунёси билан боғловчи тасвирлар ўрин олган, жумладан, Геракл, кўп ўқли сурнайсимон чолғу, бошқача қилиб айтганда, Пан сурнайи чалаётган қаҳрамон (А-2594; А-2549) кабиларни бунга мисол қилиш мумкин. Улар орасида бўлган аёллар ҳайкалчалари орасида минтақа учун анъанавий бўлган зардуштийлар маъбудалари сиймоси ифодаланган. Сопол буюмлар кўпинча жониворлар тасвирлари билан безалган. Улар нафақат нафосат белгиси, балки муайян ибодат вазифасини ҳам бажарганлар. Қадимий Ҳинд-Эрон даврида от – қуёш тимсоли ва қўй омад рамзи сифатида эъзозлаган (А-2324; А-2081). Қобон (А-2399) эса зардуштийлар дахмасидаги ғалаба маъбудаси Веретрагна чеҳраларидан бири бўлган. Маймун ва арслон қиёфалари ўз навбатида Бақтрия-Тохаристонда буддавийлик билан боғлиқ ҳинд санъати таъсири остида анча оммалашган. Буддавийлик билан боғлиқ бошқа тасвирлар каби улар Суғдда кам учраган (АФР-2095; СА-237). Бироқ Шимолий Бақтрия – Тохаристонда у биринчи асрларидан оддий ҳолга айланган. Зартепада Будданинг алебастрдан ясалган қиёфасининг бўлаги (А-2415), ўтирган бодхисаттванинг терракота ҳайкалчаси (А-2663) ва кўкрак қисми боғланган якша ҳайкалчаси (А-2660) топилган.

Шаҳар ва қишлоқлардаги қазилма ишлари мобайнида тепа қисмига турли тасвирлар туширилган ўтирган маъбуда (Ардохшо?) кўринишидаги, қўл панжаси, от калласи, анор меваси кўринишидаги ёки оддий геометрик нақшлар билан безалган қабзали суяк тўғноғичлар топилган (АФР-2095; СА-237; А-2660; А-2663). Бундай буюмлар қадимда Ўрта ва Яқин Шарқнинг бошқа ҳудудларида ҳам кенг тарқалган.

ZARTEPA

A.V. Omelchenko

The Zartepa site is located in the Surkhandarya Viloyat (Province), 26 km to the northwest of Termez. The city was built according to a well-planned design at the turn of milenia as the center of the Angor irrigation area and oasis. Its prosperity took place in the second and early third centuries AD, when it was one of the biggest (16.9 ha) cities in the right-bank part of Bactria. The site is square; in its northeast corner there was a citadel 120×120 m in size with a separate entrance. The town had at least five gates: two in the corners of the citadel, and two on the southeast side, protected by a large fort. The walls of the fortress had towers with arrow-slits, arranged at equal intervals from each other.

The archaeological research at Zartepa was carried out in 1950–1952 by L.I. Albaum. In 1972–1986, the joint expedition of the Institute of Archaeology, the Academy of Sciences of Uzbekistan, and the Leningrad branch of the Institute of Archaeology conducted excavation works at the site with participation of K.A. Abdullaev, T.D. Annaev, V.A. Galibin, V.A. Zavyalov, G.A. Koshelenko, V.M. Masson, S.R. Pidaev, V.N. Pilipko, K.S. Sabirov and others. The Institute of the History of Material Culture transfered a part of finds to the State Hermitage in 2009.

Basically, the upper settling period of the site was studied (the 3rd–4th centures). The scholars researched the east fortification wall of the site, the corner fort (where remnants of murals were discovered) and the palace, situated approximately in the center of the site.

Four areas with living quarters were excavated (with ceramic production in one of them) with their adjacent streets, as well as a Buddhist stupa and Kuevkurgan country estate. The expedition also studied objects from the fifth - early sixth centuries: the two-storeyed castle on the citadel, the fort in the southeast, and the Buddhist sanctuary.

In the southeastern quarter of the site (R-6), numerous archaeological finds have been unearthed characterizing various aspects of the

townsfolk's daily life in the Kushan-Sasanian periods: coins, architectural details, utensils, work and household tools, weapons and household items made of iron, bronze and bone. The ceramic set was was predominantly bowls, tagora and various jugs. Also, cups-jugs, "spice vessels" with a lot of holes in the lower part, like those of saltcellars, and small watering cans are common, like modern teapots (A-2609; A-2430; A-2519; A-2577; A-2308 A-2517, A-2141). A large number of coins found in layers of Zartepa is evidence of progressive development of the market trade in Bactria-Tokharistan in the period of late Antiqiuty.

The terracotta plastic art of Zartepa is images linking Tokharistan to the Greco-Roman world: Hercules, a character playing the barrel siring, another name of Pan's flute (A-2594; A-2549). At the same time, the female statuettes embody the images of deities of the traditional Zoroastrian region. Ceramics are often decorated with images of animals. They performed not only aesthetic, but also a certain cult function. To the ancient Indo-Iranian past goes the veneration of the horse - the symbol of the sun, and the sheep embodying good luck (A-2324; A-2081). The boar (A-2399) was one of Verotragna's hypostases, the deity of victory of the Zoroastrian pantheon. The images of the monkey and lion, in turn, became popular in Bactria-Tokharistan under the influence of Indian art connected with Buddhism. The finds disclosed at Zartepa are a fragmented alabaster figurine of Buddha (A-2415), a terracotta statuette of a sitting bodhisattva (A-2663), a yakshini with a characteristic bandage on the chest (A-2660).

Numerous small bone pins with top in the shape of a sitting goddess (Ardokhsho?), hand, horse head and pomegranate or geometrical patterns were unearthed at the ancient sites of Tokharistan (AFR-2095; SA-237; A-2660; A-2662). Similar products were widely popular in Antiquties in other areas of the Middle and Near East.

ЗАРТЕПА

А. В. Омельченко

Городище Зартепа расположено в Сурхандарьинском вилояте (области) в 26 км к северо-западу от г. Термеза. Город был построен по продуманному плану на рубеже н.э. как центр Ангорского ирригационного района-оазиса. Расцвет его приходится на II – начало III вв. н.э., когда он был одним из самых больших по площади (16,9 га) среди городов правобережной Бактрии. Городище квадратное в плане; в северо-восточном углу располагалась цитадель (120×120 м), имевшая отдельный вход. В самом городе было еще не менее пяти ворот. Крепостные стены были снабжены располагавшимися через одинаковые промежутки башнями с бойницами.

Археологическое изучение Зартепа проводилось в 1950–1952 гг. Л.И. Альбаумом. В 1972–1986 гг. на городище работала совместная экспедиция Института археологии АН Узбекистана и Ленинградского отделения Института археологии РАН, в которой принимали участие К.А. Абдуллаев, Т.Д. Аннаев, В.А. Галибин, В.А. Завьялов, Г.А. Кошеленко, В.М. Массон, Ш.Р. Пидаев, В.Н. Пилипко, К.С. Сабиров и др. Часть материалов, полученных ее исследованиями, поступила в Государственный Эрмитаж из ИИМК РАН в 2009 г.

Городище изучалось в основном по верхнему периоду обживания (III–IV вв.). Были исследованы восточная крепостная стена города, угловой форт (здесь были найдены остатки настенной живописи) и дворец, располагавшийся примерно в центре городища.

На четырех участках раскапывались жилые кварталы (на одном из них было обнаружено керамическое производство) с прилегающей уличной сетью, а в пригороде – буддийская ступа и усадьба Куевкурган. Были также исследованы объекты, относящиеся к V – началу VI вв.: двухэтажный замок на гребне цитадели, форт и буддийское святилище.

В юго-восточном квартале городища (Р-6) были получены многочисленные археологические находки, характеризующие различные стороны

быта горожан в кушано-сасанидское время: монеты, архитектурные детали, посуда, орудия труда и быта, оружие и предметы обихода из железа, бронзы, кости. В керамическом наборе преобладали чаши, тагора, разнообразные кувшины. Также обычны кружки-кувшинчики, «сосудики для специй» с множеством отверстий в нижней части как у солонок и небольшие поильники, похожие на современные чайники (А-2609; А-2430; А-2519;А-2577; А-2308; А-2517; А-2141). Большое количество монет, обнаруженных в слоях Зартепа, свидетельствует о поступательном развитии рыночной торговли в Бактрии–Тохаристане в период поздней античности.

В терракотовой пластике Зартепа представлены изображения, связывающие Тохаристан с греко-римским миром: Геракл и персонаж, играющий на многоствольной сиринге, по-другому называемой флейтой Пана (А-2594; А-2549). В то же время, находящиеся среди них женские статуэтки передают образы божеств традиционного для региона зороастризма. Керамика нередко украшалась изображениями животных. Они выполняли не только эстетическую, но и определенную культовую функцию. К древнему индоиранскому прошлому восходит почитание лошади – символа солнца, и барана, олицетворяющего удачу (А-2324; А-2081). Кабан (А-2399) являлся одной из ипостасей Веретрагны, божества победы зороастрийского пантеона. Образы обезьяны и льва, в свою очередь, стали популярны в Бактрии–Тохаристане под влиянием связанного с буддизмом индийского искусства. На Зартепа также были найдены: фрагмент алебастровой фигурки Будды (А-2415), терракотовая статуэтка сидящего бодхисаттвы (А-2663), якшини с характерной перевязью на груди (А-2660).

Многочисленны на древних поселениях Тохаристана находки небольших костяных булавок с навершиями, выполненными в виде сидящей богини (Ардохшо?), в виде кисти руки, головы лошади, плода граната или украшенные геометрическим орнаментом (АФР-2095; СА-237; А-2660; А-2663). Подобные изделия были широко распространены в античную эпоху и в других областях Среднего и Ближнего Востока.

A-2077
Устун қоши
Милоддан аввалги ва милодий I асрлар.
Оҳактош; ўйма тасвир;
52×48×31 см.

A-2077
Capital
the first centuries BC – the first centuries AD.
Limestone; carving;
52×48×31 cm.

A-2077
Капитель
Первые вв. до – первые вв. н.э.
Известняк; резьба;
52×48×31 см.

A-2594; A-2549
Геракл боши тасвири, сурнайчи ҳайкали
Милодий III аср охири – IV аср бошлари.
Гил; қизил ангоб;
6,7×5,4; 8,8×5,5 см.

A-2594; A-2549
The image of Hercules' head – stuck detail, a figurine of a flutist
the late 3rd–4th centuries AD.
Clay; red engobe; 6.7×5.4; 8.8×5.5 cm.

A-2594; A-2549
Изображение головы Геракла – налеп, статуэтка флейтиста
Конец III–IV вв. н.э.
Глина; красный ангоб;
6,7×5,4; 8,8×5,5 см.

A-2431
Шер тумшуғи шаклидаги идишга ишланган ганч нақш
Милодий III–IV асрлар.
Гил; ганчкор нақш, бўртма қолип, тиғли асбобда сайқалланган; ангоб; 20×18,8 см.

A-2431
Stuck detail on a vessel in the form of a lion snout
3rd–4th centuries AD.
Clay; molding, imprinting in a mold, chisel adjustment; engobe;
20×18.8 cm.

A-2431
Налеп на сосуд в виде морды льва
III–IV вв. н.э.
Глина; лепка, оттиск в форме, подправка резцом; ангоб;
20×18,8 см.

A-2408
Маъбуда ҳайкалчаси
Милодий III аср охири – IV аср бошлари.
Гил; ганчкор нақш, бўртма қолип, тиғли асбобда сайқалланган; ангоб; 12,2×5 см.

A-2408
Figurine of a female deity
The late 3rd–4th centuries AD.
Clay; molding, imprinting in a mold, chisel adjustment; engobe;
12.2×5 cm.

A-2408
Статуэтка женского божества
Конец III–IV вв. н.э.
Глина; лепка, оттиск в форме, подправка резцом; ангоб;
12,2×5 см.

A-2415
Будда ҳайкалчаси, парча
Милодий IV – V аср бошлари.
Алебастр, бўртма қолип, тиғли асбобда сайқалланган; ранг-баранг бўёқ, зарҳал;
8,1×1,5 см.

A-2415
Buddha figurine, fragment
4th – the early 5th century AD.
Alabaster, imprinting in a mold, chisel adjustment; coloring, gilding;
8.1×1.5 cm.

A-2415
Статуэтка Будды, фрагмент
IV – начало V вв. н.э.
Алебастр, оттиск в форме, подправка резцом; раскраска, позолота;
8,1×1,5 см.

A-2609; A-2430; A-2519; A-2577
Идишлар
Милодий III аср охири – IV аср бошлари.
Гил; ангоб.
9,8×18×7;
10,5×28,5×7,7;
24×10,6×9,3; 5×10,9 см.

A-2609; A-2430; A-2519; A-2577
Vessels
the late 3rd–4th centuries CE.
Clay; engobe.
9.8×18×7;
10.5×28.5×7.7;
24×10.6×9.3; 5×10.9 cm.

A-2609; A-2430; A-2519; A-2577
Сосуды
Конец III – IV вв. н.э.
Глина; ангоб.
9,8×18×7;
10,5×28,5×7,7;
24×10,6×9,3; 5×10,9 см.

A-2308; A-2517; A-2141
Идишлар
Милодий III аср охири – IV аср бошлари.
Гил; ангоб;
9,8×1×3,5; 17,8×7,3×4;
9,4×4,1×3,8 см.

A-2308; A-2517; A-2141
Vessels
the late 3rd–4th centuries AD.
Clay; engobe.
9.8×1×3.5; 17.8×7.3×4;
9.4×4.1×3.8 cm.

A-2308; A-2517; A-2141
Сосуды
Конец III – IV вв. н.э.
Глина; ангоб;
9,8×1×3,5; 17,8×7,3×4;
9,4×4,1×3,8 см.

A-2324; A-2081
Ҳайвон тасвири туширилган идиш парчалари
Милодий III – IV асрлар.
Гил; ганчкор нақш, тиғли асбобда сайқалланган; ангоб;
Узунлиги 13,2 см;
13×10,2 см.

A-2324; A-2081
Fragments of vessels with depicted animals
3rd–4th centuries AD.
Clay; molding, chisel adjustment;
engobe.
Length: 13.2 cm;
13×10.2 cm

A-2324; A-2081
Фрагменты сосудов с изображениями животных
III – IV вв. н.э.
Глина; лепка, подправка резцом;
ангоб;
Длина 13,2 см;
13×10,2 см.

A-2399; A-2586; A-2700
Ҳайвон тасвири туширилган идиш дасталари
Милодий III – IV асрлар.
Гил; ганчкор нақш, тиғли асбобда сайқалланган; ангоб; 7,9×4,6.
Узунлиги 11,5; 3,9×3 см.

A-2399; A-2586; A-2700
Handles of vessels with depicted animals
3rd–4th centuries AD.
Clay; molding, chisel adjustment; engobe.
7.9×4.6.
Length: 11,5; 3.9×3 cm.

A-2399; A-2586; A-2700
Ручки сосудов с изображениями животных
III – IV вв. н.э.
Глина; лепка, подправка резцом; ангоб; 7,9×4,6.
Длина 11,5; 3,9×3 см.

АФР-2095; СА-237; А-2660; А-2663
Буддавий характерлар
Самарқанд Сўғди (?), милодий II–IV асрлар; Зартепа, III–IV асрлар
Гил; бурғама қолип, эркин асбобда сайқалланган; ангоб;
6,3×5,5; 6,1×4,5; 6×4; 8,7×3,7 см.

AFR-2095; SA-237; A-2660; A-2663
Buddhist Characters
Samarkand Sogd (?), 2nd–4th centuries; Zartepa, the end of 3rd–4th centuries AD
Clay; imprinting in a mold, chisel adjustment; engobe.
6.3×5.5; 6.1×4.5; 6×4; 8.7×3.7 cm.

АФР-2095; СА-237; А-2660; А-2663
Буддийские персонажи
Самаркандский Согд (?), II–IV вв.; Зартепа, конец III–IV вв. н.э.
Глина; оттиск в форме, подправка резцом; ангоб;
6,3×5,5; 6,1×4,5; 6×4; 8,7×3,7 см.

А-2318; А-2598; А-2623; А-2360; А-2313
Ўймакор қабзали тўгнагичлар
Милодий III аср охири–IV аср бошлари.
Суяк; ўйма тасвир, сайқалланган; узунлиги 10,7; 8,4 ; 5,1×1,5; узунлиги 13,1 ; 7,9 см
Эълон қилинган: Завьялов, 2008, 112-120 бб.

A-2318; A-2598; A-2623; A-2360; A-2313
Pins with carved tops
the late 3rd–4th centuries AD.
Bone; carving, polishing; length: 10.7; 8.4; 5.1×1.5; length: 13.1; 7.9 cm
Publications: Zavyalov, 2008, pp. 112–120.

А-2318; А-2598; А-2623; А-2360; А-2313
Булавки с резными навершиями
Конец III–IV вв. н.э.
Кость; резьба, шлифовка; длина 10,7; 8,4; 5,1×1,5; длина 13,1; 7,9 см.
Публикации: Завьялов, 2008, сс. 112–120.

СУҒД

А.В. Омельченко

Суғд қадим даврларда Зарафшон ва Қашқадарё дарёлари воҳаси ва уларга ёндош тоғли ва чўл ҳудудларини қамраб олган тарихий-маданий вилоятдир. Бронза давридан бошлаб бу ҳудуд шимолий чорвадорлар ва Ўрта Осиёнинг жанубидаги деҳқончилик билан шуғулланувчи халқлар ўртасидаги ўзаро алоқа боғлаш ҳудуди бўлган. Деҳқончилик билан шуғулланувчилар (Анау-Намозгоҳ маданияти) эрамиздан аввалги IV минг йиллик охирларида Зарафшоннинг мисга бой юқори қисмини ўзлаштирадилар, бу ерларда Саразм манзилгоҳи вужудга келади.

Кўктепа, Афросиёб, Узунқир ва Еркўрғон қадимий шаҳарлари ўрнида олиб борилган археология тадқиқотлари Суғд ҳудудида эрамиздан аввалги биринчи мингйилликнинг дастлабки чорагидаёқ қадимий давлат бирликлари мавжуд бўлганидан далолат беради.

«Авесто»да шунингдек «Суғд Гава»си ҳам тилга олинади, у чамаси Қашқадарё воҳасининг шарқий қисми бўлиши керак (бўлажак Кеш). Эрамиздан аввалги VI асрнинг охирги чорагида Суғдиёна (Доро I нинг «Беҳистун ёзувлари»да у Сўғуд номи билан аталган) Аҳоманийлар империяси таркибига киритилган ва Хоразм ҳамда Парфия билан бирга XVI сатрапияни ташкил қилган.

Эрамиздан аввалги 329–327 йилларда Суғдни Искандар Мақдуний истило қилган. Унга Спитамен бошчилигида маҳаллий аҳоли кескин қаршилик кўрсатган.

Эрамиздан аввалги III асрнинг ўрталари – II асрларда Суғд аввал Салавкийлар, кейин Юнон-Бақтрия подшоҳлиги таркибига кирган. Эрамиздан аввалги II–I асрлардан эрамизга қадар унинг ҳудудида сақ, сармат, кейинчалик юэчжи кўчманчи қабилалари раҳнамолари бошчилигидаги бир қанча мустақил ўлкалар пайдо бўлган. Бу вақтларда суғд Қанғ конфедерацияси таркибига кирган. Эрамиз бошида суғдлар Буюк ипак йўлини жадал ўзлаштиришга киришганлар, Еттисув, Шарқий Туркистон, Хитойда уларнинг кўп сонли қишлоқлари пайдо бўлган.

III асрнинг иккинчи ярмида Ғарбий (Бухоро) Суғдга Эрондан Сосонийлар сулоласи қўшнилари: бостириб киради, IV–VII асрларда Суғдиёна кўчманчи давлат тузилмалари: хионийлар, кидорийлар, эфталийлар, турк хоконларига тобе бўлиб қолади. Иқтисодий ҳаёт феодаллар қаср ва кўшклари ҳимояси остидаги унча катта бўлмаган хўжаликларга қаратилди.

VII аср ўрталарида Самарқанд юксала бошлайди, унинг ҳукмдорлари ихшидлар унвонига эга бўлганлар. Бироқ, барча ўлкалар ўз тангаларини зарб этишни давом эттирганлар (ОН-В-Азмуз-17327). VI–VII асрлар охирлари суғдлар тижорати гуллаб-яшнаган давр бўлган. Суғдлар Хитой, Ҳиндистон ва Эрон ўртасида савдо қилган ва катта даромад келтирган асосий маҳсулот шойи бўлган. Суғд маданияти чин маънода равнақ топди, бундан кўп сонли маҳобатли (СА-14658–14675; СА-3880, СА-3878 ва б.) ва амалий санъат (S-1, S-9, S-11, S-23) ёдгорликлари сўз очади.

Суғдлар 670 йилдан, қарийб юз йил уларнинг ерларига бостириб кирган арабларга қаттиқ қаршилик кўрсатадилар. VIII асрнинг ўрталарида суғд Аббосийлар халифалиги таркибига киради, бироқ бу ҳудуд тарихидаги янги ислом даври саналади.

SOGD

A.V. Omelchenko

Sogd (Sogdiana) is a historical and cultural area that in ancient times covered the valleys of Zarafshan and Kashkadarya and adjacent mountain and steppe regions. Since the Bronze Age, this region has been a contact zone between the northern cattle-breeding and agricultural peoples of the south of Central Asia. The latter (the culture of Anau-Namazga) at the end of the 4th millennium BC. master the copper-rich upper reaches of Zarafshan, where a proto-urban site of Sarazm appears.

The archaeological research on the ancient sites of Kok-Tepa, Afrasiab, Uzunkir and Erkurgan is evidence of ancient state formations in the territory of Sogd already in the first third of the 1st millennium BC.

The Avesta also mentioned "Sogdian Gava", prehaps, the eastern part of the valley of Kashkadarya (the future Kesh). In the last third of 6th century BC. Sogdiana (in the "Behistun inscription" of Darius I was called Suguda) was included in the Achaemenid empire and formed a satrapy together Khorezm and Parthia.

In 329–327 BC, Alexander the Great conquered Sogd, despite fierce resistance of the local tribes led by Spitamen.

In the third to the middle of the second centuries BC, Sogd became part of first the Seleucid and then the Greco-Bactrian kingdoms. During the second – first centuries BC, several independent dominions emerged ruled by the chieftains of the Saka, Sarmatian, and later Yuezhi nomadic tribes. At that time Sogd was a part of the Kangju confederation. In this period, the Sogdians opened up the Silk Road routes and their settlements appeared in Zhetysu, East Turkestan, and China.

In the second half of the 3rd century AD the Western (Bukhara) Sogd, was invaded by the Sassania dynasty from Iran, and in the 4th–7th centuries the entire Sogdiana fell into dependence on the nomadic state formations: the Chionites, the Kidarites, the Hephthalites, and the Turks.

Economy was concentrated in small domains, under the protection of feudal castles-keshks.

In the middle of the 7th century Samarkand rose, the rulers had the the title of Ikhshids. However, all dominions continued to mint their own coin (OH-B-Azmuz-17327). At the late 4th–7th centuries the Sogdian commerce flourished. The main product traded by the Sogdians between China, India and Iran and giving a huge profit was silk. The culture of Sogd experienced a real flowering, witnessed in the abundance masterpieces of monumental (SA-14658–14675, CA-3880, CA-3878, etc.) and applied arts (S-1, S-9, S-11, S-23).

For almost a century, since 670, the Sogdians fiercely resisted the Arabs invading their land. From the middle of the 8th century Sogd became a part of the Abbasid caliphate, but it was already a new Islamic era in the history of the region.

СОГД

А. В. Омельченко

Согд (Согдиана) – историко-культурная область, которая в древности охватывала долины рек Зарафшан и Кашкадарья и прилегающие горные и степные районы. С эпохи бронзы этот регион являлся контактной зоной между северными скотоводческими и земледельческими народами юга Средней Азии. Последние (культура Анау-Намазга) в конце IV тыс. до н. э. осваивают богатые медью верховья Зарафшана, где возникает протогородское поселение Саразм.

Археологические исследования на городищах Коктепа, Афрасиаб, Узункыр и Еркурган свидетельствуют о существовании на территории Согда древнегосударственных образований уже в первой трети I тыс. до н.э.

В «Авесте» упоминается также «Согдийская Гава», по-видимому, восточная часть долины Кашкадарьи (будущий Кеш). В последней трети VI в. до н.э. Согдиана (в «Бехистунской надписи» Дария I она носит название Сугуда) была включена в состав Ахеменидской империи и образовала с Хорезмом и Парфией 16-ю сатрапию.

В 329–327 гг. до н.э. Согд был завоеван Александром Македонским, встретившим здесь ожесточенное сопротивление местных племен во главе со Спитаменом.

В III – середине II вв. до н.э. Согд входит в состав Селевкидского, затем Греко-Бактрийского царств. Во II–I вв. до н. э. на его территории возникают несколько самостоятельных владений, во главе которых стоят вожди кочевых племен сакского, сарматского, позднее юечжийского происхождений. Согд в это время входит в состав Кангюйской конфедерации. С рубежа н.э. согдийцы начинают активно осваивать трассы Великого шелкового пути, их поселения возникают в Семиречье, Восточном Туркестане, Китае.

Во второй половине III в. н.э. в Западный (Бухарский) Согд вторгаются войска династии Сасанидов из Ирана, а в IV–VII вв. Согдиана находилась

в зависимости от кочевнических государственных образований: хионитов, кидаритов, эфталитов, тюрок. Экономическая жизнь сосредотачивается в небольших владениях, под защитой феодальных замков-кешков.

В середине VII в. возвышается Самарканд, правители которого носили титул ихшидов. Однако все владения продолжали чеканить собственную монету (ОН-В-Азмуз-17327). На конец VI–VII вв. приходится расцвет согдийской коммерции. Главным товаром, которым торговали согдийцы между Китаем, Индией и Ираном и дающим громадную прибыль, был шелк. Культура Согда переживает подлинный расцвет, о чем говорят многочисленные памятники монументального (СА-14658–14675; СА-3880, СА-3878 и др.) и прикладного искусства (S-1, S-9, S-11, S-23).

Почти столетие, с 670 г., согдийцы оказывали ожесточенное сопротивление вторгнувшимся в их земли арабам. С середины VIII в. Согд входит в состав Аббасидского халифата, но это была уже новая исламская эпоха в истории региона.

АФРОСИЁБ-САМАРҚАНД

А. В. Омельченко

Самарқанднинг қадимий ва ўрта асрлардан қолган қолдиқлари Афросиёб шаҳри харобаларида гавдаланади. Қадимий Самарқанд тарихи археология қазишмалари маълумотлари ва тарихий манбалар асосида тикланади. Шаҳар Зарафшон ва унинг жанубий ирмоқларидан бири – Дарғом оралиғидаги табиий платода, ҳозирги Самарқанднинг шимолий-шарқий қисмида бунёд бўлган. Тадқиқотчиларнинг аксарияти унинг дастлабки қалъа деворлари қурилишини қадимий суғд даврига (эрамиздан аввалги VIII–VII асрларнинг охири) тааллуқли деб ҳисоблайдилар.

Суғд аҳоманийлар томонидан босиб олингандан кейин (эрамиздан аввалги VI асрнинг сўнгги чораги) тузилиш жиҳатлари бўйича Мидия-Форс истеҳкомчилигига яқин янги мустаҳкам деворлар қад кўтаради.

Шаҳар, унинг атрофларидаги (Саратепа, Лолазор) ҳунармандлар қишлоқлари аввал Новадон ер ости булоғи, шунингдек Оби Мугон (Обимашад), Дарғом ва Афросиёбдан шарқдаги дарё ва сойлар сувлари билан таъминланган. Анҳорлар яқинидан шаҳарнинг асосий кўчалари ўтган. Шаҳарликларни булоқ суви билан таъминловчи қўрғошин сувўтказгич – Жўйи Арзис алоҳида диққатга сазовор бўлиб, шаҳар атрофидаги дарёларнинг чуқур дараси оша махсус осма кувурлар тортиб келтирилган

Шаҳарнинг мустаҳкам шимолий қисми – қўрғон бир ярим километр узунликдаги минорали девор билан ўраб чиқилган. Қалъа арки икки қисмдан иборат бўлиб, юқорисида истеҳком-қалъа ва пастида майдонча жойлашган. Бу ерда аҳоманийлар сатрапининг саройи ўрнашган, унда эрамиздан аввалги 328 йилда Искандар Мақдуний Ўрта Осиёга юриши чоғида тўхтаб ўтган. Юнон-рум манбаларида узунлиги 70 стадийга етган (тахминан 10–13 км) «Самарқанднинг катта девори» (яъни шаҳар четидаги истеҳком) тилга олинади. У Самарқанд

атрофидаги шаҳарчаларни ҳимоя қилган ва археологлар томонидан унинг қисмлари очилган.

Чамаси, эрамиздан аввалги III аср бошларида режали асосда дарвоза янгиланиб, шаҳар деворларини тубдан қайта қуриш бошланган. Деворга устунлар туташтирилгач, бутун ёни бўйлаб шинаклар очилган, янги дарвозалар ўрнатилган. Арк ҳам қайтадан мустаҳкамланади, ундан катта омбор ўрин олган.

Маҳаллий ва қадимий Юнон анъаналарининг уйғунлашуви (бу ҳолат «Шарқ эллинизми» номини олган) айниқса, сопол буюмларда: жомлар, қадаҳлар, «мегар» косалари, балиқ таомлари идишларида яққол намоён бўлди, кўзасимон идишлар машҳур юнон локли сопол буюмларига таассуб қилган ҳолда қалин ангоб ва пардозланган чарм билан қопланган. Янги маданий ва диний янгиликлар таъсири остида коропластика санъати ривож топади, Самарқанд уни ишлаб чиқариш бўйича энг йирик марказга айланади. (АФР-3810; А-341; СА-158 ва бошқалар).

Эрамиздан аввалги I – эрамизнинг I асрларида шаҳар янада ривожланишда давом этди. Шаҳарнинг шимолида ҳовли-жойлардан таркиб топган турар-жой даҳалари вужудга келди, улар пахса ва хом ғиштдан қурилган саккиз-ўнта бинолар, шунингдек хўжалик ҳовлиларидан иборат бўлган.

IV–V асрларда хун-хионийларнинг босқинлари билан боғлиқ шиддатли ташқи сиёсий воқеалар оқибатида шаҳар таназзулга юз тутди, унинг ҳудуди қисқарди. Самарқанднинг шимолий, обод қилинган қисми атрофида янги, минорали иккинчи қалъа девори қурилди. Девор ташқарисида, бўшаб қолган майдонларда зардуштийлар қабристонлари вужудга келди, уларда дафн маросимлари катта идишлар – хумлар ва махсус кутилар – остадонларда амалга оширилар эди. (СА-13710).

Самарқанддаги шаҳар ҳаёти VI асрнинг иккинчи ярмида тикланди. Кўрғон ҳудуди янгидан мустаҳкамланди: тўртинчи, ташқи девор таъмирланди. Юз йиллик охири ёки VII аср бошларида иккинчи деворнинг ўрта қисмидан жанубга томон учинчи, энг қисқа девор барпо этилди. Бу девор Самарқанд ҳукмдорлари – ихшидлар қароргоҳини, шунингдек у билан ёнма-ён жойлашган «аждодлар ибодатхонаси» ва йирик ер эгалари-деҳқонлар қасрларини ҳимоялаган. Остадон қабристони ғарбга, Афросиёб ташқарисига кўчирилади.

VII асрнинг иккинчи ярмида Самарқанд ихшидлари Суғддаги анча қудратли сулола бўлиб қолади. Бу давлатнинг қудратидан далолат берувчи ёзма манбаларда шаҳар атрофларидаги 12 минг мустаҳ-

кам қаср-ер мулклар ҳақида сўз боради. Самарқанднинг ички қалъасида ҳукмдорнинг янги саройи ва зардуштийлар ибодатхонаси барпо этилган. Иккинчи ва учинчи девор ўртасида жойлашган ихшидлар саройи 1 гектардан ортиқ майдонни эгаллаган эди. Қабуллар залини безаган девордаги суратлар ва Суғд шоҳи ва Чағониён (Тохаристондаги вилоят) ҳукмдори қизи ўртасидаги сулолавий никоҳ маросими тасвирлари унинг шуҳратини дунёга таратди. Тасвирларда Ўрта Осиё, Шарқий Туркистон, Хитойнинг бошқа вилоятлари элчихоналари вакиллари ҳам акс этган.

VII аср охири – VIII аср бошларидаги араб босқинлари шаҳар қурилишига туб ўзгартиришлар киритмади, бироқ, ҳунармандлар даҳалари қаторлари бўшаб қолди: кўп маҳобатли бинолар қайта қурилди ёки мақсадга қараб ўзгартирилди.

Афросиёб археология тадқиқотлари тарихи Ўрта Осиёдаги барча қадимий шаҳарлар харобалари ўртасидаги энг узоқ давом этгани билан ажралиб туради. Шаҳарда қазишмалар олиб боришга дастлабки уриниш XIX асрнинг 70–80-йилларида амалга оширилган эди. 1885 ва 1895 йилларда Археология Комиссияси топшириғига кўра Н.И. Веселовский тадқиқотлар олиб борди. Унинг саъй-ҳаракатлари натижасида Афросиёб билан боғлиқ ашёларнинг катта тўплами жамланди. Бу осори-атиқалар орасидан Суғднинг исломгача бўлган ўтмишига тааллуқли буюмлар ажратиб олинган.

Самарқанд археология тадқиқотларининг навбатдаги босқичи 1904–1905 йилларда қазишмалар олиб борган машҳур шарқшунос В.В. Бартольд, шунингдек, ўлкашунос, маҳаллий тиллар билимдони В.Л. Вяткинларнинг номлари билан боғлиқ. Бироқ бу ишлар уларнинг тадқиқотларини 1920-йилларда давом эттирган қазишмалар каби қадимий қатламлар сирларини аниқламади.

Бу материаллар 1936–1940 йилларда Г.В. Григорьев ва И.А. Сухарев томонидан Самарқанд яқинидаги Тали-Барзу ва Кофирқалъа шаҳарлари ўрнида олинди.

1945 йили Самарқанд археология базаси бошқарувига тайинланган И. Тереножкин Афросиёбни олдиндан обдон текшириб, сўнг ташкил этилган қазилмаларнинг ташаббускори ҳисобланади. Топилмалар мажмуаларини тизимлаштириш унга XX асрнинг 40-йиллари охирларида қадимий Самарқанд маданиятининг биринчи археология ишларини даврийлаштириш – аҳоманийлар давридан қадимги даврлар охиригача бўлган вақт оралиғини ўз ичига олган Афросиёб I–IV ни яратиш имконини берди. Бу шкала тузатишлардан ҳозир ҳам фойдаланилмоқда.

1958 йили В.А. Шишкин раҳбарлигидаги Афросиёб археология экспедицияси ташкил қилинди. 60-йилларнинг охирларида Самарқандни ободонлаштириш бўйича кенг кўламли ишлар бошланганда, шаҳар археология ишларини ўрганишда асосий қадам ташланди. Экспедиция (В.А. Шишкин, Я.Ғ. Ғуломов, Ш.С. Тошхўжаев, Л.И. Альбаум, С.К. Кабанов, М.К. Пачос, Я.К. Крикис, М.Н. Фёдоров, Г.В. Шишкина, Н.Б. Немцева, Ю.Ф. Буряков, М.И. Филанович, Т.И. Лебедева, М. Тўрабеков, О.Н. Иневаткина ва бошқалар) 20 йил мобайнида шаҳарнинг мудофаа иншоотлари ва сув таъминоти, деворига ажойиб тасвирлар туширилган ўрта аср бошларидаги сарой, остадонли қабристонни ўрганди; каттагина майдондаги уй-жойлар ва ҳунармандчилик маҳаллалари очилди. Янги маълумотлар А.И. Тереножкин таклиф қилган қадимийлик шкаласини аниқлаштириш имконини берди: илк икки даврнинг ҳар бири иккита босқичга бўлинди, ўрта аср бошларини қамраб олувчи V–VII даврлар қўшилди, мутлақ сана аниқлаштирилди (С.К. Кабанов, Г.В. Шишкина).

Афросиёбни ўрганишнинг кейинги босқичи 1989–2008 йиллардаги MAFOUz-Суғдиёна Ўзбек-француз экспедициясининг (П. Бернар, М.Х. Исомиддинов, Ф. Гренэ, И.Д. Иваницкий, О.Н. Иневаткина, Л.Ф. Соколовская, Л.Ю. Шпенева, Ю. Карев, Е. Куркина, М.А. Реутова, Б. Лионе ва бошқалар) ишлари билан боғлиқ. Улар эрамиздан аввалги VIII асрнинг иккинчи ярмида қурилган қадимий деворни қазиб очдилар. Экспедиция томонидан Аркнинг тадқиқ қилиниши натижасида эрамиздан аввалги III аср бошларидаги маҳобатли бино очилди; Суғднинг Араб халифалиги таркибига киритилишининг биринчи ўн йиллигига мансуб сарой мажмуаларининг катта-катта майдонлари ўрганилди.

Афросиёбни ўзлаштиришнинг илк босқичлари Эрмитажнинг эллинизм даври бошлангунга қадар (СА-14807), эрамиздан аввалги II–I минг йилликларга (СА-14787) мансуб ўқларнинг бронза пойнаклари тўпламида ўз аксини топган. Эрамиздан аввалги I ва эрамизнинг I асрларида Суғд ва Бақтрия ошхона жиҳозларида янги сопол шакл – қадаҳлар, яъни турли кўринишдаги (ҳозирги ҳолда қўнғироқсимон, «тутқичли»), яхлит ва ковак таглиги бор сиғимдор идишлар пайдо бўлади (СА-9755). Қадимги даврнинг охирларига бориб, қадаҳлар оёқли ва оёқсиз, кенг ва паст сиғимли косаларга алмашади (А-615; Кабанов, 1964, 79-87 бб.). Илк ўрта асрлар даврида (V–VII асрлар) Суғдда шохқадаҳлар пайдо бўлади. Оқизувчи кичкина тешиги бўлган эгик шох шаклидаги бу буюмдан, одатда, базмларда фойдаланишган ва шароб сузишга мўлжалланган. Шохқадаҳлар фил суяги, қимматбаҳо металл,

шишадан ясалган. Шарқда унинг учи, одатда, ҳақиқий (ёввойи мушук, от, буқа, қўй, эчки ва бошқалар) ёки хаёлий (Сфинкс, Пегас, Гопатшоҳ буқа-одам, грифонлар, кентаврлар) мавжудотлар билан безалган (А-1120). Идишлар деталлари улар кўпроқ металл намуналар учун хос эканини кўрсатади, шунингдек, Панжикентдан топилган сурат далолат беришича, суғд шоҳқадаҳлари кўпинча олтин ва кумушдан тайёрланган.

AFRASIAB–SAMARKAND

A. V. Omelchenko

The remains of ancient and medieval Samarkand are the Afrasiab site.

The history of ancient Samarkand can be reconstructed based on historical findings and data from archaeological excavations. The town appeared on a natural plateau between the Zarafshan River and the Dargom, one of its southern tributaries, in the northeastern part of modern Samarkand. Most scholars date them back to the ancient Sogdian period (end of the eighth to the seventh centuries BC).

When Sogd became a part of the Achaemenid Empire (in last third of the sixth century), new fortifications were built, similar to the Median-Persian one.

Irrigation of ancient Samarkand, as well as settlements of artisans in its vicinity (Saratepa, Lolazor) first started from the underground water of Novadon, as well as waters of Obi-Mashad (Obimashad), Dargom and minor rivers from the east of Afrasiab. The lead water supply system of Jui-Arsiz as a special aqueduct was a remarkable construction..

The acropolis, the fortified northern part of the town, was surrounded by a 1.5 km long fortress wall with towers. The acropolis had the citadel with the Achaemenid satrap's palace. In 328 BC, Alexander the Great stayed in the palace during his march to Central Asia. The Greek and Roman written sources mention "the big wall of Samarkand" with a length of 70 stadia (approx. 10–13 km). It protected the suburbs, and its parts were discovered by archaeologists.

Apparently, the beginning of the third century BC, the entire city wall underwent major reconstruction pilasters, loopholes and new gates were arranged. The ark (citadel) with a huge storage was also fortified.

Symbiosis of local and ancient Greek traditions (Oriental Hellenism) especially in ceramics of Sogd: goblets, beakers, Megarian bowls, "fish dishes" and amphora-like vessels, which were coated with dense engobe (clay slip) and glossing to imitate the famous Greek lacquer pottery. The

art of coroplastics was developed under the influence of new cultural and religious trends; Samarkand was its largest production center (AFR-3810, A-341, SA-158, etc.).

In the first centuries BC – first centuries AD, the town continued further developing. In the north part, there were residential quarters. Each house and grounds included eight-nine rooms built of pakhsa and mud bricks.

The town went into a decline and its territory reduced due to turbulent foreign political events connected of the Chionites (Hunni) invasion in the fourth–fifth centuries. The new, "second" fortification wall with towers was built around the northern, populated area of Samarkand. Behind the wall, on the desolated areat, a cemetery took shape, where people were buried in large vessels (khums) and ossuaries according to Zoroastrian rites (CA-13710).

The restoration of urban life in Samarkand took place in the late 6th century. The acropolis was fortified again; repairs are being carried out on the fourth, outer wall. At the end of the 6th century or early 7th century the third, the shortest wall was built to the south from the middle part of the second wall. It defended the residence of the Samarkand Ikhshid rulers, as well as the nearby "ancestral temple" and the castles of large (dekhkan) feudal lords. The ossuary necropolis was moved to the west, beyond the borders of Afrasiab.

During the second half of the seventh century, the ikhshids of Samarkand become the most powerful dynasty in Sogd. We can judge the influence of this feudal state by written sources that mention 12.000 fortified estate-castles in the city's vicinity. A new palace for the ruler and a Zoroastrian temple were constructed in the Samarkand citadel. The ikhshids' palace, situated between the second and the third walls, occupied more than 1 ha. It became world-famous due to the wall painting in the reception hall, depicting the dynastic marriage between the king of Sogd and the daughter of the Chaganian ruler (the province in Tokharistan). Many representatives of embassies from other regions of Central Asia, East Turkestan, and China coming the celebration were depicted as well.

The Arab invasion of the late seventh to early eighth centuries did not cause any significant changes in the layout of the city. However, the artisan quarters thinned out; many monumental buildings were rebuilt or changed their purpose.

The history of archaeological research in Afrasiab is the longest of all the ancient sites of Central Asia. The first excavation attempts were made

during the 1870s–1880s. In 1885 and 1895, N.I. Vesevolskiy excavated some places in Afrasiab on the instruction of the Archaeological Committee. Owing to Vesevolskiy's efforts, they managed to gather a significant collection of objects related to the pre-Islamic past of Sogd.

The next stage of archaeological research in Samarkand was related to the names of the famous orientalist V.V. Bartold and the regional specialist, archaeologist, and expert in the local languages, V.L. Vyatkin, who carried out excavation works in 1904–1905. However, this work, as well as the research in the 1920s, did not discover any ancient layers.

Meanwhile, the excavations carried out by G.V. Grigoriev and I.A. Sukharev in 1936–1940 at Tali-Barzu and Kafir Kala sites, not far from Samarkand, revealed archaeological complexes typical of the pre-Islamic material culture of Sogd.

It was A.I. Terenozhkin who initiated thoroughly planned excavations at Afrasiab. He took charge of the Samarkand archaeological base in 1945. He managed to amass a significant number of archaeological materials and to systematize them, allowing him to create, in the late 1940s, the first archaeology-based timeline of the ancient and medieval Samarkand–Afrasiab I–IV, the period from the Achaemenid era to late Antiquity. With certain changes, his timeline is still used today.

In 1958, the Afrasiab archaeological expedition headed by V.A. Shishkin was formed. The archaeological study of Afrasiab reached its peak in the late 1960s, when large-scale works on the development of Samarkand began. For 20 years, the expedition (V.A. Shishkin, Y.G. Gulyamov, S.S. Tashkhojaev, L.I. Albaum, S.K. Kabanov, M.K. Pachos, Y.K. Krikis, M.N. Fyodorov, G.V. Shishkina, N.B. Nemtseva, Y.F. Buryakov, M.I. Filanovich, T.I. Lebedeva, M. Turebekov, O.N. Inevatkina and many others) explored the fortification and water system of the site, the early medieval palace with its remarkable murals, and the ossuary burial grounds. They also discovered a large area with residential areas. The new data made it possible to add more details to Terenozhkin's timeline: the first two periods were divided into two stages each; the periods from the fifth to the seventh centuries were added to cover the early Middle Ages, and the absolute dates were made more precise (S.K. Kabanov, G.V. Shishkina).

The next stage in the study of Afrasiab was initiated by works in 1989–2008, carried out by the Uzbek-French expedition MAFOUz-Sogdiana (P. Bernard, M.H. Isamiddinov, F. Grenet, C. Rapin, I.D. Ivanitskiy, O.N. Inevatkina, L.F. Sokolovskaya, L.Y. Shpeneva, Y. Karev, E. Kurkina, M.A. Reutova, B. Lyonnet and others). Its

excavations disclosed the very first fortifications of the town dated back to the late 8th century BC. The surveys of Acropolis discovered a monumental construction of the early 3rd century BC. They explored large areas of the palace complexes, dated the first decade of the Sogd annexation to the Arab caliphate.

The early stages of the Afrasiab site are reflected in the Hermitage collection of bronze arrowheads dating from the turn of the 2nd–1st millennia BC (CA-14787) before the Hellenistic period (CA-14807).

In the first centuries BC – the first centuries AD the leading form in the ceramic sets of Sogd and Bactria was a new form for these regions – beakers, vessels with a high body of various outlines on the solid and hollow feet (CA-9755). By the end of the ancient era, in the 3rd–5th centuries the glasses were replaced by bowls on foot and without, with a wide and low body (A-615; Kabanov, 1964, pp. 79–87). In the early of the early Middle Ages (the 5th–7th centuries) in the ceramic complexes of Sogd there were rhytons – products in the shape of a curved horn with a small hole-drain. They were used usually at feasts for wine. In the East, their endings were usually formed in the shape of real (feline predators, horse, bull, sheep, goat, etc.) or fantastic creatures (Sphinx, Pegasus, man-bull Gopatshah, griffins, centaurs) (A-1120). Details of vessels, more characteristic of metal samples, as well as murals from Penjikent, indicate that Sogdian rhytons were often made of gold and silver.

АФРАСИАБ-САМАРКАНД

А. В. Омельченко

Остатки древнего и средневекового Самарканда представляет собой городище Афрасиаб.

История древнего Самарканда реконструируется на основе исторических свидетельств и данных археологических раскопок. Город возник на естественном плато в междуречье Зарафшана и одного из его южных протоков – Даргома, в северо-восточной части современного Самарканда. Большинство исследователей относят строительство его первых крепостных стен к древнесогдийскому периоду (конец VIII–VII вв. до н.э.).

После включения Согда в состав государства Ахеменидов (последняя треть VI в. до н.э.) возводятся новые городские укрепления, близкие по конструктивным особенностям мидийско-персидской фортификации.

Орошение древнего Самарканда, а также поселений ремесленников в его окрестностях (Саратепа, Лолазор) велось сначала из подземного источника Новадон, а также водами Оби-Мугона (Обимашада), Даргома и ручьев-саев к востоку от Афрасиаба. Вдоль каналов проходили главные улицы города. Замечательной постройкой был перекинутый по специальному акведуку свинцовый водопровод Джуи-Арзис.

Укрепленный северный участок Самарканда – акрополь был обведен собственной полуторакилометровой крепостной стеной с башнями. Он включал цитадель, в которой располагался дворец ахеменидского сатрапа. В нем останавливался Александр Македонский в 328 г. до н.э. во время похода в Среднюю Азию. В греко-римских источниках также упоминается о «большой стене Самарканда», имеющей длину 70 стадий (около 10–13 км). Она защищала пригороды, а ее отдельные участки открыты археологами.

По-видимому, в начале III в. до н.э. была проведена капитальная перестройка всей городской стены, которая снабжается пилястрами, бойницами и новыми воротами. Заново укрепляется и арк-цитадель, в котором располагалось большое хранилище.

Симбиоз местных и древнегреческих традиций (это явление получило название «восточный эллинизм») особенно наглядно проявился в керамике Согда: кубки, бокалы, «мегарские» чаши, «рыбные блюда», амфоровидные сосуды покрывались плотным ангобом и лощением в подражание знаменитой греческой лаковой посуде. Под влиянием новых культурных и религиозных веяний получает развитие искусство коропластики, крупнейшим центром производства которой был Самарканд (АФР-3810; А-341; СА-158 и др.).

В первые века до н.э. – первые века н.э. город продолжал свое дальнейшее развитие. На севере – складываются жилые кварталы, состоящие из домовладений, которые включали восемь–девять помещений, возведенных из пахсы и сырцового кирпича, а также хозяйственные дворы.

Бурные внешнеполитические события, связанные с нашествием гуннов-хионитов в IV–V вв., вызвали упадок города, территория его сократилась. Вокруг северной, обжитой половины Самарканда, была построена новая, т.н. вторая крепостная стена с башнями. Снаружи стены, на запустевших площадях, складываются зороастрийские кладбища, на которых погребения совершались в больших сосудах – хумах и специальных ящиках – оссуариях (СА-13710).

Восстановление городской жизни в Самарканде происходит во второй половине VI в. Заново укрепляется территория акрополя; проводятся ремонты на четвертой, внешней стене. В конце столетия или начале VII в. к югу от средней части второй была построена третья, самая короткая стена. Она защищала резиденцию самаркандских правителей-ихшидов, а также расположенные рядом «храм предка» и замки крупных феодалов-дехкан. Оссуарный некрополь переносится к западу, за пределы Афрасиаба.

Во второй половине VII в. самаркандские ихшиды становятся наиболее могущественной династией в Согде. О мощи этого феодального государства свидетельствуют письменные источники, которые говорят о 12 тысячах укрепленных поместий-замков в окрестностях города. На цитадели Самарканда был возведен новый дворец правителя и зороастрийский храм. Дворец ихшидов, расположенный между второй и третьей стенами, занимал площадь более 1 га. Всемирную славу ему принесла настенная живопись, украшавшая зал приемов и изображавшая заключение династического брака между царем Согда и дочерью правителя Чаганиана (область в Тохаристане). Запечатлены также представители посольств других областей Средней Азии, Восточного Туркестана, Китая.

Арабское нашествие конца VII – начала VIII вв. не внесло существенных изменений в планировку города. Однако запустели ряды ремеслен-

ных кварталов; многие монументальные здания были перестроены или поменялось их назначение.

История археологических исследований Афрасиаба – самая продолжительная среди всех городищ Средней Азии. Первые попытки раскопок городища были предприняты еще в 70-х–80-х гг. XIX в. В 1885 и 1895 гг. по заданию Археологической комиссии исследования вел Н.И. Веселовский. Благодаря его усилиям была собрана большая коллекция предметов, связанных с Афрасиабом. Среди этих древностей была выделена серия вещей, относящихся к доисламскому прошлому Согда.

Следующий этап археологических исследований Самарканда связан с именами известного востоковеда В.В. Бартольда, а также краеведа, археолога, знатока местных языков В.Л. Вяткина, проводивших раскопки в 1904–1905 гг. Эти работы, как и продолжившие их исследования 1920-х гг., однако, не обнаружили древних наслоений. Они были впервые изучены в 1936–1940 гг. Г.В. Григорьевым и И.А. Сухаревым на городищах Тали-Барзу и Кафыркала неподалеку от Самарканда.

Зачинателем методически выверенных раскопок на самом Афрасиабе был А.И. Тереножкин, который в 1945 г. возглавил Самаркандскую археологическую базу. Систематизация комплексов находок позволила ему в конце 40-х годов XX в. создать первую археологическую периодизацию культуры древнего Самарканда – Афрасиаб I–IV, охватывающую временной промежуток от эпохи Ахеменидов до позднеантичного времени. Эта шкала с корректировками используется и сейчас.

В 1958 г. была организована Афрасиабская археологическая экспедиция во главе с В.А. Шишкиным. Особый размах археологическое изучение города приобретает с конца 60-х годов, когда начинаются широкомасштабные работы по благоустройству Самарканда. В течение 20 лет экспедиция (В.А. Шишкин, Я.Г. Гулямов, Ш.С. Ташходжаев, Л.И. Альбаум, С.К. Кабанов, М.К. Пачос, Я.К. Крикис, М.Н. Федоров, Г.В. Шишкина, Н.Б. Немцева, Ю.Ф. Буряков, М.И. Филанович, Т.И. Лебедева, М. Туребеков, О.Н. Иневаткина и многие другие) исследовала фортификацию и водоснабжение городища, раннесредневековый дворец с замечательной настенной живописью, оссуарные могильники. На значительной площади были открыты жилые и ремесленные кварталы. К ранее разработанной шкале добавились периоды Афрасиаб V–VII, охватывающие раннесредневековую эпоху, были уточнены и абсолютные датировки (С.К. Кабанов, Г.В. Шишкина).

Следующий этап исследования Афрасиаба связан с работами в 1989–2008 гг. узбекско-французской экспедиции MAFOUz–Согдиана (П. Бернар, М.Х. Исамиддинов, Ф. Гренэ, И.Д. Иваницкий, К. Рапэн, О.Н. Иневаткина, Л.Ф. Соколовская, Л.Ю. Шпенева, Ю. Карев, Е. Кур-

кина, М.А. Реутова, Б. Лионе и др.). Ее раскопки открыли самые первые укрепления города второй половины VIII в. до н.э. Исследования Акрополя обнаружили монументальное здание начала III в. до н.э.; большими площадями изучались дворцовые комплексы, относящиеся к первым десятилетиям вхождения Согда в состав Арабского халифата.

Ранние этапы обживания Афрасиаба отражает в Эрмитажном собрании коллекция бронзовых наконечников стрел, датирующихся от рубежа II–I тыс. до н.э. (СА-14787) до начала эллинистического периода (СА-14807).

В первые века до новой – первые века нашей эры ведущей формой в керамических столовых наборах Согда и Бактрии занимала новая для этих областей форма – бокалы, сосуды с высоким резервуаром различного абриса на сплошных и полых ножках (СА-9755). К концу античной эпохи, в III–V вв., бокалы сменяются чашами на ножках и без, с широким и невысоким резервуаром (А-615; Кабанов, 1964, сс. 79–87). В пору раннего средневековья (V–VII вв.) в керамических комплексах Согда встречаются ритоны – изделия в виде изогнутого рога с небольшим отверстием-сливом. Они использовались на пиршествах для вина. На Востоке окончания их обычно оформлялись в виде реальных (кошачьи хищники, конь, бык, баран, козел, и т.д.) или фантастических (Сфинкс, Пегас, человеко-бык Гопатшах, грифоны, кентавры) существ (А-1120). Детали сосудов, которые более характерны для металлических образцов, а также живопись из Пенджикента свидетельствуют, что согдийские ритоны нередко изготовлялись из золота и серебра.

АФР-4232; АФР-4233; АФР-4234; СА-14787; СА-14790; СА-14800; СА-14794; СА-14810; СА-14811; СА-14807; СА-14805

Ўқ учлари

Самарқанд ва унинг атрофлари; милоддан аввалги II минг йиллик охири – милоддан аввалги III асрнинг дастлабки уттиз йили. Бронза; қуйма; чархланган 3,1×1,5; 3,2×1; 4,4×1,3; 3,1×0,9; 2,6×2; 3,4×1,1; 2,7×0,7 2×1,4; 2×1,4; 2,4×0,7 см.

AFR-4232; AFR-4233; AFR-4234; SA-14787; SA-14790; SA-14800; SA-14794; SA-14810; SA-14811; SA-14807; SA-14805

Arrow heads

Samarkand and vicinity; the end of the 2nd millennium BC – the first quarter of the 3rd century BC.
Bronze; casting; sharpening 3.1×1.5; 3.2×1; 4.4×1.3; 3.1×0.9; 2.6×2; 3.4×1.1; 2.7×0.7 2×1.4; 2×1.4; 2.4×0.7 cm.

АФР-4232; АФР-4233; АФР-4234; СА-14787; СА-14790; СА-14800; СА-14794; СА-14810; СА-14811; СА-14807; СА-14805

Наконечники стрел

Самарканд и окрестности; конец II тыс. до н.э. – первая треть III в. до н.э. Бронза; литье; заточка 3,1×1,5; 3,2×1; 4,4×1,3; 3,1×0,9; 2,6×2; 3,4×1,1; 2,7×0,7 2×1,4; 2×1,4; 2,4×0,7 см.

CA-9755, A-615, A-1120
Идишлар
Самарқанд Суғди, I–VI асрлар.
Сопол; ангоб, пардозлаш; ўйма тасвир;
15,5×14,3; 10×14; 14×10,5 см.

SA-9755, A-615, A-1120
Vessels
Samarkand Sogd, 1st–6th centuries AD.
Clay; engobe, glazing; carving; 15.5×14.3;
10×14; 14×10.5 cm.

CA-9755, A-615, A-1120
Сосуды
Самаркандский Согд, I–VI вв. н.э.
Глина; ангоб, лощение; резьба; 15,5×14,3;
10×14; 14×10,5 см.

САМАРҚАНД ОСОРИ АТИҚАЛАРИ ТЎПЛАМИ. ТЕРРАКОТА ПЛАСТИКАСИ

THE COLLECTION OF ANTIQUITIES FROM SAMARKAND. TERRACOTTA SCULPTURES

КОЛЛЕКЦИЯ САМАРКАНДСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ. ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАСТИКА

САМАРҚАНД ОСОРИ АТИҚАЛАРИ ТЎПЛАМИ. ТЕРРАКОТА ПЛАСТИКАСИ

А.В. Омельченко

Эрмитаждаги қадимги Самарқанд шаҳри ва унинг атрофидаги ҳудудлардан топилган антик давр ва ўрта асрларнинг бошига тегишли осори атиқалар тўплами асосини икки катта жамланма ташкил этади. Биринчиси – қадимий буюмларни тўплайдиган самарқандлик савдогар Мирзо Бухорийдан таниқли археолог Н.И. Веселовский 1883 йилда сотиб олган буюмлар. Иккинчиси – таркиби жиҳатдан биринчисига яқин бўлган тўплам 1930 ва 1937 йилларда Ўрта Осиё бўйича археолог-ўлкашунос ва қадимий буюмларни тўпловчи Б.Н. Кастальскийдан сотиб олинган. Шунингдек, Литинский (1898 й.), В.В. Бартольд (1904 й.), С.М. Дудин (1935 й.) тўпламларидан олинган материаллар уларни тўлдиради. Эрмитаж тўпламидан ўтган асрнинг 30-йиллари охирларида Самарқанд атрофидаги Тали-Барзу ва Кофирқалъада олиб борилган қазилма ишлари вақтида топилган нарсалар ҳам ўрин олган.

Бу тўпламларнинг катта қисмини сопол ҳайкалчалар ва уларнинг бўлаклари ташкил этади. Кулолчилик (терракота пластикаси ёки коропластика) Ўрта Осиёда қадимдан маълум бўлган, лойдан кичик шаклларни ясаш санъатидир. Бироқ темир асри даври бошида бу анъана илк зардуштийликда илоҳларни тасвирлаш тақиқлангани сабабли тўхтаб қолади.

Искандар Мақдунийнинг юришлари ва Ўрта Осиёда янги давлатлар ташкил топганидан кейин ўрта шарқ-эллинийчилик анъаналари таъсирида маҳаллий аҳолининг диний дунёқарашида муайян ўзгаришлар ҳам юз берди. Бу Шарқий Эрон дахмасида янги илоҳларнинг пайдо бўлгани, шунингдек, турли материаллар – тош, бронза ва лойда уларнинг тасвирлари яратилишида ўз ифодасини топди.

Суғдда сопол ҳайкалчаларни ясаш эрамиздан аввалги II аср охирига келиб оммалашган кўринади. Одатда сопол ҳайкалчалар эътиқод қилиб келинган худолар ҳайкалларининг кичик нусхалари бўлган, деб ҳисобланади. Уларнинг илк нусхаси моҳир уста томонидан лой, металл, тош,

ёғочдан ясалган ва ундан сопол нусхалари ишланган. Бу сопол нусхаларнинг ўзи ҳам бошқа кўп сонли ҳайкалчалар ясалишида намуна вазифасини ўтаган. Бироқ айни жараённинг қайта-қайта такрорланиши натижасида ҳайкалчаларнинг ҳажми кичрайиб, деталлари ўзгариб кетган.

Қадимий давр ҳайкалчаларининг алоҳида хусусияти уларнинг қизғиш-қўнғир рангдаги ангоб (суюқ лойга ботириш) билан қопланганлигидир. Куйдирилган кулранг (бўз) тупроқдан ва тўқ кулранг қопламали ҳайкалчалар анча кам учрайди.

Нусхалар ва улардан намуна олиб ясалган сопол қолиплар юқори баҳоланган ва узоқ масофаларга «саёҳат» қила олган. Шунинг учун ҳам қадимги дунёнинг бир-биридан минглаб километрлар узоқда жойлашган ҳудудларида: Шарқий Ўрта денгиздан то Ўрта Осиё воҳалари ва Шарқий Туркистонгача бўлган ҳудудда учрайдиган ҳайкалчалар ҳайрон қоларли даражада бир-бирига ўхшаш бўлган.

Қарийб минг йил давомида Самарқанд терракота пластика санъатининг ёрқин маркази бўлган. Ёзма манбалардан маълумки, шаҳарда оташпарастлар ибодатхонаси билан бирга «маъбудлар уйи» (ҳайкаллар) ҳам бўлган. Худди шундай иншоотлар Тавовис ва Пойкентда ҳам борлиги тилга олинган. Наршахийнинг «Бухоро тарихи»да айтилишича, Бухорода «уй маъбудлари» муқаддас оташхона олдида, йилда икки марта йиғиладиган бозорда сотилган. Шаҳарликлар ва қишлоқликлар уриниб қолган ёки синган бутларнинг ўрнига янгиларини сотиб олганлар. Бу савдони шоҳ ўзи қўллаб-қувватлаган. Йил ўтиши билан ҳайкалчалар атайлаб синдирилган деган тахмин бор. Ўрта Осиёнинг қадимги шаҳарларидан топилган бўлакларга бўлиниб кетган ҳайкалчаларнинг кўплигини шу билан изоҳлаш мумкин.

Давлат Эрмитажи тўпламида бир гуруҳ буюмлар борки, уларга ўхшашларини юнон кулоллари ясаган маҳсулотлар ичидан топиш мумкин. Улар ичида энг қадимгиси Медуза Горгонанинг боши шакли бўртириб ишланган идишларнинг бўлакларидир (АФР-3810, СА-329). Бу антик дунёда кенг тарқалган тумор бўлиб, ёвузликдан сақланиш мақсадида турли нарсаларга туширилган. Ўрта асрлар бошида ёвуз кучларни қўрқитиш мақсадида остадонлар деворларига қўйилган шер маҳлуққа ўхшаган Киртимукха боши кўринишидаги апотропей ҳам шундан келиб чиққан бўлиши мумкин (СА-548, СА-543).

Ўрта Осиёда ҳайкалтарошлик, кулолчилик ва торевтика тасвирларига кўра маҳаллий ҳосилдорликка топиниш ибодати ва унга ўхшаб кетадиган дионисий давраси топинишлари машҳур бўлган. Масалан, шароб қуйиладиган, вулқон оғзи ва челак кўринишидаги сопол идишларга Дионисниng (А-341, А-348) доимий илоҳий йўлдоши Силеннинг боши су-

рати туширилган. Ўрта асрларнинг бошидаги Силеннинг тасвирларини суғд кумуш идишларининг (зиёфат учун мўлжалланган) тутқичлари ҳам безаган.

Эрамизнинг дастлабки йилларида Ўрта Осиёда идишларнинг ушлагичларини муҳр шакли билан безаш одат бўлган (СА-736, СА-746). Уларнинг орасида кўринишидан Афродита-Венера образига бориб тақаладиган тасвирлар алоҳида ажралиб туради.

Искандар Мақдуний сиймоси ҳам Суғд кулолчилигида машҳур бўлган. Вақт ўтиши билан дастлабки, портретга яқин шакллар(СА-159) ўзгариб кетган. Беташвиш, орзуманд чеҳранинг ўзига хос қирралари акс этган илоҳий ёш йигит сиймоси пайдо бўлган (СА-158; А-66). Унинг тасвирлари илк ўрта асрлар остадонлари деворларига туширилган; (СА-159), (СА-495, А-1008, А-1043).

Шарқнинг деҳқончилик билан шуғулланувчи қабилалари терракоталарида Буюк Она – Маъбуданинг сиймоси энг қадимгисидир. Ўрта Осиёда эллин даврида у одатда яланғоч ҳолда тасвирланган (А-1632, А-920).

Кўринишидан, Самарқанддан топилган аёл шаклидаги ҳайкалчаларнинг икки тури эрамизнинг бошланиш даврига бориб тақалади. Биттаси хушқомат аёл шаклида бўлиб, этаги узун кўйлак устидан нимча, бошида ёпинчиқ, қўлида учбарг ушлаган ҳолда тасвирланган. (СА-144), Чамаси, у сув ва ҳосилдорлик маъбудаси Ардвисура Анахита.

Иккинчи тур ҳайкалчаларнинг (СА-47; А-345) кўйлаги бурмали, юнонларнинг хитонига ўхшаган; бошида салла, қалпоқ ёки ёпинчиқ, қўлларида юмалоқ мева (анорми, олмами) бор. Бу турдаги ҳайкалчаларда баъзан пастда гўдак ҳам тасвирланган. Шубҳасиз, у Суғдда катта ҳурматга сазовор бўлган Нанна (Нанная). Наннага бағишлаб ибодатхоналар қурилган, уни турли санъат ёдгорликларида тасвирлашган, кўплаб суғдликларнинг исмлари унинг номлари маъноси билан алоқадор бўлган. V–VI асрларда Афросиёбдан топилган медалда тахтда ўтирган Наннага ҳарбий ва коҳин таъзим қилишаётгани тасвирланган, деб тахмин қилинади (А-698).

Чавандоз аёлларни ифодалаган ҳайкалчалар қадимги даврнинг охири ва ўрта асрлар бошига тегишли, улар, чамаси, маъбуда чавандозлар бўлиши мумкин (СА-367, СА-550).

VI–VII асрларда Суғдда тарқалган аёл ҳайкалчаларнинг яна бир тури йиғичи ва гўяндаларнинг тасвирларидир (СА-238, А-770, А-763). Шу билан бирга Эрон мифологиясидаги марҳумни ҳимоя қилувчи ҳомий руҳлар – фравашлар – қанотли махлуқларнинг ҳайкалчалари ҳам дафн маросими билан боғлиқ бўлса керак (СА-190). Тўлиқ гавдаси билан тасвирланган қўли кўксида чалиштирилган ҳолдаги ҳайкалчалар ҳам шу каби талқин қилинади (СА-13712).

Энг кенг тарқалган эркак ҳайкалча маҳаллий кийимда, бошида учи қайрилган узун бош кийим – суғдликлар ва саклар учун урф бўлган кулоҳ кийиб олган, тик турган ёш йигит сиймосидир (СА-98; А-777). Бу чўпон кўринишидаги қуёш нури худоси бўлиб, Митранинг тасвири деган тахмин бор.

Афросиёб терракотасидаги ҳайкалчалар ичида кўпчилигини эркак машшоқ ҳайкалчалари ташкил этади (СА-101; А-694; СА-44; СА-383). Улар уд, икки турдаги най, чилтор ёки ноғора чалаётган шаклда тасвирланган. Қадимда мусиқа илоҳий ҳисобланган ва кўплаб диний маросимлар мусиқасиз ўтмаган. Шарқий Туркистондаги суратлар, Хитойнинг суғд дафн маросимлари бўртмалари (Маршак, 2000, 43–48 бб.), торевтика буюмларидаги саҳна деталлари – буларнинг барчаси суғд инструментализмининг метрополия ташқарисидан олисларда ҳам машҳурлигини тасдиқлайди.

Эрамизгача бўлган биринчи асрларда Ўрта Осиёга кўчманчи қабилаларнинг келиши билан илоҳий мардонавор аждодга топиниш кенг тарқалади. У терракотада қўлда ясалган чавандозлар кўринишида тасвирланган. Илк ўрта асрларда суворий қолипда қуйилган, улов ҳайвони эса қўлда ясалган. Турк ёки суғд чавандоз Ўрта Осиё чўлларининг машҳур тошёзувларидаги каби қўлида чўқмор ва ханжар, баъзан қадаҳ кўтарган тарзда тасвирланган (СА-83, СА-75). Чамаси, қаршимизда баҳодирлик эпослари билан боғлиқ қаҳрамонлар ёки халқ оғзаки ижоди персонажлари турибди. Уларни «таниш»га улов ҳайвонлар ёрдам берган. У от, яккашох ёхуд эчки бўлиши мумкин.

V–VI асрлардаги «Суғд рицари» тасвирининг бошқа турига қиличга таяниб салобат билан турган аскарлар, ҳукмрон-рицарлар ҳайкалчалари киради (А-762), (А-769). Шоҳона тож кийган, соқол-мўйлови тарашланган эркаклар тасвири ҳам сосонийлар иконографияси билан боғлиқ бўлса керак (СА-200, А-508, СА-6378). Суғд кулолчилигида сосонийлар ва эфталийлар ҳукмдорлари тожларига ўхшаш бўлган қуёш-ой тимсоли бор қанотли тож кийган қаҳрамонлар ҳам кўп учрайди (СА-207, А-479).

Ўрта Осиё ва Эрон учун илк ўрта асрлар даврида энг аввал яратилган ҳўкиз-одамнинг сув унсури билан боғлиқ Гопатшоҳ топиниши ҳам умумийдир (СА-6300, Гл-576).

Аёл ва эркак тасвири босилган плакетка-медальонлар шарқий зардуштийликнинг ўзига хос иконачалари бўлиб илк ўрта асрлар давридаги кулолчиликнинг энг ривожланган палласини акс эттиради. Улардаги қаҳрамонлар одатда аркларда жойлашган (А-772, СА-876, СА-874): бу билан тасвир Суғд ибодатхонаси токчасидаги ҳайкалнинг кичик нусхаси эканлигига урғу берилган.

Айрим терракота тасвирларини медалларда аниқлаштиришга муваффақ бўлинди: А-772 и СА-876 медальонларида Адбаг «буюк худо» тасвирланган, дастлаб у Аҳура-Мазда деб тушунилган, зардуштийлик қонунларига кўра у бутун ёруғ оламнинг яратувчиси ва ҳукмдоридир. Ўзининг иккинчи чеҳрасида у дунёни ёвуз кучлардан ҳимоя қиладиган ҳарбий сифатида гавдаланади. Жаннат остонаси тимсоли олдида қўлида қуш билан ажойиб жангчи сифатида Аҳура-Мазда хабарчиси, одамлар қалбини қўриқловчи Срош (Сраош) худоси акс этган. Суғдликлар, шунингдек, Веретрагна (Суғдда у Вашагн) – Авестоға кўра ғалаба худоси. Самарқанд остадонларидан бирида (СА-13710) жаннат остонаси тимсоли олдида қўлида қуш билан ўтирган гўзал йигит («ажойиб жангчи») кўринишида тасвирланган ҳам Веретрагна бўлиши эҳтимоли юқори (СА-13710).

THE COLLECTION OF ANTIQUITIES FROM SAMARKAND. TERRACOTTA SCULPTURES

A. V. Omelchenko

The base of the Hermitage collection of antique and early medieval antiquities found in the site of ancient Samarkand and its vicinity is two large collections. The first collection is artifacts purchased in 1883 by the noted archaeologist N.I. Veselovskiy from a Samarkand collector of antiquities, merchant Mirza Bukhari. The second, similar collection was purchased in 1930 and 1937 from B.N. Kastalsky, an archaeologist and scholar specializing in Central Asia and a collector of Antiquities. Artifacts from collections of Litinskiy (1898), V.V. Bartold (1904) and S.M. Dudin (1935) supplemented both of them. The Hermitage collection also includes finds from excavations near Samarkand, at the sites of Tali-Barzu and Kafir Kala in the late 1930s.

The significant part of those collections is terracotta statuettes and their fragments. Terracotta plastic art (or coroplastics) is the art of small figurines made of clay, known in Central Asia since ancient times. However, in the early Iron Age, this tradition is interrupted due to the prohibition in the early Zoroastrianism to depict deities.

After Alexander`s the Great campaigns and formation of new states in Central Asia, a certain transformation of the religious views of the local population under the influence of Hellenistic and Middle Eastern traditions took place. It was reflected in origin of new deities in the East Iranian pantheon, and in their ubiquitous depiction in various materials: stone, bronze and clay.

The mass production of terracotta figurines in Sogd took place apparently in the middle of the second century BC. It is traditionally believed that terracotta figurines were miniature copies of the statues of the most revered deities. A skilled craftsman made their model in clay, metal, stone, wood (the so-called patrix), then the ceramic mould-forms, in which the figurines were imprinted (then

finished with a cutter). These figures were models, which made it possible to replicate terracottas of the same type in large numbers. However, as a result of numerous repetitions of this process, the figurines decreased in size and the details were distorted (the so-called reduction).

The distinctive feature of the figurines of antiquities was the engobe coating (a solution of finely dispersed clay), usually in red and brown shades. Less common are figurines made of gray clay with dark gray coating.

The models and ceramic moulds were highly valued and could "travel" for considerable distances. Thus, it proves the striking resemblance of the figurines discovered in areas of the ancient world thousands of kilometers away: from the Eastern Mediterranean to oases of Central Asia and East Turkestan.

The main center of the art of terracotta plastic in Sogd for almost a millennium was Samarkand. According to written sources, in the city, along with the temple of fire, there was a "house of idols" (i.e., statues). The same structures are mentioned also for Tavavis and Paikend. In Bukhara, according to "History" by Narshakhi, "house idols" were sold at the fire sanctuary, at a fair gathered twice a year. Perhaps, in a year, the figurines were deliberately broken; it proves such a large number of fragmented figures found in the ancient cities of Central Asia.

The Hermitage collection keeps a small group of artifacts which have close analogies to the products of Greek ceramists. Apparently, the earliest among them are fragmented vessels with relief images of the heads of Medusa (AFR-3810, CA-329), amulets against evil. The image of Kirtimukha – a lion-like monster on the walls of ossuaries had the same functions (SA-548, SA-543).

Judging by the images in sculpture, coroplastics, toreutics Dionysian cults, reflected in the local cults of fertility were popular in Central Asia. For example, the vessels of krater or situla, in which wine was diluted, were decorated with headbands of Silenus – Dionysus' companion (A-341, A-348). In the early Middle Ages, the handles of Sogdian silver (feast) bowls were decorated with Silenus' images.

Among the impressions of the stamps adorning the handles of the Sogdian and Bactrian clay vessels of the first centuries AD, a series of images (CA-736, CA-746), which apparently goes back to the image of Aphrodite (Venus), stands out.

The image of Alexander the Great was the most popular in coroplastics of Sogd. The first images had a portrait-like quality, but with the course of time they were transformed. The image of a divine youth appeared (SA-158, A-66, SA-159), with typical features of a serene, dreamy face, which can also be found on the walls of early medieval ossuaries (SA-495, A-1008, A-1043).

The most ancient image in the terracotta objects of the farming tribes by agricultural tribes of Asia was the Great Mother-Goddess. In Central Asia of the Hellenistic period, commonly the goddess was depicted as naked (A-1632, A-920).

The figurines from Samarkand (SA-144), depicting a slender woman in a caftan-candice and a kerchief on head, with a trefoil in hand (a lily, a tulip?) date back to the turn of mellinnia. It looks like Ardvisur Anahita – the goddess of water and fertility.

The figurines of the second type (SA-47; A-345) wear dresses look like chitons; on their heads they wear a turban, a cap or a cape, and hold round fruits (a pomegranate or an apple?). Occasionally, a small child is depicted below. It was probably Nana (Nanaya), who was highly honored in Sogd. Temples were devoted to Nana, she was depicted on various artifacts, and many Sogdian names were based on hers. Apparently, Nana, sitting on the throne, is worshiped by a warrior and priest (?) on a plaquettette of the 5th-6th centuries from Afrasiab (A-698).

A series of figurines depicting horsewomen – deities is dated to the period between Antiquity and the early Middle Ages (SA-367, SA-550).

One more common type of images in Sogd of the 6th–7th centuries was figurines of female and male mourners associated with the funeral rite (SA-238, A-770, A-763), as well as, possibly, figurines of winged creatures – Fravashi – the good patron spirits of Iranian mythology (SA-190) protecting the deceased. The standing figures with arms crossed on chest on Samarkand ossuaries were interpreted in the same way (SA-13712).

One of the most popular among the male images was the image of a standing young man in local clothes and a high headwear with a curved top – the traditional kulokh (SA-98; A-777) the favourite headdress of the Sogdians and Sakas. Perhaps it is the deity of sunlight – Mithra.

Images of male musicians (CA-101, A-694, CA-44, CA-383) are represented by a large number of the figures in Afrasiab terracotta.

They play the lute, two types of flutes, a harp or a drum. In ancient times, music was considered a manifestation of the divine and it accompanied many religious ceremonies. The murals of East Turkestan and the Sogdian funerary reliefs of China (summary, see Marshak, 2000, pp. 43–48) as well as the details of the scenes on the products of toreutics are evidence of popularity of Sogdian instrumentalism far beyond the metropolis.

The cult of a deified heroic ancestor was spread with the invasion of the nomadic tribes in Central Asia in the first centuries BC. In terracotta, he was portrayed in the shape of a horseman made by hand. In the early Middle Ages the rider was printed in mould and the horse was made by hand. A rider, a Turk or a Sogdian (CA-83, CA-75), holds a mace and a dagger in his hands, sometimes a cup, as on the famous balbals of the Eurasian steppe. Obviously, we could see folklore characters or heroes associated with the heroic epic. They were "recognized" by riding animal: a horse, a unicorn or a goat.

Another type of images of "rulers-knights" of the 5th–6th centuries is statuettes of warriors standing or sitting in a majestic position, leaning on a long sword (A-762, A-769). With the iconography of the Sassanian kings of Iran, images of men with a broad beard and mustaches, in royal crowns (CA-200, A-508, CA-6378) are also associated. The characters are numerous in Sogd coroplastics in the so-called winged crowns with solar-lunar symbolism, which imitate the crowns of Sassanid and Ephtalite rulers (CA-207, A-479).

The cult of Gopatshah, a primordial bull-man associated with the water element (SA-6300, Gl-576) was common for Central Asia and Iran in the early Middle Ages.

Plate-plaquettes with imprinted images of female and male deities, peculiar icons of eastern Zoroastrianism, represent the highest stage of development of coroplastics of the period of the early Middle Ages. Characters on them are usually placed in arches (A-772, CA-876, CA-874): thus, it is emphasized that the image is a miniature copy of the sculpture standing in the niche of the Sogdian temple.

Some of the terracotta images can be identified: on the plaquettes (A-772) and (CA-876), there is Adbag – the "great god', originally percieved as Ahura-Mazda, the creator and ruler of the whole bright world, and his warrior-defender against evil forces in Zoroastrianism. God Srosh (Sraosha) is depicted as a beautiful warrior with a bird in his hand (CA-874), the messenger of Ahura

Mazda, guarding the souls of people. The Sogdians also highly revered Veretragna (in Sogdian, his name was Washaghn) – the Avestan god of victory. Probably, it is he who is portrayed sitting near the symbolic entrance to paradise on one of the Samarkand ossuaries (CA-13710).

КОЛЛЕКЦИЯ САМАРКАНДСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ. ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАСТИКА

А. В. Омельченко

Основу эрмитажного собрания античных и раннесредневековых древностей, найденных на городище древнего Самарканда и в его окрестностях, составляют две большие коллекции. Первая – это вещи, приобретенные в 1883 г. известным археологом Н.И. Веселовским у самаркандского собирателя предметов старины купца Мирзы Бухари. Вторая, близкая по составу коллекция была куплена в 1930 и 1937 гг. у Б.Н. Кастальского, среднеазиатского археолога-краеведа и собирателя антиков. Дополняют их материалы из коллекций Литинского (1898 г.), В. В. Бартольда (1904 г.), С.М. Дудина (1935 г.). В собрании Эрмитажа также находятся предметы из археологических раскопок, проведенных под Самаркандом в конце 30-х гг. прошлого века на городищах Тали-Барзу и Кафыркала.

Значительную часть этих собраний составляют терракотовые статуэтки и их фрагменты. Терракотовая пластика (или коропластика) – искусство изготовления небольших фигурок из глины, известно в Средней Азии с древнейших времен. Однако в эпоху раннего железного века эта традиция прерывается из-за запрета в раннем зороастризме изображать божества.

После походов Александра Македонского и возникновения на территории Средней Азии новых государств под влиянием эллинистической и ближневосточной традиций происходит определенная трансформация религиозных воззрений местного населения. Это отразилось как в появлении новых божеств в восточно-иранском пантеоне, так и в повсеместном их изображении в различных материалах: камне, бронзе, глине.

Массовым производство терракотовых статуэток в Согде становится, по-видимому, только ближе к середине II в. до н.э. Традиционно считается, что терракотовые статуэтки являлись миниатюрными копиями статуй наиболее почитаемых божеств. Искусным мастером выполнялась их модель в глине, металле, камне, дереве (т.н. патрица), а с нее делались керамические матрицы-формы, в которых оттискивались статуэтки (затем дорабатывались резцом).

Эти фигурки сами в дальнейшем становились моделями, что позволяло тиражировать терракоты одного типа в большом количестве. Однако в результате многочисленных повторений этого процесса статуэтки уменьшались в размерах, искажались детали (т.н. редукция).

Отличительной чертой статуэток античного времени было покрытие их ангобом (раствором на основе тонкоотмоченной глины) обычно красно-коричневых оттенков. Реже встречаются фигурки, выполненные из серых по обжигу глин с темно-серой облицовкой.

Модели и выполненные с них первые керамические матрицы высоко ценились и могли «путешествовать» на значительные расстояния. Это объясняет иногда поразительное сходство образов, которые передают статуэтки, происходящие из удаленных на тысячи километров друг от друга областей древнего мира: от Восточного Средиземноморья до оазисов Средней Азии и Восточного Туркестана.

Главным центром искусства терракотовой пластики в Согде на протяжении почти тысячелетия был Самарканд. По письменным источникам известно, что в городе, наряду с храмом огня, существовал «дом идолов» (т.е., статуй). Такие же сооружения упоминаются в отношении Тавависа и Пайкенда. В Бухаре, согласно «История Бухары» Наршахи, «домашние идолы» продавались у святилища огня, на ярмарке, собиравшейся дважды в году. Возможно, по истечении года статуэтки преднамеренно разбивались, чем и объясняется столь большое количество фрагментированных фигурок, находимых на городищах Средней Азии.

В коллекции Эрмитажа есть небольшая группа предметов, которым можно найти близкие аналогии в изделиях греческих керамистов. По-видимому, наиболее ранние среди них – фрагменты сосудов с рельефными изображениями голов горгоны Медузы (АФР-3810, СА-329), которые воспринимались как обереги от зла. Такие же функции выполнял образ Киртимукхи – похожего на льва чудовища, которое часто помещали на стенки оссуариев (СА-548, СА-543).

Популярными в Средней Азии, судя по изображениям в скульптуре, коропластике, торевтике, были культы дионисийского круга, перекликающиеся с местными культами плодородия. Так, например, на сосуды типа кратеров или ситул, в которых разводили вино, помещали налепы головы Силена – непременного спутника Диониса (А-341, А-348). В раннем средневековье изображения Силена украшали ручки согдийских серебряных (пиршественных) чаш.

Среди оттисков штампов, украшавших ручки согдийских и бактрийских глиняных сосудов первых веков н.э., выделяется серия изображений (СА-736, СА-746), которая, по-видимому, восходит к образу Афродиты–Венеры.

Популярным в коропластике Согда был образ Александра Македонского. С течением времени первые, близкие портретным (СА-159) изображения трансформировались. Появляется образ божественного юноши (СА-158; А-66) с характерными чертами безмятежного, мечтательного лица. Помещались его оттиски и на стенках раннесредневековых оссуариев (СА-495, А-1008).

Древнейшим в терракоте земледельческих племен Востока был образ Великой Богини-матери. В Средней Азии эллинистического времени она изображалась обычно обнаженной (А-1632, А-920).

Рубежом нашей эры датируются статуэтки из Самарканда (СА-144), изображающие стройную женщину в кафтане-кандисе и накидке на голове, с трилистником в руке (лилия, тюльпан?). Видимо, перед нами Ардвисура Анахита – богиня воды и плодородия.

У статуэток второго типа (СА-47; А-345) платье похоже на греческий хитон; на голове – тюрбан, шапочка или накидка, в руках – круглые плоды (гранат, яблоко?); иногда внизу показан маленький ребенок. Очевидно, это Нана (Нанайя), которая высоко почиталась в Согде. Нане посвящались храмы, ее изображали на различных памятниках искусства, имена многих согдийцев содержали в себе ее прозвание. По-видимому, Нане, сидящей на троне, поклоняются воин и жрец (?) на плакетке V–VI вв., с Афрасиаба (А-698).

Ко времени рубежа античности и раннего средневековья относится серия женских статуэток, изображающих, видимо, божественных всадниц (СА-367, СА-550).

Еще одним распространенным типом женских изображений в Согде VI–VII вв. являлись связанные с погребальным обрядом фигурки плакальщиц и плакальщиков (СА-238, А-770, А-763), а также, возможно, статуэтки крылатых существ – фраваши – добрых духов-покровителей иранской мифологии (СА-190), охраняющих покойного. Также интерпретированы стоящие со скрещенными на груди руками налепные фигурки на самаркандских оссуариях (СА-13712).

Одним из самых популярных среди мужских изображений был образ стоящего юноши в местной одежде и в высоком головном уборе с загнутой верхушкой – традиционном для согдийцев и саков кулохе (СА-98; А-777). Возможно, это божество солнечного света Митра.

Большим количеством фигурок в терракоте Афрасиба представлены изображения мужчин-музыкантов (СА-101; А-694; СА-44; СА-383). Они играют на лютне, флейтах двух типов, арфе или барабане. В древности музыка считалась проявлением божественного и сопровождала многие религиозные церемонии. Росписи Восточного Туркестана, согдийские

погребальные рельефы Китая (сводку см. Маршак, 2000, сс. 43–48), детали сцен на изделиях торевтики – все это подтверждает популярность согдийского инструментализма далеко за пределами метрополии.

С приходом в первых веках до н.э. кочевых племен в Средней Азии распространяется культ обожествленного героического предка. В терракоте он изображался в виде вылепленного от руки всадника. В эпоху раннего средневековья седок оттискивался в матрице, а ездовое животное лепилось. Всадник, тюрок или согдиец (СА-83, СА-75), держит в руках булаву и кинжал, иногда чашу (кубок), как на знаменитых балбалах Евразийской степи. Очевидно, перед нами фольклорные персонажи или герои из богатырского эпоса. Их «узнаванию» способствовали ездовые животные: конь, единорог или козел.

К другому типу изображений «согдийских правителей-рыцарей» V–VI вв. относятся статуэтки воинов, стоящих или сидящих в величественной позе, опершись на длинный меч (А-762, А-769). С иконографией Сасанидских царей Ирана связаны и изображения мужчин с окладистой бородой и усами, в царственных венцах (СА-200, А-508, СА-6378). Многочисленны в коропластике Согда и персонажи в т.н. крылатых коронах с солярно-лунарной символикой, которые подражают коронам сасанидских и эфталитских правителей (СА-207, А-479).

Общим для Средней Азии и Ирана в эпоху раннего средневековья был также культ Гопатшаха – связанного с водной стихией первозданного человека-быка (СА-6300, Гл-576).

Плитки-плакетки с оттиснутыми изображениями женских и мужских божеств, своеобразные иконки восточного зороастризма, являют собой наивысшую стадию развития коропластики поры раннего средневековья. Персонажи на них обычно помещены в арки (А-772, СА-876, СА-874): таким образом подчеркивалось, что изображение представляет собой миниатюрную копию скульптуры, стоящей в нише согдийского храма.

Некоторые терракотовые изображения удается идентифицировать: на плакетках А-772 и СА-876, видимо, представлен Адбаг – «великий бог», под которым первоначально понимался Ахура-Мазда, согласно канонам зороастризма, устроитель и властитель всего светлого мира, а также его воин-защитник от злых сил. Как «прекрасный воин» с птицей в руке (СА-874) изображен бог Срош (Сраоша), вестник Ахура-Мазды, охраняющий души людей. Высоко почитался согдийцами также Веретрагна (в Согде он носил имя Вашагн) – авестийский бог победы. Вероятно, именно он изображен сидящим возле символического входа в рай на одном из самаркандских оссуариев (СА-13710).

Гл-576
Гобатшох тасвири туширилган мухр
Самарканд Суғди, Эронда ясалган (?), мил. VI–VII асрлар.
Халцедон (кимматбахо тош); ўйма тасвир, сайкалланган.
1,8×2,1 см.

Gl-576
Seal depicting Gopatshah
Samarkand Sogd, made in Iran (?), 6th–7th centuries AD.
Chalcedony; carving, polishing.
1.8×2.1 cm.

Гл-576
Печать с изображением Гопатшаха
Самаркандский Согд, сделана в Иране (?), VI–VII вв. н.э.
Халцедон; резьба, шлифовка.
1,8×2,1 см.

СА-14765
Омад рамзи тасвири туширилган мухр
Самарканд Суғди, Мил. илк асрлар.
Акик; ўйма накш, сайкалланган.
2,6×2,3 см.

SA-14765
Seal depicting Fortune
Samarkand Sogd, the first centuries AD.
Agate; carving, polishing;
2.6×2.3 cm.

СА-14765
Печать с изображением Фортуны
Самаркандский Согд, первые вв. н.э.
Агат; резьба, шлифовка;
2,6×2,3 см.

АФР-3810; СА-329
Медуза Горгона бошининг буртма тасвири туширилган идиш булаклари
Афросиёб, Самарканд Суғди, эрамиздан аввалги илк асрлар.
Сопол; босма колип, тиғли асбобда сайкалланган; ангоб.
5,6×8,9; 3,9×3,3 см.

AFR-3810; SA-329
Fragments of vessels with relief images of the Gorgon Medusa heads
Afrasiab, Samarkand Sogd, the first centuries BC.
Clay; imprinting in a mold, chisel adjustment; engobe.
5.6×8.9; 3.9×3.3 cm.

АФР-3810; СА-329
Фрагменты сосудов с рельефными изображениями голов горгоны Медузы
Афрасиаб, Самаркандский Согд, первые вв. до н.э.
Глина; оттиск в форме, подправка резцом; ангоб.
5,6×8,9; 3,9×3,3 см.

СА-548; СА-543
Остадон устидаги накшлар, Киртимукха
Афросиёб, Самарканд Суғди, VI–VII асрлар.
Сопол; босма колип, тиғли асбобда сайкалланган; 5,6×4,6; 6,5×5,8 см.

SA-548; SA-543
Plastered details on ossuaries, Kirtimukha
Afrasiab, Samarkand Sogd, 6th–7th centuries.
Clay; stamp imprint, chisel adjustment; 5.6×4.6; 6.5×5.8 cm.

СА-548; СА-543
Налепы на оссуарии, Киртимукха
Афрасиаб, Самаркандский Согд, VI–VII вв.
Глина; оттиск штампа, подправка резцом;
5,6×4,6; 6,5×5,8 см.

A-1124
Остадон устидаги нақшлар, Киртимукха
Афросиёб, Самарқанд Суғди, VII аср.
Сопол; ўйма тасвир, бўртма қолиплар, тиғли асбобда сайқалланган.
10×9,6 см.

A-1124
Plastered detail on an ossuary, Kirtimukha
Afrasiab, Samarkand Sogd, 7th century
Clay; carving, stamp imprints, chisel adjustment.
10×9.6 cm.

A-1124
Налеп на оссуарий, Киртимукха
Афрасиаб, Самаркандский Согд, VII в.
Глина; резьба, оттиски штампов, подправка резцом.
10×9,6 см.

A-341; A-348
Идишлар устидаги нақшлар, Силен тасвири
Афросиёб, Самарқанд Суғди, мил. ав. илк асрлар – мил. илк асрлар.
Сопол; бўртма қолип; қора ангоб, пардозлаш; 5,3×4,3; 8,5×7,5 см.

A-341; A-348
Plastered details on vessels, images of Silenus
Afrasiab, Samarkand Sogd, the first centuries BC – the first centuries CE.
Clay; stamp imprint; black engobe, glazing; 5.3×4.3; 8.5×7.5 cm.

A-341; A-348
Налепы на сосуды, изображения Силена
Афрасиаб, Самаркандский Согд, первые вв. до – первые вв. н.э.
Глина; оттиск штампа; черный ангоб, лощение; 5,3×4,3; 8,5×7,5 см.

A-373; CA-171
Ҳайкалча бўлаклари, Силен тасвири
Афросиёб, Самарқанд Суғди, VI–VII асрлар.
Сопол; бўртма қолип, ганч нақш; 3,9×3,2; 8,3×5 см.

A-373; CA-171
Fragments of figurines, images of Silenus
Afrasiab, Samarkand Sogd, 6th–7th centuries.
Clay; imprinting in a mold, molding; 3.9×3.2; 8.3×5 cm.

A-373; CA-171
Фрагменты статуэток, изображения Силена
Афрасиаб, Самаркандский Согд, VI–VII вв.
Глина; оттиск в форме, лепка; 3,9×3,2; 8,3×5 см.

CA-736; CA-746; CA-737
Аёллар тасвири туширилган идиш тутқичи
Самарқанд Суғди, III–IV асрлар. Сопол; бўртма қолип; 3,1×1,5; 4×2,8; 3,3×2,8 см.

SA-736; SA-746; SA-737
Handles of vessels depicting women
Samarkand Sogd, 3rd–4th centuries. Clay; stamp imprints; 3.1×1.5; 4×2.8; 3.3×2.8 cm.

CA-736; CA-746; CA-737
Ручки сосудов с изображениями женщин
Самаркандский Согд, III–IV вв. Глина; оттиски штампов; 3,1×1,5; 4×2,8; 3,3×2,8 см.

CA-505; A-247; CA-740
Эркак киши боши тасвири бўртиб ишланган идиш тутқичи
Самарқанд Суғди, III–IV асрлар. Сопол; бўртма қолиплар; 5,6×2; 4,7×3,5 см; 4,5×3,4 см.

SA-505; A-247; CA-740
Handles of vessels with imprints of male heads
Samarkand Sogd, 3rd–4th centuries. Clay; stamp imprints; 5.6×2; 4.7×3.5 cm; 4.5×3.4 cm.

CA-505; A-247; CA-740
Ручки сосудов с оттисками мужских голов
Самаркандский Согд, III–IV вв. Глина; оттиски штампов; 5,6×2; 4,7×3,5 см; 4,5×3,4 см.

CA-158; A-66; CA-159
Искандар кўринишидаги ўсмир ҳайкалчалари
Афросиёб, Самарқанд Суғди, мил. ав. I аср. – мил. I аср, VI–VII асрлар. Сопол; бўртма қолип, тигли асбобда сайқалланган, гипс; ангоб; 4,2×2,7; 9,8×7; 5,2×4,2 см.

SA-158; A-66; SA-159
Figurines of young men «in the image of Alexander»
Afrasiab, Samarkand Sogd, 1st century BC – 1st century AD, 6th–7th centuries. Clay; imprinting in a mold, chisel adjustment, molding; engobe; 4.2×2.7; 9.8×7; 5.2×4.2 cm.

CA-158; A-66; CA-159
Статуэтки юношей «в образе Александра»
Афрасиаб, Самаркандский Согд, I в. до н.э. – I в. н.э., VI–VII вв. Глина; оттиск в форме, подправка резцом, лепка; ангоб; 4,2×2,7; 9,8×7; 5,2×4,2 см.

СА-495; А-1008
Искандар куринишидаги усмир бола тасвири туширилган остадон булаклари
Самарқанд Суғди, VII аср. Сопол; ўйма нақш, босма колип, ганчкор нақш, тиғли асбобда сайқалланган; 4,4×3,1; 23×11,8 см.

SA-495; A-1008
Fragments of ossuaries with plastered details depicting young men "in the image of Alexander"
Samarkand Sogd, 7th century
Clay; stamp imprint, molding, chisel adjustment; 4.4×3.1; 23×11.8 cm.

СА-495; А-1008
Фрагменты оссуариев с налепами – изображениями юношей «в образе Александра»
Самаркандский Согд, VII в.
Глина; оттиск штампа, лепка, подправка резцом; 4,4×3,1; 23×11,8 см.

А-1632; А-920
Аёллар ҳайкалчалари
Афросиёб, Самарқанд Суғди, I асрлар. Сопол; босма колип, тиғли асбобда сайқалланган; ангоб; 10×3; 5,7×2,8 см.

А-1632; А-920
Figurines of women
Afrasiab, Samarkand Sogd, the first centuries AD.
Clay; imprinting in a mold, chisel adjustment; engobe; 10×3; 5.7×2.8 cm.

А-1632; А-920
Статуэтки женщин
Афрасиаб, Самаркандский Согд, первые вв. н.э.
Глина; оттиск в форме, подправка резцом; ангоб; 10×3; 5,7×2,8 см.

СА-47; А-345; СА-144
Узун кийимдаги аёллар ҳайкалчалари
Афросиёб, Самарқанд Суғди, милоддан аввалги I аср – милодий илк асрлар. Сопол; босма колип, тиғли асбобда сайқалланган; ангоб; 4,5×4,1; 9,5×5,2; 11×3,3 см.

SA-47; A-345; SA-144
Figurines of women in long robes
Afrasiab, Samarkand Sogd, the 1st century BC – the first centuries AD.
Clay; imprinting in a mold, chisel adjustment; engobe; 4.5×4.1; 9.5×5.2; 11×3.3 cm.

СА-47; А-345; СА-144
Статуэтки женщин в длинных одеждах
Афрасиаб, Самаркандский Согд, первый в. до н.э. – первые вв. н.э.
Глина; оттиск в форме, подправка резцом; ангоб; 4,5×4,1; 9,5×5,2; 11×3,3 см.

A-698

Чин муҳаббат тасвири туширилган плакетка-медальон

Афросиёб, Самарқанд Суғди, V–VI асрлар. Сопол; босма қолип, тиғли асбобда сайкалланган; Диаметри 11,5 см.

A-698

Plaquette-medallion with a scene of adoration

Afrasiab, Samarkand Sogd, 5th–6th centuries. Clay; imprinting in a mold, chisel adjustment; engobe; diameter: 11.5 cm.

A-698

Плакетка-медальон со сценой адорации

Афрасиаб, Самаркандский Согд, V–VI вв. Глина; оттиск в форме, подправка резцом; ангоб; диаметр 11,5 см.

CA-238; A-770; A-763; CA-190
Фраваша ва гўяндалар ҳайкалчалари
Афросиёб, Самарқанд Суғди, VI – VII асрлар. Сопол; ганчкор нақш, ўйма тасвир, бўртма колип; 7,2×7,4; 8,9×6; 6,6×4,5; 6,2×5 см.

SA-238; A-770; A-763; SA-190
Figurines of fravash and weepers
Afrasiab, Samarkand Sogd, 6th–7th centuries Clay; molding, carving, stamp imprint; 7.2×7.4; 8.9×6; 6.6×4.5; 6.2×5 cm.

CA-238; A-770; A-763; CA-190
Статуэтки фраваши и плакальщиц
Афрасиаб, Самаркандский Согд, VI – VII вв. Глина; лепка, резьба, оттиск штампа; 7,2×7,4; 8,9×6; 6,6×4,5; 6,2×5 см.

CA-13712
Аёллар қиёфаси туширилган остадоннинг олд тарафи
Самарқанд, Суғд, VII – VIII асрлар. Сопол; ганчкор нақш, ўйма нақш, босма колип, тиғли асбобда сайқалланган; 61×34 см.

SA-13712
The front wall of an ossuary with anthropomorphic figures
Samarkand, Sogd, 7th–8th centuries. Clay; molding, carving, stamp imprint, chisel adjustment; 61×34 cm.

CA-13712
Лицевая стенка оссуария с антропоморфными фигурами
Самарканд, Согд, VII – VIII вв. Глина; лепка, резьба, оттиск штампа, подправка резцом; 61×34 см.

A-8; A-7; A-13
Эркаклар боши ҳайкалчалари
Афросиёб, Самарқанд Суғди, I–IV асрлар. Сопол; босма қолип, тиғли асбобда сайқалланган; ангоб; 4,4×3,1; 4,3×2,7; 4,4×2,6 см.

A-8; A-7; A-13
Heads of male figurines
Afrasiab, Samarkand Sogd, 1st–4th centuries CE. Clay; imprinting in a mold, chisel adjustment; engobe; 4.4×3.1; 4.3×2.7; 4.4×2.6 cm.

A-8; A-7; A-13
Головы мужских статуэток
Афрасиаб, Самаркандский Согд, I–IV вв. н.э. Глина; оттиск в форме, подправка резцом; ангоб; 4,4×3,1; 4,3×2,7; 4,4×2,6 см.

CA-98; A-777; A-372
Эркаклар ҳайкалчалари
Афросиёб, Самарқанд Суғди, мил. ав. I аср. – мил. илк I асрлар. Сопол; босма қолип, тиғли асбобда сайқалланган; ангоб; 4,9×3; 9,8×5,2; 7×4,7 см.

SA-98; A-777; A-372
Figurines of men
Afrasiab, Samarkand Sogd, the 1st century BC – the first centuries AD Clay; imprinting in a mold, chisel adjustment; engobe; 4.9×3; 9.8×5.2; 7×4.7 cm.

CA-98; A-777; A-372
Статуэтки мужчин
Афрасиаб, Самаркандский Согд, первый в. до н.э. – первые вв. н.э. Глина; оттиск в форме, подправка резцом; ангоб; 4,9×3; 9,8×5,2; 7×4,7 см.

CA-367, CA-550
Чавандоз қизлар ҳайкалчалари
Самарқанд Суғди, VI–VII асрлар. Сопол; ангоб; босма қолип, тиғли асбобда сайқалланган; 7,5×3,4; 6,3×4,8 см.

SA-367, SA-550
Figurines of horsewomen
Samarkand Sogd, 6th–7th centuries. Clay; engobe; imprinting in a mold, chisel adjustment; 7.5×3.4; 6.3×4.8 cm.

CA-367, CA-550
Статуэтки всадниц
Самаркандский Согд, VI–VII вв. Глина; ангоб; оттиск в форме, подправка резцом; 7,5×3,4; 6,3×4,8 см.

АФР-5458; СА-13892
Чавандозлар ҳайкалчалари
Афросиёб, Самарқанд Суғди, V–VII асрлар. Сопол; ганчкор нақш, босма қолип, тиғли асбобда сайқалланган; 9×7,1; 9,6×6,8 см.

AFR-5458; SA-13892
Figurines of horse riders
Afrasiab, Samarkand Sogd, 5th–7th centuries. Clay; molding, imprinting in a mold, chisel adjustment; 9×7.1; 9.6×6.8 cm.

АФР-5458; СА-13892
Статуэтки всадников
Афрасиаб, Самаркандский Согд, V–VII вв. Глина; лепка, оттиск в форме, подправка резцом; 9×7,1; 9,6×6,8 см.

СА-83; СА-75
Чавандоз аёллар ҳайкалчалари бўлаклари
Самарқанд Суғди, VI–VII асрлар. Сопол; босма қолип, тиғли асбобда сайқалланган; 6,9×3,6; 5,4×3 см.

SA-83; SA-75
Fragments of horse riders figurines
Samarkand Sogd, 6th–7th centuries. Clay; imprinting in a mold, chisel adjustment; 6.9×3.6; 5.4×3 cm.

СА-83; СА-75
Фрагменты статуэток всадников
Самаркандский Согд, VI–VII вв. Глина; оттиск в форме, подправка резцом; 6,9×3,6; 5,4×3 см.

А-769; А-762
Қилич тутган эркаклар ҳайкалчалари
Афросиёб, Самарқанд Суғди, V аср. Сопол; босма қолип, тиғли асбобда сайқалланган; анғоб; 11,3×5,3; 12,3×5 см.

A-769; A-762
Figurines of men with swords
Afrasiab, Samarkand Sogd, 5th century. Clay; imprinting in a mold, chisel adjustment; engobe; 11.3×5.3; 12.3×5 cm.

А-769; А-762
Статуэтки мужчин с мечом
Афрасиаб, Самаркандский Согд, V в. Глина; оттиск в форме, подправка резцом; ангоб; 11,3×5,3; 12,3×5 см.

СА-200; А-508
Шоҳона гулчамбар осган эркаклар ҳайкалчалари
Афросиёб, Самарқанд Суғди, VI–VII асрлар. Сопол; босма қолип, тигли асбобда сайқалланган; ангоб; 6×3,6; 4,4×3,2 см.

SA-200; A-508
Fragments of male figurines in royal crowns
Afrasiab, Samarkand Sogd, 6th–7th centuries. Clay; imprinting in a mold, chisel adjustment; 6×3.6; 4.4×3.2 cm.

СА-200; А-508
Фрагменты статуэток мужчин в царственных венцах
Афрасиаб, Самаркандский Согд, VI–VII вв. Глина; оттиск в форме, подправка резцом; 6×3,6; 4,4×3,2 см.

CA-207; A-479
Қанотли тож кийган аёл ҳайкалчалари бўлаклари
Афросиёб, Самарқанд Суғди, VI–VII асрлар.
Сопол; босма қолип, тиғли асбобда сайқалланган; 5,7×4; 4,7×2,9 см.

SA-207; A-479
Fragments of figurines in winged crowns
Afrasiab, Samarkand Sogd, 6th–7th centuries.
Clay; imprinting in a mold, chisel adjustment; 5.7×4; 4.7×2.9 cm.

CA-207; A-479
Фрагменты статуэток в «крылатых коронах»
Афрасиаб, Самаркандский Согд, VI–VII вв.
Глина; оттиск в форме, подправка резцом; 5,7×4; 4,7×2,9 см.

A-487; A-488
Қолиплар
Афросиёб, Самарқанд Суғди, VI–VII асрлар.
Сопол; бўртма қолип; 4,2×4,9; 4,5×3,9 см.

A-487; A-488
Moulds-forms
Afrasiab, Samarkand Sogd, 6th–7th centuries.
Clay; patrice imprint; 4.2×4.9; 4.5×3.9 cm

A-487; A-488
Матрицы-формы
Афрасиаб, Самаркандский Согд, VI–VII вв.
Глина; оттиск патрицы; 4,2×4,9; 4,5×3,9 см.

A-1039
Қанотли тож кийган қаҳрамон тасвири туширилган остадон бўлаги
Афросиёб, Самарқанд Суғди, VII аср.
Сопол; ўйма нақш, босма қолип, ғанчкор нақш, тиғли асбобда сайқалланган; 18×18 см.

A-1039
Fragment of an ossuary with a plastered detail depicting a character wearing a winged crown
Afrasiab, Samarkand Sogd, 7th century.
Clay; carving, stamp imprint, molding, chisel adjustment; 18×18 cm.

A-1039
Фрагмент оссуария с налепом – изображением персонажа в «крылатой короне»
Афрасиаб, Самаркандский Согд, VII в.
Глина; резьба, оттиск штампа, лепка, подправка резцом; 18×18 см.

СА-112; А-493; СА-109; А-85; А-1992; СА-326

Эркак қаҳрамонлар, терракота бўлаклари

Афросиёб, Самарқанд Суғди, VI–VII асрлар. Сопол; босма қолип, ганчкор нақш, ўйма нақш, тиғли асбобда сайқалланган; 4,2×2,7; 4×3; 3,6×2,7; 7×5,4; 3,8×2,4; 4,4×3,1 см.

SA-112; A-493; SA-109; A-85; A-1992; SA-326

Male characters, fragments of terracotta

Afrasiab, Samarkand Sogd, 6th–7th centuries. Clay; imprinting in a mold, molding, carving, chisel adjustment; 4.2×2.7; 4×3; 3.6×2.7; 7×5.4; 3.8×2.4; 4.4×3.1 cm.

СА-112; А-493; СА-109; А-85; А-1992; СА-326

Мужские персонажи, фрагменты терракоты

Афрасиаб, Самаркандский Согд, VI–VII вв. Глина; оттиск в форме, лепка, резьба, подправка резцом; 4,2×2,7; 4×3; 3,6×2,7; 7×5,4; 3,8×2,4; 4,4×3,1 см.

СА-101; А-694; СА-44; СА-383
Мусиқачилар ҳайкалчалари
Афросиёб, Самарқанд Суғди, мил. илк асрлар.
Сопол; босма колип, тиғли асбобда сайқалланган; ангоб; 4,3×3,4; 8,9×5,9; 12,3×5,1; 10,7×7 см.

SA-101; A-694; SA-44; SA-383
Figurines of musicians
Afrasiab, Samarkand Sogd, the first centuries AD.
Clay; imprinting in a mold, chisel adjustment; engobe; 4.3×3.4; 8.9×5.9; 12.3×5.1; 10.7×7 cm.

СА-101; А-694; СА-44; СА-383
Статуэтки музыкантов
Афрасиаб, Самаркандский Согд, первые вв. н.э.
Глина; оттиск в форме, подправка резцом ангоб; 4,3×3,4; 8,9×5,9; 12,3×5,1; 10,7×7 см.

СА-302; А-681
Удчилар ҳайкалчалари
Суғд, мил. илк асрлар.
Сопол; босма колип, тиғли асбобда сайқалланган; ангоб; 8,3×3,8; 5,3×5 см.

SA-302; A-681
Figurines of female lutenists
Sogd, the first centuries AD.
Clay; imprinting in a mold, chisel adjustment; engobe; 8.3×3.8; 5.3×5 cm.

СА-302; А-681
Статуэтки лютнисток
Согд, первые вв. н.э.
Глина; оттиск в форме, подправка резцом ангоб; 8,3×3,8; 5,3×5 см.

CA-13710

Бўртма мухрлар туширилган остадон

Афросиёб, Самарқанд Суғди, VI аср – VII аср биринчи ярми.

Сопол; ганчкор накш, ўйма накш, босма колип, тиғли асбобда сайқалланган; 70×27×24 см.

SA-13710

Ossuary with plastered details – stamp imprints

Afrasiab, Samarkand Sogd, 6th – the first half of the 7th century.

Clay; sculpted, carving, stamp imprint, chisel adjustment; 70×27×24 cm.

CA-13710

Оссуарий с налепами – оттисками штампа

Афрасиаб, Самаркандский Согд, VI – первая половина VII вв.

Глина; лепка, резьба, оттиск штампа, подправка резцом; 70×27×24 см.

A-772; CA-876; CA-874

Камгакдаги эркак кахрамонлар тасвири туширилган медальонлар

Афросиёб, Самарканд Суғди,
VI–VII асрлар.
Сопол; босма колип, тиғли асбобда сайкалланган; 13,3×12; 15,8×8,2; 14×7 см.

A-772; SA-876; SA-874

Plaquettes with images of male characters in niches

Afrasiab, Samarkand Sogd, 6th–7th centuries.
Clay; imprinting in a mold, chisel adjustment; 13.3×12; 15.8×8.2; 14×7 cm.

A-772; CA-876; CA-874

Плакетки с изображениями мужских персонажей в нишах

Афрасиаб, Самаркандский Согд, VI–VII вв.
Глина; оттиск в форме, подправка резцом
13,3×12; 15,8×8,2; 14×7 см.

СА-13711
Ҳайкалтарошлик тасвири ёрдамида эркак киши боши туширилган остадон қопқоғи
Афросиёб, Самарқанд Суғди, VII – VIII асрлар.
Сопол; ганчкор накш, ўйма накш.
51×33×38 см.

SA-13711
Lid of the ossuary with the sculptural image of a male head
Afrasiab, Samarkand Sogd, 7th–8th centuries.
Clay; molding, carving;
51×33×38 cm.

СА-13711
Крышка оссуария со скульптурным изображением мужской головы
Афрасиаб, Самаркандский Согд, VII – VIII вв.
Глина; лепка, резьба;
51×33×38 см.

CA-14734; CA-14735

Одам ҳайкалчалари шаклидаги қопламалар

Суғд, VII–VIII асрлар.
Бронза; қуйма, сайқалланган; 4×1,2; 4×1,2 см.

SA-14734; SA-14735

Cover plates in the form of human figurines

Sogd, 7th–8th centuries.
Bronze; casting, polishing; 4×1.2; 4×1.2 cm

CA-14734; CA-14735

Накладки в виде фигурок людей

Согд, VII–VIII вв.
Бронза; литье, шлифовка; 4×1,2; 4×1,2 см.

CA-13887

Одам тасвири туширилган қоплама

Ўрта Осиё (Суғд?), VIII–IX асрлар.
Бронза; қуйма, зарҳал; узунлиги 4,1 см, эни 2,9 см.

SA-13887

Cover plate with depicted man

Central Asia (Sogd?), 8th–9th centuries.
Bronze; casting, gilding; length: 4.1 cm, width: 2.9 cm.

CA-13887

Накладка с изображением человека

Средняя Азия (Согд?), VIII–IX вв.
Бронза; литье, позолота; длина 4,1 см, ширина 2,9 см.

CA-12953
Ўтирган одам тасвири кўринишидаги тумор
Суғд. VII–VIII асрлар.
Бронза; куйма; 3,2×2 см.

SA-12953
Amulet in the form of a figurine of a sitting human
Sogd, 7th–8th centuries.
Bronze; casting; 3.2×2 cm.

CA-12953
Амулет в виде фигурки сидящего человека
Согд, VII–VIII вв.
Бронза; литье; 3,2×2 см.

CA-12962
Бодхисаттва шакли кўринишидаги осма тумор
Ўрта Осиё ёки Гандхара, VII–IX асрлар.
Бронза; куйма, зарҳал; баландлиғи 2,9 см.

SA-12962
Pendant in the form of a figurine of bodhisattva
Central Asia or Gandhara, 7th–9th centuries.
Bronze; casting, gilding; height: 2.9 cm.

CA-12962
Подвеска в виде фигурки бодхисаттвы
Средняя Азия или Гандхара, VII–IX вв.
Бронза; литье, позолота; высота 2,9 см.

ТАЛИ-БАРЗУ

А.В. Омельченко

Қадимги Тали-Барзу (ТБ) Самарқанддан 6 км жануби-шарқий тарафда, қачонлардир Зарафшон ирмоғи Сиёб дарёсига бориб қуйилган сойлардан бирининг ёқасида жойлашган кичикроқ шаҳарча. Қалъа ҳамда унга туташ майдонларда олиб борилган қазиш ишлари давомида олтита маданий кенглик аниқланди (ТБ I–VI). Қадимги шаҳарнинг ўзи тўлалигича иккинчи даврда, ички қалъада бурчакларида миноралари бўлган янги бино кўтарилган пайтда қурилган. Шаҳарнинг ташқи қалъа деворлари бўйлаб ҳам кўплаб худди шундай миноралар қурилган. Уларда шахмат доналари тартибида туйнуклар ишланган. Ички томонда девор бўйлаб бир-бирига уланиб кетган қатор занжирсимон хоналар жойлашган бўлиб, уларнинг усти ярим гумбаз шаклида беркитилган. Бутун бу мажмуа бир пайтнинг ўзида қурилган ва ТБ III даврида ҳам фойдаланилган. ТБ IV даврига келиб, бинолар учли шаклда қурила бошлаган эди. Ички қалъада саҳнига пишиқ ғишт ётқизилган сарой барпо этдилар.

Маълум вақтдан сўнг ТБ IV даврига оид бинолар ташландиқ ҳолга келади. Орадан анча вақт ўтгач, чанг босган пахса деворлари устидан Тали-Барзу V даври бинолари қурилган. Бу даврга оид маданий қатламдан слюда сирли ва босма қолипли сопол идишлар топилган. Булар қадимги Кофирқалъа шаҳридаги (Тали-Барзудан 5 км узоқликда жойлашган) сополчилик марказидан келтирилган бўлиб, у ерда бундай сопол идишлар VII асрдан бошлаб ясала бошлаган. Тали-Барзу VI даври қадимги шаҳарнинг сўнгги даври бўлиб, топилган тангаларга қараганда бу давр VIII аср ўрталаридан ошмаган.

Тали-Барзудаги қазиш ишлари 1936–1938 йилларда Самарқанд музейи маблағлари ҳисобидан Г.В. Григорьев томонидан олиб борилган. 1939 йилда ҳам А.Ю. Якубовский раҳбарлигида амалга оширилган Моддий маданият тарихи институтининг Зарафшон экспедицияси ҳамда Эрмитаж Давлат музейи тадқиқотлари доирасида Г.В. Григорьев томо-

нидан олиб борилган (Григорьев, 1940а; Григорьев, 1940б; Якубовский, 1940а, 21–22 бб.).

Г.В. Григорьев Ўрта Осиёдаги хом ғиштдан қилинган меъморий ёдгорликларни ўрганишда услубий жиҳатдан тўғри қазиш ишларини олиб борган илк тадқиқотчилардан бири ҳисобланади. У Тали-Барзуда тадқиқот олиб бориши билан бирга ёдгорликлар стратиграфияси ва планиграфиясини кузатиш ишлари, шунингдек топилмалар (сопол буюмлар, терракота, тангалар) типологияси асосида бир-бири билан ўрин алмашувчи моддий маданият мажмуаларини аниқлаш бўйича ҳам катта таҳлилий иш яратди. Шу усулда яратилган нисбий шкала (ТБ I–VI) кейинги тадқиқотлар учун йўриқнома вазифасини ўтади. Ҳозирда тўрт даврнинг тўлиқ солномаси жуда қадимийлаштириб юборилганлиги (Кавказ ва Марказий Осиёнинг энг қадимги давлатлари, 1985, 273–274 бб.; Маршак, 2012, 185–188 бб.) ойдинлашди. Уларни қайта кўриб чиқиш эса Суғд археологияси бўйича А.И. Тереножкин, М.Е. Массон, кейинроқ Б.Я. Ставиский, С.К. Кабанов, Г.В. Шишкина, Б.И. Маршак ва бошқа таниқли мутахассислар иштирок этган қизғин баҳс-мунозараларга сабаб бўлган.

Альбомда келтирилган материаллар 1940–1947 йилларда Эрмитаж давлат музейига келиб тушган. Хумнинг бир бўлагига ўйиб ишланган соқоли бўртиб турган одамнинг боши тасвири жуда катта маҳорат билан ишланган. Бу ҳўкиз-одамлиги тушунарлироқ бўлиши учун унинг сағриси ҳам ифодаланган. Яъни у Гопатшоҳ, «шоҳ – чорва ҳомийси»дир.

Ҳайвонларнинг сополдан ишланган икки ҳайкалчасида чавандозлар ҳайкалчасининг изи сақланиб қолган. Отнинг пешонасидан бўртиб чиққан шохи унинг машҳур эртак қаҳрамони яккашох эканини кўрсатади. Эчки ҳайкалчаси ҳам шундай ноодатий бўлиб, шохлари ўта узун, пешонасига қуёш белгиси туширилган. Зарафшон ва Қашқадарё воҳаларининг қадимий ёдгорликлари орасида тутқичининг остида одам боши қолипда туширилган акси бор идишлар учрайди. Тали-Барзу шаҳрида олиб борилган қазилма ишлари натижасида бу анъана суғд кулолчилигида эрамизнинг IV асрида юзага келгани аниқланди. Чамаси, бу анъана сўнгги Рим даврига оид мисгарлик ва кулолчилик таъсирида пайдо бўлиб, Шарқнинг кўп ҳудудларига тарқалган. Кўзларини юмиб, бир оз жилмайиб турган эркакнинг жонли портрети (СА-6378) ҳам таҳсинга лойиқ. Иккинчи идишга (СА-6356) ишланган ҳашамдор бош кийими кийган қаҳрамон сосоний шоҳаншоҳлар тақкан расмий тожга ўхшаб кетади.

Тали-Барзунинг археология ёдгорликларида олиб борилган қазилма ишлари жараёнида топилган идишлар шуни кўрсатадики, улар қа-

димги даврдан илк ўрта асрларга ўтиш даврига оид Суғдиёна кулолчилик намуналари сирасига киради (Б.И. Маршак, 2012, 185–188 бб., 34, 74 расм). Булар қадаҳсимон жом, кичикроқ кўза ва шохсимон жўмракли катта сопол идишлардир (СА-7219; СА-6416; СА-6330). Бу даврга оид идишларнинг устки қисми қизғиш-жигарранг ангоб буёғи, суртмалари билан ажралиб туради.

TALI-BARZU

A.V. Omelchenko

Tali-Barzu (TB) is a small site situated 6 km to the southeast of Samarkand, on the bank of one of the rivers once flowed into the Siab, the tributary of the Zarafshan. Excavations in the citadel and adjacent area dislcosed six principal layers (TB I–VI). The site was completely developed in the second period, when a new building with towers on its corners was constructed on the platform on the citadel. The fortification wall of the entire site was fortified with similar towers. Each tower had arrow slits in staggered rows. On the inside, along the wall, there was a chain of rooms covered by semicircular vaults. The entire complex was built simultaneously and used during to the TB III period. In the horizon TB IV, buildings were rebuilt, the arches of the rooms became ogival. Apparently, a palace was erected on the citadel with floors covered with burnt bricks.

After a while, the TB IV buildings were abandoned. After a long break, during TB V, buildings were erected on the collapsed walls. In the cultural layers dated to that period there were found mica-covered ceramics with imprints. They were imported from the Kafyr-kala site (5 km from Tali-Barzu), where they were produced since the seventh century. TB VI was the last period of inhabitation of Tali-Barzu and, judging by finds of coins, it did not last beyond the middle of the eighth century.

Tali-Barzu was excavated by G.V. Grigoriev in 1936–1938, financed by the Samarkand Museum. In 1939, another excavation was carried out as part of the Zarafshan expedition of the Institute of History of Material Culture and the State Hermitage, headed by A.Y. Yakubovskiy (Grigoriev, 1940a, 1940b; Yakubovskiy, 1940a, pp. 21–22).

G.V. Grigoriev was one of the first researchers who started methodologically correct excavations of clay brick architectural monuments in Central Asia. His research at Tali-Barzu took place

together with the extensive analysis of the successive complexes of material culture, based on his observations of the stratigraphy and planning of the site, as well as the typology of the finds (ceramics, terracotta, coins). His relative time line (TB I–VI) became an example for the following. It is obvious now that the absolute chronology of the earliest four periods was dated to very earlier times to be clarified today (Ancient States of the Caucasus and Central Asia, 1985, pp. 273–274; Marshak, 2012, pp. 185–188). The decision to reconsider them caused heated discussions, in which the leading specialists in the archaeology of Sogd participated: A.I. Terenozhkin, M.E. Masson, and later – B.Y. Staviskiy, S.K. Kabanov, G.V. Shishikina, B.I. Marshak and others.

The materials from Tali-Barzu given in this book were found during Grigoriev's excavation and sent to the State Hermitage in 1940 and 1947. The engraved fragment of a khum (jar) has a contains a masterfully made image of a human head in profile with a protruding beard (SA-6390). To indicate that it is a bull-man, the artist depicted the croup. Thus, it is Gopatshah, whose name means "the king, patron of cattle."

Two hand-made figurines of animals have traces of fastening for figured riders (SA-6388, SA-6334). A long protrusion on the horse's head indicates that it is a mythical creature, a unicorn. The goat is also very unusual: its horns are very long, with lumps typical of the mountain breed; on its forehead it has a solar symbol.

The ancient artifacts, mostly from Sogdiana, include vessels with stamps below the handles. The excavations of the Tali-Barzu site revealed that this tradition appeared in the Sogd ceramics in local ceramics of Sogd in the fourth century AD. Apparently, it was influenced by late Roman toreutics and pottery and spread far to the East. Thus the first impression is a typical example (SA-6378) depicting a realistic portrait of a man with half-closed eyes and a faint smile. The molding on the second vessel (SA-6356) depicts a character in a pompous headwear, resembling the formal crowns of the Sasanian shahinshahs.

The vessels found during the excavations at Tali-Barzu are typical of the Sogdian ceramics in the period from antiquties to the early Middle Ages (Marshak, 2012, pp. 185–188. Figs. 34, 74). They are a bowl-shaped beaker, a small jug, and a large vessel with a curved spout (SA-7219, SA-6416, SA-6330). The surface was typically covered in red and brown liquid engobe or paint with brush-strokes and stains.

ТАЛИ-БАРЗУ

А.В. Омельченко

Тали-Барзу (ТБ) – небольшое городище, расположенное в 6 км к юго-востоку от Самарканда, на берегу одного из саев, когда-то впадавшего в Сиаб, приток Зарафшана. Раскопки цитадели и прилегающей площади установили шесть основных культурных горизонтов (ТБ I–VI). Полностью площадь городища была застроена во втором периоде, когда на цитадели, на платформе, возводится новое здание с башнями по углам. Такими же, часто расположенными башнями, была снабжена крепостная стена всего городища. В них были устроены бойницы, размещенные в шахматном порядке. Изнутри, вдоль стены, располагалась цепочка помещений, перекрытых полуциркульными сводами. Весь этот комплекс был сооружен единовременно и продолжал функционировать и в период ТБ III. По горизонту ТБ IV здания перестраивают, своды помещений стали стрельчатыми. На цитадели возвели, по-видимому, дворец с полами, выложенными жженными кирпичами.

Через какое-то время сооружения периода ТБ IV были заброшены. После длительного перерыва на их оплывших стенах строят здания периода ТБ V. В культурных слоях, относящихся к этому времени, была найдена керамика со слюдяным покрытием и оттисками штампа. Это – импорт из центра керамического производства у городища Кафыркала (находился в 5 км от Тали-Барзу), где подобная керамика начинает выделываться в VII в. Период ТБ VI был последним в обживании городища, и, судя по находкам монет, не выходит за VIII в.

Раскопки Тали-Барзу были проведены Г.В. Григорьевым в 1936–1938 гг. на средства Самаркандского музея, а в 1939 г. – им же, в рамках исследований Зарафшанской экспедиции ИИМК и Государственного Эрмитажа под руководством А.Ю. Якубовского (Григорьев, 1940а; он же, 1940б; Якубовский, 1940а, сс. 21–22).

Г.В. Григорьев был одним из первых исследователей, стоявших у истоков методически корректных раскопок памятников сырцовой архитекту-

ры Средней Азии. Его раскопки на Тали-Барзу сопровождались большой аналитической работой по выделению сменяющих друг друга комплексов материальной культуры на основе наблюдений за стратиграфией и планиграфией памятника, а также типологии находок (керамики, терракоты, монет). Построенная таким образом относительная шкала (ТБ I–VI) стала ориентиром для последующих разработок. Сейчас очевидно, что абсолютная хронология нижних четырех периодов очень удревнена (Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, 1985, сс. 273–274; Б.И. Маршак, 2012, сс. 185–188). Их пересмотр вызвал активную дискуссию, в которой участвовали виднейшие специалисты по археологии Согда: А.И. Тереножкин, М.Е. Массон, позднее Б.Я. Ставиский, С.К. Кабанов, Г.В. Шишкина, Б.И. Маршак и др.

Представленные в альбоме материалы поступили в Эрмитаж в 1940 и 1947 гг. На фрагменте хума мастерски сделано гравированное изображение головы в профиль, с выступающей бородой (СА-6390). Чтобы было понятно, что это человек-бык, показан круп. То есть, перед нами Гопатшах, известный в иранской мифологи «царь – покровитель скота».

Две лепные статуэтки животных сохранили следы крепления фигурок всадников (СА-6388; СА-6334). Длинный выступ на лбу лошади указывает на то, что это сказочный персонаж – единорог. Фигурка козла также необычна: рога длинные с характерными валиками, как у горной разновидности; на лоб помещен солярный знак.

На древних памятниках долины Зарафшана и Кашкадарьи встречаются находки сосудов, под ручками которых штампами оттискивались головы людей. Раскопки Тали-Барзу установили, что эта традиция появляется в керамическом производстве Согда в IV в. н.э. Возникнув, по-видимому, под влиянием позднеримской торевтики и гончарства, она распространилась далеко на восток. Показателен первый оттиск (СА-6378), который передает реалистичный портрет мужчины, прикрывшего глаза и чуть улыбающегося. Налеп на втором сосуде (СА-6356) изображает персонажа в пышном головном уборе, наподобие официальных корон Сасанидских шахиншахов.

Сосуды, найденные в ходе раскопок на Тали-Барзу типичны для керамического набора Согдианы времени перехода от поры античности к раннему средневековью (Б.И. Маршак, 2012, сс. 185–188. Ил. 34, 74). Это: чашевидный кубок, небольшой кувшинчик и крупный сосуд с носиком-рожком (СА-7219; СА-6416; СА-6330). Характерна для данного времени обработка поверхности посуды красно-коричневым жидким ангобом или краской, мазками и потеками.

CA-6388; CA-6334
От ва эчки ҳайкалчаси
V–VI асрлар. Сопол; ганчкор нақш, ўйма нақш; ангоб; 13,9×7,7; 9×8,3 см.

SA-6388; SA-6334
Figurines of a unicorn and a goat
5th–6th centuries Clay; hand made, carving; engobe; 13.9×7.7; 9×8.3 cm.

CA-6388; CA-6334
Статуэтки единорога и козла
V–VI вв. Глина; лепка, резьба; ангоб; 13,9×7,7; 9×8,3 см.

CA-6300
Гопатшоҳ тасвири туширилган хум бўлаги
V–VI асрлар.
Сопол; ангоб; ўйма гул нақш;
31×17,5 см.

SA-6300
Shard of khum with carved image of Gopatshah
5th–6th centuries.
Clay; engobe; engraving;
31×17,5 cm.

CA-6300
Фрагмент хума с резным изображением Гопатшаха
V–VI вв.
Глина; ангоб; гравировка;
31×17,5 см.

СА-6356; СА-6378
Идишларнинг одамлар калласи қолипда туширилган акси бор тутқичи
V аср. Сопол; ганчкор накш, босма қолип; ангоб; 12×4,3; 6×4,5 см.

SA-6356; SA-6378
Handles of vessels with stamp imprints under them: images of human heads
5th century Clay; hand made, stamp imprint; engobe; 12×4.3; 6×4.5 cm.

СА-6356; СА-6378
Ручки сосудов с оттисками штампов под ними: изображения голов людей
V в. Глина; лепка, оттиск штампа; ангоб; 12×4,3; 6×4,5 см.

СА-7219; СА-6416; СА-6390
Идишлар
IV аср – VI аср бошлари.
Сопол; ангоб; 9×13,3; 19,8×16,3; 12,3×5,2×4,7 см.

СА-7219; СА-6416; СА-6390
Vessels
4th – the beginning of the 6th century
Clay; engobe; 9×13.3; 19.8×16.3; 12.3×5.2×4.7 cm.

СА-7219; СА-6416; СА-6390
Сосуды
IV – начало VI вв.
Глина; ангоб; 9×13,3; 19,8×16,3; 12,3×5,2×4,7 см.

КОФИРҚАЛЪА

А.В. Омельченко

Кофирқалъа қадимий шаҳри Самарқанд жанубий-шарқидан 12 км узоқликда қадимий Дарғом катта канали қирғоғида жойлашган. Афтидан, у илк ўрта асрлардаги самарқандлик ҳукмдорлари бўлган ихшидларнинг шаҳар ташқарисидаги қароргоҳи – Ривдаданинг қолдиқлари бўлса керак. Бу 11 гектарга яқин ҳудудни эгаллаган қўрғон бўлиб, ўртасида ички қалъа ҳам бор. Қўрғон кириш қисмида маҳобатли равоқ-айвончаси бор сарой жойлашган. Араблар босқинидан аввал ички қалъа мудофааси миноралар билан кучайтирилган, бироқ шунга қарамай, қалъа босиб олинган ва ёқиб юборилган.

Қадимий шаҳарнинг ўзи эса икки қатор девор билан ҳимояланган. Унинг ғарб томонида, афтидан, маҳаллалар бўлган, жанубида эса зардуштийлик динига кўра дафн қилиш учун бинолар – науслар қурилган қабристон жойлашган. Бу ҳудудда аввал кўплаб тепаликлар – қалъалар ва қишлоқларнинг қолдиқлари топилган.

Кофирқалъанинг иқтисодиётида сопол ишлаб чиқариш муҳим роль ўйнаган бўлиб, шаҳар ташқарисидаги махсус маҳаллада кулолчилик билан шуғулланилган. У ерда узлуксиз идиш ишлаб чиқариш йўлга қўйилган. Кофирқалъа ошхона кулолчилик безакларида янгича усуллар қўлланганлиги, яъни сирти кумушга ўхшаш слюда тангачалари (СА-7503) билан қопланганлиги сабабли, улар юқори баҳоланиб, Суғднинг бошқа шаҳарларига ҳам олиб кетилган. Кружкалар, пиёла, кўзачалар геометрик, ўсимлик (анор меваси, барглар ва ҳк.) зооморф (эчкилар қатори, филлар ва бошқалар), антропоморф шаклдаги қолипли нақш билан безатилган. Инсон юзининг йирик ҳайкалтарошлик шакли туширилган кўзалар ҳам тайёрланган (СА-7516), бу ҳайкалларнинг кумушдан ясалган нусхалари ҳам шундай тайёрланган (қ.: Орбели, Тревер, 1935. Таб. 43). Қазилма ишлари вақтида Самарқанд терракота ҳайкалчаларига ўхшаш ҳайкалчалар ҳам кўп топилган (СА-6813; СА-7520).

1938–1940 йилларида бу қадимги шаҳарчанинг кулоллар маҳалласида ва қабристонида Г.В. Григорьев ва И.А. Сухарев бошчилигидаги Моддий маданият тарихи институти Зарафшон экспедицияси Самарқанд музейи, Эрмитаж давлат музейи, Санъатшунослик институти (Тошкент) билан ҳамкорликда қазилма ишларини олиб борган. 1956–1957 йилларда Ўзбекистон ФА қошидаги Тарих ва археология институти гуруҳи Кофиркалъа атрофида қурғон кавлаб топишган (Шишкина, 1961, 192–222 бб.). 1990–1992 йилларда Ўзбекистон ФАнинг Археология институтининг А.Э. Бердимуродов бошчилигидаги гуруҳи ички қалъанинг кириш жойига яқин бўлган бурчакдаги минорасини ўрганган. 2000-йилларда бу шаҳарча ҳамкорликдаги ўзбек-итальян (Болония университети), кейинроқ эса ўзбек-япон экспедициялари томонидан ўрганилди. Чамаси ёниб кетган ҳужжатлардан қолган 400 дан ортиқ ёрлиқ – гилга босилган нусхалар, шунингдек, Нанага топиниш тасвирланган ўйма нақшлар билан безалган ёнган тахталар қизиқарли топилма бўлди.

Китоб-альбомда кўрсатилган Кофиркалъа материаллари Эрмитаж давлат музейига 1949 йилда Моддий маданият тарихи институтидан (Ленинград) келтирилган. Ундаги ашёларнинг асосий қисмини Самарқанд услубига хос бўлган терракота эгаллаган.

Кофиркалъадан топилган қолипда (СА-7486) қуйилган шакллар Самарқанд остадонлари сиртига туширилган (А-85 га қ.) кичик бўртма шаклларга жуда ўхшашдир. Бу қолипдаги шаклнинг юз тузилиши, соч турмаги, юпқа мўйлов гандхар бўртмалари уларни, масалан, бодхисаттва тасвирларидаги қаҳрамонларга яқинлаштиради.

Кофиркалъадан топилган қолип ёрдамида қуйилган чавандозларнинг бутун шакллари (СА-6813; СА-7520) ва уларнинг қўлда ясалган улови ҳайкалчалари топилмалари шу турдаги суғд терракота ҳайкалчаларининг қиёфасини тиклаш ва уларнинг VI аср охири – VII асрларда ясалганини аниқлаш имконини берди.

KAFIR KALA

A.V. Omelchenko

The Kafir Kala site is situated 12 km southeast of Samarkand, on the bank of the ancient major canal of Dargom. Apparently, it is the remains of the early medieval Rivdad, the country residence of the ikhshids, the rulers of Samarkand. It was a rectangular fortress of around 11 ha in size and a citadel in the center. In the citadel there was a palace with a large aivan (gallery or porch) at the entrance. Before the Arab invasion, the defenses of the citadel were reinforced with towers, but it was siezed and taken and burned down.

A double line of walls protected the site. Apparently there were living quarters to the west, and to the south there was a necropolis with nauses, special constructions used the Zoroastrian burial rites. The researchers found numerous hills in the area – remnants of fortified castles and villages.

The ceramic production, situated outside the city in a specially designated quarter, played a vital role in the economy of Kafir Kala. They organized mass manufacture of vessels. The ceramics of Kafir Kala was valued for its innovative decorative methods of mica coating imitating silver and exported in many towns of Sogd (SA-7503). Cups, bowls and jugs were decorated with stamped patterns: geometric, plants (pomegranates, leaves, etc.), zoomorphic (goats, elephants, etc.), and anthropomorphic. They also made jugs with big sculptured images of human faces (SA-7516), which also reproduced silver prototypes (see Orbeli, Trever, 1935, Table 43). The excavation also revealed numerous terracotta statues, similar to those from Samarkand (SA-6813; SA-7520).

A group from the Zarafshan expedition of the Institute of History of Material Culture in cooperation with the Samarkand Museum, the State Hermitage and the Institute of Fine Art Studies (Tashkent), excavated the site, in the potters' quarter and the necropolis in 1938–1940. In 1956–1957, a castle was discovered in the vicinity of Kafir Kala by a

group from the Institute of History and Archaeology of the Academy of Sciences of Uzbekistan (Shishkina, 1961, pp. 192–222). In 1990–1992, a group from the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Uzbekistan headed by A.E. Berdimuradov surveyed the corner tower of the citadel near the fortress entrance. In the 2000s, the site was explored by the joint Uzbek-Italian expedition (Bologna University) and later by the Uzbek-Japan expedition. Very interesting finds were more than 400 bullae – printed seals on clay, apparently from burnt documents, as well as the burnt wood panels decorated with carvings with a scene of Nana worship.

All the Kafir Kala materials presented in this album-book were sent to the State Hermitage by the Institute of the History of Material Culture (Leningrad) in 1949. A significant number of terracotta is stylistically similar to the Samarkand type.

Thus, the imprint of the stamp-kalyb from Kafir Kala (CA-7486) is very similar to the more miniature mouldings on the walls of the Samarkand ossuary (see A-85). The features of the face, hairstyle and thin mustache are closer to the characters of the Gandhara reliefs, for example, with images of bodhisattvas.

Findings from Kafir Kala of intact figurines of horsemen (SA-6813, SA-7520), made with a stamp, together with their mounted animals, made by hand, allowed to recreate the appearance of this type of Sogdian terracotta figurines and determine the period of their manufacture, the late 6th–7th centuries.

КАФЫРКАЛА

А.В. Омельченко

Городище Кафыркала расположено в 12 км к юго-востоку от Самарканда, на берегу древнего магистрального канала Даргом. По-видимому, оно представляет собой остатки раннесредневекового Ривдада – загородной резиденции ихшидов, правителей Самарканда. Это была прямоугольная крепость площадью около 11 га с цитаделью посередине. В ней находился дворец с монументальным портиком-айваном перед входом. Перед нашествием арабов оборона цитадели была усилена башнями, но она тем не менее была взята и сожжена.

Двойной ряд стен защищал и само городище. К западу от него располагался, по-видимому, жилой квартал, к югу – находился некрополь города со специальными сооружениями – наусами для зороастрийского обряда погребения. В округе раньше отмечались многочисленные всхолмления – остатки укрепленных замков и сельских поселений.

Важную роль в экономике Кафыркала играло керамическое производство, которое было сосредоточено вне стен города, в специальном квартале. Выделка сосудов была поставлена на поток. Кафыркалинскую столовую керамику, ценившуюся за новаторские приемы отделки поверхности чешуйками слюды в подражание серебру (СА-7503), вывозили во многие города Согда. Кружки, чаши, кувшины украшались штампованным орнаментом: геометрическим, растительным (плод граната, листочки и т.д.), зооморфным (вереница козлов, слоны и т.д.), антропоморфным. Делались кувшины с крупными скульптурными изображениями человеческих лиц (СА-7516), что также походило на серебряные прототипы (см. Орбели, Тревер, 1935. Таб. 43). В ходе раскопок было обнаружено и значительное количество терракотовых статуэток, похожих на самаркандские (СА-6813; СА-7520).

В 1938–1940 гг. на городище, в квартале гончаров и некрополе вел раскопки отряд Зарафшанской экспедиции ИИМКа совместно с Самаркандским музеем, Государственным Эрмитажем и Институтом ис-

кусствознания (Ташкент) во главе с Г.В. Григорьевым и И.А. Сухаревым. В 1956–1957 гг. замок в окрестностях Кафыркала был раскопан отрядом Института истории и археологии АН Узбекистана (Шишкина, 1961, сс. 192–222). В 1990–1992 гг. отряд Института археологии АН Узбекистана во главе с А.Э. Бердимурадовым исследовал угловую башню цитадели у входа в крепость. В 2000-х гг. городище изучали совместные узбекско-итальянская (Болонский университет), а затем узбекско-японская экспедиции. Очень интересны находки более 400 булл – оттисков печатей на глине, очевидно, оставшихся от сгоревших документов, а также сгоревшие деревянные панели, украшенные резьбой со сценой поклонения Нане.

Материалы Кафыркала, представленные в книге-альбоме, поступили в Государственный Эрмитаж из Института истории материальной культуры (Ленинград) в 1949 г. Значительным числом представлена терракота, стилистически близкая самаркандской.

Так, оттиск штамп-калыба с Кафыркала (СА-7486) очень похож на более миниатюрные налепы, которые помещались на стенки самаркандских оссуариев (см. А-85). Черты лица, прическа, тонкие усы сближают их с персонажами гандхарских рельефов, например, с изображениями бодхисаттв.

Находки на Кафыркале целых фигурок всадников (СА-6813; СА-7520), сделанных с помощью штампа, вместе с их ездовыми животными, вылепленными от руки, позволили воссоздать облик этого типа согдийских терракотовых статуэток и определить время их изготовления – конец VI–VII вв.

CA-7486
Одам боши шаклини чиқариш учун қолип
VII аср иккинчи ярми. Сопол; патрица қолипида қилинган; 5,8×5,4 см.

SA-7486
Stamp-kalyb for the imprint of a man's head
Second half of the 7th century.
Clay; patrice imprint; 5.8×5.4 cm.

CA-7486
Штамп-калыб для оттиска головы мужчины
Вторая половина VII в.
Глина; оттиск патрицы; 5,8×5,4 см.

CA-7516
Кўзалар
VII аср – VIII аср бошлари.
Сопол; кулолчилик чархи, гипс; 21×16 см.

SA-7516
Pitchers
7th – early 8th century.
Clay; potter's wheel, sculpted; 21×16 cm.

CA-7516
Кувшины
VII – начало VIII вв.
Глина; гончарный круг, лепка; 21×16 см.

CA-6813; CA-7520

Чавандозлар ҳайкалчалари

VI аср охири – VII аср.
Сопол; ганчкор нақш, бўртма қолип, тиғли асбобда сайқалланган; 8,5×4,3; 8,5×4,2 см.

SA-6813; SA-7520

Figurines of horse riders

the late 6th–7th centuries.
Clay; sculpted, imprinting in a mold, chisel adjustment; 8.5×4.3; 8.5×4.2 cm.

CA-6813; CA-7520

Статуэтки всадников

конец VI – VII вв.
Глина; лепка, оттиск в форме, подправка резцом; 8,5×4,3; 8,5×4,2 см.

БИЯ НАЙМАН ОСТАДОНЛАРИ

Л.Ю. Кулакова

Остадонлар – терракота ёки гипсдан ясалган тўғри тўртбурчак ёки овал шаклидаги қопқоқли қутилар, уларда жасаднинг тозаланган суяк қолдиқлари сақланади. Остадонларнинг баъзилари тасвир ёки нақшли мавзулар билан безатилган, бу безаклар тарихий-маданий ҳудудларга кўра бир-биридан фарқ қилган.

1908 йилда Бухоро ва Самарқанд орасидаги йўл бўйида жойлашган Каттақўрғондан унча узоқ бўлмаган ҳудудда жойлашган Бия-Найман қишлоғида кўп сонли (700 атрофида) терракота остадонлари ва уларнинг қопқоқлари бўлаклари топилган. Бу бўлаклардан айримлари Самарқандда яшовчи ҳарбий инженер Б.Н. Кастальскийнинг қўлига тушиб қолади. 1909 йилда у остадоннинг олд қисмининг график реконструкцияси тақдим этилган ишини эълон қилган.

1937–1938 йилларда Б.Н. Кастальский тўпламининг бир қисми Эрмитаж давлат музейи томонидан сотиб олинган. Унга Бия-Найман остадонлари бўлаклари билан бирга Ўрта Осиёнинг бошқа ёдгорликларига тегишли қисмлар ҳам кирган.

Бия-Найман остадонларининг ҳамма бўлакларини ўрганиб чиқиб, тадқиқотчилар уларнинг ичида камида бешта турини ажратишга муваффақ бўлишган. Бу турлар уларда тасвирланган қаҳрамонлар таркибига кўра бир-биридан фарқ қилади. Бўлакларнинг аксарияти Б.Н. Кастальский тиклаган турга мансуб. Натижада бир неча ўнлаб бўлаклардан битта остадон тўлиқ тикланган (қисман қайта ясалган).

Биринчи иш нашр қилингандан кейин юз йилдан кўпроқ вақт ўтди, аммо тадқиқотчилар бу ёдгорликка ҳали ҳам мурожаат қиладилар, қаҳрамонларни аниқлаштириш ва тўлиқ кўринишнинг турли йўсиндаги талқинини таклиф этадилар. Шундай талқинлардан бирига кўра, тўлиқ тикланган остадонда (СА-2771–2975) Амеша ва Спента – «Ўлмас авлиё»лар тасвирланган.

Ҳалигача баҳслар давом этмоқда, уларнинг ичида бизнингча эътиборга молик бўлгани Б.Н. Кастальский (1908), А.Я. Борисов (1940), Б.Я. Ста-

виский (1961), Ф. Гренэ (1987), Б.И. Маршак (Marshak, 1995/96). Г.А. Пугаченковаларнинг ишларидир.

Кўп сонли бўлаклардан тикланган остадон (СА-2771–2975) тўғри тўртбурчак шаклидаги кути бўлиб, тўрт тикка томонига қолип билан тасвирлар туширилган. Юқори қисми кунгуралар билан тугайди, деворларнинг ички томонидан, одатда, ётиқ токча ўтган (бу мисолда сақланиб қолмаган), у пирамида шаклидаги очиладиган қопқоқни ушлаб турган.

Остадоннинг узун олд қисмида тўртта аркдан иборат аркалар силсиласи тасвирланган бўлиб, унда қахрамонлар тургани тасвирланган. Аркнинг ёйлари белбоғли айлана билан безатилган бўлиб, устунга таянган. Аркларнинг тепасидан ётиқ ҳошия ўтган бўлиб, у тўртбаргли гул нақши билан безатилган. Композициянинг қуйи қисмида ҳам шундай ҳошия бор.

Аркда жойлаштирилган тўртта қиёфадан икки четдагилари аёл, марказдаги иккитаси эркак. Уларнинг барининг бошида тож, қўлларида уларнинг кимлигини аниқлашга ёрдам берадиган буюмлар бор. Аммо улар ким бўлишидан қатъи назар – худо бўладими, тўрт муқаддас унсурнинг инсоний кўринишими, ўлмас авлиёлар тажассумими – уста бу композицияни яратар экан, соф бадиий масалаларни ҳам ҳал қилган. Марказий устундан ўтувчи ўқ композицияни иккига ажратади, иккала қисмдаги қиёфаларнинг туриши бир-бири билан симметрик. Суякларни сақлайдиган бу нарсани маълум бир бинонинг кичрайтирилган нусхаси деб талқин қиладигандар маълум меъморий унсурлари: арклар, устунлар, кунгуралар ва бошқаларнинг мавжудлигига асосланади.

Қиёфалар «Амеша Спента» – Аҳура-Мазданинг асосий яратганлари осмон, сув, ер, олов, ўсимлик, ҳайвон ва инсонларнинг ҳомийлари ва етти илоҳий моҳиятни тажассум этади, деб тахмин қиладилар.

Икки қахрамон тасвирланган остадон девори бўлаклари (СА-2996) чапдан соқолсиз эркак юзи (чизиқлар ўчиб кетган), соч билан ўралган, бошида тожнинг ингичка чизиғи, ундан кенг ёйилган учбарг чиққан. У ўнг томонга қараб турибди, чап қўлида мехроб, олов гажаклар билан эмас, якка S шакли билан берилган; ўнг қўлида узун таёқ кўринади (учи урилган). Иккинчи эркак чўққи соқолли, сочи жингалак бўлиб, елкасига тушади. У тахтда ўтирибди. Чап қўлидаги қилични тўғри кўндаланг шаклда тутиб турибди. Ўнг қўлида эса болтача, бу болтача Панжикент ёзувларидаги тахтдаги шоҳ қўлида тутган болтачага ўхшайди (объект XXIII, жой 50).

Остадон қопқоғи бўлаклари (СА-2628) пирамидасимон қопқоқнинг ён томони ҳисобланади. Ўсимлик нақши услуб жиҳатидан Дўрмонтепадаги остадонларнинг пирамидасимон қопқоқларининг нақшлари билан

ўхшаш. Дўрмонтепа ҳам Самарқанд яқинида жойлашган. Иккала қопқокда барглар расми ва пластикаси, ўртада чуқурчаси бор поя (қўшалоқ поя?), тўртбаргли гул нақшли ҳошия бор. Бошқа ўхшашлик кумуш кўзадаги медальонлар ўртасидаги қанотли туялар тасвирланган бўртма нақшдир (S-11). Бу ерда ўхшашлик фақат деталлар билан чегараланиб қолмай, бутун композиция даражасидадир. Бунда баргли икки новда бўлиб, бир-бирига теккан жойларида арқонча билан қотирилган. Остадондан фарқли ўлароқ кўзада шох ва баргларнинг бўртма тасвирида уларнинг ўртасида чуқур из қилинмаган, шунингдек, баргларнинг шакли ҳам бир оз бошқачароқ (Борисов. 1940, 41 б.).

Остадон девори бўлаклари (СА-3028) тубининг бурчаги эгилган бўлиб, унда икки эркак қиёфаси тасвирланган. Улар гиламда оёқларини чалиштирган ҳолда ўтирибдилар, тасвир шахмат тартибида ишланган квадратчалар бўртмада ифодаланган. Томошабиндан чап тарафдаги қиёфа боши ва чап қўл панжаси йўқ бўлса-да, нисбатан яхшироқ сақланган. У ўнг қўлида, эҳтимол, учида гули бор ўсимлик поясини ушлаб турибди (елкасининг тепасида тўртта гулбарг кўриниб турибди). Иккала қиёфа ҳам этаклари узун, бели боғланган чакмон; оёғига тумшуғи узун пойабзал кийган.

Ўтирган қиёфали композицияси Панжикентнинг айрим расмлари билан ўхшаш, унда ҳам зиёфатда ўтирган эркаклар тасвирланган. Расмнинг бир бўлагида квадрат нақшли гилам ҳам тасвирланган. Бошларида бош кийим ва қўлларида атрибутлар тасвирланмагани учун уларни бошқа қиёфалар билан бир турга киритиб бўлмайди.

(СА-3038) остадон бўлаги фақат бир томони безатилган бўлиб, бинонинг деворига ўхшайди. Марказий қисмида иккита тешик очилган, уларнинг ўртасида асос ва тепасида баргли устун бўлган (Аников идишидаги қаср эшиги ҳам шундай безатилган). Икки томонда ўйиб ишланган айланаларда кўп нурли юлдузлар тасвирланган. Юқори четидан тангали ҳошия бўрттириб ишланган, унинг устида бўртма япроқлар бор. Бутун юзи W шаклли қолип билан безатилган. Остадоннинг тубида бурчакларда думалоқ тешиклар ўйиб куйдириб ишланган.

(СА-3043) остадон деворининг яна бир бўлаги икки чизиқли ёй тўртта аркни ташкил этади, унинг пастки қисмларида бир учи узайтирилган хоч, тепа қисмида эса ўртасида ярим ой шакли бор қанотли тожлар кийган қахрамонларнинг боши жойлашган. Бутун юзаси майда содда қолиплар билан нақшланган. Юқорисида тугиб чиқиш билан амалга оширилган бўртма тасма бор.

THE BIYA-NAIMAN OSSUARIES

L.Y. Kulakova

The ossuaries (astodans) are terracotta or gypsum chests of rectangular or oval shape with lids, in which the cleaned bone remains were stored. Some types of ossuaries are decorated with images or ornamental motifs, which differ in various historical and cultural areas.

In 1908, in the village of Biya-Naiman, not far from Kattakurgan, on the road between Bukhara and Samarkand a large number (about 700) of terracotta ossuaries and their lids were found. The finds were taken to the military engineer B.N. Kastalsky, who lived in Samarkand. In 1909, he published a work with a graphic reconstruction of the front wall of ossuaries.

In 1937–1938, a part of B.N. Kastalsky's collection of Central Asian antiquities, which included fragments of ossuaries from both Biya-Naiman and other sites in Central Asia, was acquired by the State Hermitage.

The study of all fragments of Biya-Naiman ossuaries allowed researchers to distinguish at least five types, differing in the varied composition of the characters. Most of the fragments are of the type reconstructed by B.N. Kastalsky. As a result, one ossuary (with partial reconstruction) was completely restored from several dozen fragments.

More than a hundred years have passed since the first publication, but researchers are still interested in this artifact, giving different character identifications and interpretations of the whole scene. According to one version, on one of the fully restored ossuaries (SA-2771–2975) there is an image of Amesha Spenta – "Immortal Saints."

Discussions are still going on, and numerous publications have been devoted to it, among which the most significant, in our opinion, are the works of B.N. Kastalsky (1908), A.Y. Borisov (1940), B.Y. Stavisky (1961), F. Grenet (1987), B.I. Marshak (1995/96), and G.A. Pugachenkova.

The ossuary (SA-2771–2975), restored from a large number of fragments, is a rectangular chest with images stamped on its four vertical

sides. The upper edge ends with molded teeth; on the inner side of the walls there is usually a horizontal shelf (not preserved here), on which a removable lid of a pyramidal shape rested.

On the long front wall of the ossuary there is an image of an arcade consisting of four arches in which the characters stand. The arches, decorated with a belt with circles, are supported by columns. Above the arches there is the horizontal band of a frieze with four-petaled rosettes. The same frieze is at the lower part of the composition.

Of the four figures placed in the arches, two outer ones are female, and two in the center are male. They all have crowns on their heads, and objects in their hands, the interpretation of which can help to identify these characters. But whoever they were: gods, the personification of four sacred elements or the embodiment of the immortal saints, the master who created this composition also resolved purely artistic tasks. The axis passing through the central column divides the composition into two parts, in which the poses of the figures are symmetrical. The treatment of the repository for bones as a smaller model of a certain structure is emphasized by a set of specific architectural elements: arches, columns, teeth, etc.

It is believed that the figures personify "Amesha Spenta", seven divine essences and patrons of the main creations of Ahura-Mazda: associated with substances of sky, water, earth, fire, plants, animals and people.

A fragment of the ossuary wall with two characters (SA-2996); on the left is the beardless face of a man (the features are blurred), framed by his hair; there is a thin line of a crown (?) on his head, from which there extend three widely spaced trefoils. He stands facing the right; his left hand is touching an altar; the fire does not rise in swirls, but in a single S-shaped figure; a long stick is visible in his right hand (the tip is chipped). The second man has a long, wedge-shaped beard, and his curly hair falls down on his shoulders. He sits on a throne (*takht*). He holds a sword with a straight cross in his left hand. In his right hand there is a hatchet, similar to the one in hand of the king on the throne in the painting at Penjikent (object XXIII, room 50).

The fragment of the ossuary lid (SA-2628) is the lateral side of the pyramidal cover. The stylistically floral ornament is similar to the ornamentation of pyramidal covers of an ossuary from Durmen-tepa, also located in the vicinity of Samarkand: the design and shape of leaves, a stem with a depression (double stem?), a border with four-petaled rosettes. Another analogy is a relief ornament between the medallions on a silver jug, with an image of winged camels (S-11). Here,

the similarity is not so much in the details as in the composition: two shoots with leaves, which are fastened together at the contact points by a cord. Unlike the ossuary, the protruding relief of the stems and leaves does not have a deeper center, and the shape of the leaves is also slightly different (Borisov, 1940, p. 41).

The fragment of the ossuary wall (SA-3028) with a small curved bottom corner depicts a scene with two apparently male characters. They sit cross-legged on the carpet, the pattern of which is reflected in a relief with a checkboard pattern of squares. The figure of the character on the viewer's left has been preserved better, although the head and left hand are missing. In his right hand he holds, perhaps, the stem of a plant with a flower at the tip (four petals are visible above his shoulder). Both characters are dressed in long-skirted caftans, belted at the waist; they are wearing long-toed shoes.

A composition with sitting characters is similar to some of the paintings at Penjikent, in which feasting men are seated in a row. Also on one fragment of the painting there is a carpet with an unusual pattern of squares. The lack of headgear and of paraphernalia in the hands does not allow us to identify these characters.

The ossuary fragment (SA-3038) has only one decorated side, imitating the wall of the building. In the central part, two through holes were cut, between which was pasted on a pilaster with a base and a leaf at the top (for example, the door of the castle on the Anikov dish is made in a similar way). On both sides of the apertures, multi-beam stars are inscribed in slotted circles. Along the upper side there is a molded, scaly border, and above it there are molded leaves. The whole surface is ornamented with impressions of a W-shaped stamp. At the bottom of the ossuary, round holes are made in the corners, cut before firing.

Another fragment of the ossuary wall (SA-3043) shows an ornament in the form of arches cut out by two lines, forming four arches, in the lower parts of which are placed crosses with one elongated end, and in the upper parts there are stamped heads of characters in winged crowns with a half moon in the center. The whole surface of the wall is ornamented with impressions of small, simple stamps. On the top there is a relief strip made by tucks.

БИЯ-НАЙМАНСКИЕ ОССУАРИИ

Л.Ю. Кулакова

Оссуарии (астоданы) – это терракотовые или гипсовые ящики прямоугольной или овальной формы с крышками, в которых хранились очищенные костные останки человека. Некоторые типы оссуариев оформлены изображениями или орнаментальными мотивами, отличающимися в разных историко-культурных областях.

В 1908 г. в кишлаке Бия-Найман, недалеко от г. Каттакургана, расположенного по дороге между Бухарой и Самаркандом, было найдено большое количество (около 700) обломков терракотовых оссуариев и их крышек. Предметы попали к проживавшему в Самарканде военному инженеру Б.Н. Кастальскому. В 1909 г. им была опубликована работа, в которой была представлена графическая реконструкция лицевой стенки оссуария.

В 1937–1938 гг. часть коллекции среднеазиатских древностей Б.Н. Кастальского, в которую вошли фрагменты оссуариев как из Бия-Наймана, так и из других памятников Средней Азии, была приобретена Государственным Эрмитажем.

Изучение всех фрагментов бия-найманских оссуариев позволило исследователям выделить среди них как минимум пять типов, отличающихся разным составом персонажей. Больше всего фрагментов относится к тому типу, который был реконструирован Б.Н. Кастальским. В результате из нескольких десятков фрагментов был полностью реставрирован один оссуарий (с частичной реконструкцией).

Со времени первой публикации прошло более 100 лет, но исследователи не перестают обращаться к этому памятнику, предлагая разные варианты идентификаций персонажей и интерпретаций всей сцены. По одной из версий, на полностью восстановленном оссуарии (СА-2771–2975) изображены Амеша Спента «Бессмертные святые».

Дискуссия продолжается до сих пор, и ей посвящены многочисленные публикации, среди которых наиболее значимыми являются рабо-

ты Б.Н. Кастальского (1908), А.Я. Борисова (1940), Б.Я. Ставиского (1961), Ф. Гренэ (1987), Б.И. Маршака (Marshak, 1995/96), Г.А. Пугаченковой.

Оссуарий (СА-2771–2975), реставрированный из большого количества фрагментов, представляет собой прямоугольный ящик, на четырех вертикальных сторонах которого штампами оттиснуты изображения. Верхний край заканчивается лепными зубцами, с внутренней стороны стенок обычно проходит горизонтальная полочка (здесь не сохранилась), на которую опиралась съемная крышка пирамидальной формы.

На длинной лицевой стенке оссуария изображена аркада, состоящая из четырех арок, в которых стоят персонажи. Дуги арки, оформленные поясом с кружками, опираются на колонны. Над арками проходит горизонтальная полоса фриза с четырехлепестковыми розетками. Такой же фриз есть в нижней части композиции.

Из четырех фигур, помещенных в арки, две крайние – женские, а две центральные – мужские. У всех на головах – короны, в руках – предметы, интерпретация которых может помочь идентифицировать этих персонажей. Но кем бы они ни были: богами, персонификацией четырех священных элементов или олицетворением бессмертных святых – мастер, создавая эту композицию, решал еще и чисто художественные задачи. Ось, проходящая по центральной колонне, делит композицию на две части, в которых позы фигур симметричны. Трактовка хранилища костей как уменьшенной модели некоего сооружения подчеркивается набором конкретных архитектурных элементов: арок, колонн, зубцов и др.

Полагают, что фигуры олицетворяют Амеша Спента – семь божественных сущностей и покровителей главных творений Ахура-Мазды: неба, воды, земли, огня, растений, животных и людей.

Фрагмент стенки оссуария с двумя персонажами (СА-2996) представлен слева безбородым лицом мужчины (черты смазаны), обрамленным волосами, на голове тонкая линия венца (?), от которого отходят три широко расставленных трилистника. Он стоит лицом вправо, в левой руке – алтарь, огонь передан не завитками, а единой S-образной фигурой; в правой руке видна длинная палка (окончание отбито). У второго мужчины длинная борода клином, волосы буклями доходят до плеч. Он сидит на троне (тахте). Меч с прямым перекрестием он держит в левой руке. В правой руке – топорик, похожий на тот, что держит в руке царь на троне на росписи Пенджикента (объект XXIII, помещение 50).

Фрагмент крышки оссуария (СА-2628) является боковой гранью пирамидальной крышки. Стилистически растительный орнамент схож с орнаментикой пирамидальных крышек оссуария с Дурментепа, также расположенного в округе Самарканда: рисунок и пластика листьев,

стебель, имеющий ложбинку (сдвоенный стебель?), кайма с четырехлепестковыми розетками. Другой аналогией является рельефный орнамент между медальонами на серебряном кувшине с изображением крылатых верблюдов (S-11). Здесь сходство касается не столько деталей, сколько композиции, состоящей из двух побегов с листьями, которые в местах соприкосновения фиксируются жгутиком. В отличие от оссуария, на кувшине выступающий рельеф стеблей и листьев не имеет углубленной середины, немного другая и форма листьев (Борисов, 1940, с. 41).

Фрагмент стенки оссуария (СА-3028) с небольшим загибающимся уголком днища демонстрирует сцену с двумя, видимо, мужскими персонажами. Они сидят, одинаково скрестив ноги на ковре, рисунок которого передан в рельефе чередующимися в шахматном порядке квадратиками. Фигура левого от зрителя персонажа сохранилась лучше, хотя отсутствует голова и кисть левой руки. В правой руке он держит, возможно, стебель растения с цветком на конце (над плечом видны четыре лепестка). Оба персонажа одеты в длиннополые кафтаны, подпоясанные на талии; на ногах – длинноносая обувь.

Композиция с сидящими персонажами аналогична некоторым росписям Пенджикента, на которых представлены сидящие в ряд пирующие мужчины. Также на одном фрагменте росписи есть и ковер с необычным орнаментом из квадратов. Отсутствие головных уборов и атрибутов в руках не позволяет отождествить этих персонажей.

Фрагмент оссуария (СА-3038) имеет только одну декорированную сторону, имитирующую стену здания. В центральной части вырезаны два сквозных отверстия, между которыми был налепной пилястр с базой и листом в верхней части (похоже решена, например, дверь замка на Аниковском блюде). С двух сторон от проемов в прорезных кругах вписаны многолучевые звезды. Вдоль верхнего борта проходит лепная чешуйчатая кайма, над ней – лепные листья. Вся поверхность орнаментирована оттисками W-образного штампа. На дне оссуария, в углах, устроены круглые отверстия, вырезанные до обжига.

Еще один фрагмент стенки оссуария (СА-3043) демонстрирует орнамент в виде вырезанных двумя линиями дуг, образующих четыре арки, в нижних частях которых помещаются кресты с одним удлиненным концом, а в верхних – штампованные головки персонажей в крылатых коронах с полумесяцем в центре. Вся поверхность стенки орнаментирована оттисками маленьких простых штампов. По верху – рельефная полоса, выполненная защипами.

CA-2771–2975
Остадон
Бия-Найман қишлоғи. Суғд, VII аср.
Сопол; қолип, пишириш;
50,5×27,5×24,8 см.

SA-2771–2975
Ossuary
Village of Biya-Naiman. Sogd, 7th century.
Clay; stamp, baking; 50.5×27.5×24.8 cm.

CA-2771–2975
Оссуарий
с. Бия-Найман. Согд, VII в.
Глина; штамп, обжиг; 50,5×27,5×24,8 см.

CA-2996
Иккита қаҳрамон тасвири туширилган остадон деворлари бўлаклари
Сопол; қолип, пиширш; бир неча бўлаклар елимланган; 22,5×26 см.

SA-2996
Fragmented ossuary wall with two characters
Clay; stamp, baking; gluing of fragments; 22.5×26 cm.

CA-2996
Фрагмент стенки оссуария с двумя персонажами
Глина; штамп, обжиг; склейка из фрагментов; 22,5×26 см.

CA-2628
Остадон қопқоғи бўлаги
Сопол; қолип, пиширш; 30,8×20,3 см.

SA-2628
Fragment of an ossuary cover
Clay; stamp, baking; 30.8×20.3 cm.

CA-2628
Фрагмент крышки оссуария
Глина; штамп, обжиг; 30,8×20,3 см.

CA-3028
Остадон деворлари бўлаклари
Сопол; қолип, пиширип; 16×28,5 см.

SA-3028
Fragment of an ossuary wall
Clay; stamp, baking; 16×28.5 cm

CA-3028
Фрагмент стенки оссуария
Глина; штамп, обжиг; 16×28,5 см.

CA-3038
Остадон бўлаги
Бия-Найман қишлоғи(?), Самарқанд Суғди, VII–VIII асрлар.
Сопол; ганчкор нақш, қолип, пиширип.
78×33×30 см.

SA-3038
Fragment of an ossuary
Biya Naiman (?), Samarkand Sogd, 7th–8th centuries.
Clay; sculpted, stamp, burning;
78×33×30 cm.

CA-3038
Фрагмент оссуария
с. Бия-Найман (?), Самаркандский Согд, VII–VIII вв.
Глина; лепка, штамп, обжиг;
78×33×30 см.

CA-3043
Остадон деворлари бўлаклари
Бия-Найман қишлоғи (?), Самарқанд Суғди, VII в.
Сопол; ганчкор нақш, қолип, пишириш.
78×32×27 см.

SA-3043
Fragmented ossuary wall
Biya Naiman (?),
Samarkand Sogd, 7th century.
Clay; sculpted, stamp, burning.
78×32×27 cm.

CA-3043
Фрагмент стенки оссуария
с. Бия-Найман (?),
Самаркандский Согд, VII в.
Глина; лепка, штамп, обжиг.
78×32×27 см.

ВАРАХША ШАҲАРЧАСИ ТАРИХИЙ-МЕЪМОРИЙ ЁДГОРЛИКЛАРИ

THE MONUMENTAL ART OF THE VARAKHSHA SITE

ПАМЯТНИКИ МОНУМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА С ГОРОДИЩА ВАРАХША

ВАРАХША ШАҲАРЧАСИ ТАРИХИЙ МЕЪМОРИЙ ЁДГОРЛИКЛАРИ

Л.Ю. Кулакова

Чўл ва даштлар билан ўралган Бухоро воҳаси ҳозирги Ўзбекистоннинг ғарбий қисмида, Зарафшон дарёсининг пастки оқимида жойлашган. Вилоятнинг энг машҳур археология ёдгорликларидан бири ўзининг маҳобатли битиклари ҳамда Бухоро хукмдорларининг саройида акс этган ўйма ганч безакли деворлари каби ноёб топилмалари билан дунёнинг назарига тушган Варахша қадимий шаҳарчаси ҳисобланади.

Шаҳар Бухоро воҳасининг шимолий-ғарбий қисмида, қадимий қурғоқ ерларига сув чиқариладиган маконда жойлашган. Ушбу ҳудудда сақланган кўплаб ёдгорликлар бу ерларни қадимдан тезлик билан ўзлаштирилганлигидан далолат беради. Бироқ, кейинроқ турли сабабларга кўра, ушбу макон кўчма қумлар, хас-хашаклар босган чўл мавзесига айланган. 9 га майдонга эга Варахша воҳадаги тарихий шаҳарлар орасида Бухоро ва Пойкенддан сўнг учинчи ўринда туради. Шаҳарча баландлиги 10 метрга яқин бўлган учбурчак шаклдаги дўнгликка эга. Унинг жанубий қисмида ҳарбий қўрғон кўтарилиб, ундан ғарб томонга Бухоро ҳукмдорлари – бухорхудотларнинг шаҳар ташқарисидаги саройига қаратилган йўл бор. Бу ерда Ўзбекистон моддий маданият ёдгорликларини қўриқлаш ва ўрганиш қўмитаси томонидан археолог ва шарқшунос Василий Афанасьевич Шишкин (1894–1966) раҳбарлигида Ўзбекистон санъат музейи иштирокида 1937–1939, 1947, 1949–1954 йилларда археология ишлари олиб борилган. 1987 йилдан 1991 йилгача кўҳна шаҳардаги тадқиқот ишлари Шарқ давлат музейининг (Москва) Ўрта Осиё археология экспедицияси томонидан Г.В. Шишкин раҳбарлигида амалга оширилган.

Варахшанинг пайдо бўлиши эрамиздан аввалги биринчи асрларга бориб тақалади. Аввал бу ерда Бухоро ва Хоразм савдо йўлини боғловчи қўрғон бўлиб, кейинчалик шаҳарга айлантирилган. Эрамизнинг биринчи асрларида шаҳар бўшаб, атрофидаги ерлар қаровсиз қолади ҳамда қум босишни бошлайди. IV асрларда кўҳна шаҳарчадаги ҳаёт қайта тиклана бошланади ва V аср охири – VI асрнинг бошларида янги истеҳкомли иншоот-

лар тикланади, ҳарбий истеҳком бунёд этилади, уларнинг девори эгилган ярим устунлар билан безатилади. В.А. Шишкин бу даврларни аввал сарой мажмуасини қайта тиклаш, сўнг эса бир қанча қурилиш босқичларига ажратган.

Ўрта асрларга оид ёзма манбаларда келтирилишича, Варахша ҳудуддаги энг ривожланган иқтисодий марказ сифатида машҳур бўлган (Наршахий – Ликошин, 1897), бироқ XII асрнинг иккинчи ярмида шаҳардаги ҳаёт тўхтаб қолади.

Сўнгги пайтларда саройнинг борлигига оид босқичларни даврлаштиришда айрим аниқликлар пайдо бўлди. (Алпаткина, 2002; Naymark, 2003), «Қизил зал»даги тасвирлар 730-йилларга, ганч безакли айвон эса VIII асрнинг учинчи чорагига тегишлидир. Ушбу альбомда ёдгорликнинг анъанавий саналари кўрсатиб ўтилган.

Сарой 4000 кв. м майдонни эгаллаб, ўзида бир-бирига ўтувчи хоналардан иборат бир нечта залларни жамлаган (Цветкова, 2013, 659 б.). Уч зал – шарқий, қизил ва ғарбий заллар қуруқ сувоққа елимли бўёқлар билан чизилган деворий тасвирлар билан безатилган.

Саройнинг ғарбий қисмида қабул қилиш маросимлари учун очиқ айвон жойлашган бўлиб, унинг жанубий қисми уч зина баландлигида кўтарилган уч қуббали арк билан ажратилган. Айвон деворлари қачонлардир ганчли ўймакор нақшлар билан безатилганлигини саройнинг турли жойларида олиб борилган қазиш ишлари мобайнида топилган неча минг парчалардан билса бўлади.

Қизил залнинг маҳобатли тасвирлари (СА-14658–1467) – Бухоро воҳасининг ўрта аср тасвирий санъатининг ёрқин ёдгорлиги бўлиб, унинг шарқий, жанубий ва ғарбий деворларида сақланган, деворнинг шимолий жойида кейинроқ улама тарзда ифода этилган. Залнинг шимолдан жанубгача ўлчами 12 метр, ғарбдан шарққача эса 12 метр; сақланган деворлар атрофида супалар жойлашган бўлиб, марказида тахт учун саҳн бўлган. Битикларнинг пастки қатори супалардан 1,3 метр баландликдан то қош туртиб чиққан жойгача тасвирланиб, бунда нақш уқанинг катта бўлмаган қисми сақланган. Панелнинг пастки қисмидан нақшли кенг ҳошия ўтиб, унда қора асосда япроқлари букилган гул тасмаси ифодаланган. Ҳошия остидаги қизил асосда филда ўтирган одамлар ҳамда уларга ҳужум қилаётган катталиги филдек афсонавий ва ҳаётий махлуқ чизилган. Жанубий деворда учта шундай гуруҳ, ғарбий ва шарқий деворда эса тўрттадан сурат гуруҳи бор. Шарқий ва жанубий деворларнинг пастки панелидаги филлар йўналиши чапдан ўнгга бўлса, ғарбий деворда эса ўнгдан чапгадир. Юқорида туртиб чиққан қош бўлиб, унинг четидан тасма безакли ингичка ҳошия ўтган, унинг остида эса ҳаётий ва афсонавий махлуқларнинг

фақат панжалари тасвири сақланган. Жанубий деворнинг юқори қисмидаги ҳайвонлар ўнгдан чапга, ғарбий деворда эса чапдан ўнгга қараб кетмоқда, улар жанубий деворда учрашади. Харобалар орасидан, эҳтимол, деворнинг юқори қисмига оид тасвир қисмлари топилган. Уларнинг бирида сариқ бўёқ – крон ёрдамида улкан дарахт ва грифон боши тасвирланган. Иккинчи грифон бошининг парчасини топилиши шундай асослашга имкон берадики, бу дарахт томонларида турган икки грифонли композиция бўлган (Шишкин, 1963, 158 б., XII).

Инсон ва ҳайвон бошлари тасвирланган суратдаги пастки регистрнинг зарарланган сувоқ парчаларини В.А. Шишкин арабларнинг исломни тарғиб қилинаётганда маъбудларга сиғинишни тақиқлашнинг олдини олиш учун қилинган илк истилоси билан боғлаган. А.И. Наймарк эса ўзининг қизиқарли тахминини билдирган, унга кўра девордаги сурат парчалари уни сақлаб қолишни истаган рассом томонидан эҳтиётлик билан кесиб олиб кетилган. Шу тарзда ижодор ўз тўплами учун ажойиб ишларнинг намунасини қўлга киритган (Naymark, 2003, 11 б.).

«Қизил зал» тасвирий битиклари Иккинчи жаҳон уруши давригача маълум бўлган, 1954 йилга келибгина улар янги услубда девордан кесиб олинган, шу йилнинг кузида эса парчалар солинган қутиларнинг бир қисми Эрмитажга доимий сақлаш учун олиб келинган. Шу пайтнинг ўзидаёқ тиклаш ишлари бошланади. Айни 1955 йилда ўз ишининг мутахассиси бўлган Павел Ивановияч Костров (1905–1983) томонидан Эрмитажда девор рангтасвири ва ёғоч ҳайкалларини таъмирлаш устахонаси очилган ва у устахонани бошқараётган эди. Бу даврда кимё мутахассислари иштирокидаги тикловчилар жамоасида археология қазилма ишларда топилган тасвирларни сунъий полимерни қўллаш орқали реставрация қилиш услуби ишлаб чиқилганди. Ушбу услубдан ҳозирги кунда ҳам мукаммаллаштириб қўлланилмоқда.

1955 йилнинг охирида тасвирий битикларнинг 18 парчаси темир тагликка мустаҳкамланган ёғоч синчга қўйилиб, мум-канифоль мастикасига бириктирилганди. Сувоқнинг кесилган қисмлари мастикаланган, ўчган бўёқ қатлами қайта тўлдирилганди. Шунингдек, бош қаҳрамоннинг боши тасвири фақатгина бир парчада сақланиб (Ўзбекистон санъат музейи тўплами, Тошкент), унинг чизиқлари бошқа кўринишларни тиклаш учун асос бўлиб хизмат қилган. Тасвирий битиклар 50 йилдан ортиқ вақт мобайнида намойиш этиб келинаётган Эрмитаж музейида ҳам қайта тузатилди. Бу даврда маҳобатли рангтасвир илмий тиклаш лабораториясида тасвирлар билан ишлаш услуби такомиллаштирилди, янги материал ва услублар пайдо бўлди, тикловчиларнинг янги авлод вакиллари етишиб чиқди.

2012 йилда қайтадан тузатишлар оқибатида сувоқ қатлами қалинлашганлиги сабаб қайта тиклаш ишларини амалга оширишга қарор қилинди. Ушбу иш Эрмитаж дўстларининг голланд клуби томонидан молиялаштирилди ҳамда бу жараён бир йилдан ортиқ вақт мобайнида давом этиб, унда 13 тикловчи қатнашди. Тасвирлар тўғриланиб, ундаги мум-канифоль мастикаси олиб ташланди, сувоқ асосининг шаклан бузилиши бартараф этилди, ёриқ ва чизиқлари сувалди. Металл тагликлар ва ёғоч синчдан иборат улкан конструкциялар ўрнига асос сифатида енгил пенопласт плиталар жойлаштирилиб, уларга мувофиқ битиклар анча енгил бўлди ҳамда уларнинг бир қанча улкан қисмларини бир плитага жойлаштириш имкони юзага келди. Ҳозир тасвирлар 11 қисмдан иборат. Аввалги тонировка ва ёзувлар ўчириб ташлангач, тасвирнинг муаллифлик қатлами тўлиқ тозаланди. Тасвирий битик кўргазмали ҳисобланган учун ҳам бузилган ўринларда композицияни тўлиқ қабул қилиниши учун муҳим ҳисобланган тонировкалар амалга оширилди. Қадимий сувоқ қатламларидан кесиб олинган ҳайвон ва инсон бошлари тасвири пастдаги бўртмада сақлаб қолинишига қарор қилинди. Умуман олганда, сезиларли бўлмаган ўзгаришлар учун асос қилиб П.И. Костров томонидан 1955 йилда таклиф қилинган тиклаш йўли олинди.

В.А. Шишкин томонидан битикларнинг барча кўринишига аниқ ва мазмун мутаносиблигига кўра тўлиқ тавсиф берилган, шунинг учун ушбу ишда ҳаммага маълум нарсани такрорлаб ўтишни жоиз деб билмадик, асосан, айрим деталь ва кузатишларнигина қўшмоқчимиз. Номи келтириб ўтилган монография чоп этилган йилларда Панжикентда (уй, сарой ва ибодатхоналарда топилган ўзига хос тасвирлар сонининг кўплиги жиҳатидан «Ўрта Осиёнинг Помпейи» деб аталган) сезиларли даражадаги сонга эга бўлган битиклар топилган ҳамда тадқиқ этилган, шунинг учун ҳам ушбу материалга доимо мурожаат этишга тўғри келади.

Эрмитажда Варахша саройининг «Қизил зали»нинг жанубий деворидаги тасвирлар ва унга сингиб кетувчи шарқий девордаги кичкинагина қисм намойиш этилиб, улар бир текисликда акс этан.

Пастки регистрдаги барча гуруҳдаги композицион чизмалар жуда ёки сезиларли даражада ўхшаш: филлар ўнг тарафга, орқасидан эса икки қаҳрамон кетаётганлиги тасвирланган, бунда бош қаҳрамоннинг гавдаси олди ва орқасидаги филга ташланаётган икки ҳайвонга нисбатан анча улкан.

Пастки регистр композициясининг асосий жиҳати тасвир асосини эгалламаган катта юза ҳисобланади. Панжикентлик рассомлар текис деворларда иложи борича камроқ асос қолдириб, шаклларни бир текис жойлаштиришга ҳаракат қилишган. Бундай композицияга мувофиқ узоқдан тасвир

деворни қоплаб турувчи гиламга ўхшайди, унга яқин келгач эса расмни «ўқиш» мумкин. Варахшанинг «Қизил зали»даги пастки регистр ноодатий ҳайбатли кўринади. Ортиқча қабул қилинувчи ёки иккинчи даражали нарсаларнинг ўзи йўқ: бу ерда на табиат тасвири унсурлари, на кўзни олувчи афсонавий жонзотлар мавжуд. Томошабин назарига дарров кўзни олувчи қизил асосдаги алоҳида тасвирлар жонланади. Пастда эса уни қора асосдаги ўткир ҳошияли тасма безаб турибди, юқоридан эса у бир-бирига яқин турган ҳолатда чизилган ҳайвонлар тасвири акс эттирилган бўлиб, ҳозир ҳам композициянинг юқори қисмини кўрмай туриб, қадам ташлаётган панжаларнинг зарбини ҳис этиш мумкин, бу пастки қават таъсирчанлигини оширади.

Ушбу композициянинг муқобили ҳозирча йўқ, шунингдек, бош қаҳрамон шахси ва битиклардаги мазмунлар тўғрисида ҳам ҳали якуний қарорга келинганича йўқ. В.А. Шишкин уларни ҳинд ёдгорликларининг деталлари ва белгилари билан бир қанча ўхшашликларни таъкидлаб, «Қизил зал»даги суратлар мотивидаги ғоялар Бақтрия-Тохаристондаги тасвирлардан ўзлаштирилган, деган хулосага чиқарган (Шишкин, 1963, 206 б.).

А.М. Беленицкий ва Б.И. Маршаклар битикнинг бош қаҳрамони ёвузлик кучлари билан курашувчи суғднинг юқори маъбуди Адбоғ деб ҳисоблашган. Суғдлар ўз маъбудларини ҳинд маъбудлари билан бир қаторга қўйишган, Адбоғга ҳинд маъбудларининг подшоҳи Индра мос келиб, унинг минадиган ҳайвони (вахана) фил бўлган (Маршак, 2009, 16 б.).

А.И. Наймарк бош қаҳрамон қиёфасининг иконографияси Бодхисаттва Самантабхадрага, ҳатто фил танаси ва унга минган шахс гавдаси орқали ҳам ўхшашлигига эътибор берди (Naymark, 2003, 9 б.).

Филларнинг ноодатий кўриниши, хусусан, қаддининг номутаносиблиги, пастки энсасидан чиқувчи хартумининг тасвирини тадқиқотчилар рассом ўзи билмаган ва кўрмаган ҳайвонни тасвирлаганлиги билан изоҳлашди (Шишкин, 1963, 152–153 бб.). Тананинг номутаносиблигини рассом олдида турган композицион ечим билан тушунтириш мумкин. Кўрсатиб ўтиш керакки, бир тарафдан бош қаҳрамоннинг катта шакли, ҳатто у фил бўлса ҳам, оддий инсон томоша қилганида ердаги жонивор, от ҳажмида ифода этилган бўлса; бошқа тарафдан қаҳрамон улкан йиртқич ҳамда махлуқларга дуч келган хавфнинг жиддийлигини тасвирлашга ҳаракат қилинган. Композиция талабларга мувофиқ тузилмаган, масалан, подшоҳ ови тасвирланган аксарият сосоний идишларида айнан бир ҳайвон икки марта кўрсатилган: кузатилаётган пайтида ва ўлжа қилиб киритилганида (бундай ёндошув Панжикент деворларидаги суратларнинг айрим воқеабанд мазмунида ҳам учрайди). Варахша битикларида бир ёки турли кўринишдаги икки йиртқич бир пайтнинг ўзида ҳужумга ташланмоқда,

шунинг учун ҳам уларнинг ҳужумида иккаласи ифода этилиши шарт. Агар рассом филни тўғри мутаносибликда тасвирлаганда эди, бундай бўй узунлигида тана калтароқ бўлиб, иккинчи қаҳрамон учун жой қолмас эди. Балки шунинг учун рассам ҳақиқатдан озгина чекингандир.

Ҳайвонларнинг ғайритабиий ранги – бу рассом хаёлотининг меваси эмас, айнан ҳинд филлари орасида камдан-кам ҳолларда териси кулранг ёки пушти бўлган дурагай филлар учраб, улар доимо юқори баҳоланиб келган. Индра ва Бодхисаттва Самантабхадрининг филлари оқ бўлган. VIII асрдаги Дуньхуандан келган шойига ишланган тасвирда оқ фил худди отдек олти дандон тиш ва юганга эга бўлган (Sérinde, 1996, 269 б.).

Грифонларнинг ҳужуми тасвирига фил ва унда ўтирган инсонларни тасвирланишига улкан сувоқ қатламидан катта қисм ажратилган. Грифонларнинг бирининг боши йўқ, иккинчисиники эса яхши сақланмаган, бироқ шохи ва тумшуғининг умумий қисмларигина кўриниб турибди. Ушбу махлуқнинг қиёфасидаги айрим жиҳатлар Британия музейида сақланаётган тўпламдаги бронза ҳайкалчага ўхшашиб кетади. Бу афсонавий жонзотнинг тани қайсидир йиртқич ҳайвонни эслатади, олд панжалари атрофидан узун елпиғич патли қанотлар ўсиб чиққан, ваҳшиёна тумшуғи аждармонанд, бошида эса шохи бор. Думининг учи ҳамда бўйни (битикда тасвирланганидек узун эмас) услубга хос барглар билан безатилган. Ҳайкал Афғонистоннинг жанубидан топилиб, махлуқ, деб талқин қилинади, балки у Ангра-Майнью (Аҳриман) тимсолидир; унинг ясалиш даври деб эрамиздан аввалги IV асрлар ва эрамизнинг VIII асри тахмин қилинади (The Everlasting Flame, 2013, p. 121).

Охирги тиклаш пайтида йўлбарсларга ҳужум тасвиридаги асосий қаҳрамоннинг оёғи ҳолати аниқланди. У чап оёғининг букилган тиззасига таяниб турибди, ўнг оёғи эса эгилган ва ётиқ ҳолатда. Айнан шу расмда ўқдон тасвири ҳам қисман сақланган. Қаҳрамоннинг либосини сақланиш ҳолати барча кўринишларда деярли ўхшаш: белини маҳкам боғлаган камар ва бўксани тутиб турувчи белбоғ, қўлида билагузук ва оёқларида ҳалқалар. Оёқ кийимлари эса негадир ўзгариб туради: оёқларида баъзан сандал бўлса, баъзан этик, гоҳида эса у яланг оёқ қилиб тасвирланган.

Айни пайтда «Қизил зал»нинг бошқа тасвирий қисмлари Ўзбекистон Давлат тарих музейи (Ўзбекистон) ва Шарқ давлат музейи (Москва)да сақланмоқда.

THE MONUMENTAL ART OF THE VARAKHSHA SITE

L.Y. Kulakova

The Bukhara oasis, surrounded by deserts and steppes, is located in the western part of modern Uzbekistan, in the lower reaches of the Zarafshan River. One of the most famous archaeological sites of the region is the ancient site of Varakhsha, which has become world-famous due to the unique finds: monumental paintings and the carved ganch (plaster) facing of the palace of the Bukhara rulers.

The site is located in the northwestern part of the Bukhara oasis, in the zone of ancient irrigation. The large number of artifacts from this territory indicate the intensive settling of these lands in antiquties. However, later, for various reasons, this area turned into a steppe massif with moving sands, muddy soils spaces and salt marshes. Varakhsha 9 hectares in size is the third largest ancient city of the oasis together with Bukhara and Paikend. The site is triangle hill about 10 m high. The citadel dominates on the southern edge; the remains of the Bukhara rulers' country palace were discovered to the west. The expedition of the Uzbek Committee for the Protection and Study of Monuments of Material Culture (Uzkomstaris) headed by Vasily Afanasyevich Shishkin (1894–1966), archaeologist and orientalist, with the participation of Museum of Arts of Uzbekistan, began the archaeological works carried out in 1937–1939, 1947, and 1949–1954. From 1987 to 1991, surveys at the site was conducted by the Central Asian archaeological expedition of the State Museum of Oriental Art (Moscow) headed by the direction of G.V. Shishkina.

The origin of Varakhsha is dated to the first centuries BC. At first it was a fortress on the trade route from Bukhara to Khorezm, which later became a city. In the first centuries AD, the city became desolated; the surrounding lands ceased to be cultivated, and gradually the sands moved in. In the fourth century, life in the site began to recover, and at the end of the fifth to the beginning of the sixth centuries new fortifications were built, a citadel was constructed, the walls of which were formed

by closed semi-columns (so called gauffres). V. A. Shishkin also dated the beginning of the construction of the palace complex with several construction stages to the same period.

According to medieval written sources, Varakhsha with the district around was known as a significant economic center (Narshakhi – Lykoshin, 1897), but in the second half of the 12th century, life in the city stopped.

Recently, there have been some clarifications in the periodization of the stages of the palace (Alpatkina, 2002; Naymark, 2003). The wall paintings of the Red Hall date back to the 730s, the ayvan with the ganch decor to the third quarter of the eighth century. This album-book keeps the traditional broad dating of the site.

The palace occupied an area of about 4,000 sq. m. and comprised a complex of several halls with passageways (Tsvetkova, 2013, p. 659). Three halls: the Eastern, Red and Western were decorated with wall paintings made with glue paints on dry loess plaster.

In the western part of the palace, there was an open hall for receptions – the aivan, the southern part of which, separated by a triple-span arch, was raised to a height of three steps. The walls of the aivan were once decorated with ganch carvings, several thousand fragments of which were found during excavations in different parts of the palace.

The monumental wall paintings in the Red Hall (SA-1465–1467) – the most vivid artifact of the early medieval painting of the Bukhara oasis – were preserved on its eastern, southern and western walls. The northern wall was later rebuilt. The hall dimensions are: from north to south – 12 m; from west to east – 7.85 m; along the intact walls there are sufas; in the center there was a podium for the altar. The lower register of the paintings was located above the sufas at a height of about 1.3 m to the ledge-cornice, over which small parts of the frieze were preserved. At the bottom of the panel there is a wide, ornamental border: a flowery ribbon of curving leaves against a black background. Above the border there are paintings against a red background: groups of people sitting on elephants and monsters attacking them – real and mythic animals with sizes comparable to the elephant`s one. There are three such groups on the southern wall, and four on the western and eastern walls. The elephants on the lower panel of the eastern and southern walls are moving from left to right, and on the western wall, from right to left. Above there is a ledge-cornice, along the edge of which there is a narrow border with a ribbon pattern; above it there is a procession of real and mythic animals, of which only the legs and paws are preserved. Animals of the upper

register of the eastern wall are shown going from left to right, and on the western wall, from right to left; they meet on the south wall. Fragments of paintings were found in the rubble, relating, apparently, to the upper part of the walls. One of them shows part of the crown of a large tree and the head of a griffin. The finding of a fragment of the head of a second griffin gives reason to believe that this was a composition with two griffins standing on either side of a tree (Shishkin, 1963, p. 158, XII).

V.A. Shishkin associated the damaged fragments of plaster of the lower register, which depicted the heads of people and animals in the paintings, with the period of the first raids by the Arabs, given the aniconic ideas of Islam. A.I. Naymark has expressed an interesting hypothesis, that these fragments may have been cut off carved and carried away by the artist, who, saving them from certain destruction, thus obtained samples of excellent work for his collection (Naymark, 2003, p. 11).

The wall paintings of the Red Hall became known even before World War II, but only in 1954, due to innovative methods, they removed were from the walls, and by autumn some of the boxes with fragments arrived to Leningrad and entered the Hermitage for permanent storage. Restoration began almost immediately, in 1955, the Hermitage created a workshop for the restoration of wall paintings and loess sculpture. It was headed by the remarkable specialist Pavel Ivanovich Kostrov (1905–1983). By this time a team of restorers, with the assistance of chemists, had already created a method for the restoration of paintings from archaeological excavations using the PBMA (polybutyl methacrylate) synthetic polymer, which, having been improved, is still in use.

At the end of 1955, 18 fragments of paintings were mounted on wax-rosin mastic in metal trays fixed on a wooden frame. The cut-out sections of the plaster were covered with masticated, and the losses of the paint layer were filled in. Since the image of the head of the main character was partially preserved only in one fragment (the collection of the State Museum of Art of Uzbekistan, Tashkent), its outline served as the basis for reconstructions of the remaining walls. The paintings were mounted on the walls in the hall of the Hermitage, where they were exhibited for more than 50 years. During this time, the Laboratory for the Scientific Restoration of Monumental Painting improved the methodology of working with paintings; new materials and technologies appeared, and a new generation of restorers has grown up.

In 2012, it was decided to carry out the second restoration, because with the passage of time, the plaster layer had begun to peel off from the mounting structure. The work, financed by the Dutch Hermitage

Friends Club, lasted just over a year; 13 restorers took part. The paintings were unmounted; the wax-rosin mastic was removed; the deformation of the plaster base was eliminated; losses and cracks covered with mastic. In place of the cumbersome structures made of metal trays and wooden frames, lighter foam plates were used as a base, making the paintings much lighter and making it possible to join several large fragments on one plate. Now the paintings consist of 11 fragments. After the removal of all previous color modifications and notes, the author's layer of the painting was completely cleared. Since the painting is in an exposition, colors were filled in if they were missing, where it is indisputably necessary for the overall perception of the composition. It was decided to keep plaster layers with images of heads of people and animals, carved in antiquties, in low relief. In general, with minor changes, the reconstruction of 1955, proposed by P.I. Kostrov, accepted as a basis.

V.A. Shishkin gave a very detailed description of all the scenes of the paintings, provided analogous features of life and story-lines, therefore we would like not to repeat what is already known, but rather to add some details and observations. Since the publication of the above-mentioned monograph, a considerable number of paintings were discovered and studied in Penjikent (called the Central Asian Pompeii for its unique number of paintings found in houses, palaces and temples), so this material is constantly under study.

The Hermitage presents paintings from the southern wall of the Red Hall of Varakhsha Palace and a small fragment adjoining it from the eastern wall, but in the display they are exhibited on the same plane.

The compositional schemes of all lower register groups are more or less similar: elephants are shown going to the right, with two characters sitting on them; the figure of the main character is twice as large; in front and behind the elephant there are two attacking beasts.

A distinctive feature of the composition of the lower register is the large space of the background without images. Penjikent artists tried to place figures on the plane of the wall more or less evenly, leaving as little background as possible. Becuase of this composition, from afar, the murals look like a carpet covering the wall, and approaching the story could be "read." In the Red Hall of Varakhsha, the lower register is perceived as unusually monumental. There is nothing superfluous or secondary: neither elements of the landscape, nor soaring, fantastic creatures, etc. – the spectator immediately identifies individual scenes depicted on an intense ocher-red background. From below, it is emphasized by a multi-colored ribbon border on a black background,

and from above it seems to be "pushed" by a procession of animals painted very close to each other, so that even now, without seeing the upper part of the composition, the series of walking legs and paws gives a feeling of fragmentation, enhancing effect of the lower tier.

There is still no analogy for such a composition, as there is also no final opinion on the story-line of the paintings or identification of the main character. V.A. Shishkin, noting the undoubted similarity in a number of features and details with Indian artifacts, comes to the conclusion that the motif of the painting in the Red Hall was an import from Bactria–Tokharistan (Shishkin, 1963, p. 206).

A.M. Belenitsky and B.I. Marshak believed that the main character of this painting is Adbag, the supreme deity of the Sogdian pantheon, shown in a confrontation with the forces of evil. Since the Sogdians compared their gods with those of India, Adbag corresponded to the Indian king of the gods Indra, whose riding animal (vahana) was an elephant (Marshak, 2009, p. 16).

A.I. Naymark drew attention to the similarity of the main character's appearance to the iconography of Bodhisattva Samantabhadra, who was also portrayed sitting on an elephant; proportions of the elephant body and the rider were equal as well (Naymark, 2003, p. 9).

The unusual appearance of the elephants: the incorrect proportions of figures, the tusks growing from the lower jaw – was explained by researchers as the result of the artist`s painting of animals which he had a poor conception of (Shishkin, 1963, pp. 152–153). The distortion of their bodies' proportions can be explained by the need to cope with compositional tasks confronting the artist. It was necessary to paint, on the one hand, the impressive figure of the character, who perceived even the elephant, the largest of the land animals as a horse for an ordinary person (that is why the elephant has a bar bit with cheek pieces and stirrups), on the other hand, the seriously endangered character battling with seriousness of the danger to which the character is exposed must be shown, as he battles with huge predators and monsters. In addition, the composition is not constructed in the same way as, for example, those on many Sasanian dishes with a scene of royal hunting, when the same animal is depicted twice: at the time of pursuit and when already defeated (the same method is noted in some narrative themes of Penjikent paintings). In Varakhsha paintings, two predators of one or more species attack simultaneously, so their attack must be repulsed by two people. If the artist depicted an elephant with the correct proportions, then with such height, the trunk should be much shorter, and there would be no

place left for the second person. Perhaps that why the artist had to retreat from a more realistic portrayal.

The animals' unusual color is, apparently, not exactly due to the artist's imagination: among Indian elephants it is rare, but there are albinos, the skin of which is gray or pinkish. The elephants of Indra and the Bodhisattva Samantabhadra were white. In the paintings on silk of the eighth century from Dunhuang, the white elephant of the latter has six tusks and a bridle like a horse (Sérinde, 1996, p. 269).

In a scene with the attack of griffins, a large fragment of the plaster layer with the image of the greater part of the elephant with the people sitting on it was lost. The head of one of the griffins is missing; the other is poorly preserved, but the horns and the general contours of the muzzle are visible. The appearance of this monster has similar features to the bronze figure from the collection of the British Museum. This fantastic creature also has the lean torso of a predator; wings with long flight feathers grow over the front paws; the snarling muzzle looks like that of a dragon, and on the head there are horns. The tip of the tail and neck (not as long as in the painting) are decorated with stylized leaves. The figure was found in southern Afghanistan and interpreted as a monster, possibly symbolizing Angra Mainyu (Ahriman); dating varies from the fourth century BC to the eighth century AD (The Everlasting Flame, 2013, p. 121).

During the last restoration, the position of the legs of the main character in the scene of the attack of tigers became clear. He sits, leaning on his left leg, bent at the knee, and the right leg is doubled up and lies horizontally. In this case, the image of the quiver is partially preserved. The specificity of the character's garb, as far as the preservation allows us to judge, is more or less the same in all scenes: a naked torso and a loincloth, bracelets on the arms and legs. But the shoes change for some reason: they are usually sandals, once they were boots, or the feet can also be bare.

Currently, the remaining fragments of the painting of the Red Hall are also kept in the State Museum of History of Uzbekistan (Uzbekistan) and the State Museum of Oriental Art (Moscow).

ПАМЯТНИКИ МОНУМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА С ГОРОДИЩА ВАРАХША

Л.Ю. Кулакова

Бухарский оазис, окруженный пустынями и степями, расположен в западной части современного Узбекистана, в нижнем течении реки Зарафшан. Одним из самых известных археологических памятников области является городище Варахша, получившее мировую известность благодаря уникальным находкам: монументальным росписям и резной ганчевой облицовке дворца правителей Бухары.

Городище расположено в северо-западной части Бухарского оазиса, в зоне древнего орошения. Большое количество памятников, сохранившихся на этой территории, свидетельствуют об интенсивном обживании данных земель в древности. Однако позднее, в силу разных причин, этот район превратился в степной массив с подвижными песками, глинистыми пространствами и солончаками. Варахша, площадью 9 га, – третий по величине древний город оазиса после Бухары и Пайкенда. Городище представляет собой высокий, около 10 м, холм, имеющий подтреугольную форму. На южном краю возвышается цитадель; к западу от нее были открыты остатки загородного дворца правителей Бухары – бухархудатов. Здесь экспедицией Узбекистанского Комитета по охране и изучению памятников материальной культуры (Узкомстарис) под руководством В.А. Шишкина (1894–1966 гг.) – археолога и востоковеда, при участии Музея искусств Узбекистана были начаты археологические работы, которые проводились в 1937–1939, 1947, 1949–1954 гг. С 1987 по 1991 гг. исследования на городище велись Среднеазиатской археологической экспедицией Государственного музея Востока (Москва) под руководством Г.В. Шишкиной.

Возникновение Варахши относят к первым векам до н.э. Сначала это была крепость на торговом пути из Бухары в Хорезм, впоследствии ставшая городом. В первые века н.э. город приходит в запустение, перестают возделываться окружающие земли, постепенно наступают пески. В IV в. жизнь на городище начинает восстанавливаться; в конце V – начале VI вв.

возводятся новые фортификационные сооружения, отстраивается цитадель, стены которой оформляются сомкнутыми полуколоннами (т.н. гофрами). К этому времени В.А. Шишкин относил и начало возведения дворцового комплекса, пережившего затем несколько строительных этапов.

По средневековым письменным источникам, Варахша известна как солидный экономический центр с округой (Наршахи – Лыкошин, 1897), но во второй половине XII в. жизнь в городе прекращается.

В последнее время появились некоторые уточнения в периодизации этапов существования дворца (Алпаткина, 2002; Naymark, 2003): росписи Красного зала относятся к 730-м гг., айван с ганчевым декором – к третьей четверти VIII в. В настоящем альбоме сохраняются традиционные широкие датировки памятника.

Дворец занимал территорию около 4000 кв. м и представлял собой комплекс из нескольких залов с проходными помещениями (Цветкова, 2013, с. 659). Три зала: Восточный, Красный и Западный – были украшены настенными росписями, выполненными клеевыми красками по сухой лессовой штукатурке.

В западной части дворца располагался открытый зал для приемов – айван, южная часть которого, отделенная трехпролетной аркой, была приподнята на высоту трех ступеней. Стены айвана когда-то были украшены ганчевой резьбой, несколько тысяч фрагментов которой были обнаружены при раскопках в разных местах дворца.

Монументальные росписи Красного зала (СА-14658–1467) (наиболее яркий памятник раннесредневековой живописи Бухарского оазиса) сохранились на его восточной, южной и западной стенах. На месте северной стены расположена поздняя вставка. Размеры зала с севера на юг – 12 м, с запада на восток – 7,85 м; вдоль сохранившихся стен расположены суфы, в центре был подиум для алтаря. Нижний регистр росписей располагался над суфами на высоте около 1,3 м до выступа-карниза, над которым сохранилась небольшая часть фриза. По низу панели проходит широкая орнаментальная кайма: цветочная лента из изгибающихся листьев на черном фоне. Над каймой – росписи на красном фоне: группы из сидящих на слонах людей и нападающих на них чудовищ – реальных и фантастических животных, сравнимых со слоном размерами. На южной стене находятся три такие группы, на западной и восточной – по четыре. Направление движения слонов на нижней панели восточной и южной стен – слева направо, на западной стене – справа налево. Выше расположен выступ-карниз, по краю которого проходит узкая кайма с ленточным узором, над ней – шествие реальных и фантастических животных, от ко-

торых сохранились только лапы. Животные верхнего регистра восточной стены изображены идущими слева направо, на западной стене – справа налево, встречаются они на южной стене. В завале были найдены фрагменты росписей, относящихся, видимо, к верхней части стен. На одном из них изображена часть кроны большого дерева и голова грифона. Находка фрагмента головы второго грифона дает основание полагать, что это была композиция с двумя грифонами, стоящими по сторонам дерева (Шишкин, 1963, с. 158, XII).

Поврежденные фрагменты штукатурки нижнего регистра с изображением голов людей и животных на росписях В.А. Шишкин связывал со временем первых набегов арабов, с иконоборческими идеями ислама. А.И. Наймарк высказал интересную гипотезу, что эти фрагменты, возможно, были аккуратно вырезаны и унесены художником, который, спасая их от неминуемой гибели, таким образом заполучил образцы превосходной работы для своей коллекции (Naymark, 2003, с. 11).

Росписи Красного зала стали известны еще до Второй мировой войны, но только в 1954 г., благодаря новаторской методике они были сняты со стен, и уже осенью часть ящиков с фрагментами прибыла в Ленинград и поступила в Эрмитаж на постоянное хранение. Практически сразу начинаются реставрационные работы. Как раз в 1955 г. в Эрмитаже создается мастерская по реставрации стенной живописи и лессовой скульптуры, которую возглавил замечательный специалист П.И. Костров (1905–1983). К этому времени коллективом реставраторов при содействии специалистов-химиков уже была создана методика реставрации росписей из археологических раскопок с применением синтетического полимера ПБМА, которая, будучи усовершенствованной, применяется до сих пор.

В конце 1955 г. 18 фрагментов росписей были смонтированы на воско-канифольную мастику в металлические поддоны, закрепленные на деревянном каркасе. Вырезанные участки штукатурки были замастикованы, утраты красочного слоя восполнены. Так как изображение головы главного персонажа частично сохранилось лишь на одном фрагменте (коллекция Музея искусств Узбекистана, Ташкент), ее контур послужил основой для реконструкций на остальных стенах. Росписи были вмонтированы на стены в зале Эрмитажа, где экспонировались на протяжении более 50 лет. За это время в Лаборатории научной реставрации монументальной живописи усовершенствовалась методика работы с росписями, появились новые материалы и технологии, выросло новое поколение реставраторов.

В 2012 г. было принято решение о проведении повторной реставрации, т.к. со временем штукатурный слой начал отслаиваться от монти-

ровочной конструкции. Работа, профинансированная Голландским клубом друзей Эрмитажа, длилась чуть больше года, в ней приняли участие 13 реставраторов. Росписи были размонтированы, удалена воско-канифольная мастика, устранена деформация штукатурной основы, замастикованы утраты и трещинки. На смену громоздким конструкциям из металлических поддонов и деревянного каркаса пришли более легкие пенопластовые плиты в качестве основания, благодаря чему росписи стали намного легче и появилась возможность соединить несколько крупных фрагментов на одной плите. Теперь росписи состоят из 11 фрагментов. После удаления всех предшествующих тонировок и записок был полностью расчищен авторский слой живописи. Так как роспись является экспозиционной, были восполнены тонировки в тех местах утрат, где это бесспорно и необходимо для цельного восприятия композиции. Места вырезанных в древности пластов штукатурки с изображениями голов людей и животных было решено сохранить в пониженном рельефе. В целом, с незначительными изменениями, за основу была взята реконструкция 1955 г., предложенная П.И. Костровым.

В.А. Шишкиным было дано очень подробное описание всех сцен росписи, приведены аналогии реалиям и сюжетам, поэтому хочется не повторять уже известное, а скорее, дополнить некоторыми деталями и наблюдениями. За годы, прошедшие после выхода в свет упомянутой выше монографии, в Пенджикенте (за уникальное количество росписей, обнаруженных в домах, дворцах и храмах, названным «Среднеазиатскими Помпеями») было открыто и исследовано значительное количество росписей, что вызывает постоянное обращение к этому материалу.

В Эрмитаже представлены росписи с южной стены Красного зала дворца Варахши и примыкающий к ним небольшой фрагмент с восточной стены, но на экспозиции они развернуты в одной плоскости.

Композиционные схемы всех групп нижнего регистра более или менее схожи: слоны показаны идущими вправо, на них сидят два персонажа, причем фигура главного героя в два раза крупнее; спереди и позади слона – по два нападающих зверя.

Отличительной чертой композиции нижнего регистра является большое пространство незанятого изображениями фона. Пенджикентские художники старались по возможности равномерно размещать фигуры на плоскости стены, оставляя как можно меньше фона. Благодаря такой композиции издалека росписи были похожи на ковер, покрывающий стену, и только приблизившись, можно было «прочитать» сюжет. В Красном зале Варахши нижний регистр воспринимается необыкновенно монументально. Нет ничего лишнего или второстепенного: ни элементов

пейзажа, ни парящих фантастических существ и т.п. – глаз зрителя сразу выделяет отдельные сцены, изображенные на интенсивном охристо-красном фоне. Снизу его подчеркивает пестрая лента каймы на черном фоне, а сверху он как бы «поджат» шествием животных, нарисованных очень близко друг к другу, так, что даже сейчас, не видя верхней части композиции, череда шагающих лап оставляет ощущение дробности, что усиливает эффект нижнего яруса.

Аналогии подобной композиции пока нет, как нет и окончательного мнения о сюжете росписей и идентификации главного персонажа. В.А. Шишкин, отмечая несомненное сходство в ряде признаков и деталей с индийскими памятниками, приходит к выводу о проникновении мотива росписи Красного зала из Бактрии–Тохаристана (Шишкин, 1963, с. 206).

А.М. Беленицкий и Б.И. Маршак считали, что главный герой этой росписи – верховное божество согдийского пантеона Адбаг, показанное в противоборстве с силами зла. Так как согдийцы сопоставляли своих богов с индийскими, то Адбагу соответствовал индийский царь богов Индра, верховым животным (вахана) которого был слон (Б.И. Маршак, 2009, с. 16).

А.И. Наймарк обратил внимание на сходство облика главного героя с иконографией Бодхисаттвы Самантабхадры, который так же изображался сидящим на слоне, причем соотношение между размером тела слона и наездника было схожим (Naymark, 2003, с. 9).

Необычный вид слонов: неправильные пропорции фигур, бивни, растущие из нижней челюсти, – исследователи объясняли тем, что художник рисовал животных, которых плохо представлял (Шишкин, 1963, сс. 152–153). Искажение же пропорций их туловищ можно объяснить необходимостью решения композиционных задач, стоящих перед художником. Следовало показать, с одной стороны, внушительную фигуру главного героя, для которого даже слон, самое крупное из наземных животных, воспринимается как лошадь (именно поэтому слон имеет удила с псалиями и стремена); с другой стороны – серьезность опасности, которой подвергается герой, сражаясь с огромными хищниками и монстрами. К тому же композиция построена не так, как, например, на многих сасанидских блюдах со сценой царской охоты, когда одно и то же животное показано дважды: в момент преследования и уже поверженным (этот же прием отмечен и в некоторых повествовательных сюжетах росписей Пенджикента). На варахшинских росписях два хищника, одного или разных видов, нападают одновременно, поэтому их атаку должны отражать двое. Если бы художник изобразил слона с правильными про-

порциями, то при таком росте туловище должно быть намного короче, и для второго персонажа места бы уже не осталось. Возможно, поэтому художнику пришлось поступиться реалиями.

Необычный цвет животных – это, видимо, не совсем фантазия художника: именно среди индийских слонов редко, но встречаются альбиносы, кожа которых бывает серой или розоватой. Белыми были слоны Индры и Бодхисаттвы Самантабхадры. На росписи VIII в. на шелке из Дуньхуана белый слон последнего имеет шесть бивней и узду, как у лошади (Sérinde, 1996. Pl. 269).

В сцене с нападением грифонов утрачен большой фрагмент штукатурного слоя с изображением большей части слона с сидящими на нем людьми. Голова одного из грифонов отсутствует, у другого – плохо сохранилась, но видны рожки и общие контуры морды. Облик этого монстра имеет схожие черты с бронзовой фигуркой из коллекции Британского музея. У этого фантастического существа также поджарое туловище какого-то хищника, над передними лапами растут крылья с длинными маховыми перьями, оскаленная морда похожа на драконью, на голове – рожки. Кончик хвоста и шея (не такая длинная, как на росписи) украшены стилизованными листьями. Фигура была найдена на юге Афганистана и интерпретируется как монстр, возможно, символизирующий Ангра-Майнью (Ахримана); датировка колеблется от IV в. до н.э. до VIII в. н.э. (The Everlasting Flame, 2013, с. 121).

Во время последней реставрации стало понятно положение ног главного персонажа в сцене нападения тигров. Он сидит, опираясь на согнутую в колене левую ногу, а правая – подогнута и лежит горизонтально. Здесь же частично сохранилось изображение колчана. Характер одеяния персонажа, насколько позволяет судить сохранность, во всех сценах более или менее одинаков: обнаженный торс и набедренная повязка, на руках и ногах браслеты. А вот обувь почему-то меняется: на ногах то сандалии, то сапожки, а то показаны и босые ноги.

В настоящее время остальные фрагменты росписи Красного зала хранятся также в Государственном музее истории Узбекистана (Узбекистан) и Государственном музее Востока (Россия).

СА-14658 – 1467

«Кизил зал» девори безаклари

Варахша, Бухоро воҳаси (Суғд), VII аср охири – VIII аср бошлари.
Минерал бўёқлар, лой суваги; нақш; баландлиги 9,15 м, эни 1,7 м. 1949 – 1954 йиллардаги қазишма ишларидан

SA-1465 – 1467

Wall paintings of the Red Hall

Varakhsha, Bukhara oasis (Sogdi), late 7th – early 8th centuries.
Mineral paints, loess plaster, painting; height: 9.15 × 1.7 m.
From the excavations of 1949–1954.

СА-14658 – 1467

Росписи Красного зала

Варахша, Бухарский оазис (Согд), конец VII – начало VIII вв.
Минеральные краски, лессовая штукатурка; роспись; высота 9,15×1,7 м.
Из раскопок 1949 – 1954 гг.

ВАРАХШАНИНГ ГАНЧЛИ БЕЗАКЛАРИ

Л.Ю. Кулакова

Шаҳарнинг ўймакор ганжли безак бўлаклари Ўзбекистоннинг бир қанча музейлари, жумладан, Ўзбекистон тарихи давлат музейи, Ўзбекистон давлат санъат музейи (Тошкент), Бухоро давлат бадиий-меъморий музей-қўриқхонаси, Термиз археология музейида сақланмоқда. Россияда улар Шарқ давлат музейида (Москва) ва Давлат Эрмитажи (Санкт-Петербург) коллекцияларидан ўрин олган. Унчалик катта бўлмаган бўлаклар Душанбедаги Миллий музейда ҳам бор.

Ўймакор ганч бўлаклари Давлат Эрмитажига доимий сақлаш учун 1939 йилда Ўзбекистон моддий маданият ёдгорликларини қўриқлаш ва ўрганиш қўмитаси томонидан тақдим этилган. Ушбу кичик коллекциядан 102 та ганч безаклари ўрин олган бўлиб, улар 1938 йилдаги экспедиция томонидан Жанубий анфиладларда қазиш жараёнида топилган (қабул қилиб олиш далолатномасида «қазиб олинган» дейилган).

Эрмитажнинг қазиб олиш жараёнида топилган тасодифий парчаларни ўзида жамлаган кичик коллекцияси кишида турфа хил нақш чизмалари ҳамда ганч ўймакорларининг юқори маҳорати ҳақида тасаввур ҳосил қилади. Ганч безаги икки гуруҳга бўлинади: ўсимликсимон ва геометрик нақшларидан тузилган текис безак композициялари (71 та парча) ҳамда рельеф – бўртма (барельеф –ўртача бўртма, ҳатто горельеф – йирик бўртма)да бажарилган воқеабанд девор расмлари (31 та парча).

Айрим парчаларда ҳайкалсимон тасвирлар ва улар учун асос вазифасини бажарувчи нақшинкор сиртлар сақланган. Инсон ва ҳайвонларнинг кўплаб бўртма тасвирлари катта ҳажмда бажарилган. Ҳайвон тасвирлари тўпламига кўра асосий мавзулардан бири отлиқларнинг турли туёқли ҳайвонларни овлаши ҳисобланади. Шулар билан бир қаторда айрим мавзуларда афсонавий жонзотлар – ярми аёл-ярми қуш, қанотли от ҳамда аждаҳо тасвирланган. Табиат мавзусида балиқ сузаётган ҳавзалар, ҳар хил турдаги дарахтлар, узум новдаси акс этилган (Цветкова, 2013).

Варахшадан топилган ганч расмларининг ишланган вақти тахминан VII–VIII асрларга оиддир. Икки қаҳрамоннинг бош тасвири парчасида (СА-3880, СА-3878) нафақат ўймакорлик услубидаги фарқ, балки юз тузилишининг тасвиридаги тафовутларни ҳам кузатиш мумкин. Агар биринчи парчада ўймакорликнинг текислиги пастроқ, 2,5 см бўртма атрофида бўлса, иккинчиси эса ҳайкалтарошлик горельефи бўлиб, қисмларни бўртма қисми 7,5 см баландликка эга.

Йигит кенг юзли, шаҳло бодомсимон кўзли, қирғий бурни лабларига яқин жойлашган. Пешонасига бир хил тушиб турган сочлари боғич ёки айлана билан тортилган. Юзнинг ўнг тарафида ярим айлана шаклида текисловчи гардиш ва расм тарафини туртиб чиққан деворлар (деворнинг икки кесакиси қолган) сақланган. В.А. Шишкин буларни безакли нақшли композициянинг бир қисми бўлган деб тахмин қилади. Бодомкўз эркак бошининг юз қисми иккига бўлинган соқол ва узун бакенбард билан «чегараланган», қулоқларига сирға тақилган. Унинг пешонасида икки текис чизиқ кўзга ташланади. В.А. Шишкиннинг ёзишича, бу узун соч кокилларини ушлаб турувчи тож ҳалқасидир. Сочларни ушлаб турувчи ҳалқа тасвирланган ушбу тасвирда ҳеч қандай соч тасвирланмаганлиги ғайритабиий туюлади. Эҳтимол, бу четига безак берилган ва марказида безаги бўлган бош кийимидир? Олдинга чўзилган бўйинга кўра ушбу қаҳрамоннинг қомати ўнгга қараган бўлса керак. Қаҳрамон юзидаги чизгиларнинг қатъийлиги, ҳаракатларнинг сезилиши ушбу тасвирни аввалгилардан алоҳида ажратиб туради. Панжикент деворий расмларида шундай соқол ҳамда узун сочлар Рустам билан жанг қилаётган аравадаги девлардан бирининг қиёфасида акс этган («Кўк зал» деб номланган). Бироқ ганч парчасидаги баъзи қисмлар йўқолиб кетганлиги сабаб, биз бу қиёфа инсон ёки дев эканлигини аниқлай олмаймиз.

Сиртмоқли арқон тутган қўл акс этган парча (СА-3887), эркак боши (СА-3878)нинг ҳажми билан қиёсланганда мутаносиб келади, бироқ бу мана шу тананинг бир бўлаги дейишга етарлича асос бўла олмайди, шунга қарамай, булар барчаси ягона композициянинг қисми бўлиши мумкин. Турли буюмларни ушлаб турган қўл, шу жумладан, арқон тутган қўлларнинг бир қанча парчаси топилган. Эълон қилинган фотосуратларга кўра, ушбу парчалардаги қўллар ўзига хос ҳаракат билан – енгил букланган кўрсаткич бармоқ, баъзан эса жимжилоқ билан ифода этилган. Ана шундай бетакрор ҳолатда Панжикентдаги айрим битикларда отининг жиловини тутган отлиқлар, Муғ тоғларининг қопқасида эса жангчи тасвирланган. Қўлларида арқон тутган суратдаги қаҳрамонлар ов иштирокчилари, деб тахмин қилишади. «Шоҳнома»да кўпинча паҳлавон

Рустам жангларда арқондан фойдаланади. Панжикентнинг «Кўк зали»да Рустам Авлоднинг бўйнига арқондан сиртмоқ солиб, асир олган.

Варахша ўйма ганчининг Эрмитаж коллекциясида учровчи энг қизиқ парчалардан бири – ярми аёл-ярми қуш кўринишидаги ҳайкал парчасидир (СА-3888). Шаклнинг учдан бир қисми ўнгга ўгирилган: боши синдирилган, бироқ елкасида соч ўрими ва кокиллар сақланган. Калта либоси кўкрак қисмида бурмалар билан безатилиб, безак билан ҳошияланган чуқур ўймага эга. Баданнинг пастки қисми қуш кўринишида бўлиб, шахмат тартибида жойлашган йирик ва кесик патлардан иборат. Қанотлари етарли даражада гўзал тасвирланган: бекитувчи патлар жойлашган юқори қисми бўртма ромб тўр билан қопланган, қуйи қисмида эса узун қанот қоқувчи патлари кўриниб турибди. Қанотнинг ички тарафидаги жимжима девордаги суратда тасвирланган какликникига ўхшайди (СА-3895).

Фриз парчасида юриб кетаётган какликлар орасида (СА-3895) ўнгга юраётган қуш рассом томонидан етарли даражада тизимлаштириб тасвирланган. У ортиқча деталларсиз, қанот патлари, калта думи, патларининг жойлашуви ёки тўшидаги бурмалар бир қанча айлана чизиқлар билан кўрсатилган. Қушларнинг бундай шакллари кўплаб топилиши уларнинг узун деворий суратда турнақатор бўлиб кетаётган какликлар тасвирининг бир парчаси бўлган, деган хулосага олиб келди. В.А. Шишкиннинг мақоласида келтирилган тиклашда ушбу ҳайкал композициясининг умумий кўриниши намоён этилади.

Ўсимлик нақшларининг кесма безакли қисмининг услублаштирилган ўйма иши бўлаклари хусусияти табиат тасвирларининг аниқ ўймакорлигидан фарқ қилади. Ҳар бир унсурнинг сирти: йўли, барги, гул қисми юқоридан кенг йўнилиб, пастга томон торайиб боради, шунга кўра нақш ўймакорлиги бажарилган девор қисми нур тушганда енгил ва нақшинкор товланади. Биринчи бўлакда (СА-3917) барг ва лола гулларига хос, ток кўринишидаги ҳошия кўрсатилган. Ҳошиянинг қарама-қарши томонининг ёни силлиқ юзага эга. Ушбу деталлар ички тарафдаги ғишт парчалари сингари, бу бўлак қандайдир тоқининг ён қисми бўлганлигини тахмин қилишга имкон беради. Иккинчи бўлакда (СА-3974) кетма-кетликда жойлашган парзоқгул безаги доира ичида тасвирланган бўлиб, унинг сатҳини баргли нақш эгаллаган. Эрмитаж коллекциясида деталлари билан сезиларли фарқ қилмайдиган турли ҳажмдаги нақшга эга бўлган учта шундай композиция бор. Тескари томондаги ғишт тахламларига мувофиқ, ушбу парчани тоқи, тахмон ёки девордаги тешикни текислашга хизмат қилувчи ҳошиянинг узун қисм бўлаги деб тахмин қилиш мумкин.

Эрмитаж коллекцияси ичидаги энг нақшинкор, катта ҳошия-фризлардан бири – ҳошиянинг ўйма парчаси (СА-3919) Варахшанинг тож кийдириш залининг меъморий безаги тўғрисида тасаввур беради: сақланиб қолган қош тиркагичнинг ўзи 18 см дир. Нақш бандлар билан бирлаштирилган катта ва кичик кетма-кетликдаги чизиқлардан иборат. Қошнинг юқори ва пастки қисми текис. Бўлакнинг тескари томонида синчнинг ёғоч қозиқ изи сақланган. В.А. Шишкин ва бошқа тадқиқотчилар ўз ишларида ушбу нақшли мотив Қадимий Шарқ ва қадимги Ўрта денгиз минтақаси санъатининг турли кўринишларида кўп учрашини таъкидлашган.

Ток новдаси акс этган парчалар тасвири (СА-3937, СА-3938) услублаштирилган ўсимлик нақшлари (мисол учун, СА-3917, 3945 га қаранг) дан катта фарқ қилади. Бунда ўймакорликнинг хусусияти ҳам ўзгаради: рельефдан чиқиб турган узум баргининг силлиқ юзасидан унинг тарам-тарам йўллари кўрсатилган, барг четлари учли қилиб кесилган. Дарахтлар ҳам шундай услубда тасвирланган: уларнинг айримларини шохи ва баргларида бўртиб турган чизиқлари акс этган. Суғдда ток мавзусининг тасвирланиши Панжикентдан топилган дарахт ўймакорлигида, девордаги суратларни қолип орқали тасвирлаш Зарафшоннинг юқори қисмида жойлашган Ҳисорак шаҳарчасидан топилган бўлиб, бундай тасвирлар Турфоннинг монийлик динига оид миниатюраларида ҳам учрайди.

Геометрик нақшли парчалар (СА-3940, СА-3962) бир-бири билан туташиб кетган ромблар, бир ҳолатда эса, шакллар мунчоқлар тизмасидек туташтирилган.

THE GANCH DECOR OF VARAKHSHA

L.Y. Kulakova

Fragments of ganch (plaster) decor from the ancient site are kept in several museums in Uzbekistan: the State Museum of History of Uzbekistan and the State Museum of Art of Uzbekistan (Tashkent), the Bukhara State Architectural and Art Museum-Reserve, and the Termez Archaeological Museum. In Russia they are kept in the State Museum of Oriental Art (Moscow) and the State Hermitage Museum (St. Petersburg). Small fragments are kept in the National Museum in Dushanbe.

The fragmented carved ganch were transferred to the State Hermitage by the Uzbekistan Committee for the Protection and Study of Monuments of Material Culture (Uzkomstaris) for permanent storage in 1939. This collection, very modest in quantity, consists of 102 fragments of ganch decor, discovered (or as it is written in the act of transfer – "mined") by the expedition in 1938, during excavations of the South Enfilade.

The modesty of the Hermitage collection, to which random fragments from the rubble were taken, nevertheless gives an idea of the variety of ornamental schemes and the high skill of the ganch carvers. The ganch decor is divided into two groups: planar ornamental compositions of plant and geometric ornaments (71 fragments) and narrative panels made in high relief (bas-relief or even haut-relief, 31 fragments).

On some fragments, parts of the sculptural images and the ornamental planes adjoining them, which served as the background, were preserved. Many relief images of people and animals are made in a realistic manner and on a fairly large scale. Judging by the set of animals, one of the main themes is a scene of horsemen hunting various ungulates. At the same time, in some story-lines fantastic creatures appear: a half-woman-half-bird, a winged horse and a dragon. Landscape motifs are ponds with swimming fish, realistic images of various tree species, grapevines, and some flowers (Tsvetkova, 2013).

The ganch panels of Varakhsha are dated quite broadly – the 7th–8th centuries.

In the fragment depicting the heads of two characters (SA-3880, SA-3878), one can clearly see the differences in both the technique of carving and in the modeling of faces. If the first fragment is an example of planar carving with a low relief about 2.5 cm; the second one is a sculptural haut-relief with a height of about 7 cm in the maximum projecting part.

A young man has a broad face with large, almond-shaped eyes, a straight, thin nose and lips very close to it. The locks of hair on the forehead are tied with a headband or strap. On the right side of the face there are framed, semi-circular lines of a nimbus (?), and a border with the jagged edge (there are two teeth left). V.A. Shishkin suggested that these were mascarons, which were part of the ornamental composition. The man has a face with large eyes, framed by long sideburns ended with a split beard, an earring in the ear. On the forehead there is a double relief strip, which V.A. Shishkin described as the band of a diadem with an ornament in the center, holding the long locks of hair. It seems strange that the hair on the remaining surface of the forehead above the diadem was not indicated in any way. It is possible that a headpiece with trim along the edge and a decoration in the center is depicted. Judging by the neck elongated forward, the figure of this character should be on the right. The realistic features of this character's image, the sense of movement, sharply distinguish this relief from the previous one. On the Penjikent wall paintings (the so-called Blue Hall), one of the demons in the chariot, fighting with Rustam hero, has a similar beard and long hair. However, due to poor preservation of the ganch fragment, there are no details that would help determine what kind of character this is: a man or a demon.

A fragment of a hand with a lasso (SA-3887), which is on a scale comparable to that of the man's head (SA-3878), certainly does not give sufficient grounds to assume that they are parts of one figure, but perhaps they are parts of figures of one composition. Several fragments of hands holding various objects, including lassoes, were found. Judging by the published photographs of some of these fragments, the hand grips an object with a very characteristic gesture – with a slightly bent index finger and sometimes a little finger. Riders on some of the paintings from Penjikent or a warrior depicted on a shield from Mount Mugh hold the reins of their horses with the same unconstrained grace, without visible effort. It is assumed that the characters holding the lasso

are participating in the hunting scenes. In "Shahname", hero Rustam often uses a lasso on the battlefield. So, on the painting of the Blue Hall of Penjikent, the moment of the duel is depicted, when Rustam captured another champion, Aulad, throwing a lasso over him.

One of the most interesting fragments of carved ganch from Varakhsha in the Hermitage collection is a torso fragment of a half-woman-half-bird (SA-3888). The figure in a three-quarter pose is turned to the right; the head is chipped, but on the shoulders there are chips from braids or curls. A short dress, ending under the breast with scalloped folds, has a deep neckline, bordered with a cushion. Below, the body of the bird begins, covered with large, carefully carved feathers, arranged in a checkerboard pattern. The wing has been treated quite decoratively: the upper part, where the covering feathers are located, is carved in the form of a relief rhombic grid, and in the lower part long feathers are visible. A curl on the outside of the wing is the same as that of partridges from the frieze (SA-3895).

In the fragment of the frieze with walking partridges (SA-3895), the figurine of the bird going to the right is presented by the artist in a rather abstract sense. The feathers of the wing and short tail are shown without superfluous detail; the plumage or folds on the chest and torso are indicated by several rounded lines. The large number of figures of these birds that have been found, led to the conclusion that they are parts of a long frieze, representing a string of partridges following each other. The reconstruction shown in the publication of V.A. Shishkin clearly demonstrates the general appearance of this sculptural composition.

The carving of stylized floral ornaments on fragments of carved decor with floral ornaments (SA-3917, SA-3974) differs from the carving of realistic images of flora. On the surface of each element – the shoot, leaves, flower rosettes – a groove is cut, wide on the top and tapering downwards, so that the area of the wall covered with ornamental carvings, with the play of light and shade, takes on the effect of lightness and delicacy. The first fragment shows a border with an ornament in the form of a vine with stylized leaves and a flower resembling a tulip; the opposite side of the border also has a smooth lateral surface. These details, like the imprint of a brick on the inside, suggest that the fragment was a horizontal part of some sort of protrusion. The second fragment is a border in the form of a strip with alternating flower rosettes inscribed in a circle, the space between which is occupied by a leaf ornament. In the Hermitage collection, there are three fragments of different size with such an ornamental composition, differentiated by minor details. The

imprint of the brickwork on the reverse side allows us to assume that this is a fragment from the vertical part of a border that framed a ledge, a niche or an aperture.

One of the largest fragments of the ornamental frieze in the Hermitage collection is a fragment of carved decor (SA-3919), which gives an idea of the monumental architecture of the Varakhsha throne room: the surviving overhang of the cornice is 18 cm. Ornamentation consists of alternating large and small palmettes connected by stems. The upper and lower planes of the cornice are smooth. On the reverse side of this fragment there is a trace from the wooden peg of the frame. V.A. Shishkin and other researchers have noted in their works that this ornamental motif is a regular one in different variations in the art of the ancient East and Mediterranean.

The fragments of images depicting grapevines (SA-3937, SA-3938) are very different from stylized plant ornaments (see, for example, SA-3917, SA-3945). The character of the carving itself also changes: on the smooth surface of the grape leaf, the protruding relief shows streaks, and the edge of the leaf is carved in the form of teeth. The trees are depicted in the same manner: some have a textured surface of the trunks and protruding veins on the foliage. In Sogdiana, the motif of the grapevine is found in the carved tree of Penjikent; a stamped image on the plaster is on the ancient site of Hisorak in the upper part of the Zarafshan River, and it is also found on Manichaean miniatures from Turfan.

Fragments with geometric ornaments (SA-3940, SA-3962) are represented by diamonds positioned one into another; in one case the figures are surrounded by a chain of pearls.

ГАНЧЕВЫЙ ДЕКОР ВАРАХШИ

Л.Ю. Кулакова

Фрагменты ганчевого декора с городища хранятся в нескольких музеях Узбекистана: Государственном музее истории Узбекистана и Государственном музее искусств Узбекистана (Ташкент), Бухарском государственном архитектурно-художественном музее-заповеднике, Термезском археологическом музее. В России они находятся в Государственном музее Востока (Москва) и Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург). Небольшие фрагменты есть в Национальном музее в Душанбе.

Фрагменты резного ганча были переданы в Государственный Эрмитаж Узбекистанским Комитетом по охране и изучению памятников материальной культуры (Узкомстарис) на постоянное хранение в 1939 г. Эта небольшая коллекция состоит из 102 фрагментов ганчевого декора, открытых (или как написано в акте передачи – «добытых») экспедицией в 1938 г. при раскопках Южной анфилады.

Несмотря на скромность эрмитажной коллекции, куда попали случайные фрагменты из завала, она тем не менее дает представление о разнообразии орнаментальных схем и высоком мастерстве резчиков по ганчу. Ганчевый декор делится на две группы: плоскостные орнаментальные композиции из растительных и геометрических орнаментов (71 фрагмент) и сюжетные панно, выполненные в высоком рельефе (барельефе или даже горельефе, 31 фрагмент).

На некоторых фрагментах сохранились части скульптурных изображений и примыкающие к ним орнаментированные плоскости, которые служили фоном. Многие рельефные изображения людей и животных выполнены в реалистичной манере и в довольно крупном масштабе. Судя по набору животных, одной из основных тем является сцена охоты всадников на различных копытных. Вместе с тем, в каких-то сюжетах фигурируют фантастические существа: полуженщины-полуптицы, крылатый конь и дракон. Пейзажные мотивы представлены водоемами, в которых плавают рыбы, реалистичными изображения-

ми различных пород деревьев, виноградной лозы, некоторых цветов (Цветкова, 2013).

Для ганчевых панно Варахши также предлагается пока широкая датировка – VII–VIII вв.

Во фрагменте с изображением голов двух персонажей (СА-3880, СА-3878) можно отчетливо увидеть различия как в технике резьбы, так и в моделировке лиц. Если первый фрагмент – это пример плоскостной резьбы с невысоким, около 2,5 см, рельефом, то второй – скульптурный горельеф, имеющий высоту в максимально выступающей части около 7 см.

У юноши широкое лицо с крупными миндалевидными глазами, прямым тонким носом и очень близко расположенными к нему губами. Волосы, лежащие одинаковыми прядями на лбу, стянуты повязкой или обручем. С правой стороны лица сохранились обрамляющие полукруглые линии нимба (?) и бортик с зубчатым краем (осталось два зубца). В.А. Шишкин предположил, что это маскароны, которые являлись частью орнаментальной композиции. У мужской головы лицо с крупными глазами, обрамлено длинными бакенбардами, которые заканчиваются раздваивающейся бородкой, в ухе – серьга. На лбу – двойная рельефная полоса, которую В.А. Шишкин описал как обруч диадемы с украшением в центре, удерживающей длинные локоны волос. Кажется странным, что на сохранившейся поверхности лба, над диадемой, волосы никак не обозначены. Возможно, что изображен головной убор с отделкой по краю и украшением в центре. Судя по вытянутой вперед шее, фигура этого персонажа должна располагаться справа. Реалистичные черты облика, ощущение движения резко отличают данный рельеф от предыдущего. На пенджикентских росписях лицо с подобной бородой и длинными волосами есть у одного из демонов на колеснице, сражающихся с богатырем Рустамом (т.н. Синий зал). Однако из-за плохой сохранности ганчевого фрагмента отсутствуют детали, которые помогли бы определить, что это за персонаж – человек или демон.

То, что рука с арканом (СА-3887) в масштабе сопоставима с масштабом мужской головы (СА-3878), конечно, не дает достаточных оснований для вывода о принадлежности их к одной фигуре. Тем не менее, вполне возможно, что они из одной композиции. Было найдено несколько фрагментов рук, держащих различные предметы, в том числе арканы. Судя по опубликованным фотографиям некоторых из этих фрагментов, рука сжимает предмет очень характерным жестом – со слегка отогнутым указательным пальцем, а иногда и мизинцем. С таким же непринужденным изяществом, без видимых усилий держат повод своих коней всадники на

некоторых росписях Пенджикента или воин, изображенный на щите с горы Муг. Предполагается, что персонажи, держащие в руках арканы, участвуют в сценах охоты. В «Шахнаме» арканом часто пользуется во время битвы богатырь Рустам. Так, на росписи Синего зала Пенджикента изображен момент поединка, когда Рустам пленил Авлада, набросив на него аркан.

Один из наиболее интересных фрагментов резного ганча Варахши в эрмитажной коллекции – часть торса полуженщины-полуптицы (СА-3888). Фигура в трехчетвертном развороте повернута вправо; голова отбита, но на плечах есть сколы от кос или локонов. Короткое одеяние, заканчивающееся под грудью фестончатыми складками, имеет глубокий вырез, окаймленный валиком. Ниже начинается тело птицы, покрытое крупными, тщательно вырезанными перьями, расположенными в шахматном порядке. Довольно декоративно трактовано крыло: верхняя часть, где располагаются кроющие перья, вырезана рельефной ромбической сеткой, а в нижней части видны длинные маховые перья. Завиток на внешней стороне крыла такой же, как и у куропаток с фриза (СА-3895).

На фрагменте фриза с идущими куропатками (СА-3895) фигурка птицы, идущей вправо, дана художником довольно схематично. Без лишней детализации показаны перья крыла и короткого хвоста, оперение (или складки на груди) и туловище обозначены несколькими округлыми линиями. Большое количество найденных фигурок этих птиц привело к заключению, что это части длинного фриза, представлявшего вереницу идущих друг за другом куропаток. Реконструкция, описанная в публикации В.А. Шишкина, наглядно демонстрирует общий вид этой скульптурной композиции.

Характер резьбы стилизованных растительных орнаментов (СА-3917, СА-3974) отличается от резьбы на реалистичных изображениях флоры. На поверхности каждого элемента: побега, листа, цветочной розетки, – вырезается широкий сверху и суживающийся книзу желобок, благодаря чему участок стены, покрытый орнаментальной резьбой, при игре светотени обретает эффект легкости и ажурности. На фрагменте (СА-3917), показан бордюр с орнаментом в виде лозы со стилизованными листьями и цветком, похожим на тюльпан; противоположная сторона бордюра также имеет гладкую боковую поверхность. Эти детали, как и отпечаток кирпича на внутренней стороне, позволяют предположить, что фрагмент являлся горизонтальной частью какого-то выступа. Другой фрагмент (СА-3974) – бордюр в виде полосы с чередующимися цветочными розетками, вписанными в круг, пространство между которыми занимает лиственный орнамент. В эрмитажной коллекции находятся три разно-

масштабных фрагмента с такой орнаментальной композицией, отличающиеся незначительными деталями. Благодаря отпечатку кирпичной кладки на оборотной стороне можно предположить, что данный – от вертикальной части бордюра, обрамлявшего выступ, нишу или проем.

Один из самых крупных фрагментов орнаментального фриза в эрмитажной коллекции (СА-3919) дает представление о монументальности архитектурного декора тронного зала Варахши, где сохранившийся вынос карниза составляет 18 см. Орнамент состоит из чередующихся больших и малых пальметт, соединенных стеблями. Верхняя и нижняя плоскости карниза гладкие. На изнаночной стороне этого фрагмента есть след от деревянного колышка каркаса. В.А. Шишкин и другие исследователи отмечали, что данный орнаментальный мотив нередок в различных вариациях в искусстве Древнего Востока и античного Средиземноморья.

Фрагменты с изображением виноградной лозы (СА-3937, СА-3938) сильно отличаются от стилизованных растительных орнаментов (см., например, СА-3917, 3945). При этом меняется и сам характер резьбы: на гладкой поверхности виноградного листа выступающим рельефом показаны прожилки, край листа вырезан зубчиками. В такой же манере изображены и деревья: у некоторых передана фактурная поверхность стволов и выступающие прожилки на листах. В Согде мотив виноградной лозы встречается в резном дереве Пенджикента, штампованное изображение на штукатурке есть на городище Хисорак в верховье Зарафшана, имеется она и на манихейских миниатюрах из Турфана.

Фрагменты с геометрическими орнаментами (СА-3940, СА-3962) представлены вписанными друг в друга ромбами; в одном случае фигуры обведены цепочкой перлов.

CA-3880, CA-3878
Икки қаҳрамон боши тасвири туширилган ҳайкал бўлаклари
Ганч; ганчкор нақш, ўйма тасвир.
16,3×11 см; 18×12 см.

SA-3880, SA-3878
Fragments with two depicted heads
Ganch; molding, carving.
16.3×11 cm; 18×12 cm.

CA-3880, CA-3878
Фрагменты с изображением голов двух персонажей
Ганч; лепка, резьба.
16,3×11 см; 18×12 см.

CA-3887
Арқон ушлаган қўл ҳайкали бўлаги
Ганч; ўйма нақш;
11×7,3 см.

SA-3887
Fragment of a hand with a lasso
Ganch; carving;
11×7.3 cm.

CA-3887
Фрагмент руки с арканом
Ганч; резьба;
11×7,3 см.

CA-3895
Юриб кетаётган какликлар тасвири туширилган фриз бўлаги
Ганч; ўйма нақш;
11,5×19 см.

SA-3895
Fragment of a frieze with walking partridges
Ganch; carving;
11.5×19 cm.

CA-3895
Фрагмент фриза с идущими куропатками
Ганч; резьба;
11,5×19 см.

CA-3937, CA-3938
Узум ва ток барги тасвирининг бўлаклари
Ганч; ўйма тасвир;
11,3×9 см, 11×10 см.

SA-3937, SA-3938
Fragments with depicted grapevine
Ganch; carving;
11.3×9 cm, 11×10 cm.

CA-3937, CA-3938
Фрагменты с изображением виноградной лозы
Ганч; резьба;
11,3×9 см, 11×10 см.

CA-3919
Ўйма нақшли булаклар
Ганч; ўйма нақш.
20,5×29,5 см.
Нашр килинган:
Шишкин, 1947.
241–243-бб; Шишкин,
1963. 168-б.

SA-3919
Fragment of carved decoration
Ganch; carving;
20.5×29.5 cm.
Publications: Shishkin,
1947, pp. 241–243;
Shishkin, 1963, p. 168.

CA-3919
Фрагмент резного декора
Ганч; резьба.
20,5×29,5 см.
Публикации: Шишкин,
1947, сс. 241–243;
Шишкин, 1963, с. 168.

CA-3917, CA-3974
Ўсимликсимон нақшлар ўйилган безакли булаклар
Ганч; ўйма нақш; 19,2×9 см, 12,7×15,5 см.

SA-3917, SA-3974
Fragments of carved decor with floral patterns
Ganch; carving; 19.2× 9 cm, 12.7×15.5 cm.

CA-3917, CA-3974
Фрагменты резного декора с растительными орнаментами
Ганч; резьба; 19,2×9 см, 12,7×15,5 см.

CA-3940, CA-3962
Геометрик нақш солинган булаклар
Ганч; ўйма нақш; 7,8×14 см, 11,8×19,7 см.

SA-3940, SA-3962
Fragments with geometric patterns
Ganch; carving; 7.8×14 cm, 11.8×19.7 cm.

CA-3940, CA-3962
Фрагменты с геометрическими орнаментами
Ганч; резьба; 7,8×14 см, 11,8×19,7 см.

СА-3888
Ярми аёл, ярми қуш кўринишидаги ҳайкал бўлаги
Ганч; ганчкор накш, ўйма тасвир; 21×19 см.

SA-3888
Torso fragment of a half-woman-half-bird
Ganch; molding, carving; 21×19 cm.

СА-3888
Фрагмент торса полуженщины-полуптицы
Ганч; лепка, резьба; 21×19 см.

СУҒД КУМУШИНИНГ БОСИБ ЎТГАН ЙЎЛИ

А.И. Торгоев

Ўтган асрнинг 60-йилларида шу пайтгача сосонийларга тегишли деб келинган буюмлар туркуми орасидан Б.И. Маршак томонидан Суғдда тайёрланган кумуш идишлар ажратиб олинди. Ўрта Осиё маданий-тарихий вилояти бўлган Хоразмга тегишли кумуш идишнинг аниқланиши эса, унинг остида битилган Хоразм ёзуви орқали амалга оширилди.

Кумушга ишлов берилиши суғд мактаби – торевтикани Б.И. Маршак уч гуруҳга ажратган. Маҳсулотнинг ишлаб чиқарилишидаги фарқ истеъмолчилар учун унчалик сезиларли бўлмаслиги мумкин, бироқ бу усталар учун техник-услубий, устоздан шогирдга ўтишига кўра муҳим аҳамиятга эга.

VI асрданоқ, анча эрта Суғднинг марказий туманларида шаклланган биринчи мактаб (А)да тасвир оддий бўртма шаклида ўйилиб, Эроннинг сосонийлар давридан кириб келган торевтикага хос идишнинг шакли ва нақш мотивлари сақланиб қолинган.

Маълум бир белгилари билан биринчи мактабга ўхшаш иккинчи мактабда (В), медальоннинг марказидаги айлана йирик баргли гуллар шодаси, кўп ҳолатда четлари вертикал ўйма нақш билан безатилган.

Учинчи мактаб (С)да майда айланалар фонида текис тасвир ифодаланиши кузатилади. Нақшдаги асосий эътибор белгиланган ўсимлик нақшлари турли кўринишдаги чизиқ ва уч баргли ўсимликларнинг уйғунликда тасвирланишига берилади. Ушбу мактаб усталарининг маҳсулотлари кенг тарқалган. Эҳтимол, унинг вакиллари Чоч, Фарғона, Еттисувда фаолият олиб боришгандир. Метрополия ҳудудларида аҳоли зичлиги туфайли суғд аҳолисининг оқими VII асрларда Ўрта Осиёнинг шарқий туманларига кўчиб кела бошлади. Ушбу ҳолат, айниқса, мамлакатни араб истилочилари VIII асрда мустамлакага айлантиргач, оммавий тус олди. Аждодларининг дини ҳамда ҳунармандчилик ва савдо-сотиқдан келадиган даромадини асраб қолишни истаган суғдликлар Ўрта Осиёнинг шарқига, туркларҳимоясига кетишга мажбур бўлишди.

Олтин ва кумуш идишларнинг сурати ҳамда бугунги кунгача сақланиб келинган кумуш идишларнинг тасвиридаги аниқ шакл Панжикентдан топилган суғд суратларини кўп такрорлайди. Бироқ суғдликларнинг асл олтин идишлари қандай бўлганлигини билмаймиз, шунингдек, кумуш буюмлар қаерда тайёрланганлиги тўғрисида аниқ тасаввурга эга эмасмиз. Улар ишланган бирор бир устахона ҳақида маълумот йўқ. Шубҳасиз, кумуш идишларнинг бир қисми Самарқандда тайёрланган. Усталар идиш тайёрлашнинг турли усулларини билишган. Коса ва кўзаларнинг қобиғи кумушнинг бир варағидан қоқилиб, ишлов берилган. Унга иссиқлик йўли билан олтин суви юритилган, ўз навбатида бу усул соғлиқ учун зарар бўлиб, уста симобнинг зарарли буғидан нафас олган. Идишларни тайёрлашнинг асосий манбаси бўлиб кумуш тангалар, шунингдек, Ўрта Осиё ҳудудидан қазиб олинган кумуш хизмат қилган. Кумуш конлари Фарғона ва Илоқда, Нурота тоғларида бўлган, шунингдек, Қарнободда, ҳатто Миёнқалъада ҳам ковлаб олинган, қадимий Кумушкент қишлоғининг номи ҳам бундан далолат беради.

Ўрта Осиё ҳудудида суғд усулида кумуш идишлари ишлаб чиқарилган атиги уч хазина маълум. Улардан иккитаси Ўзбекистондан, биттаси Қирғизистондан топилган. Ўзбекистондаги хазина илк бора 1943–1944 йилларда Фарҳод ГЭСи қурилиши пайтида Мунчоқтепа шаҳарчасидан топилган. У V–VI асрларга оид бир қанча идиш парчаларидан ташкил топган бўлиб, А мактабининг эрта ривожланишини акс этган. Фарҳод ГЭСи атрофидан топилган хазинадаги идиш парчалари археология экспедициясининг бошлиғи В.Ф. Гайдукович томонидан Мунчоқтепа ва яқин атрофдаги қабрлардан топилган ашёлар қатори Эрмитажга топширилган. Фарҳод ГЭСи хазинасига ашёлари жиҳатидан яқин турувчи иккинчи хазинага 1963 йил Самарқанд яқинидаги Чилак қишлоғида дуч келинган. Хазина таркибида эфталитлар косаси, Шопур II тасвирланган сосонийлар даври косаси ҳамда V–VI асрларга тегишли икки суғд косаси бўлган. Ҳозир Чилакдан топилган хазина Самарқанд музейини безаб турибди. Кумуш кўза ва кружкадан иборат учинчи хазина 1926 йилда Қирғизистоннинг Новопокровский шаҳарчасидан топилган.

Суғд кумушини ишлаб чиқариш ҳудудида топилмаларга бошқа дуч келинмаган. Суғд ва умуман Ўрта Осиё кумуш идишлари карвон йўли орқали дунёнинг турли четларига тарқалган. Буюмлар топилган жойлар VI аср – VIII асрнинг бошларида суғдликлар етакчи аҳамиятга эга бўлган қадимги савдо йўллари тўғрисидаги тасаввурларнинг қайта тикланишига ёрдам беради.

Туркийлар томон энг асосий йўл, Олтой ва Тувага элтувчи Иртиш бўйи йўли ҳисобланган. Туркийлар саройида суғдликларнинг катта таъ-

сири бўлганлиги маълум. Олтой ва Тува қўрғонларидан суғдликларга хос бўлган кумуш идишлар топилган. Мўғулистонга шу ва шунга ўхшаш идишлар Саяно-Олтой, шунингдек, кўплаб суғд қишлоқлари жойлашган Шарқий Туркистон орқали келиб қолган бўлиши мумкин.

Хитойда ҳам суғд кумуши юқори баҳоланган. VII асрларда суғдликлар ипак билан савдо қилган бўлса, Хитойда суғдларнинг ашёлари урфга кирган. Жумладан, суғдлар узумчилик маданиятини ривожлантириб, узум мусалласи етиштириш анъанасини такомиллаштиришган. Суғдликларда саккиз қиррали шаклдаги, бироқ Хитой нақшлари билан безатилган идишнинг ишлатилиши мисол бўлади; Хитой санъатида эса эронликларнинг ток новдаси шаклидаги ўсимлик нақшлари тасвирланган мураккаб нақшлари қўлланган. Бундай таъсир бир тарафлама бўлмай, суғдликлар хитой усталарининг тажрибасидан ҳам фойдаланишган. Учинчи мактаб вакилларининг маҳсулотларида хитойликларнинг нақшига тўғридан-тўғри мурожаат этган ҳолда ишлатилиб, идишнинг орқа фонини бутунлай қоплаган нуқтали нақшдан фойдаланилган.

Ўрта Осиё кумуш идишлари топилмаларининг Я.И. Смирнов томонидан қабул қилинган хариталаниши шуни кўрсатмоқдаки, суғд, шунингдек, Хоразм кумуш идишлари Уралбўйи ва Уралортида жамланган. Сўзсиз, улар Ўрта Осиёнинг олий табақа вакиллари томонидан юқори баҳоланган мўйнага айирбошланган. Ўрта Осиёга ҳудудий жиҳатдан яқин бўлган суғд кумуш идишлари топилмаси ҳозирги Бошқирдистонда ҳам қайд қилинади. Сугд ва Жанубий Уралгача бўлган йўл кесишмасида топилмалар йўқлиги боис, ушбу ҳудудлардаги савдо йўли хусусидаги фикрлар қўшимча далиллар асосида билдирилади. Б.И. Маршакнинг фикрига кўра, суғд савдогарлари Уралбўйига тўғридан-тўғри боришган, аммо бундай алоқалар тўғрисидаги маълумот туркийларнинг ўзида сақланмаган. Кумуш ашёларнинг савдоси ўзга халқлар воситасида амалга оширилганлигини рад этиб бўлмайдики, Сирдарёнинг қуйи оқимида кумуш савдоси воситачилар ёрдамида йўлга қўйилганлиги тўғрисида баъзи манбалар бор.

Суғддан Уралбўйига йўл Сирдарё ёки Амударё орқали ўтган. Сирдарёнинг қуйи оқимида Жетиосор археология маданиятини ўзида мужассам этган элат яшаб, уларни қайсидир қадимий халқ билан аниқ далилларга кўра қиёслаш қийин. Ушбу элатнинг маданияти Амударёнинг қуйи оқимида жойлашган Чоч ва Кердер вилояти аҳолиси билан чамбарчас боғлиқ бўлган. Сирдарёнинг қуйи аҳолисининг пул муносабатлари етарли ўрганилмаган бўлишига қарамай, ёдгорлик мажмуаси ҳамда қишлоқ қатламларида топилган тангаларга биноан воҳанинг аҳолиси кенг савдо-сотиқ алоқаларини йўлга қўйган, деб айтиш мумкин.

Жетиосор маданияти материаллари Ўрта Осиёдаги жуда кўп Эрон кесма тошлари, хитой ипаги ва ойналари билан машҳур. Бунда ғарбдан олиб келинган буюмлар ҳам кўп учраб, анъанавий Ўрта Ер денгизи марваридларидан ташқари Жанубий Урал, Кама ҳамда Кавказ маданиятига тўғридан-тўғри бориб туташувчи, ҳавзалардан олинган мунчоқларга ҳам дуч келиш мумкин. Таъкидлаб ўтиш керакки, мунчоқли либосни кийиш Ўрта Осиё аҳолисига умуман хос бўлмаган. Жетиосор маданиятининг металл безаклари: камар тўплами, сирға, билагузуклар, металл туморларнинг Уралбўйи, қисман, Камабўйи синхрон ёдгорликлари материалларига жуда ўхшаш томонлари бор. Бу биргина ҳолатларда эмас, балки VI аср охири – VIII асрнинг иккинчи ярмига оид бутунбошли тақинчоқлар туркумида учрамайди.

Ўша пайтда жетиосорликлар ҳамда уларга қондош Қоратов тизмаси ва Ўтрор воҳасида қўним топган Ўрта Сирдарё элатининг барча тақинчоқлари услуби Уралбўйи аҳолиси билан муносабатлар йўлга қўйилгач, ўзлаштириб олинган. Суғдда бундай кўринишдаги тақинчоқлар маълум бўлмаган, бироқ Чоч ҳудудида учрайди. Тошкентдан узоқ бўлмаган Майский посёлкаси ҳудудида 2013 йилда тасодифан олтин ва кумуш безаклар тўпламига дуч келинди ва улар орасида Уралбўйида кенг тарқалган, Византияда ишлаб чиқарилган геральдик айланали бел безаклари бор эди.

Шундай қилиб, Жетиосор ва Уралбўйи аҳолиси маданияти ўртасидаги алоқалар бўлгани ойдинлашади. Ўзига тортадиган жиҳати шундаки, Сирдарё қуйи оқимининг аҳолиси кумуш билан савдо-сотиқ қилишда Уралбўйи элатлари билан тўғридан-тўғри алоқалари туфайли воситачилик вазифасини бажарган. Бошқача қилиб айтганда, суғдликлар кумушни мўйнага Сирдарёнинг ўзидаёқ айирбошлашган, Сирдарё қуйи оқимининг савдогарлари эса йўлга қўйилган маҳсулот айирбошланишидан фойдаланиб, карвон шакллантиришган ва уларни Уралбўйига юборишган.

Карвон йўлларининг чизмасини тиклаш жараёнида тахмин қилиш мумкинки, йўллардан бири Оролни шарқдан айланиб ўтган ҳамда ҳозирги йўл сингари яримчўл Жанубий Оролбўйи орқали Муғожаромдан шимолий Оролбўйига йўналган, сўнг Урал дарёси ҳавзаси, Бошқирдистон, у ердан эса Камага қараб юрган. Ушбу йўлнинг энг мураккаб ҳудуди Сирдарё қуйи оқими ва Эмба ҳавзалари археология нуқтаи назаридан кам ўрганилган. Қадимдан Шимолий Оролбўйи туманларининг аҳоли кам яшайдиган туманлари чўлдан иборат бўлган. Шак-шубҳасиз, йўлнинг ушбу ҳудуди VII–VIII асрларда савдо-сотиқдан даромад олувчи туркий кўчманчи қабилалар томонидан назорат қилинган.

Бошқа йўл эса Сарисув дарёсидан ўтган бўлиши мумкин. У доимо аҳоли яшаб, мис, кумуш, қўрғошин рудаларига бой конлар орқали даромад олган Улуғтоғ тоғларидан ўтган. Сўнг йўл Тўрғай пасттекисликлари орқали Тоболь дарёси қуйи оқимига йўналган ҳамда у ердан Уралортига ва қуйи Урал тоғларидан Уралбўйига чиққан.

Хоразмга йўл Урал ва Волга дарёлари қуйи оқимидан, Олтин Ўрда давридан бошлаб шарт-шароит яратилган ҳамда кенг қўлланган Устюрт платоси орқали борган ва бу йўл, афтидан, доимо бўлган. Бироқ ушбу йўл мўйнали маҳсулотлар ташишга мўлжалланмаган ва кумуш билан савдо-сотиқ қилишга ҳам алоқаси бўлмаган.

Суғдлар яшайдиган жойларда ишлаб чиқарилган кумуш маҳсулотлари ўзларининг ватанида кўп миқдордаги сопол идишларга тақлидан ясалиб, юқори баҳоланган. Самарқанддан унчалик узоқда жойлашмаган Кофиркалъада VII–VIII асрларда сопол устахоналари, ҳозирги тил билан ифода этилганда бутун бошли завод очилиб, Самарқанд ҳамда унинг атрофидаги ҳудудларни идиш-товоққа нисбатан бўлган эҳтиёжини қондирган. Кофиркалъада жуда кўп ошхона кўзалари, кружка, ликопча, яъни ҳар бир оилага зарур бўлган барча кўринишдаги ошхона идишлари ишлаб чиқарилган. Идишлар слюда сочмалари билан қопланиб, улар кумуш ялтироқлигини ифода этар, уларнинг шаклига ҳам кумуш ошхона идишларидан нусха олинган эди. Кофиркалъа кулоллари томонидан ишлаб чиқарилган идишлар Самарқанддагина кенг тарқалмаган, Кофиркалъа саноатига хос – слюда сочмалари билан қопланган идишлар ҳатто Зарафшоннинг юқори ҳудудларида ҳам топилган.

Тасвирий санъатда бўлгани сингари, кумуш буюмлари ишлаб чиқаришда ҳам суғд санъатининг синкретизми яққол намоён бўлган, бу жараёнда кўшни халқлар санъатининг ютуқли жиҳатлари ўзлаштирилган ва ижодий ёндашилган ҳолда янада такомиллаштирилиб қўлланган. Суғд идишларида услубнинг изчиллиги ва эклектизмнинг умуман йўқлиги илк ўрта асрлар Шарқ торевтикасида уларни энг яхши намуналар деб ҳисобланишига сабаб бўлди. Суғд усталари томонидан ишлаб чиқилган идишлардаги тасвирнинг мавзуси ва ундаги уйғунлик ижодкорлар ишининг кўп йиллар яшаб қолишини билдиради. Суғддан узоқ бўлган Черниговда топилган X асрга тегишли ҳукмрон дафн этилган жойда тоғ такаси шохининг кумуш қопламаси топилиб, унда кетма-кетликда жойлашган дарахт шохини эслатувчи одатий суғд нақшига дуч келинган.

Қанотли туя тасвирли кўза (S-11) суғд торевтикасининг ўзига хос «ташриф қоғози» ҳисобланади. Идишнинг иккала тарафидаги асосий қисмида ҳам учиш ҳолатидаги қанот қоқаётган туя тасвири ўйиб ишлан-

ган. Идишнинг ён тарафидаги безакларда ўсимлик, геометрик шакллар пароканда ҳолатда бўлиб, дарахт шохларининг қулоч ёйиши кўринишида пальметт ҳамда ярим пальметт кўринишда ифода этилган. Туянинг бўйни ва оёғида ҳам пальметтлардан тузилган нақшлар тасвирланган. Кўзанинг узайтирилган, тўғри кесишмали ёпиқ кўринишдаги сувқуйгичи очиб-ёпиладиган ҳолатда ошиқ-мошиқ (шарнир) билан маҳкамланган. Банди ҳайкал шаклидаги жонивор боши билан безатилган. Пастки-оёқ қисмида идишнинг оғирлиги хоразм ёзувида – 467 (драхм) деб кўрсатилган. Қанотли туя ўрта асрлар бухорхудотлар сулоласи даврида Бухоро ҳукмдорининг тимсоли ҳисобланган. Суғд санъатида қанотли туя, эҳтимол, Хварена тимсоли – ҳукмдорга, ижтимоий мавқедаги бошқа, қаҳрамонга шон-шуҳрат ва бахт-омад келтириш рамзида келтирилган. Мазкур идиш ясалишидаги нозиклик ва тасвирий динамикаси бўйича сосонийлар Эрони ҳамда Византия торевтикасининг етакчи асарлари қаторида туради.

Семурғ тасвирланган идиш (S-9) – шер танаси ва бошига эга улкан қуш Эрон мифологиясида кенг тарқалган сиймолардан ҳисобланади. «Шоҳнома»да ушбу афсонавий жонивор достоннинг бош қаҳрамони Рустамга ҳомийлик қилган. Идишдаги Семурғ тасвири сосонийлар кумушсозлигининг суғд торевтикасидаги ворисийлик анъанаси ҳисобланади. Бироқ нилуфар гулининг ғунчалари Эроннинг сосонийлар санъатида қўлланмаган, нақшнинг ушбу унсури суғдда шаклланган. Суғд торевтика мактабининг ўзига хос жиҳати бўлган пальметт асосидаги бурама чизиқларнинг сўнгги нуқтаси тасвири ҳисобланади. Ғунча япроқларининг эгилувчанлиги ва таранглиги моҳирлик билан тасвирда етказиб берилиши суғд торевтика мактаби ривожланиши иккинчи босқичининг асосий муҳим хусусиятидир.

Тоғ эчкиси акс эттирилган буюм (S–1)га Б.И. Маршак қисқа ва аниқ тавсиф берган: «Оёғини букиб олган тоғ эчкиси қоялар бўйлаб гўё учаётгандек... бўйни, мағрур кўтарган боши, ярим очилган оғзи, оёқларининг мушаги, эгри шохлари мақсад сари интилаётганлигини яққол намоён этган. Чизиқлар ортидаги нуқта кенг қўлланилади. Бундай ёндашув аввалги хусусиятларга кўра барча ерда, шох бурамаси ёки сон мушакларини, сирғалиш жиҳатларни акс этиш жараёнида – қоялар орасида, ғунчалар бутоғида, оёқлар букиги ва бошқа ўринларда қўлланилган» (Б.И. Маршак 1971, 22 б., 18-том). Ушбу тавсифга шуни қўшиш мумкинки, уч баргга ажратилган нилуфар ғунчаси, А мактабининг иккинчи даврида ижод қилинган буюмларга тааллуқли, Б.И. Маршак уни VIII асрларга тегишлилигини айтган. Бундай ғунчалар тасвири Хазар хоқонлиги торевтикасида ишлатилган ғунчаларнинг муқобили ҳисобланиб, ундаги

ғоя ҳамда тасвирлар суғд ижодий муҳити негизида қайта ишланиши билан боғлиқ.

Буғуни бурдалаётган шер тасвирланган идиш (S-23) скиф давридан бошлаб форс тилида сўзловчи халқлар орасида кенг тарқалган мавзуни тасвирлайди. У кўчманчилардан тортиб, ўтроқ яшайдиган халқларнинг қадимги санъатида мавжуд қия бурилган шер бошининг тасвири идиш корпусида аниқ ва яққол ифодаланган. Шерларнинг бундай тасвири суғд деворий суратларида учрайди. Ўсимлик безакларининг қочиримлари, айнан, суғд металл пластикасига хос бўлган уч қисмли буралган баргли ярим пальметталарда ниҳояланади. Бу ерда марказий барглари босилгандек, кунгурали кўринишга эга ярим пальметталарни кўриш мумкин. Бундай тасвир VIII асрнинг биринчи ярмига оид суғд буюмларига хосдир.

ROADS OF THE SOGDIAN SILVER

A.I. Torgoev

In the 1960s, among a series of things, which were previously considered Sasanian, B.I. Marshak singled out the silver vessels that were made in Sogd. The silverware of one more Central Asian cultural and historical region, Khorezm, was identified by inscriptions in Khorezmian.

B.I. Marshak divided the Sogdian silver into three groups – schools of toreutics, which products differed in inconspicuous for consumers, but important for masters in technical and stylistic techniques passed from teacher to student.

In the first school (A) formed quite early in the sixth century, apparently in the central regions of Sogd, the image was usually made in relief embossing, which, along with the preservation of a number of ornamental motifs and shapes of vessels, shows development from the to the toreutics of Sasanian Iran.

In the second school (B), with a number of features similar to the first school, the decoration of the central medallion framing the plate has a flower rosette with large petals often decorated at the edges with a vertical notch.

In the third school (C), there is a predominance of a flat pattern against the background of small circles. The certain combinations of motifs of floral patterns, mainly various palmettes and trefoils, prevail in the ornament. The products of the masters of this school are the most common. It is possible that its representatives worked in Chach, Fergana and Zhetysu. The influx of Sogdian populations from overpopulated metropolitan areas to these eastern regions of Central Asia began in the seventh century. Particularly widespread was the colonization in the early eighth century, due to the Arab conquest of the country. The Sogdians, who wanted to preserve the faith of their ancestors and their income for crafts and trade, were forced to leave to the east of Central Asia, under the protection of the Turks.

The Sogdian painting from Penjikent abounds with the images of vessels made of gold and silver, analogue to the range of shapes of forms of preserved silver vessels. However, we do not know the true golden vessels of the Sogdians, just as we do not know exactly where the silverwork could have been made. Not a single workshop for their manufacture is yet known. It is quite obvious that some of the silver vessels were produced in the capital city of Samarkand, where highly skilled masters could have lived. They had different methods of making vessels. Thus, the bodies of bowls and jugs were most often knocked out from one plate of silver. Gilding was applied hot, which was extremely dangerous to the health, since the master inevitably inhaled harmful mercury vapor. Both melted coin silver, and silver mined in Central Asia, were raw materials to produce vessels. Silver mines are known in Fergana and Ilak, in the Nuratau Mountains, silver was mined both in Karnab and even in Miankal, as evidenced by the name of the old village of Kumushkent.

In Central Asia, only three hoards of silver vessels of Sogdian origin are known. Two of them were found in Uzbekistan and one in Kyrgyzstan. The first hoard in Uzbekistan was found in 1943–1944 at the Munchaktepa site during construction of the Farhad hydroelectric power station. It consisted of fragments of several bowls dated back to the fifth – sixth centuries and reflected the early development stage of the A school. Fragments of the Farhad hoard were transferred to the State Hermitage by the head of the archaeological expedition, V.F. Gaidukevich, together with the entire extensive collection from the excavations of Munchaktepa and nearby burial grounds. The second hoard, similar the one was discovered in 1963 in Chilek, near Samarkand. This hoard included the Hephthalite bowl, the Sasanian bowl with the image of Shapur II and the two Sogdian bowls of the fifth – sixth centuries. Now the Chileck treasure is a jewel of the Samarkand museum. The third hoard, consisting of a silver jug and a cup, was found in 1926 at the Novopokrovsky site in Kyrgyzstan.

There were no more finds of the Sogdian silver in the territory of its production. The Sogdians' big influence at the Turks' courts is well-known. The locations of their finds help to reconstruct the ancient trade routes, on which the Sogdians played the main role in the sixth – early eighth centuries.

One of the most important was the route to the Turks, through the Irtysh river basin led to Altai and Tuva. Typically, Sogdian silver vessels were found in the burial mounds of Altai and Tuva. In Mongolia, these vessels, as well as their imitations, could come both from Sayano-Altai and through East Turkestan, with the large Sogdian sites.

The Sogdian silver was also highly valued in China. In the seventh century, when the silk trade was concentrated in the hands of the Sogdians, the fashion for everything Sogdian flourished in China. In particular, the viticultur of wine-growing and the tradition of feasts with grape wine was a Sogdian one. One of its manifestations are cups with a typical Sogdian octagonal shape, but with completely Chinese ornamentation, and in the art of China in the Tang period there are complex plant-shaped ornaments borrowed from the Iranian world in the form of vine shoots. The influence was not one-sided, as the Sogdians also creatively used the experience of Chinese masters. In the representative items of the third school there is often a dot pattern that covered the background of the item—this is a direct borrowing from China; on some products there are also typical Chinese motifs of clouds.

But still, mapping of the finds of Central Asian silver vessels, undertaken by Y.I. Smirnov, shows that both Sogdian and Khorezmian silver items are concentrated in the Urals and Kama areas. Of course, they were exchanged for furs, which was always highly valued among Central Asian elites. The finds of Sogdian silver vessels territorially the closest to Middle Asia are recorded in modern Bashkiria. There are no finds on the huge stretch of road from Sogd to the Southern Urals area; therefore, the trade routes in this region are reconstructed only on the basis of indirect evidence. Perhaps, as B.I. Marshak believed, Sogdian merchants reached the Urals area directly, but there is no direct evidence of such contacts, as is the case with the Turks. It is possible that silver trading was conducted through the mediation of other peoples. There are some data that suggest the lower reaches of the Syr Darya as an intermediary in the trade in silver.

The road from Sogd to the Urals area inevitably lay either along the Syr Darya or along the Amu Darya. In the lower reaches of the Syr Darya, tribes lived who were bearers of the Jety Asar archaeological culture. However it is quite difficult to compare them convincingly with any other ancient people. In this culture there was very strong connection with Chach and the population of the Kerder region, located in the lower reaches of the Amu Darya. Although money circulation in the population of the lower reaches of the Syr Darya has not been studied enough, and finds of coins in the funerary complexes and layers of sites are extremely rare, it can be said with certainty that the inhabitants of this region conducted extensive trade. Thus, in the materials of the Jety Asar culture there is the largest known number of Iranian carved stones in Central Asia, as well as Chinese silk and mirrors. There are also many things of Western origin: besides

traditional Mediterranean beads, there are also quite a few fibulas with direct analogies in the cultures of the Southern Urals, the Kama basin and the Caucasus. It should be noted that wearing fibular clothing was not characteristic of the population of Central Asia at all. Metal ornaments of the Jety Asar culture: belt sets, earrings, bracelets and metal amulets have the closest resemblance to the materials of synchronous sites of the Urals, in particular the Kama region. This applies not just to single cases, but to the whole series of ornaments of the end of the sixth century – second half of the eighth century.

At the same time, the style of almost all adornments of Jety Asar people and related tribes of the middle Syr Darya, who lived near the Karatau ridge and in the Otrar oasis, appeared already in the established form and was borrowed in the Urals. Ornaments of this type are not known in Sogd; but there are some in the territory of Chach: in Maisky village near Tashkent, in 2013, a complex of gold and silver adornments was accidentally discovered, which along with Byzantine items included belt decorations with a heraldic circle, identical to the details of belts common in the Urals area.

Thus, the connection of the population of the Jety Asar culture with the population of the Urals areas is clear and very tight. It is tempting to suppose that it was the population of the lower reaches of the Syr Darya that played an intermediary role in the silver trade, due to their direct ties with the tribes of the Urals area. In other words, the Sogdians exchanged silver for furs already in the Syr Darya region, and the merchants of the lower reaches of the Syr Darya, using an established commodity exchange, formed caravans and sent them to the Urals area.

Reconstructing the caravan routes, one can hypothesize that one of the roads ran around the Aral Sea from the east and passed, like a modern road, through the semi-deserts of the northern Aral Sea region, to Mugodzhar and further to the basin of the Ural River, then to Bashkiria, and from there to the Kama region. The most difficult part of this route between the lower reaches of the Syr Darya and the Emba basin is the least studied in archaeological terms. And the now sparsely populated areas of the Northern Aral Sea area were also quite deserted in antiquity. Obviously, this section of the road in the seventh – eighth centuries was controlled by the Turkic nomadic tribes, who received profits from trade.

Another route could pass through Sarysu, once flowing into the Syr Darya. It reached the Ulytau Mountains, where a permanent population had always lived, developing the richest deposits of copper and silver-

lead ores. Further along the Turgai lowland, the road led to the lower reaches of the Tobol, and from there it could go both to the Transural region and through the low Ural Mountains in the Urals area.

The route from Khorezm to the lower reaches of the Ural and the Volga, through the Ustyurt plateau, which was widely used and relatively well-maintained during the Golden Horde era, apparently always existed; but this road was focused on the transportation of non-fur products and was not associated with silver trading.

The silver items produced in the lands inhabited by the Sogdians were also very highly valued in their homeland, giving rise to numerous imitations in ceramics. Ceramic workshops were opened at the Kafir Kala site, near Samarkand, at the end of the seventh to the eighth centuries, like a whole factory satisfying the needs for dishes in Samarkand and its environs. Mass production of table jugs, cups and plates, i.e., an assortment of tableware necessary for the daily life of family, was organized in Kafir Kala. The vessels were coated with mica, which imitated the shine of silver; their shapes were also copied from table silver vessels (SA-7533). The dishes made by the potters of Kafir Kala were widespread not only in Samarkand: fragments of mica-covered vessels, traditional for Kafir Kala production, are found in the sites of the entire region and even in the upper reaches of the Zarafshan.

In silver, as in painting, the syncretism of Sogdian art, which absorbed significant achievements from the art of neighboring peoples and creatively reworked them, is clearly expressed. The stylistic restraint and complete absence of eclecticism in the Sogdian vessels made them one of the best examples of the early medieval toreutics of the East. Motifs and their combinations, worked out by Sogdian masters, were destined to long outlive their creators. Thus in Chernigov, far from Sogd, in the burial place of a leader in the 10th century, there was found a typical Sogdian ornament in the form of alternating palmettes on the silver lining of one of the horns of a wild ox.

A jug with the image of a winged camel (S-11) is a kind of visiting card of the Sogdian toreutics. On both sides of the flattened body are embossed images of winged camels in flight pose. The ornamentation on the sides is of plant forms, geometrically precise, and uses a curling tree-like shoot with palmettes and half-palmettes. On the foot and the neck of the jug there is also an ornament consisting of palmettes, engraved on a punch-style background. The elongated rectangular rim of the jar spout is covered with a hinged lid. The handle is decorated with a sculptural animal head. On the foot there is a Khorezm inscription

indicating that the weight of the vessel the 467 (drams). The winged camel was a symbol of the Bukharkhudate dynasty, which ruled in Bukhara in the early Middle Ages. In Sogdian art, the winged camel appears to be the personification of Khvarenah, the glory and fortune of a ruler or other socially significant person, a hero. The actual vessel is on a par with the outstanding works of the toreutics of Sasanian Iran and Byzantium, for the fineness of its work and the dynamism of the image.

The dish with the image of Senmurv (Semurg) (S-9) – a large bird with a lion's body and head – was very popular in Iranian mythology. In the "Shahname" this fantastic creature patronized the main hero of the epic, Rustam. The image of Senmurva (Simurg) on this dish is a direct legacy of Sasanian silverwork the Sogdian toreutics. However, we do not know of such lotus buds in the art of Sasanian Iran, although they already formed an element of ornament in Sogd. Another characteristic feature of the Sogdian school of toreutics is the dot at the end of the line in the curls and at the base of the palmettes. Skillfully transmitted tension and a sense of elasticity in the petals of buds is a characteristic feature of the second stage of development of the school of Sogdian toreutics.

The most concise and vivid description of the dish with Capricorn (S-1) was given by B.I. Marshak: "Capricorn with legs bent seems to fly over rocks. ... the bending of the neck, raised head, slightly open mouth, leg muscles, curve of the horn convey a feeling of elastic composure. The dot at the ends of the line is widely used. This method retains the same character in the curl of the horns or the thigh muscles, but it also appears wherever it is necessary to pass over some kind of gap: between the rocks, in the stems of the buds, in the folds of the legs, etc." (B.I. Marshak 1971, vol. 18, p. 22). To this description it should be added that the lotus buds, divided into three leaves, are inherent in the works of the second period of school A, which B.I. Marshak dated to the eighth century. Such buds are prototypes of buds widely used in the toreutics of the Khazar Kaganate, a number of motifs of which are related to the creative development of the Sogdian substrate.

A dish with an image lion tearing a deer (S-23) depicts a very widespread theme among the Iranian-speaking peoples, since the Scythian era. It existed in the ancient art of both nomads and settled peoples. It is interesting to see the image of a lion with its head in a three quarter turn from the body, depicted almost exactly in profile. Such images of lions are also found in the Sogdian wall paintings. The shoots of the floral ornament end in three-part half-palmettes with a twisted

petal, which is typical for Sogdian metal-plastics. Here you can also see half-palmettes with a short, as if squeezed, central leaf, which also has scalloped outlines, and which is characteristic of the Sogdian items of the first half of the eighth century.

ДОРОГИ СОГДИЙСКОГО СЕРЕБРА

А.И. Торгоев

В 60-х гг. прошлого века из серии вещей, которые считались до этого сасанидскими, Б.И. Маршаком были выделены серебряные сосуды, которые изготовили в Согде. Принадлежность серебряной посуды другой среднеазиатской культурно-исторической области – Хорезму, была определена благодаря надписям на ней, сделанным на хорезмийском языке.

Согдийское серебро Б.И. Маршак разделил на три группы – школы торевтики, изделия которых отличаются по малозаметным для потребителей, но важным для мастеров технико-стилистическим приемам, передававшимся от учителя к ученику.

В первой школе (А), сформировавшейся довольно рано, уже к VI в., видимо, в центральных районах Согда, рисунок делался обычно рельефной чеканкой, что наряду с сохранением ряда мотивов орнамента и форм сосудов восходит к торевтике сасанидского Ирана.

Во второй школе (В), по ряду признаков сходной с первой, распространяется оформление центрального медальона, обрамляющего донца цветочной розеткой, с крупными лепестками, по краям часто украшенными вертикальной насечкой.

В третьей школе (С) наблюдается преобладание плоского рисунка на фоне из мелких кружков. В орнаменте предпочтение отдается определённым сочетаниям мотивов растительного орнамента, главным образом, разного рода пальметт и трилистников. Изделия мастеров этой школы наиболее распространены. Возможно, что ее представители работали в Чаче, Фергане и Семиречье. Сюда, в восточные области Средней Азии, с VII в. начался приток согдийского населения из перенаселенных районов метрополии. Особой массовостью отличалась колонизация начала VIII в., что было вызвано арабским завоеванием. Согдийцы, желавшие сохранить веру своих предков и доходы от ремесла и торговли, были вынуждены уходить на восток Средней Азии, под защиту тюрков.

Изображениями сосудов, изготовленных из золота и серебра и находящих аналогии в ассортименте форм реально сохранившейся серебряной посуды, изобилует согдийская живопись Пенджикента. Однако подлинных золотых сосудов согдийцев мы не знаем, так же, как не знаем, где конкретно могли изготавливаться серебряные изделия. Ни одной мастерской по их изготовлению пока неизвестно. Совершенно очевидно, что часть серебряных сосудов выпускалась в Самарканде. Мастера владели разными приемами изготовления сосудов. Так, корпуса чаш и кувшинов чаще всего выколачивались из одного листа серебра. Золочение наносилось горячим способом, который был крайне опасен для здоровья, так как мастер вдыхал вредные пары ртути. Источником для изготовления сосудов служило как монетное серебро, так и серебро, которое добывали в самой Средней Азии. Серебряные рудники известны в Фергане и Илаке, в горах Нуратау, серебро добывали в Карнабе и даже на Мианкале, о чем свидетельствует название старинного кишлака Кумушкент.

На территории Средней Азии известно всего три клада серебряных сосудов согдийского производства. Два из них были найдены в Узбекистане и один – Кыргызстане. Первый из узбекистанских кладов был найден в 1943–1944 гг. на городище Мунчактепа, при строительстве Фархадской ГЭС. Он состоял из обломков нескольких чаш, которые датируются в пределах V–VI вв. и отражают ранний этап развития школы А. Обломки чаш Фархадского клада были переданы в Государственный Эрмитаж начальником археологической экспедиции В.Ф. Гайдукевичем вместе со всей обширной коллекцией из раскопок Мунчактепа и близлежащих могильников. Второй клад, близкий Фархадскому, был обнаружен в 1963 г. в Чилеке, недалеко от Самарканда. В составе этого клада были эфталитская чаша, сасанидская чаша с изображением Шапура II и две согдийские чаши V–VI вв. Ныне Чилекский клад является украшением Самаркандского музея. Третий клад, состоящий из серебряного кувшина и кружки, был найден в 1926 г. на Новопокровском городище в Кыргызстане.

Более находок согдийского серебра на территории его изготовления найдено не было. Согдийские и вообще среднеазиатские серебряные сосуды распространились по караванным путям в разных направлениях. Места их находок помогают воссоздать древние торговые пути, где согдийцам принадлежала главная роль в VI – начале VIII вв.

Одним из самых важных был путь к тюркам, через Прииртышье, ведший на Алтай и в Туву. Известно большое влияние согдийцев при дворах тюрок. В курганах Алтая и Тувы были найдены типично согдийские серебряные сосуды. В Монголию эти сосуды, а также подражания

им, могли попадать как со стороны Саяно-Алтая, так и через Восточный Туркестан, в котором были большие согдийские поселения.

В Китае согдийское серебро также ценилось очень высоко. В VII в., когда в руках согдийцев находилась торговля шелком, в Китае процветала мода на все согдийское. В частности, согдийской являлась культура виноградарства и традиция пиршеств с виноградным вином. Одним из ее проявлений являются кружки с типичным для Согда корпусом восьмигранной формы, с китайским орнаментом, но заимствованным в иранском мире, для которых были характерны сложные растительные орнаменты в виде побегов лозы. Влияние не было односторонним, согдийцы также использовали опыт китайских мастеров. В изделиях представителей третьей школы часто встречается точечный орнамент, которым покрывался фон изделия, – это прямое заимствование из Китая.

Но все же картографирование находок среднеазиатских серебряных сосудов, предпринятое еще Я.И. Смирновым, показывает, что как согдийские, так и хорезмийские серебряные изделия концентрируются в Приуралье и Прикамье. Безусловно, они шли в обмен на пушнину, которая всегда очень высоко ценилась у среднеазиатской элиты. Территориально самые близкие к Средней Азии находки согдийских серебряных сосудов отмечены в современной Башкирии. На огромном отрезке пути от Согда до Южного Приуралья также находок нет, поэтому торговые пути на данном участке реконструируются только на основании косвенных свидетельств. Возможно, как считал Б.И. Маршак, согдийские купцы сами напрямую достигали Приуралья, но прямых свидетельств таких контактов, как в случае с тюрками, к сожалению, нет. Не исключено, что торговля серебром велась через посредничество других народов. Так, есть некоторые данные, которые свидетельствуют, что население низовьев Сырдарьи выступало в качестве посредника в торговле серебром.

Путь из Согда в Приуралье проходил либо по Сырдарье, либо по Амударье. В нижнем течении Сырдарьи жили племена – носители джетыасарской археологической культуры, которую, однако, до сих пор очень трудно аргументированно сопоставить с каким-нибудь древним народом. В этой культуре были очень сильны связи с Чачем и населением области Кердер, располагавшейся в низовьях Амударьи. Несмотря на то, что денежное обращение населения низовьев Сырдарьи изучено недостаточно, а находки монет в погребальных комплексах и слоях поселений крайне редки, можно с уверенностью говорить о том, что жители этой области вели обширную торговлю. Так, в материалах джетыасарской культуры известно самое большое количество иранских резных камней в Средней Азии, встречается китайский шелк и зеркала. Много здесь и

вещей западного происхождения: кроме традиционных средиземноморских бус, нередки фибулы, которые находят прямые аналогии в культурах Южного Урала, бассейна Камы и Кавказа. Отметим, что ношение фибульной одежды вообще не было характерным для населения Средней Азии. Металлические украшения джетыасарской культуры: ременная гарнитура, серьги, браслеты, металлические амулеты, – имеют близкое сходство с материалами подобных памятников Приуралья, в частности Прикамья. Это касается не единичных случаев, а целых серий украшений конца VI – второй половины VIII вв.

В то же время стиль практически всех украшений джетыасарцев и родственных им племен Средней Сырдарьи, обитавших близ хребта Каратау и в Отрарском оазисе, появляется уже в сложившемся виде и был заимствован в Приуралье. Украшения такого типа совсем не известны в Согде. Но есть на территории Чача, где у п. Майский недалеко от Ташкента, в 2013 г. был случайно обнаружен комплект золотых и серебряных украшений, в составе которого, наряду с византийскими вещами, были поясные украшения геральдического круга, тождественные деталям поясов, распространенных в Приуралье.

Таким образом, связь населения джетыасарской культуры с населением Приуралья является явной. Заманчиво предположить, что именно население низовьев Сырдарьи выполняло посреднические функции в торговле серебром, благодаря прямым связям с племенами Приуралья. Иначе говоря, согдийцы обменивали серебро на меха уже на Сырдарье, а купцы с низовьев реки, пользуясь налаженным товарообменом, формировали караваны и отправляли их в Приуралье.

Реконструируя сами караванные пути, можно полагать, что одна из дорог огибала Арал с востока и проходила, как современная трасса, через полупустыни северного Приаралья, к Мугоджарам и далее – в бассейн р. Урал, затем в Башкирию, а оттуда уже шла в Прикамье. Наиболее сложный участок этого пути между низовьями Сырдарьи и бассейном Эмбы наименее исследован в археологическом отношении. И ныне малонаселенные районы северного Приаралья, в древности были также достаточно пустынными. Очевидно, что этот участок пути в VII–VIII вв. контролировали тюркские кочевые племена, получавшие прибыль от торговли.

Другой путь мог проходить по реке Сарысу. Он доходил до гор Улытау, где всегда жило постоянное население, разрабатывающее богатейшие месторождения меди и серебряно-свинцовых руд. Далее по Тургайской низменности дорога выходила к низовьям Тобола и оттуда могла идти как в Зауралье, так и через низкие Уральские горы в – Приуралье.

Путь из Хорезма, в низовья Урала и Волги, через плато Устюрт, широко использовавшийся и относительно благоустроенный в эпоху Золотой Орды, видимо, существовал всегда. Но эта дорога была ориентирована не на провоз меховых изделий и не была связана с торговлей серебром.

Серебряные изделия, производившиеся в землях, населенных согдийцами, очень высоко ценились и на родине, вызвав многочисленные подражания в керамике. У городища Кафыркала, расположенного недалеко от Самарканда, в конце VII–VIII вв. были открыты керамические мастерские, можно сказать, завод, который удовлетворял потребности жителей Самарканда и его окрестностей в посуде. Массово в Кафыркале было налажено производство столовых кувшинов, кружек и тарелок, т.е. ассортимента столовой посуды. Сосуды покрывались слюдяной подсыпкой, которая имитировала блеск серебра, формы их также были скопированы со столовых серебряных сосудов. Посуда, производимая гончарами Кафыркала, имела распространение не только в Самарканде: фрагменты покрытых слюдой сосудов, традиционных для кафыркалинского производства, находят даже в верховьях Зарафшана.

В серебре, как и в живописи, четко выражен синкретизм согдийского искусства, вобравшего в себя значимые достижения искусства соседних народов и творчески их переработавшего. Стилевая выдержанность и полное отсутствие эклектики согдийских сосудов делало их одним из лучших образцов раннесредневековой торевтики Востока. Мотивам и их сочетаниям, выработанным согдийскими мастерами, было суждено надолго пережить своих создателей. Так, в далеком от Согда Чернигове, в погребении вождя X в., на серебряной обкладке одного из турьих рогов, обнаружен типичный согдийский орнамент в виде чередующихся пальметт.

Кувшин с изображением крылатого верблюда (S-11) является своего рода визитной карточкой согдийской торевтики. На обеих сторонах уплощенного тулова изображены чеканкой с оборота крылатые верблюды в позе полета. Орнамент на боках растительный, геометрически точно разбитый, строится на использовании вьющегося древовидного побега с использованием пальметт и полупальметт. На ножке и горле также орнамент, состоящий из пальметт. Удлиненный, прямоугольный в сечении слив кувшина закрытого типа прикрыт откидной крышечкой на шарнире. Ручка украшена скульптурной звериной головкой. На ножке имеется хорезмийская надпись с указанием веса сосуда – 467 (драхм). Крылатый верблюд был символом правящей в Бухаре в раннем средневековье династии бухархудатов. В согдийском искусстве крылатый верблюд высту-

пает, видимо, олицетворением Хварены – славы и удачи правителя или другого социально значимого лица, героя. Настоящий сосуд по тонкости работы и динамизму изображения стоит в одном ряду с выдающимися произведениями торевтики сасанидского Ирана и Византии.

Блюдо с изображением Сэнмурва (Семурга) (S-9) – большая птица с телом и головой льва, был очень популярным образом в иранской мифологии. В «Шахнаме» это фантастическое существо покровительствовало главному герою эпоса – Рустаму. Изображение Сэнмурва на этом блюде является прямым наследием сасанидского сереброделия в торевтике Согда. Однако таких бутонов лотоса в искусстве сасанидского Ирана мы не знаем, как элемент орнамента они сформировались уже в Согде. Также характерной чертой согдийской школы торевтики является точка в конце линии в завитках и у основания пальметт. Умело переданное напряжение и чувствующаяся упругость в лепестках бутонов является чертами, характерными для второго этапа развития школы согдийской торевтики.

Наиболее краткое и яркое описание блюда с козерогом (S-1) дал Б.И. Маршак: «Козерог с подогнутыми ногами как бы летит над скалами. ...Изгиб шеи, приподнятая голова, приоткрытый рот, мышцы ног, кривая дуги рога хорошо передают ощущение упругой собранности. Точка на концах линии применяется широко. Этот прием сохраняет прежний характер в завитке рога или мышц бедра, но он появляется также везде, где надо передать конец какой-либо щели: между скал, в стеблях бутонов, в сгибах ног и т.д.» (Б.И. Маршак, 1971, с. 22, Т 18). К этому описанию надо добавить, что бутоны лотоса, разделенные на три листа, присущи произведениям второго периода школы А, который Б.И. Маршак датировал в рамках VIII в. Такие бутоны являются прототипами бутонов, широко использовавшихся в торевтике Хазарского каганата, ряд мотивов которой связан с творческой переработкой согдийского субстрата.

Блюдо с изображением льва, терзающего лань (S-23), изображает очень распространенный в среде ираноязычных народов, начиная со скифской эпохи, сюжет. Он существовал в древнем искусстве как кочевников, так и оседлых народов. Интересно изображение льва с головой, развернутой в ¾ оборота при корпусе, показанном практически точно в профиль. Такие изображения львов встречаются и в согдийской настенной живописи. Побеги растительного орнамента оканчиваются трехчастными полупальметтами с закрученным лепестком, что вообще типично именно для согдийской металлопластики. Здесь же можно видеть и полупальметты с коротким, как бы сдавленным центральным листом, имеющим еще и фестончатые очертания, что характерно для согдийских вещей первой половины VIII в.

S-11

Кандли туя тасвири туширилган кузо

Сугд, VII аср.

Кумуш; қуйма, тамғобрлик, сайқаллаш, олтин қопланган; баландлиги 39,5 см, оёқ диаметри 10,5 см.

S-11

Jug with depicted winged camel

Sugd, 7th century.

Silver; casting, chiselling, chasing, engraving, gilding; height: 39.5 cm, diameter of the leg: 10.5 cm.

S-11

Кувшин с изображением крылатого верблюда

Согд, VII в.

Серебро; литье, выколотка, чеканка, гравировка, позолота; высота 39,5 см, диаметр ножки 10,5 см.

S-9

Семург тасвири туширилган идиш

Суғдиёна. VIII асрнинг биринчи ярми.
Кумуш; ўймакорлик (?), кандакорлик,
ўйма нақш, зарҳал;
диаметри 27,2, баландлиги 3,6 см.

S-9

A dish with depicted Simurg

Sogdiana. First half of the 8th century.
Silver; chiselling (?), chasing, engraving,
gilding; diameter: 27.2, height: 3.6 cm.

S-9

Блюдо с изображением Симурга

Согдиана. Первая половина VIII в.
Серебро; выколотка (?), чеканка,
гравировка, позолота;
диаметр 27,2, высота 3,6 см.

S-23

Бугуни парчалаётган шер тасвири туширилган идиш

Суғдиёна, VIII асрнинг биринчи ярми.
Кумуш; диаметри 23 см.

S-23

Dish depicting a lion tearing fallow deer

Sogdiana, first half of the 8th century.
Silver; diameter: 23 cm.

S-23

Блюдо с изображением льва, терзающего лань

Согдиана, первая половина VIII в.
Серебро; диаметр 23 см.

S–1
Тоғ эчкиси тасвири туширилган идиш
Суғдиёна, VII – VIII асрнинг биринчи ярми.
Кумуш; қуйма, ўймакорлик (?),
кандакорлик, ўйма нақш, зарҳал;
диаметри 28 см, баландлиги 1,8 см.

S–1
Dish with Capricorn
Sogdiana, 7th – first half of the 8th century.
Silver; casting (?), chiselling (?), chasing,
engraving, gilding;
diameter: 28 cm, height: 1.8 cm.

S–1
Блюдо с козерогом
Согдиана, VII – первая половина VIII вв.
Серебро; литье (?), выколотка (?),
чеканка, гравировка, позолота;
диаметр 28 см, высота 1,8 см.

ЧОЧ. ТОШКЕНТ ВОҲАСИ ОСОРИ АТИҚАЛАРИ

CHACH. ANTIQUITIES OF THE TASHKENT OASIS

ЧАЧ. ДРЕВНОСТИ ТАШКЕНТСКОГО ОАЗИСА

ЧОЧ

Э.В. Ртвеладзе, А.И. Торгоев

Чоч (араб. Шош) – Сирдарёнинг ўнг қирғоғи, Чирчиқ ва Оҳангарон дарёлари ҳавзаси, ҳозирги Тошкент вилояти ҳудудида жойлашган тарихий маданий ҳудуд.

Чоч номи Ўрта Осиёнинг бошқа ҳудудлари қатори 262 йилга тегишли бўлиб зардуштийлик манбаларидаги Шопур I (241–272)нинг ёзувларида Чача тоғи номи билан эслаб ўтилган. Чоч жой номи, эҳтимол, Чачан ёки Чачани номининг қисқартирилган шаклдир. Бу номлар III аср ўрталарида зарб қилинган тангаларда учрайди. Уларнинг ёзувлари қуйидагича: «Чоч халқи (ёки жамоаси) ҳукмдори Ванван ёки Ванун».

IV асрга тегишли бўлган, Керчево қишлоғидан (Ғарбий Сибирь) топилган кумуш идишдаги суғд ёзувида бу буюмнинг Чоч ҳокими ёки халқига тегишлилиги кўрсатиб ўтилган англатади. Чоч номи, шунингдек, бошқа бир кумуш идишда ҳам келтирилган бўлиб, бу идиш Вьетнам ва Хитой чегарасидаги ҳудудлардан топилган.

Чоч номи ушбу ҳудудда IV аср ва VIII асрнинг биринчи ярмида зарб этилган бронза тангаларда кенг қўлланилган. У Суғдиёна ҳукмдори Деваштич Фатуфарн элчисининг машҳур мактубида ҳам келтирилган. VIII асрнинг иккинчи ярмидан бошлаб эса Чоч номи бошқа қўлланилмаган.

Араб ёзма манбаларда бу ном «Шош» кўринишида келади, чунки араб ёзувида Ч ҳарфининг ўзи йўқ ва уни ифодалаш учун талаффузи унга яқин бўлган бошқа (Ш) ҳарфдан фойдаланилади. Шунингдек, Сурхондарё воҳасидаги Чағониён номли ҳудудни араблар Сағониён деб эътироф этишган.

Қадимги Хитой манбаларидан олинган маълумотларга кўра, бу ҳудуд Юни, кейинчалик (V–VI асрларда) Ши деб номланган. Қадимги Чоч ёки арабчалашган Шош номлари ҳозирги Тошкент номида ҳам қайсидир маънода сақланиб қолган.

Қадимги Чоч ҳудудининг одамлар томонидан ўзлаштирилиши тош асридан бошланган. Кўлбулоқда қуйи ва юқори палеолит даврида чақ-

моқтош қазиб олинадиган ерлар борлиги, Бўзсув ва Қорақамиш соҳилларида аҳоли манзилгоҳлари мавжуд бўлганлиги ҳақида тарихий манбаларда эслаб ўтилган

Эрамиздан аввалги II минг йилликда бу минтақада Андронов туркумига кирувчи дашт қабилалари яшаган ва улар аста-секин деҳқончилик билан шуғуллана бошлашган.

Эрамиздан аввалги IX–VII асрларда ушбу ҳудуднинг катта қисмини Бурғулуқ маданияти қабилалари эгаллаган ва улар асосан деҳқончилик, чорвачилик ва тикувчилик билан шуғулланишган.

Бурғулуқ маданияти шаҳарларидан бири бўлган Шоштепа ҳозирги Тошкент ҳудудида пайдо бўлган. Афтидан, бу даврда кўплаб сак қабилалари истиқомат қилишган. Эрамиздан аввалги III асрда Қуйи Сирдарё ва Оролбўйи ҳудудларидан бу ерга келган сармат қабилалари Бурғулуқ маданиятини сиқиб чиқарган. Бу қабилалар Тошкент воҳасига шаҳар маданияти анъаналарини, ғишт ва пахса уйларини қуриш тажрибаларини олиб келган. Ўша пайтда бу ҳудудда Қанғ ва Шоштепа шаҳарчалари вужудга келган.

Тошкент воҳасининг кенг кўламда ўзлаштирилиши ҳақида қадимий ёзма манбалардан (Геродот – эрамиздан аввалги VI аср, Доро I нинг Беҳистун ёзуви – эрамиздан аввалги VI аср) ҳам маълум бўлиб, у ёзувларда бу ернинг аҳолисини «Суғд ортидаги саклар», «Яксарт ортидаги саклар», «Хаомга ишонувчи саклар» деб эътироф этилган. «Авесто»да эса уларни афсонавий мамлакат Туроннинг улуси – жангчи турлар деб тилга олинган. Бу ерда «Авесто»даги Канха – муқаддас Кангдиз (Қанға) жойлашган бўлиши мумкин, бунинг далили сифатида Оққўрғон яқинидаги Канқа (Қанғ) қадимий шаҳарчаси бўлганлигини айтиб ўтиш жоиз.

Эрамиздан аввалги биринчи асрлар ва эрамизнинг биринчи асрларида Чоч йирик конфедератив давлат бўлган Қанға таркибидаги Юни ўлкаси тасарруфига ўтган. Маҳаллий аҳолининг кўчманчилар билан бирлашиб кетиши натижасида ўзига хос Қовунчи маданияти шаклланади. Унинг ёдгорликлари бутун Тошкент воҳаси ва Ўрта Сирдарё бўйлаб тарқалган. Бу маданият ўз номини Янгийўл шаҳридаги ёдгорлик – Қовунчи тепа шаҳарчаси номига олган. Қовунчи маданиятини ўтган асрнинг 30-йилларида Тали-Борзу ва Кофиркалъа суғд шаҳарчаларидаги қазиш ишлари орқали танилган ўзбекистонлик Г.В. Григорьев биринчи бўлиб топади.

III аср ва IV аср бошларида Чоч (ёки Хитой манбаларига кўра Ши) мустақил ўлкага айланган.

Қадимий ва илк ўрта асрларда Чочда чиқарилган тангаларни тадқиқ қилиш туфайли бу ҳудудда танга зарб қилишнинг бошланганлиги, бу ерга суғд ёзуви ва тили кириб келганлиги, Чочда ҳукм сурган сулола-

ларнинг тавсифи ва ўзига хос томонлари ва уларнинг Юни ёки Чже Ши ўлкаларидан бирининг тасарруфида бўлган Қанғ уйи билан алоқалари ҳақида муҳим маълумот олишга эришилган.

Чочнинг энг қадимий тангалари катта ҳажмдаги мис тангалар бўлган. Улар (тангалар)нинг юза қисмида хукмдорнинг пастга тушиб турган ўзига хос алоҳида соч турмаги, ажинли пешонаси билан туташган катта бурни, ингичка ва узун мўйлови ҳамда катта бодом шаклидаги кўзлари тасвирланган.

Орқа томонида эса, атрофи суғдча ёзув билан ўраб олинган Чоч характерига хос тамға (яъни белги) жойлаштирилган. Кўпгина тангаларни тадқиқ қилиш жараёнида улар қанғалар даврига тегишли эканлиги, бу ҳудудда юқори бозор савдосида пулнинг ривожланган беқиёс ўрни мавжуд бўлганлиги ҳамда суғд ёзувининг ҳам вужудга келгани аниқланди.

Чоч, Буюк ипак йўлининг асосий йўлларидан бирида жойлашган бўлиб, Искандар Мақдунийнинг ушбу минтақа орқали Сериндия (Шарқий Туркистон)га кўчиб юришидан сўнг, суғдийларнинг улкан таъсирига учраган бўлиши эҳтимолдан холи эмас.

Ушбу жараён I минг йилликнинг биринчи ярмида янада жадаллашди; жуда кўп маълумотлар, айниқса эрамизнинг II ёки IV асри бошларида ёзилган «Эски ёзув» буни тасдиқлайди. Матндаги ёзувлар шакли қадимий чоч тангаларидаги ёзувга жуда ўхшашдир.

Агар бу тангаларнинг III–IV асрлардан ҳам илгарироқ мавжуд бўлгани тасдиқланса, эрамизнинг I асрида Чочда, аллақачон суғд ёзуви ва тилининг тарқалганлиги ҳақида гапириш мумкин. Ҳар ҳолда, бу тангаларнинг дастлабки қадимий нусхаларида ётиқ хат ривожланган бўлиб, бу тангалар пайдо бўлишидан аввалроқ Чочда суғд ёзуви узоқ тараққиёт йўлини босиб ўтганлигидан далолат беради.

Бу тангалардан эрамиздан аввалги 1-минг йилликнинг биринчи ярмидаги Чоч сулоласи тарихига оид қизиқарли маълумотларни тўплашимиз мумкин.

Хусусан, Хоразм тангаларида бўлгани каби, Чоч тангаларида ҳам худди ўша сулолага оид белгини кўриш мумкин. Бироқ Хоразм тангаларида; масалан, Кушон, деталларидаги умумий ўхшашлиги ўзгарган бўлса, яъни ҳар бир танганинг ўз давридаги хукмдори тасвири келтирилган бўлса, Чоч тангаларидаги бу белги, бир неча асрлар давомида ўзгармаган.

Бу 1-минг йилликнинг биринчи ёки иккинчи ярмининг бошланишидан далолат беради. Чоч, олдинги ўрта асрлардан фарқли ўлароқ, ягона давлат бўлиб, Тошкент воҳасининг катта қисмини ўз ичига қамраб олган ва унинг хукмдорлари бу даврда, бир сулолага мансуб қариндош-

лар бўлишган. Тангалардаги маълумотлар ва Хитой тарихчиларининг қўлёзма манбаларидаги далилларга қараб, эҳтимол, бу сулола қанғалардан келиб чиққан дейиш мумкиндир.

Чоч тангаларида мавжуд ҳукмдорлик белгиси, канғаликлар тамғаси эканлигини билдириб, у умумий ўхшашлик юзасидан фақат қуйи қисмидагина фарқ қилади ва Кушон ҳукмдорларининг тамғаларидан сезиларли даражада ажралиб туради.

IV асрнинг иккинчи ярмидан бошлаб, Чоч Буюк Турк ҳоқонлиги таркибига кирди ва V асрнинг иккинчи ярми – VI асрнинг биринчи ярмигача қадимий кўринишга эга, бироқ сифати ўта ёмон бўлган бир турдаги бронза тангаларнинг зарб қилиниши, унинг мустақил давлат сифатида қолганлигига далолат қилади. Чоч Эфталитларнинг ҳимоясида бўлганлиги эҳтимолдан йироқ эмас.

VII–VIII асрларда Чоч кўпгина шаҳар ва қишлоқларида ривожланган қишлоқ хўжалиги, ҳунармандчилик ва товар-пул муносабатлари билан иқтисодий жиҳатдан ривожланган минтақага айланди. Араблар босқинига қадар Чоч ўзининг барча ҳудудларида, иқтисод ва маданият жиҳатидан улкан ютуқларга эришиб улгурган эди. Қалъа ва ибодатхоналар, сағаналар турли диний эътиқодларнинг мавжуд бўлганлигини исботлайди. Хитой солномалари бу ерда Дэси руҳига, оловга, Ер руҳига, Осмон худосига, осмон ва аждодларнинг руҳларига сиғинишганидан дарак беради. Беруний суғдийларнинг оловга сиғинганларини, айниқса, ўликларга сиғиниш кенг тарқалганлигини ва Сиёвушнинг ўлиб қайта тирилган ўсимлик худоси эканини айтган.

Суғд ва Шош шаҳарларида қайд этилган мақбаранинг дафн маросимлари, давлат дини сифатида эмас, балки оловга сиғинган маҳаллий бутпарастларнинг эътиқодларини ўз ичига олган зардуштийликнинг тарқалиши ҳақида гапиришимизга имкон беради.

CHACH

E.V. Rtveladze, A.I. Torgoev

Chach (Arabic: Shash) is a historical and cultural area located on the right-bank Syr Darya, in the river basins of Chirchik and Ahangaran in the present-day Tashkent region.

The earliest mention of the name of Chach is dated to 262 AD, in the toponym for the Chach mountains, mentioned, along with other regions of Central Asia, in the inscription of King Shapur I (241–272) on the Ka'ba-ye Zartosht (the Kaaba of Zoroaster). It is possible that "Chach" is a short form of a longer name - Chachan or Chachani. In this form, we can find it on coins dated to the middle of the third century AD. The inscription on them runs: "Vanvan or Vanun, the ruler of the Chach people (or community)."

A silver dish from the village of Kerchevo (West Siberia) with a Sogdian inscription dated to the 4th century is evidence that it belonged to the ruler of the communities or people of Chach. The name of Chach is also found on another silver dish, apparently of the same period, found in a burial near the China-Vietnam border.

The name of Chach is used widely on bronze coins minted in this region in the sixth - early eighth centuries AD. It is also given in the famous letter of the ambassador Fatufarn of the Sogdian ruler Devashtich. Since the late 8th century, the name of Chach disappeared.

In the Arabic written sources, this name is spelt Shash, because in the Arabic alphabet there is no letter for the sound "ch" replaced by "sh", just like the name "Chaganian"? a region in the Surkhandarya Valley, the Arabs spelt "Saganian."

In ancient Chinese sources this area called Yuni, and later (the fifth - sixth centuries CE) - Shi. The old form of the name Chach, Arabized as Shash, has been preserved in the word Tashkent.

People began to settle in ancient Chach during the Stone Age. The stone mines in Kulbulak, sites on the bank of Bozsu and Karakamysh, are dated to the Lower and Upper Paleolithic.

In the second millennium BC, the area was populated by the Andronovo steppe tribes, which gradually shifted to agriculture.

The earliest archaeological objects originating in the Chach region, kept in the State Hermitage, date back to the period of development of the Burguliuk culture of the 9th–7th centuries BC.

Sites of this culture are mainly remains of unfortified sites with semi-dugout houses. The main occupation of the Burguliuk tribes was agriculture, cattle breeding and weaving; in the ceramic complex the hand-made earthenware was dominant.

Antiquities of the Bourguliuk culture were purposefully studied by Uzbekistan archaeologists, mainly H. Duke.

One of the sites of the Burguliuk culture, Shashtepa, emerges in the spot where Tashkent is now. Apparently, one of the numerous Saka tribes lived in this place in this period. The tribes of the Sarmat origin who moved from the lowlands of the Syr Darya in the Aral Sea region put an end to the Burguliuk culture around third century BC. These tribes brought to the Tashkent oasis urban cultural traditions and the skills of building of adobe bricks and pakhsa. In this period, the first towns appeared in the area, in particular on the site of the Kanka and Shashtepa sites.

The extensive development of the Tashkent oasis in ancient times is known and according to the sources (Herodotus – the 6th century BC, Behistun inscription of Darius I – the 6th century BC), called its population the Sakas who are behind Sogd, "Trans-Jaxartes Sakas" and "Sakas, making haoma", in the Avesta they are called the inhabitants of the legendary country of Turan – Tur-warriors.It is possible that the sacred Kankha (Kangdiz) of the Avesta was located in this place what is proved by the name of the Kanka site near Akkurgan.

In the first centuries BC – the first centuries AD Chach was included on the rights of a separate possession – Yuni in the huge confederative state of Kangyu, the borders of which stretched from the Talas River to the sands of Khorezm. As a result of assimilation by the local population of nomads, the distinctive Kaunchi culture was formed. Its sites are distributed throughout the Tashkent oasis and in general along the Middle Syr Darya. The culture was named after the site where its specific features were first established – the site of Kaunchi-tepa in Yangiyul. A discoverer of the culture in the 1930s was a native of Uzbekistan G.V. Grigoryev, also known for his excavations of the Sogdian sites of Tali-Barzu and Kafirkala in the vicinity of Samarkand.

From the third to the beginning of the fourth centuries AD, Chach (or Shi in Chinese sources) became an independent unit.

Due to the study on the ancient and early medieval coins of Chach, we have obtained important information about coin minting in this area, about how the Sogdian script and language arrived there, the nature and particular features.

The most ancient coins of Chach are large in size and made of copper. Their obverse side has the depicted ruler's bust with a peculiar hairdo of hair falling to his shoulders in separate strands, and with a sloping forehead, a large nose, a long, thin mustache and large almond-shaped eyes. The reverse has a tamga typical in Chach, framed by a phrase in Sogdian. The study of a large number of these coins is the evidence of their dating back to the Kangju, as well as that there were highly developed trade relations in this area, intense market trade and the appearance of Sogdian script.

Chach situated along one of the main routes of the Silk Road, undoubtedly had to experience the great influence of the Sogdians, who by that time had started moving to Serindia (Eastern Turkestan) through this region, after the campaigns of Alexander the Great.

This process was further accelerated in the first half of the first millennium AD, as various evidence shows, in particular the "Ancient Letters", dated to the second century or early fourth century AD. The script on them is similar to that on coins from the ancient Chach. If the dating of these coins is confirmed to be earlier than the third to the fourth century AD, it will be possible to suggest that the Sogdian script and language were used in Chach as early as in the beginning of the first millennium AD. In any case, the fact that the earliest copies of these coins contain advanced cursive script may indicate that before it appeared on coins, the Sogdian script had already existed for a long time in Chach.

It is possible to get interesting data from these coins for the dynastic history of Chach in the early 1st millennium AD.

In particular, one and the same dynastic symbol is engraved on Chach coins as on those of Khorezm. But if on Khorezmian coins and, for example, the Kushanian coins it varies in detail and was probably individual for each ruler, on the coins of Chach this symbol remains unchanged for several centuries. This is evidence that from the first half to the beginning of the second half of the first millennium, Chach, unlike during the early Middle Ages, was a single dominion, covering probably the major part of the Tashkent oasis, and its rulers throughout all this time considered themselves members of the same dynasty. This dynasty, most likely, was of Kangju origin, which can be derived from the data on coins and Chinese written sources.

The dynastic symbol on the Chach coins is one of the Kangju tamgas, which, despite their general similarity, vary in their lower part and are significantly different from the tamgas of the Kushan rulers.

In the late 5th – early 6th centuries Chach remained independent (however, possiblely, under the auspices of the Ephthalites), as evidenced by the continued minting of bronze coins of the same type according to an ancient pattern, but of much worse quality. In the begging of the second half of the 6th century Chach became a part of the Great Turkic Kaganate.

In the seventh – early eighth centuries AD, Chach was probably a confederation of small dominions under the auspices of the Turkic rulers who bore the titles tudun and tegin.

Judging by the written sources, the names of the rulers of ancient Chach origin were similar to both Sogdian and Turkic names at that time.

In the seventh to the eighth centuries AD, Chach was an economically developed region with numerous towns and villages, advanced agriculture, crafts and commodity-money relations.

Castles, temples, necropolises are evidence of various religious beliefs. According to the Chinese chronicles, they worshiped the spirit of Deshi, fire, earthly spirit, heavenly deity, the spirit of heaven, and ancestors.

The ossuary burial rite observed in Sogd and Shash allows us to speak of the spread of Zoroastrianism, which did not become, however, the state religion, but assimilated local pagan cults and the cult of fire.

ЧАЧ

Э.В. Ртвеладзе, А.И. Торгоев

Чач (араб. – Шаш) – историко-культурная область, располагавшаяся на правобережье Сырдарьи, в бассейнах рек Чирчик и Ахангаран, на территории современной Ташкентской области.

Наиболее раннее упоминание названия Чач относится к 262 г. н.э. Это горы Чача, которые, наряду с другими областями Средней Азии, упоминаются в надписи царя Шапура I (241–272) на Каабе Зороастра. Чач – это, возможно, усеченная форма от более полного названия – Чачан или Чачани. В такой форме это название приведено на монетах, начало выпуска которых датируется серединой III в. н.э. Надпись на них гласит: «Чачского народа (или общины) правитель Ванван (Ванун)».

К IV в. н.э. относится серебряное блюдо из села Керчево (Западная Сибирь) с согдийской надписью, свидетельствующей о принадлежности его владельцу общин или народа Чача. Название Чач имеется и на другом серебряном блюде, по-видимому, того же времени, найденном в погребении вблизи границы Китая с Вьетнамом.

Название Чач широко употребляется на бронзовых монетах, чеканенных в этой области в VI – первой половине VIII вв. Оно приведено и в знаменитом письме посла согдийского правителя Деваштича Фатуфарна. Со второй половины VIII в. наименование Чач исчезает.

В арабских письменных источниках это название передавалось в форме Шаш, ввиду того, что в арабском алфавите отсутствует буква для передачи звука «Ч», замененная на «Ш», подобно тому, как название «Чаганиан» – области в долине Сурхандарьи, арабы передавали в форме «Саганиан».

В древних китайских источниках эта область называлась Юни, в более поздних (V–VI вв. н.э.) – Ши. Древняя форма названия Чач, арабизированное – Шаш, сохранилась до сих пор в форме – Ташкент.

Освоение человеком территории древнего Чача началось в эпоху камня. Периодом нижнего и верхнего палеолита датируются стоянки древ-

него человека на берегах Бозсу и Каракамыша и кремнедобывающие шахты в Кульбулаке.

Во II тыс. до н.э. эта область была заселена племенами степного, т.н. андроновского типа, постепенно перешедшими здесь к земледелию.

Самые ранние археологические объекты, происходящие из области Чач, которые хранятся в Государственном Эрмитаже, относятся к периоду развития бургулюкской культуры IX–VII вв. до н.э.

Памятники этой культуры представлены главным образом остатками неукрепленных поселений с полуземляночными жилищами. Основным занятием бургулюкских племен было земледелие, скотоводство, ткачество; в керамическом комплексе главенствует лепная посуда.

Древности бургулюкской культуры целенаправленно изучались узбекистанскими археологами, главным образом, Х. Дуке.

Одно из поселений бургулюкской культуры – Шаштепа, располагалось непосредственно на месте современного Ташкента. Конец бургулюкской культуре в III в. до н. э. положили племена сако-сарматского круга, продвинувшиеся сюда из низовьев Сырдарьи и Приаралья. Они принесли в Ташкентский оазис традиции городской культуры, навыки строительства домов из сырцового кирпича и пахсы. В это время здесь возникают первые города, в частности, на месте городищ Канка и Шаштепа.

О широком освоении Ташкентского оазиса кочевыми племенами в древности известно и по сведениям письменных источников (Геродот – VI в. до н.э., Бехистунская надпись Дария I – VI в. до н.э.), называвших его население «саки, которые за Согдом», «заяксартские (засырдарьинские) саки» и «саки, варящие хаому»; в «Авесте» их называют обитателями легендарной страны Туран – воинами-турами. Не исключено, что именно здесь находилась священная Канха (Кангдиз) Авесты Кангдиз, что находит свое подтверждение в названии городища Канки вблизи Аккургана.

В первые века до н.э. – первые века н.э. Чач входит на правах отдельного владения – Юни, в состав огромного конфедеративного государства Кангюй, границы которого простирались от р. Талас в Семиречье до песков Хорезма. В результате ассимиляции местным населением кочевников формируется своеобразная каунчинская культура. Ее памятники распространены по всему Ташкентскому оазису и вообще по Средней Сырдарье. Свое же название культура получила по памятнику, на котором впервые были установлены ее специфические черты – городищу Каунчитепа в г. Янгиюле. Первооткрывателем культуры в 30-х гг. прошлого века стал уроженец Узбекистана Г.В. Григорьев, который также известен своими раскопками согдийских поселений Тали-Барзу и Кафыр-кала в округе Самарканда.

В III – начале IV вв. н.э. Чач (или Ши, согласно китайским источникам) превращается в самостоятельное владение.

Благодаря исследованиям древних и раннесредневековых монет Чача получены важные сведения о начале монетной чеканки в этой области, о проникновении сюда согдийской письменности и языка, характере и особенностях династийной власти в Чаче и ее связи с Кангюйским домом.

Наиболее древние монеты Чача представлены медным чеканом довольно крупных по размерам монет. На лицевой их стороне изображен бюст правителя со своеобразной прической волос, ниспадающих отдельными прядями, и с покатым лбом, выступающим крупным носом, тонкими длинными усами и большими миндалевидными глазами. На оборотной стороне помещена весьма характерная для Чача тамга в окружении согдийской надписи. Изучение большого количества этих монет свидетельствует об их принадлежности к кангюйскому периоду, о весьма развитых денежных отношениях в этой области, об интенсивной рыночной торговле и появлении согдийской письменности в этом владении.

Чач, находившийся на одной из главных трасс Великого шелкового пути, несомненно, должен был испытать большое влияние согдийцев, которые уже, вероятно, после походов Александра Македонского стали переселяться в Серидию (Восточный Туркестан) через эту область.

Данный процесс еще больше ускорился в первой половине I тыс. н.э., о чем свидетельствуют многие сведения, и в особенности «Старые письма», которые традиционно датируются началом IV в. н.э. Дукт их письма в некоторой степени близок к таковому же на древнечачских монетах. Если подтвердится более ранняя, чем III–IV вв., датировка этих монет, то можно будет говорить о распространении в Чаче согдийской письменности и языка уже в начале I тыс. н.э. Во всяком случае, на наиболее ранних экземплярах этих монет наличествует развитой курсив, – возможно, свидетельство того, что до появления его на монетах согдийская письменность в Чаче прошла длительный путь развития.

Интересные данные можно почерпнуть из этих монет для династической истории Чача первой половины I тыс. н.э. В частности, так же, как на монетах Хорезма, на монетах Чача проставлен один и тот же династический знак. Но если на монетах Хорезма и, к примеру, Кушан, он при общем сходстве варьирует в деталях, т.е. для каждого, вероятно, правителя он был индивидуальным, то на монетах Чача этот знак остается неизменным на протяжении нескольких веков. Это свидетельство того, что в первой половине – начале второй половины I тыс. Чач, в отличие от раннего средневековья, был единым владением, охватывающим, видимо, большую часть Ташкентского оазиса, а его правители все это время осоз-

навали свою принадлежность к одной династии и к одному роду. Эта династия, вероятнее всего, была кангюйского происхождения, что можно вывести из монетных данных и свидетельств китайских письменных источников. Династический знак, присутствующий на монетах Чача, относится к числу кангюйских тамг, которые при общем сходстве варьируют в нижней своей части и значительно отличаются от тамг Кушанских правителей.

Во второй половине V – первой половине VI вв. н. э. Чач остается самостоятельным владением (однако, не исключено, что под эгидой эфталитов), о чем свидетельствует продолжавшийся здесь чекан бронзовых однотипных монет по древнему образцу, но значительно худшего качества. В начале второй половины VI в. н. э. Чач вошел в состав Великого Тюркского каганата.

В VII – первой половине VIII вв. н.э. Чач представлял собой, вероятно, конфедерацию небольших владений, находившихся под эгидой тюркских правителей, носивших титулы «тудун» и «тегин».

Судя по письменным источникам, имена правителей древнечачского происхождения в это время были близки как согдийским, так и тюркским именам.

В VII–VIII вв. Чач являл собой экономически развитую область с множеством городов и селений, развитыми сельским хозяйством и ремеслами, товарно-денежными отношениями.

Замки-храмы, некрополи свидетельствуют о наличии различных религиозных верований. Там, как сообщают китайские хроники, поклонялись духу Дэси, огню, земному духу, небесному божеству, духу неба, предкам.

Оссуарный погребальный обряд, отмеченный в Согде и Шаше, позволяет говорить о распространении зороастризма, не ставшего, однако, государственной религией, но включившего в себя местные языческие культы, которые уживались с культом огня.

ТОШКЕНТ ВОҲАСИ ОСОРИ АТИҚАЛАРИ

А.И. Торгоев

Тошкент вилоятининг Ангрен яқинидаги Боқсун қишлоғи яқинидан тасодифан бронза болта (СА-12207) топилган бўлиб, бу Давлат Эрмитажида сақланаётган ва Бурғулуқ маданиятига алоқаси бўлиши мумкин бўлган ягона топилма ҳисобланади. Қулоқчали бу болта Е.Е. Кузьминанинг фикрича, IV б турига оиддир. Унинг трапеция шаклидаги қисми тиғ соҳасининг каттароқ бўлишини таъминлайди. Ушбу турдаги болталар илк сак даврига тегишли бўлиб, энг муҳими, уни сакларга оид бошқа асбоблар билан бирга Жорқинбоева қишлоғи яқинидан, (Ставская ва бошқалар, 2013, 11 б.) Иссиққўл тубидан топишган. Қуйи Сирдарёнинг Уйғуроқдаги 33-мозордан топилган сўнгги турдаги болталарнинг кўпчилиги икки томонининг шакли ва ҳажмлари билан фарқ қилган. (Вишневская, 1973. жадв. IX, 20). Бошқа далиллар билан солиштирганда уни эрамиздан аввалги VII–VI асрларга тегишли деб белгилаш мумкин.

Эҳтимол, бу болта Тяньшан ўчоғининг Еттисув марказидаги илк сак қабилаларига оид металлга ишлов берилган маҳсулоти бўлгандир? Бурғулуқ маданиятида эса бу болта ягона бўлиб, бу ерга бошқа жойдан келтирилганлигининг эҳтимоли катта.

Шу билан бирга 1943–1944 йилларда Сирдарёда Фарҳод ГЭСининг қурилиши даврида СССР Фанлар академияси Тарих институти ҳамда В.Ф. Гайдукевич раҳбарлигидаги Эрмитаж экспедициялари томонидан Бекободдаги Мунчоқтепа шаҳарчасидан қазиб олинган ёдгорликлар ва унинг атрофидаги қабристонларни қазиш натижасида қўлга киритилган топилмалар ҳозирда Эрмитажнинг мажмуасида мавжуд.

Мунчоқтепа қароргоҳи, эрамиздан аввалги охирги асрларда юзага келган жуда кўп қатламли маскан бўлган. (СА-7779, СА-8634, СА-12633, СА-12634). Мунчоқтепадан олинган ашёвий далиллар мажмуи, унинг географик жойлашувида, муҳим аҳамият касб этади. Чунки у тарихий ва географик жиҳатдан қадимги Чоч ва Фарғона чегараларида жойлашгандир. Кўриниб турибдики, Мунчоқтепа мавжудлигида Сирдарё орқа-

ли ўтиш жойида божхона қалъаси ҳисобланган бўлиши мумкин. Жуда яхши ўрганилган Ширинсой мақбараси эрамиздан аввалги I аср – эрамизнинг III асрларида шаҳар яқинидаги аҳоли яшаш жойидаги қабристон бўлган.

Аҳоли яшаш жойининг шарқий томонида IV–V асрлар ва илк ўрта асрларда марҳумлар дафн қилинган (афсуски, бу ҳудуд ГЭС қурилиши даврида қаттиқ шикастланган) яна бир қабристонни кўриш мумкин. Бу ерда бир ёки бир неча қабристонлар топилган бўлиб, ноёб топилмалар ичида халқларнинг буюк кўчишларига оид тилладан ясалган заргарлик буюмлари ҳам бор эди.

Илк ўрта асрларда, Мунчоқтепа ўрнашган ҳудуд Уструшона давлатининг алоҳида қисми бўлган. Бу йирик маскан мўғуллар истилосига қадар мавжуд эди. Тўғри тўртбурчакли тош қутича (СА-12664) Мунчоқтепада одамлар яшаган илк даврларга тегишли бўлса керак. Унинг қопқоғи қирралари бўйлаб уч хил рангдаги учбурчак тошлар билан безатилган. Яшил рангли қўшимчалар фақат бурчаклардагина ифодаланган, қолган қисмига эса алмашиб келувчи қизил ва оқ учбурчаклар танланган. Ўзига жалб қилиши учун махсус туйнуклар очилган бўлиб, улардан бир томонининг охиргиси очилмай қолган. Ишланмаган қисмининг ўртасида қутичанинг деворидаги тешикка мос тушадиган туйнук олдинроқ очиб қўйилган. Шубҳасиз, бу тешикларга бирма-бир ошиқ ёки узукка ўхшаш нарсалар киритилган, оқибатда қопқоқ осонгина ёпилган ва йўқолиб кетмаган. Деворларнинг бирида бешта тешик кўринишида таъмир излари мавжуд бўлиб, уларга деворнинг бузилган ўринларини ушлаб турувчи қистиргичлар ўрнатилган. Қопқоқнинг энг устки қисмида чизиқлар мавжуд бўлиб, улар буюмнинг таъмир излари сингари узоқ вақт ишлатилганлигидан дарак беради. Тўғри тўртбурчак шаклидаги тош қутича Бақтрияда яратилган. Тақдим этилган мавзуга алоқадор тўлиқ ўхшашликлар Тахти Сангин қатлами (Дружинина, 2004. Расм 9.) ва Душанбе шаҳридаги эллинистик қатламларидан (ўша манба, 103 б.), шунингдек Ой-Хонимдан топилган. Охирги изланишларда кўп сонли юмалоқ шаклидаги турли рангдаги учбурчаклар билан безатилган тош қутичалар топилган бўлиб, улар орасида тўғри тўртбурчакли қутича буюмлар ҳам аниқланган (Franckfor, 1984). Ой-Хонимдан топилган ёдгорликларнинг солнома жиҳатдан таркиби ўрганилганида, тош қутича эрамиздан аввалги III–II асрларда Мунчоқтепада яратилганлиги аниқланди.

Муҳими, ушбу қутича билан бирга топилган зирак қуйиш учун қуюв қолипининг келиб чиқиши уларнинг ишлаб чиқариш жойидан жуда узоқда бўлган Ўрта Сирдарёдан – Чоч ва Фарғона чегараси оралиғидадир.

Чунки қутичанинг аниқ тарихи, унга яхшигина алоқадор бўлган қолипнинг санаси Мунчоқтепа майдонини шакллантириш, вақт оралиғини асослаш учун солнома кўрсаткичлар сифатида ёрдам беради.

Афсуски, ушбу қатламдан топилган кулолчилик буюмлари ва бошқа нарсалар номаълумлигича қолди. Умуман олганда, Чоч ва Фарғонада ҳали ҳам бир қанча эътиборга лойиқ ёдгорликлар қолган бўлиб, ундаги ашёвий далиллар эрамиздан аввалги II–I асрларга тегишли бўлган қатламларни аниқлашда ёрдам беради.

Бақтрияга тегишли тош қутичанинг ишлаб чиқарилган жойидан анча узоқроқдан топилиши Эллин дунёси марказидан узоқда бўлган Чоч ва Фарғона ҳам унинг таъсирида бўлганини кўрсатади.

Зиракларнинг одатда тошлар қўйиладиган айлана ўзагини ҳосил қилишда сланец тошидан ясалган қолип (СА-12663) кўзасимон қопқоғи билан бирга қуйилган. Халқанинг пармаланган ташқи қисмида қум зарраларидай келадиган олтин доначаларини жойлаштириш учун кичкина тешикчалар ҳосил қилинган. Қопқоғи кўзасимон, илмоқли ва найсимон қобиқли бўлган. Ўзак айланасининг марказида бир-бирига уланган қопқоқларнинг очилиб ёпилишини таъминлайдиган ошиқ ўрнатилган. Зирак қуйилганидан сўнг унга даста ўрнатилган ва дастага ҳам доначалар билан безак берилган.

Бундай кўринишдаги зираклар жуда камёб, Ўрта Осиё ёдгорликларида эса деярли учрамайди. Шунга ўхшаш ясалган зираклар, мутахассисларнинг фикрича, Қримдаги Ноғайчи қўрғонида топилган бўлиб, эрамиздан аввалги II–I асрларга оиддир. (Симоненко, 2011, 94–96 бб. 57, 1, 2 расмлар).

Уларни Шарқий Ўрта денгиз мамлакатларида тайёрлашгани тахмин қилинади (ўша ерда, 96 б.). Мунчоқтепада бироз осонроқ ясаладиган заргарлик буюмлари ишлаб чиқарилган. Улар эрамиздан аввалги II–I асрларда эллинизм мавжуд бўлган Шарқ мамлакатларида Рим империясидаги машҳур шакллардан намуна олиб ясалган. Шунга қарамай, асосий ўзагининг қолипи айнан Мунчоқтепанинг илк маҳаллий аҳолиси томонидан ўйлаб топилган. Бу ёдгорлик Чоч ва Фарғонада эрамизнинг илк асрларида заргарлик мавжуд бўлгани ҳақида гувоҳлик берадиган ишончли ва айни пайтда ягона далил ҳисобланади.

Инсон танаси олтин зирак билан дафн этилган қабрлар (СА-8245) Мунчоқтепанинг шарқида ва Ширинсой қабристонида жойлашган. Ширинсой қабристони Мунчоқтепа харобалари ўрнида тикланган манзилгоҳдаги мозорларга ўхшаб кетади.

Бўйинга тақиладиган ковак безак овал шаклда бўлган ва найчаларининг учлари пирамидасимон доначалар билан безатилган. Тақинчоқнинг икки томонига мустаҳкам қилиб қулоқчалар ўрнатилган. Исирғани

мустаҳкамлаш учун қилинган қулоқчалари узиб олинган. Кўз қўйиладиган қисми буюмнинг шаклини такрорлайди ва у букма пластинкадан ясалган ва атрофига ялтироқ доначалар териб чиқилган. Кўз қўйиладиган қисми ичига ингичка овал шаклидаги, симлар кесишувидан иборат бўлак кавшарланган бўлиб, эҳтимол, исирғанинг ана шу қисми марказий катта тошни ушлаб тургандир. У ва катта марказий тош ўртасидаги бўшлиқ эса бошқа майда тошлар билан тўлдирилган бўлиши, унга юмалоқ ялтироқ доначалар ёки сир қўйилган бўлиши мумкин.

Ушбу безак тури аксарият ҳолларда лаҳадга кўмиш билан боғлиқ махсус ёдгорликлар гуруҳига хосдир. Бу инвентарда сўнгги Рим даври анъаналарининг таъсири заргарлик буюмлари, қурол-аслаҳа, чарм ва шиша идиш топилмаларида аниқ сезилиб туради.

Мунчоқтепадан топилган «нурли» зирак усулидаги жанубий рус даштларидаги хунлар даврига оид ранг-баранг одатий тақинчоқларни эслатади (маълумот: Засецкая, 1994. 11-расм). Бунга ўхшаш тақинчоқлар қаторига Шарқий Европанинг хун ёдгорликлари билан бир қаторда Олой (Туюқ; ўша ерда. 11, 12-расмлар), Кетмонтепа ёдгорликлари (ўша ерда. 11, 9-расмлар), шунингдек, Қирғизистондаги Чуй водийсидан топилган тасодифий топилмалар (Arts from the land of Timur, 2012. Кат. 5, 9) ва Қозоғистондаги қадимий Актас қабристонидан (Акишев, Свиридов, 2011. 2, 7-расмлар) топилган ёдгорликларни ҳам қўшиш мумкин. Тузилишига кўра ушбу безак Олтойдаги Тугозвонов қадимий қабристонидан топилган тақинчоққа жуда ўхшаб кетади (Уманский, 1978. 23-расм). Умуман олганда, Сирдарё ҳавзаларида бундай безакларнинг пайдо бўлиши бевосита IV асрнинг 2-ярмида Шарқий Европадан кўчиб келган кўчманчилар билан боғлиқдир. Улар хунлар иттифоқидан ажралиб чиққан хионийлар (хонийлар) қабиласи бўлиши мумкин. Эҳтимол, Қовунчи ва Ўтрор-Қоратов маданияти заволи бўлган ёнғин бу босқин билан боғлиқдир. Бу қабила ёдгорликлари маълум даражадагина танилган, холос. Чекка ўлкалар учун эса ўша даврдаги Ўрта Осиё тарихи келиб чиқиш жараёнларини тушуниш муҳим.

Илк ўрта асрларга оид осори атиқалар сирасига Чорвоқ сув омборидан унча узоқ бўлмаган Хумсон тоғли қишлоқларининг биридан топилган бронза каллакни киритиш мумкин. (кат. № СА-3188). Унинг юқори қисми боласини эмизаётган жонзот кўринишида бўлган. Ашёларнинг турини аниқлаш қийин. Кенг тумшуқ, гардандан бошланиб бутун тана бўйлаб чўзилган тароқтишлар, бақувват панжалар вазминлик ва турғунликни ўзида акс эттиради.

Композициянинг юқори қисмида рақсга тушаётган тўрт киши акс эттирилган. Хол-хол безакли кенг шалвар (ёки юбка) ҳамда бошига четлари

сайқалланган қалпоқ ёки тожсимон бош кийими кийиб олган бу одамчалар турли ҳолатларда тасвирланган.

Бу қалпоқлар М.И. Артаманов томонидан сакларнинг Еттисув бронза ашёлари гуруҳи таркибига киритилган (Артамонов, 1973 й.). Қурбонликка мўлжалланган чуқур ва устундан иборат ашёлар, ҳайвонларни қурбон қилиш учун мўлжалланган пичоқлар гуруҳи Еттисув ҳудудида ичида оз қийматига эга бўлса ҳам, ундан ташқарида унчалик кўзга кўринмайди. Қалпоқлар сакларнинг Еттисув бронза буюмларидан қандай фарқ қилса, скиф-сак ёдгорликларидан шундай фарқ қилади.

Илк ўрта асрларда Тошкент воҳасида, эҳтимол, суғдийлар таъсири остида кишиларни кўмишда остадонлардан фойдаланиш анъанаси пайдо бўлган. Эрмитажда Тошкент вилоятидан топиб келтирилган, шунингдек, Н.И. Веселовский томонидан олиб келинган бир қанча остадонлар сақланади. Улардан бири 1886 йилда Ниёзбоши бекати ёнидан топилган бўлиб (№ СА-13709), альбомда кўрсатилган. Чуқур, қабариқ ва ярим шар шаклига эга, қора бўёқ билан бўялган, юза қисмига эса қалин қизил ангоб ишлатилган бу остадон ҳам музей топилма тўпламлари орасида кўрсатиб ўтилган. Унинг нақшлари икки параллел чизиқдан ташкил топган бўлиб, гирди бир-бирига муқобил бўялган ва бўялмаган тўртбурчак тўпбарггул билан тўлдирилган. Парзоқгул гулбарглари диагонал жойлаштирилган, уларнинг кесишган жойида эса юмалоқ тешик қилинган. Пастки чизиқдан узун учбурчак жуфтлари параллел йўлаклар билан ажралиб турадиган бўртма нақшлар билан пастга тушган.

Шундай безалган овалсимон остадонлар Чоч давлати учун хос ҳисобланади (Ўрта Осиё илк ўрта асрларда, 1999, 92 б. 43-жад). Тошкент воҳасидан ташқари улар Еттисувда ҳам учрайди ва у ерда ҳам суғдлар Чоч ҳудуди орқали таъсир ўтказганлар.

ANTIQUITIES OF THE TASHKENT OASIS

A.I. Torgoev

The only find kept in the State Hermitage, which can be associated with the area of the Burguliuk culture, is the bronze celt (CA-12207), found in the village of Baksun on the Angren River. The celt with eye is attributed to the type IVb according to E.E. Kuzmina. The working part of the trapezoidal shape widens to the edge of the blade. The bushing almost square in section has trapezoid contours widening to the orifice, i.e., the tool has deflected sides. The celts of this type are characteristic of the early Saka time, and they were found most of all at the bottom of Issyk-Kul Lake near Zharkymbaevo village (Stavskaya et al., 2013, s. 11) together with other products of the early Saka time. Probably, the most recent in the group of celts of this type, somewhat different in size and shape of the sides, is the celt from the burial mound No. 33 of the Uygarak burial ground in the Lower Syr Darya (Vishnevskaya, 1973. Table IX, 20), which, by a combination of other artifacts from this barrow, can be dated to the 7th–6th centuries BC.

Most likely, this celt is the product of the Tien Shan focus of metalworking of the early Saka time, which center was in the Semirechie.

The materilas from excavations at the materials from the excavation site of the Munchaktepa site near Bekabad and surrounding burials were in 1943–1944 by the expedition of the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR and the State Hermitage under the direction of V.F. Gaidukevich during the construction of the Farhad hydropower station on the Syr Darya River were dated to later period (the first centuries AD).

The complex of artifacts from Munchaktepa (CA-7779, CA-8634, CA-12633, CA-12634) is extremely important for its geographical position, as it is located on the historical border of Fergana and Chach. In the culture of the inhabitants of the site, the features characteristic of the Kaunchi culture of the Tashkent oasis and of the Kugay-Karabulak

culture of Fergana were reflected. This specificity was preserved later on. Apparently, Munchaktepa practically throughout its existence was a customs fortress at the crossing over the Syr Darya. Near the site there was considerably explored Shirin-Say burial ground, which was a cemetery of the population of the first century BC – third century AD.

To the east of the site was, apparently, another necropolis, unfortunately, badly damaged during the construction of the hydroelectric power station, with burials dated to the 4th–5th centuries and in the early Middle Ages. One or several burials were discovered together with golden polychromatic adornments of the Migration Period.

In the early Middle Ages, the territory on which Munchaktepa was located became a part of a separate state – Ustrushana. The site got developed even later – until the Mongol invasion. The rectangular steatite pyx (CA-12664) is obviously dated to the early stage of Munchaktepa's habitation. Its lid on the perimeter is decorated with inlays of colored triangular shapes of three colors. Green-colored inserts were only in the corners, the rest of the pattern was composed of alternating red and white triangles. For the inlay, the grooves were specially cut, the ends of which were open in the middle of one side. In the middle of the unclosed area, a hole was originally drilled, which corresponds to the hole in the wall of the pyx itself. Obviously, something like a hinge or a ring was inserted into these holes, which made the lid easily turning back and not missing. On one of the walls there were traces of repair in the form of five holes, into which clamps fixing the wall broken piece. On the surface of the cover there are scratches, which, like traces of repair, indicate the continued use of the product. The rectangular stone pyxides shape were made in Bactria. Complete analogies to the presented object were found in the layers of Takhti-Sangin (Druzhinina, 2004. Figure 9), in the Hellenistic layers of the Dushanbe site (Ibid., p. 103), and also at Ay-Khanum. In the latter, a large number of round shaped pyxides were found, decorated with inlaid multicolored triangles, but rectangular products are also known (Franckfor, 1984). The finds on the Ay-Khanum site are made in chronologically defined complexes and date the Munchaktepa pyx to the 3rd–2nd. BC. It is important that the pyxides and the mold for casting earrings originate from the Middle Syr Darya – the border area between Chach and Fergana, very far from the place of production. Rather accurate dating of the pyx, as well as the dating of the casting mold is chronological indicators to prove the time interval for the formation of the Munchaktepa site. Unfortunately, ceramics and other artifacts found in this layer remained unknown.

In general, both in Chach and Fergana there are still few sites, which layers of the second – first centuries BC could be distinguished with a high degree of evidence. The mere fact of finding the Bactrian pyx so far from the place of manufacture is an indisputable evidence that even these influences reached Chach and Fergana far from the center of the Hellenistic world.

The slate fold of the mold for casting two earrings (CA-12663), which should consist of a ring base, which was actually a caste for some (probably a stone) insert, and cast along with it amphora-shaped pendant. On the outer edge of the ring, small grooves are made for the imitation of grains by the main drill. The pendants are amphora-shaped, with a cannulated body and volute-like handles. The leaflets of the forms were joined together by means of aligned through holes, located in the center of the base rings. After casting, the earrings were finished: they obviously had a brace on it and, probably, additional pendants; the insert was fixed in the cast.

Earrings of this type are quite rare, and in the sites of Central Asia are unknown. Close-fitting earrings were found in the Nogaychi burial mound in the Crimea, which specialists dated to the 2nd–1st centuries BC (Simonenko, 2011, p. 94–96, Figures 57, 1, 2). It is believed that they were manufactured in the Eastern Mediterranean (ibid., p. 96). The casts from the Munchaktepa were intended for the production of somewhat less complex products, but structurally similar. We can assume that they were made somewhere in the Hellenistic East in the 2nd–1st centuries. BC. according to the patterns that were popular in the Roman Empire. The casts are clearly imported, but the earliest inhabitants of Munchaktepa were undoubtedly engaged in the very casting of earrings with their subsequent refinement.

The burial with the golden temple pendant (CA-8245) was located to the east of the Munchaktepa site and the Shirin-Sai burial ground. The latter, reliably correlates with the cemetery of the inhabitants of the site, which appeared on the ruins of the Munchaktepa site.

The temple pendant is oval, thin corrugated tubules are welded along its ledge ended with granulation pyramids. The eyes for fixing the pendant are torn out. The casting insert following the shape of the article is made of a curved plate and surrounded by one row of granulation. Inside the caste, a thin oval-shaped hoop is soldered from a rectangular wire. Perhaps, exactly it fixed the central and the space between it and the edges of the large insert could be filled with other insets, rows of granulation or, less likely, with enamel.

This type of decoration is characteristic for a special group of sites with burials in undercut. Their set was influnced by the late Roman traditions in jewelry, armory and belts; glassware is frequently unearthed.

The radial temple pendant from Munchaktepa is attributed to typical ornaments of the polychrome style of the Hunnic era in the South Russian steppes (summary: Zasetskaya, 1994. Fig. 11). The closest analogies, in addition to the Hunnish sites of Eastern Europe, originate from the sites of the Alai (Tuyuk, in ibid. Figures 11 and 12), the Ketmen-Tyube valley (ibid. Fig. 11, 9), as well as among the random finds in the Chui Valley (Art from the land of Timur, 2012. Cat. 5, 9) in Kyrgyzstan and the Aktas burial ground in Kazakhstan (Akishev, Sviridov, 2011. Fig. 2, 7). By all appearance, this temple pendant is closest to the product from the Tugozvonovsky burial in Altai (Umansky, 1978. Figure 23). Apparently, the origin of such ornaments in the Syr Darya basin is related to a wave of nomads who came from Eastern Europe in the second half of the 4th century. Quite possible, they were some of the tribes from the Hunnic Union known in the writtern sources as Chionites (Hunni). Probably, conflagrations are related to their, destroying a number site of the Kaunchi and Otrar-Karataus cultures. Any sites of these tribes are not yet known, but extremely important for understanding the processes in the history of Central Asia in that period.

A remarkable bronze top found in the Khumsan village at the Charvak reservoir might be attributed to the early medieval antiquities (Cat No. SA-3188). The upper part of the top is decorated in the form of a figurine of an animal feeding the young. Their species is difficult to identify. A wide muzzle, a long crest starting from the back of the neck and running along the entire trunk, powerful legs make them heavy and static.

Four dancing human figures are depicted under the upper compostion. The poses of the figures are different, the clothing consists of wide pants (or skirts) covered with dots; an etched headdress or a diadem was given as an engraved line.

M.I. Artamonov attributed this top to the circle of art bronze of the Sakas of Zhetysu (Artamonov, 1973). But a group of censers, sacrificial tables and cauldrons, whose legs are decorated in the form of animals, is found almost exclusively in the Semirechie and outside the range are practically unknown. The given top differs in style from both the Saka Zhetysu bronze and the Scythian-Saka type sites in general.

In the early Middle Ages, in the Tashkent oasis, apparently under the influence of the Sogdians, an ossuary rite of burial appears. In the

State Hermitage there are several ossuaries from the Tashkent region, brought by N.I. Veselovsky. One of them, found in 1886 near the station Niyazbash (No. CA-13709), is presented in the album. Ossuary of the oval type with a lid and a handle in the shape of a grossly fashioned human head, the front surface of which is divided into two parts by plaster bands, is decorated with finger impressions. A four-pettaled rosette is cut with a sharp tool on both sides. The petals of the rosettes are oriented diagonally, a rounded hole is made at point of their intersection. A triangular hole is cut through between the patals. The upper part of the ossuary is decorated with triangular teeth.

The oval ossuaries with such ornamentation are typical for Chach (Central Asia in the early Middle Ages, 1999, p. 92. Table 43). In addition to the Tashkent oasis, they are found even in Semirechie, where the Sogdian influence was mediated by the territory of Chach.

ДРЕВНОСТИ ТАШКЕНТСКОГО ОАЗИСА

А.И. Торгоев

Единственной находкой, хранящейся в Государственном Эрмитаже, которую можно связывать с ареалом бургулюкской культуры, является бронзовый кельт (СА-12207), найденный в кишлаке Баксун на р. Ангрен. Кельт с лобным ушком относится к типу IVб по Е.Е. Кузьминой. Рабочая часть трапециевидной формы, расширяется к краю лезвия. Подквадратная в сечении втулка также имеет трапециевидные очертания, расширяется к устью, то есть орудие имеет прогнутые бока. Кельты такого типа характерны для раннесакского времени и больше всего их нашли на дне озера Иссык-Куль у с. Жаркымбаево (Ставская и др., 2013, с. 11) вместе с другими изделиями раннесакского круга. Вероятно, наиболее поздним в группе кельтов этого типа, несколько отличающийся по размерам и форме боков, является кельт из кургана № 33 могильника Уйгарак на Нижней Сырдарье (Вишневская, 1973. Табл. IX, 20), который, по сочетанию других артефактов из этого кургана, может быть датирован VII–VI вв. до н.э.

Вероятнее всего, данный кельт является продуктом тяньшаньского очага металлообработки раннесакского времени, центр которого находился в Семиречье.

К более позднему времени (с первых вв. до н.э.) относятся материалы раскопок городища Мунчактепа у Бекабада и окружающих могильников, которые исследовались в 1943–1944 гг. экспедицией ИИМК АН СССР и Государственного Эрмитажа под руководством В.Ф. Гайдукевича во время строительства Фархадской ГЭС на р. Сырдарья.

Комплекс артефактов из Мунчактепа (СА-7779, СА-8634, СА-12633, СА-12634) крайне важен своим географическим положением, так как он расположен на исторической границе Ферганы и Чача. В культуре жителей поселения отразились как черты, характерные для каунчинской культуры Ташкентского оазиса, так и для кугайско-карабулакской культуры Ферганы. Эта специфика сохранялась и позднее. По-видимому, Мунчактепа практически в течение всего своего существования являлось

таможенной крепостью у переправы через Сырдарью. Рядом с городищем находился в значительной степени исследованный могильник Ширин-Сай, являвшийся кладбищем населения поселка I в. до н.э. – III в. н.э.

К востоку от городища располагался, видимо, еще один некрополь, к сожалению, сильно разрушенный при строительстве ГЭС, где захоронения совершались в IV–V вв. и в раннем средневековье. Здесь было найдено одно или несколько погребений, в инвентаре которых были золотые полихромные украшения эпохи Великого переселения народов.

В раннем средневековье территория, на которой расположено Мунчактепа, стала частью отдельного государства – Уструшана. Обживалось поселение и позже – вплоть до монгольского нашествия. Прямоугольная стеатитовая пиксида (СА-12664), очевидно, связана с ранним этапом обживания Мунчактепа. Ее крышка по периметру украшена инкрустацией из цветных камней треугольной формы трех цветов. Вставки зеленоватого цвета находились только в углах, остальной рисунок был набран из чередующихся красных и белых треугольников. Для инкрустации были специально прорезаны канавки, концы которых были разомкнуты в середине одной стороны. В середине несомкнутого участка изначально было просверлено отверстие, которое соответствует отверстию в стенке самой пиксиды. Очевидно, в эти отверстия вставлялось что-то типа шарнира или кольца, благодаря которому крышка легко откидывалась и не могла потеряться. На одной из стенок сохранились следы ремонта в виде пяти отверстий, в которые вставлялись скрепы, удерживающие отломанный кусок стенки. На самой поверхности крышки видны царапины, которые, как и следы ремонта, свидетельствуют о продолжительном использовании изделия. Каменные пиксиды прямоугольной формы изготовлялись в Бактрии.

Полные аналогии представленному предмету найдены в слоях Тахти-Сангина (Дружинина, 2004. Рис. 9), в эллинистических слоях Душанбинского городища (Там же, с. 103), а также на Ай-Хануме. В последнем было найдено большое количество пиксид круглой формы, украшенных инкрустацией из разноцветных треугольников, но известны и прямоугольные изделия (Franckfor, 1984).

Находки на городище Ай-Ханум сделаны в хронологически определенных комплексах и датируют пиксиду из Мунчактепа в рамках III–II вв. до н.э. Важно, что пиксида и найденная вместе с ней литейная форма для отливки серег происходят со Средней Сырдарьи – пограничной территории между Чачем и Ферганой, весьма далеко от места изготовления. Достаточно точная датировка пиксиды, а также хорошо соотносящаяся с ней дата литейной формы могут расцениваться как

хронологические индикаторы к обоснованию временного интервала формирования городища Мунчактепа. К сожалению, керамика и другие предметы, найденные в этом слое, остались неизвестны. В целом же, и в Чаче, и в Фергане до сих пор выявлено мало памятников, на которых с высокой степенью доказательности можно было бы выделить слои II–I вв. до н.э. Сам факт нахождения бактрийской пиксиды так далеко от места изготовления является неоспоримым свидетельством того, что даже до отдаленных от центра эллинистического мира Чача и Ферганы, доходили эти влияния.

Сланцевая створка формы для отливки двух серег (СА-12663), которые должны были состоять из кольцевой основы, являвшейся фактически кастом для какой-либо (вероятнее всего, каменной) вставки, и отливавшейся вместе с ней амфоровидной привески. По внешнему краю кольца основным сверлом сделаны мелкие углубления для имитации зерни. Привески амфоровидные, с каннелированным корпусом и волютообразными ручками. Створки форм соединялись между собой посредством совмещенных сквозных отверстий, находящихся в центре колец основы. После отливки серьги доделывались: к ним явно напаивалась дужка и, вероятно, дополнительные привески; в касте закреплялась вставка.

Серьги такого типа довольно редки, а в памятниках Средней Азии больше неизвестны. Близкие по конструкции серьги найдены в Ногайчинском кургане в Крыму, который специалисты датировали II–I вв. до н.э. (Симоненко, 2011, сс. 94–96. Рис. 57, 1, 2). Считают, что их изготовляли в Восточном Средиземноморье (Там же, с. 96). Формы из Мунчактепа предназначались для производства несколько менее сложных изделий, но конструктивно сходных. Можно предположить, что они были сделаны где-то на эллинистическом Востоке во II–I вв. до н.э. по образцам, которые были популярны в Римской империи. Формы являются явно привозными, но самой отливкой серег с их с последующей доработкой, без сомнения, занимались непосредственно первые жители Мунчактепа.

Погребение с золотым колтом (СА-8245) находилось к востоку от городища Мунчактепа и могильника Ширин-Сай. Последний уверенно соотносится с кладбищем жителей поселения, возникшего на развалинах городища Мунчактепа.

Колт имеет овальную форму, по его бортику напаяны тонкие гофрированные трубочки, оканчивающиеся пирамидками зерни. Ушки для крепления колта вырваны. Каст для вставки повторяет форму изделия, выполнен из выгнутой пластинки и обведен одним рядом зерни. Внутри каста припаян тонкий обруч овальной формы из прямоугольной в сечении проволоки. Возможно, что именно он удерживал центральную

вставку, а пространство между ней и краями большой вставки могло быть заполнено другими вставками, рядами зерни или, что менее вероятно, эмалью.

Этот тип украшения характерен для особой группы памятников, представленных по большей части погребениями в подбоях. В их инвентаре отчетливо прослеживается влияние позднеримских традиций в ювелирных изделиях, вооружении, поясном наборе, довольно часты находки стеклянной посуды.

Мунчактепинский «лучевой» колт относится к типичным украшениям полихромного стиля гуннской эпохи в южнорусских степях (сводка: Засецкая, 1994. Рис. 11). Ближайшие аналогии, помимо собственно гуннских памятников Восточной Европы, происходят из памятников Алая (Туюк; там же. Рис. 11, 12), долины Кетмень-Тюбе (там же. Рис. 11, 9), а также среди случайных находок в Чуйской долине (Arts from the land of Timur, 2012. Cat. 5, 9) в Кыргызстане и в могильнике Актас в Казахстане (Акишев, Свиридов, 2011. Рис. 2, 7). По конструкции настоящий колт наиболее близок изделию из Тугозвоновского погребения на Алтае (Уманский, 1978. Рис. 23).

По всей видимости, появление таких украшений в бассейне Сырдарьи связывается с волной кочевников, пришедших из Восточной Европы во второй половине IV в. Вполне возможно, что это были какие-то из племен гуннского союза, которые в источниках известны под именем хионитов (хонов). Вероятно, с их нашествием связаны пожары, уничтожившие ряд поселений каунчинской и отрарско-каратаусской культур. Памятники этих племен пока известны в недостаточной мере и крайне важны для понимания процессов, происходивших в истории Средней Азии того периода.

К раннесредневековым древностям может быть отнесено замечательное бронзовое навершие, найденное в горном кишлаке Хумсан, недалеко от Чарвакского водохранилища (кат. № СА-3188). Верхняя часть навершия оформлена в виде фигурки животного, кормящего детеныша. Видовую их принадлежность определить сложно. Широкая морда, длинный гребень, начинающийся от затылка и проходящий вдоль всего туловища, мощные лапы создают ощущение грузности и статичности.

Под верхней композицией изображены четыре фигуры людей в танце. Позы фигур разные, одежда состоит из широких штанов (или юбок), покрытых точками; гравированной чертой передан какой-то головной убор или диадема.

Это навершие М.И. Артамонов отнес к кругу художественной бронзы саков Семиречья (Артамонов, 1973). Но группа курильниц, жертвенных

столов и котлов, ножки которых оформлены в виде протом животных, встречается в Семиречье и вне ареала практически неизвестна. Настоящее навершие по стилю резко отличается как от сакской семиреченской бронзы, так и вообще памятников скифо-сакского типа.

В раннем средневековье в Ташкентском оазисе, видимо, под влиянием согдийцев, появляется оссуарный обряд погребения. В Государственном Эрмитаже хранится несколько оссуариев из Ташкентской области, привезенных еще Н.И. Веселовским. Один из них, найденный в 1886 г. около станции Ниязбаш (№ СА-13709), представлен в альбоме. Оссуарий овального типа с крышкой, с ручкой в виде грубо вылепленной человеческой головы, лицевая поверхность которого разделена на две части налепными жгутами, украшена пальцевыми вдавлениями. В обеих частях вырезано острым предметом по четырехлепестковой розетке. Лепестки розеток ориентированы диагонально, в месте их пересечения сделано округлое отверстие. Между лепестками вырезано по треугольному отверстию. Верхняя часть оссуария оформлена треугольными зубцами.

Овальные оссуарии с такой орнаментацией являются типичными для Чача (Средняя Азия в раннем средневековье, 1999, с. 92. Табл. 43). Помимо Ташкентского оазиса, они встречаются еще в Семиречье, в котором согдийское влияние было опосредовано территорией Чача.

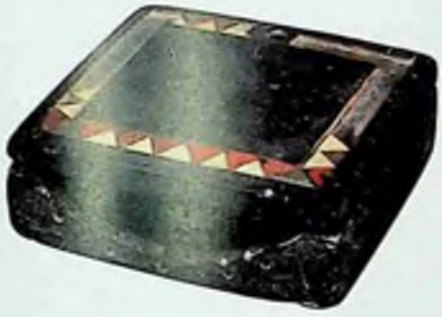

CA-12207
Болта
Тянь-Шань, эрамиздан аввалги VIII – VI асрлар.
Бронза; қуйма;
11×5,3 см.

SA-12207
Celt
Tien Shan, 8th–6th centuries BC.
Bronze; casting;
11×5.3 cm.

CA-12207
Кельт
Тянь-Шань, VIII – VI вв. до н.э.
Бронза; литье;
11×5,3 см.

CA-12664
Тош қутича
Бақтрия, эрамиздан аввалги III – II асрлар.
Тош; ўйма тасвир, қадама нақшлар;
8,3×7,6×3,6 см.

SA-12664
Stone pyx
Bactria, 3rd–2nd centuries BC.
Stone; carving, incrustation;
8.3×7.6×3.6 cm.

CA-12664
Каменная пиксида
Бактрия, III – II вв. до н.э.
Камень; резьба, инкрустации;
8,3×7,6×3,6 см.

CA-12663
Қуюв шакли тавақаси
Бақтрия (?), эрамиздан аввалги III – II асрлар.
Тош; ўйма тасвир;
8,1×7,5×0,6 см.

SA-12663
Casting mould shutter
Bactria (?), 3rd–2nd centuries BC.
Stone; carving;
8.1×7.5×0.6 cm.

CA-12663
Створка литейной формы
Бактрия (?), III – II вв. до н.э.
Камень; резьба;
8,1×7,5×0,6 см.

CA-8245
Осилчоқ безак
IV аср иккинчи ярми – V аср биринчи ярми.
Олтин; майда металл безак, кавшарланган қадама нақш; 2×2,7 см.

SA-8245
Temple pendant
The second half of the 4th – the first half of the 5th century.
Gold; granulation, soldering, incrustation;
2×2.7 cm.

CA-8245
Колт
Вторая половина IV – первая половина V вв.
Золото; зернь, пайка, инкрустация; 2×2,7 см.

CA-3188
Каллак
Чоч, VI–X асрлар.
Бронза; куйма; 10,5×5 см.

SA-3188
Top
Chach, 6th–10th centuries.
Bronze; casting; 10.5×5 cm.

CA-3188
Навершие
Чач, VI–X вв.
Бронза; литье; 10,5×5 см.

CA-13709
Кўпол тарзда ишланган одам боши тасвири туширилган овал қопқоқли остадон; олд томонида тишли йўл ва чизилган иккита ўйма тўғбарггул
Чоч, VII аср охири –VIII асрнинг биринчи ярми.
Сопол; ганчкор нақш, ўйма тасвир; остадон: 44×26×23 см; қопқоқ: 40×22×16 см.

SA-13709
Oval ossuary with a hemispherical cover, crowned with a rough human head; on the front wall there are plastered jagged bands and two rosettes with slots
Chach, the end of the 7th – first half of the 8th century.
Clay; molding, carving; ossuary: 44×26×23 cm; cover: 40×22×16 cm.

CA-13709
Оссуарий овальный с полусферической крышкой, увенчанной грубой человеческой головкой; на лицевой стенке налепные зубчатые полосы и две прочерченные розетки с прорезями
Чач, конец VII – первая половина VIII вв.
Глина; лепка, резьба; оссуарий: 44×26×23 см; крышка: 40×22×16 см.

ФАРҒОНА ЁДГОРЛИКЛАРИ

ANTIQUITIES OF FERGANA

ДРЕВНОСТИ ФЕРГАНЫ

ФАРҒОНА

Э.В. Ртвеладзе, А.И. Торгоев

Фарғона – тахминан эрамиздан аввалги I ва эрамизнинг I асрларида мавжуд бўлган маданий-тарихий вилоят, алоҳида давлат. Хитойлик Чжан Сзяннинг (эрамиздан аввалги 128 й.) хотира дафтарларидаги ёзувларда Довон, деб юритилган. Пойтахти хитойча талқинда Гуйшуан бўлиб, ҳозирги Косон ёки Қўқон ҳудудларига тўғри келади.

Довон ҳоким томонидан бошқарилган (улардан номдорлари Мугуа, Моцай, Чжанфин). Давлат бошқарувида оқсоқоллар кенгаши муҳим ўрин эгаллаган ва уларнинг қарори билан эски ҳокимлар олиниб, янгилари тайинланган. Чжан Сзяннинг маълумотларига кўра, Довон аҳолиси сони бир неча юз минг кишини ташкил этиб, улар 70 дан ортиқ катта-кичик шаҳарларда истиқомат қилган. Ўлка иқтисодиётининг муҳим бўғини деҳқончилик ҳисобланиб, асосан узум, беда етиштирилган, шароб ишлаб чиқарилган. Шароб кўп миқдорда тайёрланган ва бир неча ўн йиллар айнимасдан сақланиб турган. Бундан ташқари, гуруч ва буғдой ҳам етиштирилган.

Довон-Фарғонада махсус йилқичилик соҳаси ривожланган, хусусан, «терласа қон чиқадиган арғумоқлар» зоти ва бу зотдан тарқалувчи, 104-102 йилларда Хитой-Довон уруши сабабчисига айланган «самовий отлар» парваришланган. Уруш туфайли Фарғона устидан устунликни мустаҳкамлаб олгач, тахтга ўз вакилини ўтқизган хитой лашкарлари бу заминни тарк этдилар.

Лашкарлар кетгач, фарғоналиклар хитойликлар тайинлаган ҳукмронни тахтдан ағдариб, унга Чжанфинни ўтқиздилар. У ўз укасини гаров учун Хитойга жўнатиб, ҳар йили иккита «самовий от» етказиб бериш мажбуриятини ҳам зиммасига олди. Довон мустақил давлат бўлиб қолди. У ва Хитой ўртасида доимий дипломатик муносабатлар ўрнатилди. Хитой элчилари Довондан узум ва беда уруғи олиб чиқиб кетдилар. Беда уруғи дастлаб императорнинг шаҳар ортидаги саройи боғига сепилган, кейинчалик бутун Хитойга тарқалган.

Фарғона ҳудудида ўтган даврларга оид жуда катта ҳажмдаги ёдгорликлар сақланиб қолган. Ўзбекистонлик ва ленинградлик мутахассислар Фарғонада бронза даврига оид ўзига хос Чуст маданиятини кашф қилганлар. Унинг илк ёдгорлиги XX асрнинг 50-йилларида В.И. Спришевский томонидан батафсил тадқиқ этилган. Ушбу маданиятга оид кейинги ёдгорликлар бутун Фарғона ҳудудларида аниқланган. Бу маданиятнинг энг йирик шаҳарларидан бири бу Далварзинтепа шаҳар-давлати ҳисобланиб, Андижондан унча узоқ бўлмаган ҳудудда жойлашган. У 1952-йилда очилган ва Ю.А. Заднепровский томонидан тадқиқ қилинган. Ёдгорликнинг қазилма ишларидан олинган ашёларнинг катта қисми Россия Фанлар академияси Моддий маданият тарихи институти жамғармасида сақланмоқда (кейинчалик матнда ММТИ). Сопол, тош ва бронзадан ясалган буюмларнинг оз қисми Эрмитаж музейига жўнатилган.

Чуст маданиятининг ўзига хос жиҳати қуйилган гувала ва хом ғиштдан қурилган уйда яшовчи аҳоли ва кўчманчилар ҳисобланади. Чуст, Далварзинтепа, Ашқолтепа каби йирик манзилгоҳлар ҳимоя деворларига эга бўлган.

Чуст маданиятидаги сопол буюмлар ўзининг ганчкор нақшли идишлари билан ажралиб туради (2692/58 кат.). Маданий манзилгоҳлардан маҳаллий аҳолининг метал буюмлардан фойдаланганлиги ҳақида гувоҳлик берувчи бронзадан ясалган буюмларнинг қолдиқлари топилган. Асосан Андронов маданиятига алоқадор бронза топилмалар ҳам машҳур.

1894 йилда Чуст маданияти ҳозирги Наманган вилояти ҳудудидан бронзадан ясалган буюмлар хазинаси топилди ва улар ҳозирда Эрмитаж музейида сақланмоқда (2809/1–4 кат.). Хазинадаги буюмлар Чуст маданиятининг бошқа металл буюмларидан сезиларли даражада фарқ қилади. Масалан, бронза тўғноғичнинг қадимги Эрон ва Ҳиндистон деҳқонлари маданиятларига ўхшаш жиҳатлари бор. Бронза даври ажойиб санъат буюмлари қаторига сигир соғаётган қиз кўринишидаги бронза тўғноғич ҳам киради. Марказий Осиё бронза даври маданиятига ўхшамаганлиги сабабли Хак хазинасидаги бронза идиш ноёб ҳисобланади.

Эрамиздан аввалги VIII–VII асрларда, яъни илк темир даврида Евросиёда дастлабки кўчиш рўй берди. Скифларнинг Шарқий Европада, Ўрта Осиёда, шу жумладан, Фарғонада пайдо бўлиши натижасида скиф-сак муҳити вужудга келди. Чўлдан келганлар тезда бу ҳудудга мослашиб кетди ва Фарғонада Айлатон-Актам маданиятини шакллантирди. У чорвачиликка оид ёдгорликлар: сакларнинг дастлабки қабристонлари ва деҳқончиликка оид ёдгорликларидан ташкил топган. Бу маданият-

нинг энг йирик маркази Айлатон ҳисобланади. У 1939 йилда Б.А. Латинин томонидан очилган ва қазилмадан топилган сопол ва тош буюмлар ҳозирда Эрмитажда сақланмоқда.

Эрамизнинг илк асрларида ҳам Фарғонада янги Қўғай-Қорабул маданияти шаклланди. I асрда шаҳар манзилгоҳлари сонини ошириш муносабати билан суғориладиган ерлардан фойдаланиш билан мувофиқ равишда Фарғона водийсида кенг кўламли ўзлаштириш бошланди. Деярли Фарғона водийсининг барча ҳудудларида ва тоғолди ҳудудларидаги турли иншоотларда хом ғиштдан фойдаланилган: Асосан, биз буни гумбаз ва арклар қурилишида кўришимиз мумкин. Услубий янгиликлардан бири сифатида сопол буюмларни дастгоҳда, зич, қизил тусли, ярқироқ ангоб билан, баъзида локланган ҳолда ишлаб чиқарилишини кўрсатиш мумкин.

Хитой Фарғонанинг асосий сиёсий ва маданий ҳамкори ҳисобланган. Бу ердан Хан даврига оид Хитой тангалари ва металл кўзгулар Амударё ва Сирдарё оралиғидагига нисбатан кўпроқ топилган.

Фарғонадаги дафн ёдгорликларида бир қанча тўқимачилик буюмлари сақланиб қолган. Уларга маҳаллий аҳоли томонидан ишланган қоғоз буюмлари, жун маҳсулотлари ва Хитойдан келтирилган матолар киради.

FERGANA

E.V. Rtveladze, A.I. Torgoev

Fergana-Dayuan is a historical and cultural region, the separate state existing, apparently, in the first centuries BCE and the first centuries CE. The first mentions of Dayuan can be found in Zhang Jian's notes (128 BE). Its capital was Guishuan, identified as modern Kasan or Kokand.

Dayuan was governed by the ruler (some of the names are known – Mugua, Muocai, Zhanfen). The Council of Elders played an important role in the government, as it had the right to depose old rulers and appoint new ones. According to the data provided by Zhang Jian, the population of Dayuan constituted several hundred thousand people; it was comprised of over 70 towns of varying sizes. Agriculture occupied a significant place in the economy of Dayuan, especially cultivation of lucerne, grapes and winemaking. They produced large quantities of wine and could store it for decades without any harm or deterioration. They also cultivated rice and wheat. Fergana-Dayuan developed specialized horse breeding, especially a breed of "good argamaks that sweat blood," which they develop into "celestial horses", which caused the war between China and Dayuan in 104–102 BE. The Chinese troops withdrew, once they established nominal domination over Fergana and set their proxy on the throne. As soon as they departed, the Ferganians overthrew the proxy and crowned Zhanfen. He sent his younger brother to China as a hostage and undertook the commitment to supply two horses of the "celestial breed" every year. However, Dayuan remained independent. It established regular diplomatic relationship with China. Chinese ambassadors imported grapes and lucerne seeds from Dayuan, originally planted them in the residential palace of the Han emperor, and then spread them through many Chinese provinces.

Numerous monumental sites of the past have been preserved in Fergana. Specialists from Uzbekistan and Leningrad discovered in Fergana a very unusual Bronze Aged Chustian culture. Its first site

underwent thorough research in the 1950s, conducted by V.I. Sprishevskiy near Chust. Later, artifacts attributed to this culture were found all around Fergana. The largest site of this culture, Dalverzintepa, emerged as a capital proto-urban site. It is located not far from Andijan. Y.A. Zadneprovskiy discovered and explored it in 1952. The majority of the materials from the excavations were housed in the collections of the Institute of the History of Material Culture (IHMC) of the Russian Academy of Sciences. A small section of the ceramics, stone and bronze objects were donated to the Hermitage.

The Chustian culture is characterized by above-ground houses, built from guvalyak (globs of clay) and adobe bricks, and semi-dugouts. The largest sites, Chust, Dalverzintepa, and Ashkaltepa, were surrounded by defense walls.

The hand-made colored vessels are characteristic of Chustian ceramics (cat. 2692/58). Remains of bronze casting production were discovered in the sites, indicating that some of the metal objects were made locally. A number of bronze objects are also known, related mostly to the Andronovo culture.

In 1894, in the area of Chustian culture (today Namangan region) a hoard of bronze objects was found, currently exhibited in the Hermitage (cat. 2809/1–4). The artifacts from this hoard are very different from metal objects of the Chustian steppe culture. For instance, the bronze pin has analogs in the cultures of early farmers of India and Iran. A pin with a head in the shape of a woman milking a cow is a unique work of the Bronze Age art. The bronze vessel from the Khak hoard is also unique, as it has no analogs in any other culture of the Bronze Age in Central Asia.

In the eighth – seventh centuries BC in the early Iron Age, the first powerful wave of nomadic migrations over the steppes of Eurasia occurred; the Scythians emerged in East Europe, while the Scythian-Saka culture spread almost everywhere in Central Asia, including Fergana. The steppe nomads assimilated quickly in the local environment, leading to the formation of Eilatan-Aktam culture in Fergana. It combines the artifacts of cattlemen, represented by the Saka burial grounds, and the artifacts of farmers, represented by sites. The largest center of this culture is the site of Eilatan. It was discovered in 1933 by B.A. Latynin. The materials excavated there, consisting of ceramics and stone objects, are stored in the Hermitage.

At the turn of the era, a new culture developed in Fergana – the Kugai-Karabulak culture. In the first centuries CE, Fergana Valley

was intensely settled. This process is associated with the vast use of irrigation, which encouraged an increase in the number of urban sites. In fact, adobe brick is widely used throughout the Fergana Valley in the construction of various architectural structures, including arches and domes. One of the important technological innovations of this period is mass production of potter's wheel, coated with dense, red, glitter engobe and glossing (135/120).

The majority of political and cultural connections of Fergana were maintained with China. Here, more than anywhere in Central Asian "Mesopotamia" (between the Amu Darya and the Syr Darya), they found numerous Chinese coins of the Han Era and mirrors (SA-7779), as well as metal objects produced locally.

Fergana's burial sites have a significant amount of textiles, represented by locally made paper and wool, as well as fabrics imported from China.

ФЕРГАНА

Э.В. Ртвеладзе, А.И. Торгоев

Фергана-Давань – историко-культурная область, отдельное государство, существовавшее, видимо, в первых веках до н.э – первых веках н.э. Первые сведения о Давани содержатся в записках Чжан-Цзяня (128 г. до н.э.). Столица – город Гуйшуань, сопоставляемый с современным Касаном или Кокандом.

Во главе Давани стоял правитель (известны имена некоторых из них – Мугуа, Моцай, Чжаньфынь). Большую роль в управлении государством играл совет старейшин, который по своему усмотрению сменял старых и назначал новых правителей. Население Давани, по данным Чжан-Цзяня, насчитывало несколько сотен тысяч человек; в ней было более 70 больших и малых городов. Значительное место в экономике Давани занимало сельское хозяйство, особенно выращивание люцерны, винограда и производство вина, которое изготовлялось в большом количестве и по нескольку десятков лет хранилось без порчи. Возделывались также рис и пшеница.

Широкое развитие получило в Давани-Фергане специализированное коневодство, особенно разведение породы «славных аргамаков, потеющих кровью», и происходящих от этой породы «небесных лошадей», ставших причиной китайско-даваньской войны 104–102 гг. до н.э. Установив в результате нее номинальное господство над Ферганой, посадив своего ставленника на престол, китайские войска ушли.

После их ухода ферганцы свергли назначенного китайцами правителя и посадили на престол Чжаньфыня, который отправил в Китай своего младшего брата в заложники и взял на себя обязательство поставлять ежегодно двух лошадей «небесной породы». Однако Давань осталась независимым государством. Между ней и Китаем были установлены регулярные дипломатические отношения. Китайские посланники вывезли из Давани виноград и семена люцерны, которые перво-

начально были посеяны в загородном дворце ханьского императора, а затем распространены во многих провинциях Китая.

На землях Ферганы сохранилось огромное количество памятников минувших эпох. Узбекистанскими и ленинградскими специалистами в Фергане была открыта своеобразная чустская культура эпохи бронзы. Первый ее памятник был подробно исследован в 50-е гг. XX в. В.И. Спришевским. Позже памятники этой культуры были выявлены фактически по всей территории Ферганской долины. Самое большое столичное протогородское поселение этой культуры – Дальверзинтепа, – находится недалеко от Андижана.

Оно было открыто в 1952 г. и исследовалось Ю.А. Заднепровским. Материалы из раскопок данного памятника по большей части хранились в фондах Института истории материальной культуры (далее ИИМК) РАН. Небольшая часть керамики, каменных и бронзовых изделий была передана в Эрмитаж.

Для памятников чустской культуры характерны наземные жилища, сложенные из гуваляка и сырцового кирпича, и полуземлянки. Крупные поселения: Чуст, Дальверзинтепа, Ашкалтепа – имели оборонительные стены.

Для керамики чустской культуры характерны лепные расписные сосуды. На поселениях культуры были открыты следы бронзолитейного производства, что свидетельствует о местном производстве некоторых металлических изделий. Известны и бронзовые изделия, связанные в основном с андроновской культурой.

В 1894 г. в ареале чустской культуры, в Наманганской области был найден клад бронзовых предметов, ныне экспонирующийся в Эрмитаже (Кат. 2809/1-4). Изделия этого клада значительно отличаются от металлических предметов чустской культуры. Так, бронзовая булавка имеет аналогии в культурах ранних земледельцев Индии и Ирана. К уникальным предметам искусства эпохи бронзы относится булавка с навершием в виде женщины, доящей корову. Бронзовый сосуд из хакского клада также вызывает интерес, поскольку не имеет аналогов в культурах эпохи бронзы Центральной Азии.

В VIII–VII вв. до н.э., в эпоху раннего железа, в степях Евразии, происходит первая мощная волна переселений кочевников: в Восточной Европе появляются скифы, а в Средней Азии, в том числе в Фергане, – культуры скифо-сакского круга.

Степняки быстро ассимилируются в местной среде, что приводит к формированию в Фергане эйлатанско-актамской культуры. В ней сочетаются памятники скотоводов, представленные могильниками сакского

круга, и памятники земледельческого населения, представленные поселениями. Самым большим центром этой культуры является городище Эйлатан. Оно было открыто в 1933 г. Б. А. Латыниным, и материалы из его раскопок, представленные керамикой и каменными изделиями, хранятся в Эрмитаже.

На рубеже периодов в Фергане складывается новая культура – кугайско-карабулакская. В первые века н.э. начинается широкое освоение Ферганской долины, связанное с интенсивным использованием поливного земледелия, в связи с чем увеличивается количество городских поселений. Фактически по всей территории Ферганской долины и предгорий в строительстве разных архитектурных сооружений широко применяется сырцовый кирпич, в том числе при строительстве сводов и арок. Одним из важных технологических новшеств становится массовое производство станковой керамики, покрытой плотным, красным блестящим ангобом, часто с лощением.

Основные политические и культурные контакты Фергана поддерживала с Китаем. Здесь найдено больше, чем где-либо в Среднеазиатском Двуречье, китайских монет и зеркал эпохи Хань, находок металлических изделий местного происхождения.

В погребальных памятниках Ферганы сохранилось значительное количество текстиля, представленного местными бумажными и шерстяными, а также привозными китайскими тканями.

ФАРҒОНА ЁДГОРЛИКЛАРИ

А.И. Торгоев

Хақ хазинаси тасодифан чўпон ўғиллари томонидан аниқланган ва улар кўза, қозон, икки бронза ва битта кумуш тўғноғич, шунингдек, пластинасимон пичоқ ва ингичка таёқдан иборат бўлган (2809/1–4).

Паст таглик устидаги шарсимон қобиққа эга, бўйни қисқа ва гули сал эгиб ишланган кўза бронза даврининг замонавий маданиятига оид бўлиб, ўзининг бетакрорлиги билан ажралиб туради.

Бронза даври санъат намуналаридан яна бири кўп шаклли композицияга эга бўлган тўғноғичдир. Евроосиёнинг бронза даврига оид тадқиқотчиси Е.Е. Кузмин шундай ёзади: «Тўғри тўртбурчак сатҳ устида шох, қулоқ ва узун думи маҳорат билан ясалган сигир ҳайкалчаси ўрин олган. Сигирнинг тумшуғи тагида бузоқнинг митти тимсоли ҳам жойлаштирилган. Сигирнинғ ён томонида эса қуролланган одамнинг кўриниши тасвирланган». Ушбу композиция аслида кичик ҳайкалтарошлик намунаси бўлиб, устунлар билан бир қаторда турувчи бронза даври маданияти кичик ҳаққоний пластикасининг дурдоналари билан бир қаторда туради. Тепа-Ҳисор маданиятига ўхшаш жиҳатларга эга бўлса-да, бу тўғноғич, шубҳасиз, Эронда ясалганлигини кўрсатиб турибди.

Бу хазинанинг ишлаб чиқариш ўрни ва вақтини аниқлашда бурама ишланган ушбу кумуш тўғноғич муҳим аҳамиятга эга. Бундай тўғноғичлар Олд Осиё, Эрон, Кавказ ва Шимоли-ғарбий Ҳиндистонда кенг тарқалган. Ю.А. Заднепровскийнинг таъкидлашича, бу тўғноғич Анав маданияти (Жанубий Туркманистон) (Заднепровский 1962, 54 б.), ёки Эронда ундан ҳам кенг тарқалган эрамиздан аввалги III асрнинг биринчи ярми – II асрлардаги безакли кулолчилик маданиятидан Фарғонага ҳам етиб бориши ҳам мумкин.

Қўштирноқли текис овал шаклига эга тўғноғич Жанубий Туркманистондаги дастлабки деҳқончилик маданиятида маълум бўлган ашёларга ўхшаб кетади.

Хақ хазинаси эса кеч бронза даври бошларига мансуб, бирон бой одам дафн маросими ашёлари ёки алоҳида оиланинг мулки бўлган бўлиши мумкин.

Чуқур, қабариқ ва ярим шар шаклига эга, қора бўёқ билан бўялган, юза қисмига эса қалин қизил ангоб ишлатилган идиш (2692/58) Чуст маданияти уста-кулоллари маҳсулотларига тегишлидир. Унинг нақшлари икки параллел чизиқдан ташкил топган бўлиб, гирди бир-бирига мукобил бўялган ва бўялмаган тўртбурчак шакллари билан тўлдирилган. Пастки чизиқдан усти қуйига қараган узун қўш чиққан бўлиб, улар параллел тилимлар билан ажратилган. Чизиқлар ичида тасвирланган суратлар турлича бўлиб, бўялган ва бўялмаган тилимлар алмашиб келади. Фақат бутунлигича сақланиб қолган учбурчак чизиқлари, олдиндаги чизиқлар орқали тўртбурчакларга бўлинади. Тугалланмаган учбурчак жуфтликларининг чизиқларидаги безаги икки қатор квадрат чизиқларига бўлинган. Унинг курилмасида беш жуфт учбурчак бор.

Бўялган учбурчаклар шаклидаги нақш мотивлари бронза даврида жуда машҳур бўлган, саҳро маданиятида нақшлар ўйиб ишланган бўлса, деҳқончилик маданиятида ангобдаги тасвирлар қўлланган.

Хан ойнаси – чорвадор водий аҳолисининг дафн маросимида ўзига хос хусусиятларни ифодаловчи Қадимги Фарғонанинг чорвадорларига тегишли қабрлардан кўплаб топилган.

Ойна ўртасида илиш учун илмоқ бўлиб, унинг атрофи ҳошиялар билан безатилган. Унинг ортида атрофи «арк»лар билан ўралган тўпбаргул туширилган. Ундан кейин эса айланма ичида эпиграфика ҳошиялари бор (СА-7779).

Кўзгу, эҳтимол, «цин-бай» 清白 ёки «мин-гуан» 明光 «тоза» ёки «порлоқ» деб аталувчи турга мансуб бўлиши мумкин (Bulling, 1960, p. 30–35; Қадимги Хитой бронза ойналари, 1997, 46–47 бб. 54–55 расм.).

Кўнғироқсифат кичик хум кўринишдаги сопол идиш шакли Суғд ва Тохаристонда эллинизмдан кейинги ва Кушон давридаги кулолчилик намуналаридан олинган (135/120). Эрамизнинг дастлабки йилларидаги хум идишлар нусхаларидан ангоб қопламаси, шунингдек, асоснинг юқори қисмидаги ботиқ чизиқлар билан фарқланади. Фарғонада оёқли сопол идишларни тайёрлаш Суғдга қараганда кечроқ пайдо бўлган ва анча узоқ вақт, яъни эрамизнинг V–VI асригача сақланиб турган (Матбобоев, 2009, 85 б. 17 расм).

ANTIQUITIES OF FERGANA

A.I. Torgoev

The Khak hoard was discovered accidentally by shepherds; it consists of the following items: a jug, two bronze and one silver pins, as well as fragments of lamellar knife and a narrow bar (2809/1–4).

A jug with a spherical body on a low base, a short neck with a smoothly bent rim is unique, because there are no analogues in any synchronous cultures of the Bronze Age.

The masterpiece of art of the Bronze Age is a pin with a multi-figured composition. E.E. Kuzmina, the researcher of the Bronze Age in Eurasia describes it in the following way: "On the flat rectangular side of the top of the pommel there is a figure of a cow with thoroughly shaped horns, ears and a long tail. A figurine of calf is in front of the cow's muzzle. Aside from the cow there is a figurine of a seated man with arms stretched downwards." This composition, in essence, is a small sculpture, stands in line with the masterpieces of the small realistic plastic art of the Bronze Age culture. Obviously, this pin was made in Iran with analogues in a culture like Tepa Hissar.

Greatly important for identification of the place of production and the chronology of the hoard is a silver pin with a top in the shape of spiral curls. Such pins were common in the cultures of the Near East, Iran, the Caucasus and North-West India. According to Y.A. Zadneprovsky, this pin could brought to Fergana from the area of of the Anau culture (South Turkmenistan) (Zadneprovsky, 1962, p. 54), or more widely from the cultures of painted ceramics of the end of 3rd – first half of the 2nd millennium BC widespread in Iran.

A pin with a flat oval top with protrusions resembles similar objects known in the cultures of the early farmers of Southern Turkmenistan.

The Khak hoard could be an inventory of a rich burial of the early Bronze Age or it was the property of a certain family.

A deep handmade painted bowl (2692/58) with a body of hemispherical shape, decorated with black paint applied on a dense red engobe is one of the products of master-ceramists of the Chust culture. Its ornamental pattern is two parallel lines, along the edges filled with alternating painted and unpainted rectangles. The pairs of elongated triangles upside down, divided inside by parallel stripes start from the lower line. In a single entirely preserved pair of triangles, the stripes are divided into rectangles by transverse lines. In the only intact pair of triangles, the ornament in the bands is divided by lines into two rows of squares. There are five reconstructed five pairs of triangles.

The motifs of the ornament in the form of shaded triangles were extremely popular in the Bronze Age, but in the steppe cultures, ornamentation was usually cut-through, and in the agricultural ones, engobe painting was often used.

The Han mirrors are a fairly common find in the cemetery of stockbreeders of Ancient Fergana, which was determined by the specific features of the funeral rite of the shepherd population of the valley.

In the center of the published mirror is a hanging loop around which a rosette framed by "arches." Behind them is a partially preserved epigraphic belt surrounded by a ledge (CA-7779).

The mirror, most likely, is attributed to a type of zin-bai (清白) or min-guan (明光) – "pure" or "shining" (Bulling, 1960, p. 30–35; Ancient Chinese bronze mirrors, 1997, pp. 46–47. Figure 54–55).

A vessel in the shape of low beaker with a bell-like body is dated to the so-called transition period (from the ancient to the early medieval time) (135/120). This shape goes back to the samples of ceramics of the post-Hellenistic and Kushan periods in Sogd and Tokharistan. From the Sogdian samples of the turn of the era, the present cup is distinguished by its proportions, engobe coating, and also by the corrugation of the upper part of the body. In Fergana, the tradition of making beakers on a leg appeared later than in Sogd, and lasted longer, until the 5th and 6th centuries AD (Matbabaev, 2009, p. 85. Figure 17).

ДРЕВНОСТИ ФЕРГАНЫ

А.И. Торгоев

Хакский клад был обнаружен случайно мальчиками-чабанами и состоит из следующих предметов: кувшина, двух бронзовых и одной серебряной булавок, а также обломков пластинчатого ножа и узкого стержня (2809/1–4).

Кувшин с шаровидным корпусом на низком поддоне, короткой шейкой, с плавно отогнутым венчиком является уникальным, вследствие того, что не имеет аналогов в синхронных культурах эпохи бронзы.

Шедевром искусства эпохи бронзы является булавка, завершающаяся многофигурной композицией. Вот как описывает исследователь эпохи бронзы Евразии Е.Е. Кузьмина: «На плоской прямоугольной площадке навершия находится фигурка коровы с тщательно моделированными рогами, ушами и длинным хвостом. Перед мордой коровы помещена фигурка теленка. Сбоку от коровы изображена фигурка сидящего человека с вытянутыми вниз руками». Эта композиция, в сущности, малая скульптура, стоит в одном ряду с шедеврами мелкой реалистичной пластики культур эпохи бронзы. Очевидно, что эта булавка была изготовлена в Иране, где находят аналогии в культуре типа Тепа-Гисар.

Наибольшую значимость для возможного определения места производства и хронологии клада имеет серебряная булавка с навершием в виде спиральных завитков. Такие булавки были распространены в культурах Передней Азии, Ирана, Кавказа и Северо-Западной Индии. По мнению Ю.А. Заднепровского, эта булавка могла попасть в Фергану из области культуры Анау (Южный Туркменистан) (Заднепровский, 1962, с. 54), или шире – из распространенных в Иране культур расписной керамики конца III – первой половины II тыс. до н.э.

Булавка с плоским овальным навершием с выступами напоминает аналогичные предметы, известные в культурах ранних земледельцев Южного Туркменистана.

Хакский клад мог являться инвентарем богатого погребения начала эпохи поздней бронзы или составлял имущество отдельной семьи.

К изделиям мастеров-керамистов чустской культуры относится глубокая лепная расписная чаша (2692/58) с корпусом полусферической формы, расписанная черной краской, нанесенной на плотный красный ангоб. Ее орнамент состоит из двух параллельных линий, вдоль закраины, заполненных чередующимися закрашенными и незакрашенными прямоугольниками. От нижней линии отходят пары удлиненных треугольников вершинами вниз, которые разделены внутри параллельными полосами. Внутри полос рисунок разный, причем, закрашенные полосы чередуются с пустыми. В единственной целиком сохранившейся паре треугольников полосы разделены на прямоугольники поперечными линиями. В не полностью сохранившейся паре треугольников орнамент в полосах разделен линиями на два ряда квадратиков. В реконструкции было пять пар треугольников.

Мотивы орнамента в виде закрашенных треугольников были чрезвычайно популярны в эпоху бронзы, но в степных культурах орнамент, как правило, был прорезной, а в земледельческих – часто использовалась роспись по ангобу.

Ханьские зеркала – довольно частая находка в могильниках скотоводов Древней Ферганы, что определялось спецификой погребального обряда пастушеского населения долины.

В центре публикуемого зеркала – петля для подвешивания, вокруг которой розетка, обрамленная «арками». За ними находится частично сохранившийся эпиграфический пояс, окруженный бортиком (СА-7779).

Зеркало, скорее всего, относится к типу, называемому цин-бай (清白) или мин-гуан (明光) – «чистое» или «сияющее» (Bulling, 1960, pp. 30–35; Древнекитайские бронзовые зеркала, 1997, сс. 46–47. Илл. 54–55).

К т.н. переходному периоду (от античного к раннесредневековому времени) относится сосуд в виде низкого кубка с колоколовидным туловом (135/120). Эта форма восходит к образцам керамики постэллинистического и кушанского периодов в Согде и Тохаристане. От согдийских экземпляров рубежа эры настоящий кубок отличается пропорциями, ангобным покрытием, а также рифлением верхней части тулова. В Фергане традиция изготовления кубков на ножке появилась позже, чем в Согде, и сохранялась дольше, до V–VI вв. н.э. (Матбабаев, 2009, с. 85. Рис. 17).

Оп. 2809/1–4
Хақ хазинаси

Эрон (?), эрамиздан аввалги II минг йилликнинг биринчи ярми.
Бронза, кумуш; қуйма, тоблаш, поналанган, сайқалланган.
Кўза – таглик диаметри 5,2 см, гулчамбар диаметри 9 см; устига чиройли шакл туширилган тўғноғич – асос узунлиги 8,8 см, диаметри 0,4 см; устига бурама нақш туширилган кумуш тўғноғич – узунлиги 9,5 см; усти бўртма овал бўлган тўғноғич – узунлиги 16.8 см, асос диаметри 0,6 см.

inventory 2809/1–4
Khak hoard

Iran (?), the first half of the 2nd millennium BCE.
Bronze, silver; casting, forging, chiselling, polishing. Jug – base diameter of the pallet: 5.2 cm, rim diameter of the collar: 9 cm; a pin with a figured top – the length of the rod: 8.8 cm, diameter: 0.4 cm; silver pin with a spiral curls-shaped top – length: 9.5 cm; a pin with a flat, top with projections – length: 16.8 cm, rod diameter: 0.6 cm.

Оп. 2809/1–4
Хакский клад

Иран (?), первая половина II тыс. до н.э.
Бронза, серебро; литье, ковка, выколотка, шлифовка. Кувшин – диаметр поддона 5,2 см, диаметр венчика 9 см; булавка с навершием в виде фигурной композиции – длина стержня 8,8 см, диаметр 0,4 см; серебряная булавка с навершием в виде спиральных завитков – длина 9,5 см; булавка с плоским навершием овальной формы с выступами – длина 16,8 см, диаметр стержня 0,6 см.

On. 2692/58
Коса
Фарғона, эрамиздан аввалги II минг йиллик охири – I минг йиллик бошлари. Сопол; ганчкор нақш; 12×14,5 см.

Inventory 2692/58
Bowl
Fergana, the end of the 2nd – the beginning of the 1st millennium BCE. Clay; molding, painting; 12×14.5 cm.

On. 2692/58
Чаша
Фергана, конец II – начало I тыс. до н.э. Глина; лепка, роспись; 12×14,5 см.

СА-7779
Ойна
Хитой, Хан даврлари (эрамиздан аввалги 206 й. – эрамизнинг 220 йили)
Бронза; қуйма; диаметри 17 см.

SA-7779
Mirror
China, the Han era (206 BCE – 220 CE)
Bronze; casting; diameter: 17 cm.

СА-7779
Зеркало
Китай, эпоха Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.)
Бронза; литье, диаметр 17 см.

On. 135/120
Оёқли жом
Каркидон, Фарғона, IV–V асрлар
Сопол; кулолчилик чархи, ангоб; баландлиги 12,6 см, диаметри 9 см.

Inventory 135/120
Goblet on foot
Kerkidon, Fergana, 4th–5th centuries.
Clay; potter's wheel, engobe; height: 12.6 cm, diameter: 9 cm.

On. 135/120
Кубок на ножке
Керкидон, Фергана, IV–V вв.
Глина; гончарный круг, ангоб; высота 12,6 см, диаметр 9 см.

ХОРАЗМ

KHOREZM

ХОРЕЗМ

ХОРАЗМ

П.Б. Лурье

Хоразм кўҳна тарихий-маданий воҳа ҳисобланиб, ҳозирги Ўзбекистон Республикаси ва Туркманистоннинг Тошовуз вилояти ҳудудларида Амударё қуйи оқимининг ўнг ва чап қирғоғида (Ўнгқирғоқ ва Чапқирғоқ Хоразм) жойлашган.

Хоразм деярли ҳар тарафдан чўл билан ўралган бўлиб, Қизилқум уни суғд ва Чочдан, Қорақум Маргис ҳамда Парфиядан ажратиб турган.

Хоразм сўзи (қадимги форсийда – Uvarazmi, юнон тилида – Хорасмия, араб тилида – Хваризм) қадимий форс тилида *xwārī-zam – қуйи замин маъносини билдириши мумкин.

Хоразм тарихи узоқ ўтмишга бориб тақалади. Неолит даврида (эрамиздан аввалги IV–III мингйилликнинг иккинчи ярми) калтаминор маданияти – овчи ва балиқчилар маданияти тарқалган.

Эрамиздан аввалги II мингйилликнинг иккинчи ярмидан эрамизнинг I мингйиллиги бошларигача бўлган бронза даврининг сўнгида маданият Тозабоғёб маданияти билан алмашади, бунда аҳоли асосан деҳқончилик ва чорвадорлик билан шуғулланади. Суюрган маданиятининг дастлабки босқичида эса аҳоли овчилик ҳамда балиқчилик, кейинчалик деҳқончилик ва чорвадорлик билан машғул бўлган. Эрамизгача бўлган I мингйиллик бошларида Хоразм ҳудудида Амиробод маданияти тарқалиб, тараққиёт аввалги маданиятларга нисбатан энг юқори даражага чиққан.

Милетлик Гекатея (эрамизгача бўлган VI асрнинг охири) ва Геродот (эрамизгача бўлган V аср) маълумотларига асосланган назарияга кўра хоразмликлар Мурғоб ва Тажан дарёлари ҳавзаларида истиқомат қилишган. Ушбу аниқ бўлмаган манбалар эрамизгача VII–VI асрларда аҳоманийларгача бўлган давридаёқ мавжуд Марв ҳамда Ҳирот ҳудудидаги мамлакат – пойтахти «Катта Хоразм» тўғрисидаги фаразнинг келиб чиқишига сабаб бўлган. Бошқа фараз тарафдорлари эса, ушбу ҳудудга

ўзларининг шимолдаги қадимий манзилларидан келиб қолишган, деган тахминни билдиришади.

Бундан аввалроқ Доро I фармони билан эрамизгача бўлган 521–518 йиллардаги аниқ санада ўйиб ёзилган Бехистун қояси битикларида ҳам Хоразм номи келтириб ўтилган. Унга кўра, Хоразм аҳоманийлар подшоси Кир II томонидан эрамизгача бўлган VI асрнинг 40-йилларида ишғол қилинган, Доро I (эрамизгача бўлган 522–486 йиллар) пайтида эса у суғд ва Парфия билан бир қаторда аҳоманийлар давлатининг 16-сатрапияси (музофоти) га кирган. Хоразмнинг аҳоманийлар мустамлакачилигидан озод қилиниши ҳамда Хоразм давлатининг тузилиши эрамизгача бўлган IV асрларнинг иккинчи ярмига бориб тақалади. Юнон манбаларида эрамизгача бўлган 329 йилда Искандар Мақдунийга сулҳ шартномаси тузиш таклифи билан Самарқандга ташриф буюрган Хоразм шоҳи Фарасман номи келтирилади.

Эрамизгача бўлган II асрларда, эҳтимол, эрамизгача бўлган III асрларда Хоразм мустақил бошқарув ҳуқуқида Қанғанинг улкан Иттифоқи таркибига кирган.

Эрамизгача бўлган II–I асрларданоқ мамлакат Евкратид юнон-бақтрия тангаларига тақлидан, аввал бузилган юнон ёзувида, сўнг хоразм ёзуви туширилган тангаларини зарб эта бошлаган. Тангаларнинг иконографияси ҳам ўзгариб, олд тарафида маҳаллий ҳукмрон, орқа тарафида эса от минган жангчи ва муҳр ифодаланган. Ушбу рамзлар эрамизнинг VIII аср ўрталарида зарб этилган Хоразмнинг барча тангаларида мавжуд бўлиб, давлатнинг хоразм ҳукмронлари сулоласи даврида авлоддан авлодга ўтиб, 800 йилдан ортиқ вақт мобайнида мерос бўлганидан далолат беради. В.А. Лившиц ва Б.И. Вайнберг томонидан тангалардаги хоразм ёзувлари юзасидан олиб борган тадқиқотларга биноан, Абу Райҳон Беруний томонидан келтирилган Африғийлар сулоласининг ҳукмдорлари рўйхатига мос келувчи подшолар Артав, Вазамар, Бравик ва бошқа Хоразм подшолари (Хоразмшоҳлар)нинг номи қайта тикланди.

Эрамизнинг биринчи асрларида Хоразм пойтахти Тупроққалъада жойлашган қудратли ва мустақил давлат сифатида намоён бўлди.

Ушбу даврда Хоразмнинг моддий ва маънавий маданияти юқори даражада ривожланди. Ички мураккаб қурилган шаҳарлар пайдо бўлди, ҳунар, савдо-сотиқ, иқтисодиёт юқори даражага кўтарилди. Хоразмнинг ўша даврдаги машҳур ёдгорликлари – Қўйқирилганқалъа, Жонбосқалъа, Қўрғошинқалъалардир.

Тупроққалъа шаҳарчаси тўғри тўртбурчак кўринишида (500×350 м) бўлиб, шимолий-шарқий қисмини сарой мажмуаси эгаллаган. Уни қазиш ишлари олиб борилганда, Хоразм шоҳлари, уларнинг хотинлари, ҳо-

мий-маъбудлар, жангчиларнинг лойдан ишланиб бўялган ҳайкаллари, шунингдек, ўзига хос ранг-баранг деворий суратларга дуч келинган. Бу ердан топилган тери ва ёғочга битилган юзга яқин матнлар, айниқса, «Хонадонлар рўйхати»да хонадонда истиқомат қилувчи инсонлар – хўжайин ҳамда қулларнинг сони аниқ келтирилганлиги алоҳида қизиқиш уйғотади.

Ўша даврдаги ўзига хос Хоразм маданиятининг ривожланиши Шарқ ҳамда Ғарбнинг кўп мамлакатлари билан чамбарчас алоқа туфайли юз берган. Африғийлар даврида (эрамизнинг V–VIII асрлари) Хоразмнинг ижтимоий, иқтисодий ҳамда маданий ҳаётида туб ўзгаришлар бўлди.

Бургутқалъа, Якка Порсон, Тешикқалъа ва бошқа ёдгорликлар ўша даврнинг ўзига хос ёдгорликлари ҳисобланади.

Хоразм эрамизнинг 712 йили араб қўшинларининг маҳаллий ноиби Қутайба ибн Муслим истилосидан сўнг ислом динини қабул қилган. Абу Райҳон Берунийнинг ёзишича, араб истилоси Хоразм тамаддунига катта зарар келтирган, улкан кутубхоналар йўқотиб юборилган.

Ўрта аср ислом оламининг тараққиёти тўғрисидаги битиклар алоҳида аҳамиятга эга бўлиб, археология ишлари Хоразм тарихи тўғрисидаги тушунчаларимизнинг асоси ҳисобланади. С.П. Толстов бошчилигида 1937 йилда фаолият олиб борган Хоразм археология-этнографик экспедицияси (ХАЭЭ) асосий ишларни қилган ва ўша пайтда СССР давридаги энг катта экспедиция ҳисобланган. Қазилма ишлари натижасида Хоразм археология маданиятининг неолит давридан охирги ўрта асрларгача бўлган, ҳозирги кунда фақат шакллар орқали аниқлаштирилаётган шартли чизмаси (схемаси) ишлаб чиқилган.

С.П. Толстовнинг ушбу экспедицияси топилмалари асосида Эрмитажнинг Хоразм тўплами бойиган, бироқ унинг энг муҳим ашёлари – хоразмликларнинг кумуш идишлари Россиянинг ҳозирги ҳудудидан топилган бўлиб, тасодифан хазина таркибига кириб қолган.

Хоразм археология-этнография экспедицияси Москвада жойлашган СССР ФАнинг Этнография институти томонидан ташкил қилинган бўлиб, айнан шунинг учун топилган материаллар ёки топилган мақондаги мамлакатда қолдирилган, ёки Москвага олиб кетилган. Давлат Эрмитажига келиб тушган суғд, Бақтрия ва Фарғона қазилмалари, Хоразм тўпламларининг асосий қисми бошқа тўпламлардан фарқли равишда бир қисми археологлар томонидан, қисман эса Антропология ва этнография музейи орқали тақдим этилган. Улар ҳозир ҳам Эрмитажнинг Ўрта Осиё залларида асосий ўринни эгаллаб келмоқда. 1929 йилда А.Ю. Якубовскийнинг Эрмитаж ва Моддий маданият тарихи Давлат Академиясидаги ҳамкасабалари билан Кўҳна Урганч, Миздахонда фаолият олиб бориб, ислом даврига оид бой материал берган экспедициясини; шунинг-

дек, РФА Шарқ қўлёзмалари институтининг мутахассиси В.А. Лившиц ва Эрмитаж тикловчилари иштирокида девордаги ёзувларни ўрганиш орқали қадимги Хоразм ёзувидаги матннинг ўқиш ишларини алоҳида таъкидлаб ўтиш зарур.

Эрмитаж тўпламида турли даврларга оид Хоразмдан келтирилган буюмлар мавжуд бўлиб, улар тош асри ҳамда XX аср бошларигача бўлган ашёлардир. Бироқ буюмлар ичида энг қизиқарлилари Тупроққалъадан топилган сурат ва ҳайкаллар, турли давр ҳамда услубдаги остадонлар, шунингдек, Тўққалъа эпиграфик остадонлари, хоразмликларнинг кумуш идиши, Олтин Ўрда давридаги Хоразм осори атиқалари, Хива хонининг туҳфалари ҳисобланади.

Лекин бу жилдда антик давр ва илк ўрта асрларга оид Хоразмнинг моддий ва бадиий маданияти ашёлари келтирилган.

Хоразмда лой маҳсулотидан тайёрланган буюмлар ўзига хос эди. Ҳайкалча парчасида (СА-7118) уч шохли бош кийимдаги аёл киши тасвирланган. Йирик ва қуюқ чизгили чеҳра, қалин қошлар, паст қисми тасмали, баланд уч шохли бош кийимидаги аёл образи Хоразм учун хосдир (С.П. Толстов, 1948а, 198 б.). Таъкидлаш жоизки, «уч шохли тожлар» кўпинча Ўрта Осиё қазилмаларида учрайди. Уларнинг таркибида Акшахоқалъанинг яқинда кашф этилган деворий ёзувларида ва хоразмшоҳларнинг тангаларидан маълум бўлган қалъа гулчамбари шаклидаги Муралис тожи (қалъа девори шаклидаги бешбурчакли, жимжимали бош кийим)ни кўриш мумкин.

Анғқақалъадан мусиқа асбоби чалаётган ҳайкалча (СА-7133) келтирилган. У лютняга ўхшаш икки торли мусиқа асбобини бир оз пастда ушлаган ҳолда мусиқа чаляпти, мусиқа асбобининг бир қисми унинг ўнг елка қисмида жойлашган. Мусиқачининг бошида — қалпоқ ёки қулоқчин.

Бир қатор буюмларнинг келиб чиқиши Жонбошқалъа шаҳарчасидан, масалан, аёл ҳайкалчаси (СА-7117) ҳам шу жумладан. У белбоғ билан боғланган кўйлак кийган, кўйлак этагининг пастки тўлқинсимон қисмини гулдор мато ажратиб турибди, бошида — қулоқларини ёпиб турувчи текис бош кийим.

Жангчи тасвири туширилган сувдон сирти парчаси (СА-7138) уни Қалъали ғор II (Вайнберг, 2004, бб. 224, 226, 229) ва Кўйқирилғанқалъа (Толстов, Вайнберг, 1967, 75, 4, 6-расмлар) материалларига яқинлаштиради.

Кўрғошинқалъа – Қангуй давридаги Султониздог этакларида жойлашган, Хоразм шимолий чегараларининг ўнг соҳил суғориладиган ерларидаги ягона қалъадир. Ундаги топилмалар орасида — шер сурати тасвирланган сувдон парчасини кўрамиз. Афтидан, у қандайдир тасвирий асарнинг бир бўлаги бўлса керак.

KHOREZM

P.B. Lurje

Khorezm is an ancient historical and cultural region in the lower reaches of the Amu Darya, on its left and right banks (Left Bank and Right Bank Khorezm), in what is now the Republic of Uzbekistan and the Tashauz region of Turkmenistan.

Khorezm was surrounded by deserts on almost all sides: Kyzyl-kum or "Red Sands" separated it from Sogd and Chach; Kara-kum, or "Black Sands" from Margiana and Parthia.

Among the etymologies proposed so far for the place-name Khorezm (Old Persian Uvarazmi, Greek Chorasmioi, Arabic Khwarizm) the author is strongly in favour of Old Iranian *Khvari-zam – "Low-land".

The history of Khorezm goes back to the distant past. In the Neolithic Age, the Kelteminar culture (from the second half of the fourth to the third millennium BC) was widespread here – a culture of hunters and fishermen.

In the late Bronze Age, from the second half of the second millennium BC to the beginning of the first millennium BC, it was replaced by the Tazabagyab culture, the main occupation of its people was farming and cattle breeding, and the Suyurgan culture, whose inhabitants, at an early stage of development, were engaged in hunting and fishing, and later with farming and cattle breeding. At the beginning of the first millennium BC, the Amirbad culture was spreading in Khorezm, which was at a higher stage of development than previous cultures.

According to one of the theories based on the information of Hecataeus of Miletus (at the end of the sixth century BC) and Herodotus (fifth century BC), the Khorezmians lived in the Murgab and Tejen basins. This not entirely clear information created a hypothesis about "Greater Khorezm", a state with its center in the region of Merv and Herat, which supposedly existed in the pre-Achaemenid period, i.e., in the seventh to sixth centuries BC. Supporters of another hypothesis believe that the Khorezmians came to these territories from the north, from their original habitat.

The earliest, securely dated reference to the name Khorezm is contained in the inscription on the Behistun rock in 521–518 BC, executed at the behest of King Darius I. Apparently, in the '40s of sixth century BC, Khorezm was conquered by the Achaemenid Cyrus II, and under Darius I (522–486 BC) this region, along with Sogd and Parthia, was included in the 16th satrapy of the Achaemenid Empire. The liberation of Khorezm from the Achaemenids and the creation of the Khorezmian Kingdom dates back to the second half of the fourth century BC at latest. Greek sources mention King Farasman of Khorezm, in 329 BC, who went to Alexander the Great in Samarkand with a proposal of union.

In the second or perhaps the third century BC, Khorezm attained the rights of independent ownership in the huge Kangju confederation.

Already in the second to the first centuries BC, they began to mint their own coins, in imitation of the Greek-Bactrian coins of Eucratides, at first with a distorted Greek inscription, and then with Khorezmian writing. There was also a change in the iconography of coins that have the image of the local ruler on the obverse side and an equestrian rider and tamga on the reverse side. These symbols were then present on all the coins of Khorezm until the middle of the eighth century AD, testifying to the dynastic succession of the Khorezm rulers for more than 800 years. Thanks to the study of the Khorezmian inscriptions on coins by V.A. Livshits and B.I. Vainberg, the names of the Khorezmian kings (Khorezmshahs) were established: Artavas, Wazamar, Bravik and others, which differ significantly from the list of names of the so-called Afrighid dynasty, given by Biruni.

In the first centuries of our era, Khorezm represented a powerful, independent state, the capital of which was located on the site of the Toprak Kala settlement.

During this period the material and artistic culture of Khorezm reached a high level of development. Towns appeared with complex internal buildings; there was a flowering of crafts, trade, and the economy. The most famous sites of Khorezm of this period are Koy-Krylgan Kala, Janbas Kala, Kurgashin Kala.

The Toprak Kala settlement is rectangular in plan (500×350 m), the northeastern corner of which is occupied by the palace complex. During its excavations, clay relief sculpture was found, depicting the kings of Khorezm, their wives, patron deities and warriors, as well as unique fragments of multicolored wall paintings. The hundreds dozens of ancient Khorezmian texts found on leather and wood here, including the so-called "Lists of Houses" with a specific indication of the number of people living in the house – from the owner to the slaves – are of particular interest.

The development of the original culture of Khorezm in this period took place in close relationship with many countries of the East and West. In the Afrigid period (from the fifth to the eighth centuries AD), there were fundamental changes in the social, economic and cultural life of Khorezm.

Classical sites of this period are Berkut Kala, Yakke-Parsan, Teshik Kala and others.

Khorezm entered the Muslim orbit in 712 AD, when the troops of the Arab governor of Khorasan, Kutayba ibn Muslim, invaded this country, which, according to Biruni, caused great damage to the local civilization when entire libraries were destroyed.

The basis of our understanding of the history of Khorezm is archaeological work; historical sources play a primary role only starting in the established Muslim Middle Ages. The main work on the archaeology of Khorezm was conducted by the Khorezm Archaeological and Ethnographic Expedition (KAEE) under the leadership of S.P. Tolstov, which began in 1937 and was at one time the largest archaeological expedition in the USSR. As a result of its excavations, a scheme of the sequence of archaeological cultures in Khorezm from the Neolithic to the late Middle Ages was developed, which has now been improved and made more precise only in details.

The Hermitage owes to this expedition of S.P. Tolstov the foundation of its Khorezm collection, but an important part of it – the silver vessels of the Khorezmians – was found mostly randomly in hoards far to the northwest of Khorezm, in the territory of modern Russia.

The Khorezm Archaeological and Ethnographic Expedition was organized by the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR, located in Moscow, and that is why the bulk of the material was either left in place or exported to Moscow. Unlike the collections coming from the excavations of the expedition of the State Hermitage in Sogd, Bactria and Ferghana, the bulk of the Khorezm collection was provided by archaeologists, often through the Museum of Anthropology and Ethnography. They still have an important place in the Central Asian halls of the Hermitage. It is necessary, to mention the expedition of 1929 by A.Y. Yakubovsky and his colleagues from the Hermitage and the State Academy of the History of Material Culture, who worked in Kunya Urgench and Mizdahkan and gave rich material of Islamic times, as well as the participation of the Hermitage restorers in the study of wall paintings, and the work of V. A. Livshits from the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, in which texts in the early Khorezmian language were read.

The Hermitage collection contains items from Khorezm from different periods, from the Stone Age to the beginning of the 20th century, but the most interesting are the sculptures and paintings of Toprak Kala, a collection of ossuaries of different times and styles, including the epigraphic ossuaries from Tok Kala, silverwork of the Khorezmians, the antiquities of the Khorezm era of the Golden Horde, and gifts of the Khiva Khanate.

However, in this volume there are objects of material and artistic culture of Khorezm dating back to the era of antiquity and the early Middle Ages. The fragment of the figurine (SA-7118) depicts a female head in a threehorn headdress. The head has large heavy features with a unibrow, wearing a high three-horn headdress with a ribbon on the bottom, which is characteristic of Khorezm (Tolstov, 1948a, p. 198). However, this hypothesis was not confirmed, because three-horn "crowns" are often found in excavations in Central Asia in general. They can also be seen as corona muralis (a headdress in the form of a fortress wall with bastions, curtains, loopholes, barbs), known on the coins of Khorezmshahs, and in the recently opened mural from Akshahan Kala.

The statue of the lutenist (SA-7133) also comes from the Angka Kala. On a two-stringed musical instrument, along with the lute, the neck was slightly lowered; the small soundboard was placed under the right shoulder. The musician has a hood or bashlyk on his head. Most of the figurines have a broken head, from which R. L. Sadokov concludes that there was ritual breaking of the figures (S. P. Tolstov, 1948a, Table 72, 3; Bazar-kala is indicated as the location of the find).

A number of items come from the city of Janbas Kala. The figurine of a woman (SA-7117), dressed in a tunic fastened with a belt; the lower wavy edge of the tunic conveys drapery. A flat headdress covers the ears.

An interesting example of applied art, a fragment of the side of a flask with the image of a warrior (SA-7138), brings our fragment closer to the materials from Kalaly-gyr II (Weinberg, 2004, pp. 224, 226, 229) and Koy-Krylgan Kala (Tolstov, Weinberg, 1967. Figs. 75, 4, 6).

Kurgashin Kala is one of the fortresses on the northern border of irrigated lands of Right-Bank Khorezm, at the slopes of Sulton Uvays mountain, dating back to the "Kangju" times. This fragment of the flask contains a distinct image of part of the head, the back, and the tail of the standing lion looking to the left, and the border of the flask above it. Most likely, this image of the lion is a part of some larger composition.

ХОРЕЗМ

П.Б. Лурье

Хорезм – древняя историко-культурная область, расположенная в низовьях Амударьи, на ее левом и правом берегах (Левобережный и Правобережый Хорезм), на территории современных Республики Узбекистан и Ташаузской области Туркменистана.

Почти со всех сторон Хорезм был окружен пустынями: Кызылкум, или «Красные пески», отделяли его от Согда и Чача, Каракумы – «Черные пески», – от Маргисы и Перфи.

Название Хорезм (древнеперсидское Uvarazmi-, греческое Хорасмиои, арабское Хваризм), вероятно, происходит от древнеиранского *xwārī-zam- «нижняя земля».

История Хорезма уходит в далекое прошлое. В эпоху неолита здесь была распространена кельтеминарская культура (вторая половина IV–III тыс. до н.э.) – культура охотников и рыболовов.

В эпоху поздней бронзы, во второй половине II тыс. до н.э. – начале I тыс. до н.э., ее сменяют тазабагъябская культура, основным занятием жителей которой было земледелие и скотоводство, и суюрганская культура, на раннем этапе развития которой ее жители занимались охотой и рыболовством, а на позднем – земледелием и скотоводством. В начале I тыс. до н.э. на территории Хорезма распространяется амирабадская культура, находившаяся на более высокой стадии развития, чем предшествующие культуры.

Согласно одной из теорий, основанной на сведениях Гекатея Милетского (конец VI в. до н.э.) и Геродота (V в. до н.э.), хорезмийцы жили в бассейне рек Мургаб и Теджен. Эти не совсем точные сведения послужили созданию гипотезы о «Большом Хорезме» – государстве с центром в районе городов Мерв и Герат, которое, якобы, существовало еще в доахеменидский период, т.е. в VII–VI вв. до н.э. Сторонники другой гипотезы полагают, что хорезмийцы пришли на эти территории с севера, с мест своего исконного обитания.

Наиболее раннее, надежно датированное упоминание названия «Хорезм», содержится в надписи на Бехистунской скале, выполненной по велению царя Дария I в 521–518 гг. до н.э. По-видимому, в 40-х гг. VI в. до н.э. Хорезм был завоеван ахеменидом Киром II, а при Дарии I (522–486 гг. до н.э.) эта область, наряду с Согдом и Парфией, входила в 16-ю сатрапию Ахеменидской державы. Освобождение Хорезма от Ахеменидов и создание Хорезмийского царства относится ко времени не позднее второй половины IV в. до н.э. В греческих источниках упоминается царь Хорезма Фарасман, в 329 г. до н.э. прибывший в Самарканд к Александру Македонскому с предложением заключения союза.

Во II в. до н.э. или, возможно, в III в. до н.э. Хорезм входит на правах самостоятельного владения в состав огромной конфедерации Кангюй.

Уже во II–I вв. до н.э. здесь начинают чеканить монеты в подражание греко-бактрийским монетам Евкратида, вначале с искаженной греческой надписью, а затем с легендой, выполненной хорезмийской письменностью. Изменяется и иконография монет, которые имеют на лицевой стороне изображение местного правителя, а на оборотной – всадника на коне и тамги. Эти символы в дальнейшем присутствуют на всех монетах Хорезма вплоть до середины VIII в. н.э., свидетельствуя о династийной преемственности хорезмийских правителей на протяжении более 800 лет. Благодаря исследованию хорезмийских надписей на монетах, В.А. Лившицем и Б.И. Вайнбергом были установлены имена хорезмийских царей (Хорезмшахов): Артав, Вазамар, Бравик и другие, которые значительно расходятся со списком имен т.н. династии Африга, приведенных Бируни.

В первых веках нашей эры Хорезм представлял могущественное, независимое государство, столица которого находилась на городище Топраккала.

В этот период материальная и художественная культуры Хорезма достигают высокого уровня развития. Возникают города со сложной внутренней застройкой, происходит расцвет ремесел, торговли, экономики. Наиболее известные памятники Хорезма этого периода: Койкрылганкала, Джанбаскала, Кургашинкала.

Городище Топраккала – прямоугольное в плане (500х350 м), северо-восточный угол которого занимает дворцовый комплекс. При его раскопках обнаружена глиняная, раскрашенная скульптура, изображающая царей Хорезма, их жен, божеств-покровителей, воинов, а также уникальные фрагменты многокрасочной настенной живописи. Особый интерес представляют найденные здесь десятки древнехорезмийских текстов на коже и дереве, в том числе так называемые «Списки домов» с конкретным указанием числа проживающих в доме людей – от хозяина до рабов.

Развитие самобытной культуры Хорезма этого периода проходило в тесной взаимосвязи со многими странами Востока и Запада. В афригидский период (V–VIII вв. н.э.) происходят коренные изменения в общественной, экономической и культурной жизни Хорезма.

Классическими памятниками этого периода являются Беркуткала, Якке-Парсан, Тешиккала и другие.

В орбиту мусульманских притязаний Хорезм вошел в 712 г. н.э., когда в эту страну вторглись войска арабского наместника Хорасана Кутайбы бин Муслима, нанесшие, по словам Бируни, огромный ущерб местной цивилизации, когда уничтожались целые библиотеки книг.

Основой нашей интерпретации истории Хорезма являются археологические работы, так как исторические сочинения играют первостепанную роль только с периода развитого мусульманского средневековья. Основные работы по археологии Хорезма проводила Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция (ХАЭЭ) под руководством С.П. Толстова, работавшая с 1937 г. и бывшая одно время самой крупной в СССР. В результате ее раскопок была разработана схема последовательности археологических культур в Хорезме – от неолита до позднего средневековья, которая сейчас уточняется лишь в деталях.

Этой экспедиции С.П. Толстова Эрмитаж обязан основой своей хорезмской коллекции, однако важная ее часть – серебряные сосуды хорезмийцев – были найдены далеко к северо-западу от Хорезма, на территории современной России, преимущественно случайным образом в составе кладов.

Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция была организована Институтом этнографии АН СССР, располагавшемся в Москве, и именно потому основной объем материала либо оставлялся на месте, либо вывозился в Москву. В отличие от коллекций, поступающих из раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа в Согде, Бактрии и Фергане, основная часть хорезмского собрания была передана археологами, зачастую через Музей антропологии и этнографии. Они и сейчас занимают главное место в среднеазиатских залах Эрмитажа. Необходимо, впрочем, отметить экспедицию 1929 г. А.Ю. Якубовского и его коллег из Эрмитажа и Государственной академии истории материальной культуры, работавшую в Куня-Ургенче и Миздахкане и предоставившую богатый материал по исламскому периоду, участие реставраторов Эрмитажа в изучении настенных росписей и работы В.А. Лившица из Института восточных рукописей РАН, в которых были прочтены тексты на раннехорезмийском языке.

В коллекции Эрмитажа находятся предметы из Хорезма самых разных эпох, от каменного века до начала XX в., но самыми интересными яв-

ляются скульптура и живопись Топраккала, коллекция оссуариев разных времен и стилей, в том числе эпиграфические оссуарии из Токкала, серебряная посуда хорезмийцев, древности Хорезма эпохи Золотой Орды, дары Хивинского ханства.

Однако в данном томе представлены предметы материальной и художественной культур Хорезма, относящиеся к эпохе античности и раннего средневековья.

Своеобразной была коропластика Хорезма. Фрагмент статуэтки (СА-7118) изображает женскую голову в трехрогом головном уборе. Голова с крупными, тяжелыми чертами лица, со сросшимися бровями, в высоком трехрогом головном уборе с лентой понизу, что характерно для Хорезма (С.П. Толстов, 1948а, с. 198). Следует отметить, что трехрогие «короны» нередко встречаются в раскопках Центральной Азии. В них можно видеть и корону муралис (corona muralis) (головной убор в виде крепостной стены с бастионами, куртинами, бойницами, зубцами), известную по монетам хорезмшахов и недавно открытой настенной росписи из Акшаханкала.

Из Ангкакала приходит статуэтка лютниста (СА-7133). Он играет на двухструнном музыкальном инструменте типа лютни, расположенном грифом чуть вниз; небольшая дека находится под правым плечом. На голове у него колпак или башлык.

Ряд предметов происходит с городища Джанбаскала, как, например, статуэтка женщины (СА-7117). Она одета в подвязанную поясом тунику, нижний волнистый край которой подчеркивает драпировка; на голове – плоский головной убор, закрывающий уши.

Фрагмент стенки фляги с изображением воина (СА-7138) сближает наш фрагмент с материалами из Калалы-гыр II (Вайнберг, 2004, сс. 224, 226, 229) и Койкрылганкала (Толстов, Вайнберг, 1967. Рис. 75, 4, 6).

Кургашинкала – единственная из крепостей на северной границе земель зоны орошения правобережного Хорезма, у склонов Султануиздага, которая датируется кангюйскими временем. Среди находок с нее – фрагмент фляги с изображением льва, являющегося, видимо, частью какой-то композиции.

CA-7118

Учта шохли бош кийим кийган аёл киши боши ҳайкалчасининг бўлаги

Анғкакалъа; эрамизнинг I аср.
Сопол бўртма колип, тиғли асбобда сайқалланган. 5,5×3 см.

SA-7118

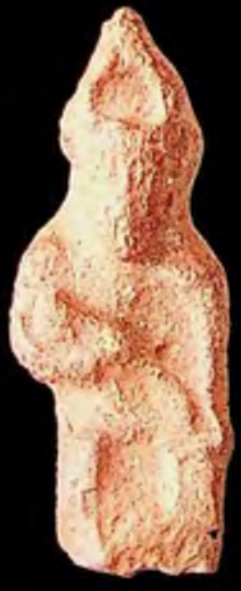
Fragment of a figurine head in a three-horn headdress

Angka Kala; first centuries AD.
Clay stamp imprint, chisel adjustment; 5.5×3 cm.

CA-7118

Фрагмент статуэтки, женская голова в трехрогом головном уборе

Ангкакала, первые века н.э.
Глина, оттиск штампа, подправка резцом; 5,5×3 см.

CA-7133

Удчи ҳайкалчаси

Анғкакалъа, I аср.
Сопол, бўртма колип, пичоқ билан сайқалланган. 8,5×3,5 см.

SA-7133

Figurine of a lutenist

Angka Kala; first centuries AD.
Clay, stamp imprint, chisel adjustment; 8.5×3.5 cm.

CA-7133

Статуэтка лютниста

Ангкакала, первые века н.э.
Глина, оттиск штампа, подправка ножом; 8,5×3,5 см.

CA-7138
Жангчи тасвири туширилган сув идиши бўлаги
Хоразм, Жонбосқалъа, милоддан аввалги IV–II асрлар.
Сопол, бўртма қолип. 5,8×6 см.

SA-7138
Fragment of the side of a flask with depicted warrior
Khorezm, Janbas Kala; 4th–2nd centuries BC.
Clay, stamp imprint; 5.8×6 cm.

CA-7138
Фрагмент стенки фляги с изображением воина
Хорезм, Джанбаскала, IV–II вв. до н.э.
Глина, оттиск штампа; 5,8×6 см.

CA-7137
Шер тасвири туширилган сув идиши бўлаги
Хоразм, Кўрғошинқалъа, милоддан аввалги IV–II асрлар.
Сопол, бўртма колип. 10,5×7,5 см.

SA-7137
Fragment of the side of a flask with depicted lion
Khorezm, Kurgashin Kala, 4th–2nd centuries BC.
Clay, stamp imprint; 10.5×7.5 cm.

CA-7137
Фрагмент стенки фляги с изображением льва
Хорезм, Кургашинкала, IV–II вв. до н.э.
Глина, оттиск штампа; 10,5×7,5 см.

CA-7117
Аёл киши ҳайкалчаси
Хоразм, Жонбосқалъа; милоддан аввалги IV–II асрлар
Сопол, қолип изи, пичоқда сайқалланган, ишқор ангоб. 12,7×4 см.

SA-7117
Figurine of a woman
Khorezm, Janbas Kala; 4th–2nd centuries BC.
Clay, stamp imprint, knife adjustment, brown engobe; 12.7×4 cm.

CA-7117
Статуэтка женщины
Хорезм, Джанбаскала, IV–II вв. до н.э.
Глина, оттиск штампа, подправка ножом, коричневый ангоб; 12,7×4 см.

ТУПРОҚҚАЛЪА ОЛИЙ САРОЙИДАГИ ҲАЙКАЛ ВА ТАСВИРИЙ САНЪАТ АСАРЛАРИ

П.Б. Лурье

Тупроққалъа – тўғри тўртбурчакли, 350×500 м ўлчовдаги одатдагидек режа асосида қурилган бўлиб, марказий қисмида ибодатхона, ҳарбий қўрғон ҳамда шимоли-ғарбий бурчагида сарой, шаҳар ташқарисига қараган маҳобатли иншоотлардан иборат бўлган. У кушон сулоласи даврида Хоразмнинг йирик маркази бўлган.

Олий сарой хом ғиштдан қурилиб, бўйи 15 метр ва томони 80 метр бўлган майдонни эгаллаган, унинг уч тарафида миноралар мавжуд бўлган. Қалъани қуришга 10 миллиондан ортиқ хом ғишт кетган. Унинг икки қаватида хўжалик ва омборхона бинолари (шулар қатори Хоразм давлати ҳужжатлари сақланадиган архив), қурол-яроғ омбори, тураржой хоналари ҳамда тантанали тадбирлар ўтказиш заллари жойлашган.

Заллар хом лойдан ишланган ҳайкаллар билан безатилган. Улар шартли қилиб, «Раққос ниқоблилар», «Сипоҳлар», «Ғалаба», «Қоратанли аскарлар», «Кийиклар», «Подшоҳлар кошонаси» деб аталган. Саройдаги қазилма ишлари пайтида топилган аксарият ҳайкалларнинг ранги сақланиб қолган, кўпчилиги ўйма қолипда шаклга солинган (Ю.А. Рапопорт, Е.Е. Неразик, 1984, 201 б.). Расм солиб безалган заллар асосан иккинчи қаватда жойлашган бўлиб, ундаги гулли нақшлар ёмон сақланган, аммо безаклар мусиқачилар, ҳайвонлар, ўсимликлар ҳайкалларига қараганда, афтидан, кўз-кўз қилиш учун эмас, ўзлари учун чизилган.

Тупроққалъанинг Олий саройи қурилган санани тангалар орқали аниқлаш мумкин. Ердаги тупроқ уюмлари орасидан топилган тангаларда Хоразм ҳукмдорлари Вазамара, Сиявашпарша, Артава тангалари билан бирга «Буюк Кушонлар» ҳукмронлари Канишка I, Хувишка ва Васудева зарб этган тангалар ҳам учрайди (Б.И. Вайнберг, 1977, 107–182 бб.). Охирги марта танга саройнинг шимоли-шарқий минорасидаги ғишт уюмлари орасидан топилган (Ю.А. Рапопорт, Е.Е. Неразик, 1984, 209 б.), кушонлар бошқаруви солномасига мувофиқ, танга 191–232 йилларга тааллуқлидир. Шимоли-шарқий минора марказий мавзеларга нисбатан

кечроқ қурилган (Ўша ерда, 14 б.), шунга кўра Олий сарой қурилишини II аср охири, аниқроғи, III асрнинг биринчи ярмига тегишли дейиш мумкин.

Олий саройнинг асосий қазилмалари 1945–1950 йилларда амалга оширилиб, С.М. Толстов қатор мақолаларида ҳамда умумлаштирувчи монографиясида (С.М. Толстов, 1962, 204–226 бб.), шунингдек, Хоразм археология-этнографик экспедицияси фаолиятининг махсус тўпламида (Ю.А. Рапопорт, Е.Е. Неразик, 1984) уни тўлиқ ёритган. Олий саройнинг энг яхши 70 та тасвирий санъат ва ҳайкаллари намунаси археологлар томонидан СССР ФАнинг Антропология ва этнография музейи – АЭМ (Кунсткамера)га тақдим этилиб, у ердан 1971 йилда Эрмитажга ўтказилган.

Олий сарой асосий залларидан бирининг 32-иморати жанубий девори марказида чуқурча жойлашган. Супалар ёнидаги зал деворларидаги токчалар тўсиқлар билан ажратилган. Уларнинг ҳар бири шаклга эга бўлиб, марказда катта уч ўлчамли ҳамда учта кичикроқ бўртма нақшлар четларида жойлаштирилган. Альбомда келтирилган бош тасвири қуйида жойлашган бўлиб, унда бургут шаклидаги дубулға акс этган. 5-дарвозахона ёнидан топилган ҳайкал, эҳтимол, аввал ёнма-ён жойлашган «Подшоҳлар кошонаси»нинг деворларини безаган бўлиши мумкин. У кўпроқ қўлида гулчамбар ушлаган ғалаба маъбудаси (юнонларнинг Ника ёки бақтрияликларнинг Ванинди) қиёфасини эслатади. Шунга ўхшаш шакллар саройнинг «Ғалаба зали» (Хр-793) ва «Раққос ниқоблилар зали»дан ҳам топилган.

Аёл ва боланинг табиий катталикдаги бошида бўялган кўзлар, бурун, жингалак қора сочлардаги боғич аниқ ифодаланган. Кейинги қадимий белгиларга хос «бош» ифодаланишининг пластик ечими Тупроққалъа безагининг ўзига хос қирраларини кўрсатади.

Марказий бино – «Кийиклар зали»нинг деворлари грифон, ток новдаси, анор дарахти ҳамда кийиклар, аниқроғи, буғуларнинг бўялган бўртма тасвирлари билан безатилган.

«Жангчилар зали» – токчаларида улкан жангчилар шакли жойлаштирилган тўғри тўртбурчак шаклидаги тантаналар хонаси бўлиб, улкан жангчилар атрофида аниқ юз тасвирига эга, териси тўқ рангли кичикроқ жангчи шакллари қўйилган. Ҳайкаллар тузилишидаги ушбу хусусиятга кўра, С.П. Толстов уларни Ҳиндистон жанубидаги дравид халқи вакиллари деб ҳисоблаган.

Саройнинг биринчи қаватидаги жимжимадор ўртача бўртмаларга нисбатан, лирик мавзулардаги ёзувлар асосида безатилган иккинчи қаватидаги безаклар ёмонроқ сақланган. Безакларда гуллар, мусиқачилар,

ёввойи ҳайвон ва қушлар акс этган бўлиб, улар орасида қирғовул тасвири алоҳида ажралиб туради.

Овга шайланаётган йўлбарс қиёфаси Хоразмнинг қадимги рассомлари юксак маҳоратидан далолат беради.

Катта ва очиқ нигоҳли, қуюқ қошли йигитларнинг юз тасвири – Хоразм тасвирий санъатининг ўзига хос белгиларидандир. Бундай тасвирлар Қўйқирилганқалъадаги мақбарада, Акшахонқалъадаги портрет галереясида, Тупроққалъадаги Олий саройда, шунингдек, Хоразм шоҳларининг аксарият тангаларида учрайди. Агар бундай тасвир иншоотнинг иккинчи қаватида ҳам (худди атрофидаги йўлбарс ва қирғовул тасвирлари сингари) бўлиб, ўчиб кетган бўлса, фараз қилиш мумкинки, унда овчи тасвирланган: шунга ўхшаш тасвир Қўйқирилганқалъада ҳам мавжуд бўлиб, қаҳрамон камони билан ов қилаётганлиги ифодаланган.

Бинонинг иккинчи қаватидаги тасвир ромб тўрда ифодаланиб, мусиқачилар кўкрак қисмигача бўлган тасвири, асосан арфачилар мусиқа асбобини бурчак томонидан тутган ҳолати акс этган.

Айнан шу залда чилтор чалаётган қиз тасвири ёнида шаҳло кўзли, қошларининг ўртаси «нуқталар» билан туташтирилган раққоса қоматининг бир қисми келтирилган (эҳтимол, дастлаб қизнинг қошлари туташ бўлгандир).

Кўҳна Хоразм санъати ва дини ҳақидаги тасаввуримизни Хоразм археология-этнография экспедицияси томонидан тадқиқ қилинган, келиб чиқиши бир неча ёдгорликлардан бўлган турли терракота ҳайкалчалари тўлдиради.

SCULPTURE AND PAINTING OF THE HIGH PALACE OF TOPRAK KALA

P.B. Lurje

Toprak Kala is a rectangular (350×500 m) ancient settlement, with regular planning, a temple in the center, a citadel and a palace in the northwestern corner, and monumental suburban buildings. This is the largest dynastic center of Khorezm of the so-called Kushan period.

The High Palace was located on an artificial platform of sun-dried earth bricks 15 m high and 80 m long, with towers on three sides. Over 10 million sun-dried earth bricks were used in construction. Two levels of administrative and storage areas (including the archive of Khorezm documents), an arsenal, residential premises and grand halls were located there.

The halls were decorated with sculptures of natural clay. The archaeologists granted code names to the halls – Dancing masks, Warriors, Victories, Black guardsmen, Deer, Hall of kings. The sculptures have often retained their color; many of them were molded in matrices, which were also found during the excavations of the palace (Y.A. Rapoport, Y.Y. Nerazik, 1984, p. 201). The halls with paintings were often on the second floor of the palace and preserved less well, but the paintings, unlike the sculptures, were rather of intimate than proclamative nature: musicians, animals, plants.

The date of construction of the High Palace of Toprak Kala can be determined by coins. In debris and on the floors, along with the coins of Khorezm rulers – Vazamar, Siyavashparsh, Artav – there were coins of the Great Kushans: Kanishka, Huvishka and Vasudeva (Weinberg, 1977, pp. 107–182). A coin from the last of these was found in the brickwork of the northeastern tower of the palace (Y.A. Rapoport, Y.Y. Nerazik, 1984, p. 209); according to the currently accepted chronology of the Kushans, his reign was from 191 to 232. The northeastern tower was built only a little later than the central group (ibid., p. 14); respectively, the construction of the High Palace should be dated to the end of the second and more likely to the third century AD.

The main excavations of the "High" Palace occurred in 1945–1950; a detailed description of it was given in a number of articles by S. P. Tolstov and his general monograph (S.P. Tolstov, 1962, pp. 204–226), as well as in the special volume of the Proceedings of the Khorezm Archaeological and Ethnographic Expedition (Y.A. Rapoport, Y.Y. Nerazik, 1984). The 70 best examples of paintings and sculptures of the High Palace were given by the archaeologists to the MAE - the Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences (Kunstkamera) - from where they were moved to the Hermitage in 1971.

In the center of the southern wall of one of the main halls of the High Palace (site 32) there was a depression. Sufas along the walls of the hall were divided into niches by partitions. Figures were placed in each of them: a large three-dimensional one in the center and three smaller, alto-relievo (high-relief) ones, along the edges. The head presented in this book was located in a niche, where an image of a helmet, crowned with a figure of an eagle, was found. The sculpture found in the filling of gate room 5 could have originally adorned the walls of the neighboring Hall of kings. It probably conveys the image of the goddess of victory (analogue of the Greek Nike or the Bactrian Vanind) with a wreath in her hands. Similar figures were found in the Hall of victories (Hr-793), and in the Palace of the Dancing Masks.

The head of a woman or a boy is a more natural size, with clearly modeled, painted eyes, the nose, and a band on the curly black hair. In the plasticity of the "head" late antique features characteristic of the decoration of Toprak Kala can be seen.

The walls of the room with a fireplace, the so-called Hall of deer, were decorated with relief painted images of griffins, a vine, a pomegranate tree, and deer or, rather, fallow-deer (cervus dama).

The Hall of the Warriors is a rectangular, ceremonial room with niches, in which large figures of warriors were placed surrounded by smaller figures with large features and dark skin. This feature of the image of sculptures allowed S.P. Tolstov to consider them representatives of the Dravidian peoples of Southern India.

Unlike the first floor of the palace with its "formal" bas-reliefs, the second floor, which was much less well preserved, was decorated mostly with murals on more lyrical themes. These are flowers, musicians, wild animals and birds; among the last, a pheasant's image stands out.

The very realistic image of the full face of the tiger shows the high skill of the ancient artists of Khorezm.

Profile images of young people with large, open eyes and thick eyebrows are a kind of visiting card of Khoresmian art. They are noted in the mausoleum of Koy-Krylgan Kala, in the "portrait gallery" of Akshahan Kala, in the High Palace of Toprak Kala, and on many coins of the Khorezmshahs. If this painting also fell down from the second floor (as well as the neighboring tiger and pheasant), then we can assume that a hunter is depicted here: a character on a similar painting from Koy-Krylgan Kala is aiming his bow.

The painting of the room on the second floor represented a diamond shaped pattern, in which chest-high portraits of musicians were represented, notably a harpist with an angle harp.

From the same hall as the image of the harpist comes a piece of the figure of a playing maiden with large eyes and "dots" between the eyebrows (the eyebrows of the maiden were probably joined together initially).

СКУЛЬПТУРА И ЖИВОПИСЬ ВЫСОКОГО ДВОРЦА ТОПРАККАЛЫ

П.Б. Лурье

Топраккала – прямоугольное в плане городище размерами 350×500 м, с регулярной планировкой, храмом в центре, цитаделью и дворцом в северо-западном углу, монументальными загородными постройками. Это крупнейший династический центр Хорезма так называемого кушанского периода.

Высокий дворец располагался на искусственной платформе из сырцового кирпича высотой 15 м и стороной 80 м, с трех сторон которой находились башни. На постройку ушло более 10 миллионов сырцовых кирпичей. На ней в два этажа располагались хозяйственные, складские помещения (в том числе архив хорезмийских документов), арсенал, жилые комнаты и парадные залы.

Залы были украшены скульптурой из сырой глины. Они имели условные названия: «танцующие маски», «воины», «победы», «темнокожие гвардейцы», «олени», «зал царей». На скульптурах часто сохранена окраска, многие из них были формованы в матрицах, которые тоже были найдены при раскопках дворца (Ю.А. Рапопорт, Е.Е. Неразик, 1984, с. 201). Залы с росписями находились зачастую на втором этаже дворца и сохранились хуже, однако росписи, в отличие от скульптуры, носили скорее интимный, нежели прокламативный характер: музыканты, животные, растения.

Дату постройки Высокого дворца Топраккалы можно определить по монетам. В завалах и на полах, наряду с монетами правителей Хорезма: Вазамара, Сиявашпарша, Артава, – встречались монеты «великих Кушан»: Канишки, Хувишки и Васудевы (Б.И. Вайнберг, 1977, сс. 107–182). Монета последнего была найдена в кирпичной кладке северо-восточной башни дворца (Ю.А. Рапопорт, Е.Е. Неразик, 1984, с. 209), по принятой ныне хронологии кушан его правление относится к 191–232 гг. Северо-восточная башня была построена немногим позднее центрального массива (Там же, с. 14), соответственно, строи-

тельство Высокого дворца нужно относить к концу II, скорее, к III в. н.э.

Основные раскопки Высокого дворца производились в 1945–1950 гг., подробное описание его дано в ряде статей С.П. Толстова и его обобщающей монографии (С.П. Толстов, 1962, сс. 204–226), а также в специальном томе Трудов Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (Ю.А. Рапопорт, Е.Е. Неразик, 1984). 70 лучших образцов живописи и скульптуры Высокого дворца были переданы археологами в МАЭ – Музей антропологии и этнографии АН СССР (Кунсткамеру), откуда в 1971 г. поступили в Эрмитаж.

По центру южной стены одного из главных залов Высокого дворца (Помещения 32) – располагалась западина. Суфы вдоль стен зала разделялись на ниши перегородками. В каждой из них располагались фигуры: большая трехмерная в центре и три меньших, горельефных, – по краям. Представленная в книге-альбоме голова расположена в нише, где найдено изображение шлема, увенчанного фигурой орла. Скульптура, найденная в заполнении привратного помещения 5, возможно, первоначально украшала стены соседнего зала царей. Вероятно, она представляет образ богини победы (аналог греческой Ники или бактрийской Ванинд) с венком в руках. Аналогичные фигуры найдены в Зале побед (Хр-793) и Зале танцующих масок этого дворца.

Голова женщины или юноши больше натуральной величины, четко моделированы раскрашенные глаза, нос, повязка на курчавых черных волосах. В пластическом решении «головы» прослеживаются характерные для декора Топраккалы позднеантичные черты.

Стены помещения с очагом, так называемого Зала оленей, были декорированы рельефными раскрашенными изображениями грифонов, виноградной лозы, гранатового дерева и ланей.

Зал воинов – это прямоугольное парадное помещение с нишами, в которых устанавливались большие фигуры воинов, а вокруг располагались фигуры меньших размеров с крупными чертами лица и темным цветом кожи. Эта особенность образа скульптур позволила С.П. Толстову считать их представителями дравидских народов юга Индии.

В отличие от первого этажа дворца с «официозными» барельефами, намного хуже сохранившийся второй – был украшен, по преимуществу, росписями на более лиричные темы. Это цветы, музыканты, дикие животные и птицы; среди последних выделяется изображение фазана.

Весьма реалистично изображение морды тигра в фас, что указывает на высокое мастерство древних художников Хорезма.

Профильные изображения молодых людей с большими, открытыми глазами, густыми бровями – своеобразная визитная карточка хорезмийского искусства. Они отмечены в мавзолее Койкрылганкала, в «портретной галерее» Акшаханкала, Верхнем дворце Топраккалы, на многих монетах царей Хорезма. Если данная роспись также упала из помещения второго этажа (как и соседние тигр и фазан), то можно предположить, что здесь изображен охотник: персонаж на аналогичной росписи из Койкрылганкалы целится из лука.

Роспись помещения второго этажа представляла ромбическую сетку, в которой были представлены погрудные изображения музыкантов, в частности, арфистки с угловой арфой.

Из того же зала, что и изображение арфистки, происходит часть фигуры музицирующей девы с большими глазами и «точками» между бровей (вероятно, изначально брови девы были сведены).

Дополняют наше представление об искусстве и религии древнего Хорезма разнообразные терракотовые статуэтки, происходящие с нескольких памятников, исследованных ХАЭЭ.

Хр-792
«Вазамарнинг хотини» боши
Тупроққалъа, Олий сарой, «Шоҳлар хонаси» (32-иморат); II аср охири – III асрнинг биринчи ярми.
Сопол, қолиплаш. 47×30 см.

Hr-792
Head of wife of Wazamar
Toprak Kala, High Palace, Hall of the Kings (room 32); the end of the 2nd – first half of the 3rd century.
Clay, forming; 47×30 cm.

Хр-792
Голова «супруги Вазамара»
Топраккала, Высокий дворец, Зал царей (помещение 32); конец II – первая половина III вв.
Глина, формовка; 47×30 см.

Хр-775
Галаба маъбудаси
Хоразм, Тупроққалъа, Олий сарой, 5-хона, уюм; II аср охири – III асрнинг биринчи ярми. Сопол, қолиплаш, ранг-баранг бўёқ. 134×40 см

Hr-775
Goddess of Victory
Khorezm, Toprak Kala, High Palace, room 5, rubble; the end of the 2nd – first half of the 3rd century.
Clay, forming, coloring; 134×40 cm.

Хр-775
Богиня победы
Хорезм, Топраккала, Высокий дворец, помещение 5, завал; конец II – первая половина III вв.
Глина, формовка, раскраска; 134×40 см.

Хр-767
Кийик боши
Хоразм, Тупроққалъа, Олий сарой, «Кийиклар хонаси» (17-хона); II аср охири – III асрнинг биринчи ярми.
Сопол, қолиплаш, ранг-баранг бўёқ; 43×56 см.

Hr-767
Head of a deer
Khorezm, Toprak Kala, High Palace, Deer Hall (room 17); the end of the 2nd – first half of the 3rd century.
Clay, forming, coloring; 43×56 cm.

Хр-767
Голова оленя
Хорезм, Топраккала, Высокий дворец, Зал оленей (помещение 17); конец II – первая половина III вв.
Глина, формовка, раскраска; 43×56 см.

Хр-756
Аёл бош бўлаги
Тупроққалъа, Олий сарой, иккинчи қават, II-1-хона («Чилторчи аёл хонаси»), II аср охири – III асрнинг биринчи ярми.
Қуруқ сувоққа ишланган безак; 8×7 см.

Hr-756
Fragment of a woman's head
Toprak Kala, High Palace, second floor, room II-1 (Harpist's Hall), the end of the 2nd – first half of the 3rd century.
Painting on dry plaster; 8×7 cm.

Хр-756
Фрагмент женской головы
Топраккала, Высокий дворец, второй этаж, помещение II-1 (Зал арфистки), конец II – первая половина III вв.
Роспись по сухой штукатурке; 8×7 см.

Хр-751
Қирговул
Хоразм, Тупроққалъа, Олий сарой, иккинчи қават, II-2-хона (39-хонадан топилган); II аср охири –III асрнинг биринчи ярми
Қуруқ сувоққа ишланган расм; 38×28 см.

Hr-751
Pheasant
Khorezm, Toprak Kala, High Palace, second floor, room II-2 (found in room 39); the end of the 2nd – first half of the 3rd century.
Painting on dry plaster; 38×28 cm.

Хр-751
Фазан
Хорезм, Топраккала, Высокий дворец, второй этаж, помещение II-2 (найден в помещении 39); конец II – первая половина III вв.
Роспись по сухой штукатурке; 38×28 см.

Хр-755
Йўлбарс боши
Хоразм, Тупроққалъа, Олий сарой, иккинчи қават, II-2-хона (39-хонадан топилган); II аср охири – III асрнинг биринчи ярми.
Қуруқ сувоққа ишланган расм; 16×15 см.

Hr-755
Head of a tiger
Khorezm, Toprak Kala, High Palace, second floor, room II-2 (found in room 39); the end of the 2nd – first half of the 3rd century.
Painting on dry plaster; 16×15 cm.

Хр-755
Голова тигра
Хорезм, Топраккала, Высокий дворец, второй этаж, помещение II-2 (найден в помещении 39); конец II – первая половина III вв.
Роспись по сухой штукатурке; 16×15 см.

Хр-733
Эркак киши бошининг ён томондан тасвири
Хоразм, Тупроққалъа, Олий сарой, 39-хона, II аср охири – III асрнинг биринчи ярми.
Қуруқ сувоққа ишланган расм; 31×18 см.

Hr-733
Male head in profile
Khorezm, Toprak Kala, High Palace, room 39(?); the end of the 2nd – first half of the 3rd century.
Painting on dry plaster; 31×18 cm.

Хр-733
Мужская голова в профиль
Хорезм, Топраккала, Высокий дворец, помещение 39 (?), конец II – первая половина III вв.
Роспись по сухой штукатурке; 31×18 см.

Хр-757
Чилторчи аёл
Тупроққалъа, Олий сарой, иккинчи қават, II-1-хона («Арфачи аёл хонаси»), II аср охири – III асрнинг биринчи ярми.
Қуруқ сувоққа ишланган расм; 75×65 см.

Hr-757
Female harpist
Toprak Kala, High Palace, second floor, room II-1 (Harpist's Hall), the end of the 2nd – first half of the 3rd century.
Painting on dry plaster; 75×65 cm.

Хр-757
Арфистка
Топраккала, Высокий дворец, второй этаж, помещение II-1 (Зал арфистки), конец II – первая половина III вв.
Роспись по сухой штукатурке; 75×65 см.

Хр-772
Сипоҳ боши
Хоразм, Тупроққалъа, Олий сарой, «Сипоҳлар хонаси» (26-хона); II аср охири – III асрнинг биринчи ярми. Сопол, қолиплаш, ранг-баранг бўёқ. 14,5×13,8; 18×15 см.

Hr-772
Head of warrior
Khorezm, Toprak Kala, High Palace, Warriors' Hall (room 26); the end of the 2nd – first half of the 3rd century.
Clay, forming, coloring; 14.5×13.8; 18×15 cm.

Хр-772
Голова воина
Хорезм, Топраккала, Высокий дворец, Зал воинов (пом. 26); конец II – первая половина III вв.
Глина, формовка, раскраска; 14,5×13,8; 18×15 см.

ОСТАДОНЛАР

П.Б. Лурье

Хоразм марҳумлар суягини поклаш ва уларни остадонларга солиш анъанаси кўп жиҳатдан тўлақонли ўрганилган воҳа ҳисобланади. Айнан шу ерда Ўрта Осиёдаги энг улкан дахма (марҳумлар сақланадиган жой) – Чилпиқ топилган бўлиб, остадон (суяк сақланадиган идиш)лар эрамиздан аввалги IV–II асрлар ва эрамизнинг VIII асрига оиддир. 1960-йилларнинг охирида остадон ва унинг бўлакларидан иборат 40 дан ортиқ археология ёдгорликлари топилган (Рапопорт, 1971. 123–125 бб.).

Қути, минора ва ҳайкал шаклидаги остадонлар қадим Хоразм учун хосдир. Уларнинг айримларида эркак, аёл, чавандоз тасвирлари акс этган. Бу тасвирларда ким ифодалангани (марҳум ёким илоҳ-ҳомий) хозирча номаълум. Эрамизнинг III асридан кейин ва VIII асригача бўлган даврларда фақат қути остадонлар сақланган. Пишмаган лойдан, сопол, тошдан ясалган остадонлар кенг тарқалиб, кейинчалик улар гипсдан ясалган. Гипс қоришмаси ёғоч қолипга қуйилган (баъзи жойларида ёғоч қипиғи сақланиб қолган), қотганидан сўнг четларига ишлов берилган. Остадоннинг алебастрдан қилинган қопқоғи ҳам айнан шундай қуйма усулда тайёрланган. Кўпинча остадонларнинг оёғи баланд бўлмай, эроний халқлар маданиятининг чиққан жонни тасвирлашига кўра қопқоғининг бандида қуш шакли ифодаланган. Қизиқарли жиҳати шундаки, Хоразм остадонларидан бирининг кўриниши томонлари қиррали жимжима билан безатилган тўғри тўртбурчакли сопол қути шаклида (Рапопорт, 1971, 47б расм), Туюгоунинг Турфандан шарқда жойлашган Шаньшань музофотидаги марҳум суяклари сақланган идиш шакли билан айнан бир хил (Wertmann, 2015, 80, 1 расм). Бу топилма Шарқий Туркистонга Хоразмдан келиб жойлашган фуқаролар ҳақида бирор маълумот бера олармикан?

Хоразм чегарасига яқин жойларда, Хоразм маданияти билан чамбарчас боғлиқ Сирдарё бўғози атрофида марҳумларни охирги йўлга кузатиш маросими Евроосиё даштлари маданиятига яқин тарзда амалга оширилган.

Эрмитаж кўргазмаларида Хоразмнинг қанға давридаги ҳайкал остадоннинг энг яхши намунаси кўрсатилган. Унинг қисмлари Қўйқирилганқалъадан 1 км наридаги шимоли-жанубий манзилдаги қароргоҳдан тўпланган, топилма инвентаридаги маълумотга кўра, у эрамиздан аввалги III–II асрларга тегишли. Қисмлар инсон қоматига биноан йиғилган, қўлларни тиклашнинг иложи бўлмаган, бироқ бармоқлар қисми топилган.

Инсон бўйи билан тенг эркак ҳайкали оёғини чалиштириб тўғри тўртбурчак минбар (ёстиқ) устида ўтирибди. У П шаклидаги ёқали, бўксагача тушган кўйлак кийиб олган (либосининг пастки қисмидаги безаклар ҳаётда эришган муваффақиятларини англатиб турибди), чамаси, оёғига этик кийган. Ингичка белига ханжар қистириладиган белбоғ тақиб олган. Кенг ва яғриндор кўкраги устига икки тоғ эчкиси тасвирланган айлана шаклидаги осма танга тушиб турибди; бу Қора денгиз бўйидаги аҳоманийлар ва эронлик кўчманчиларга тегишли заргарлик буюмларидир. Идишнинг суяк сақлашга мўлжалланган тўғри бурчак қисми шакл ва ҳайкал ўтирғичининг орқа тарафида жойлашган. Ҳайкал қаҳрамонининг боши алоҳида ясалиб, ярим айлана турмаги, йирик кўзлари, сал қийшиқ бурни, мўйлови ва тукдор соқоли ифодаланган.

Хоразмдаги қути остадонлар ҳайкал шаклидаги остадонлар билан бир даврда – Қанға даврида пайдо бўлган ҳамда эрамизнинг VIII асрида ҳудудга ислом дини кириб келгунга қадар қўлланган.

Тўққалъа иншоотидан яна бир остадон топилган. Ушбу қалъа Шимолий Хоразм ўнг қирғоқ қисмининг тарихий ҳудуди Кердерда жойлашган бўлиб, кўп қатламли ёдгорлик ҳисобланади. Иншоот шаҳарсозлик ривожланишига оид бўлиб, топилган тангаларга кўра у VII ва VIII асрнинг биринчи ярмига тегишли, деб белгиланади. Ундаги остадонлар марҳумлар сақланадиган ерости иншоот – навусларга қўйилган.

Эрмитаж, И.В. Савицкий номидаги давлат санъат музейи ва Нукус ўлкашунослик музейларида сақланаётган остадонларда 94 та битик ва ёзувли қисмлар мавжуд. Уларнинг фақат 15 тасигина ўқилган (С.П. Толстов, В.А. Лившиц, 1964; П.В. Лурье, 2014). Битиклар сиёҳ ёрдамида тик ва қия ҳолатда Хоразм ёзуви (деривата-оромий ёзувининг маҳаллий мукобили)да, қадим Хоразм тилида ёзилган. Битиклар узунасига, кўп ҳолларда эса кўндаланг ёзилган. Уларнинг кўпчилиги 658–738 йилларда битилган. «Хоразм даври» эрасида кумуш идишларда ифодаланган уйғун ёзувлар Тупроққалъа ҳужжатларига нисбатан тўрт-беш аср аввал ишлатилган. Аксарият тадқиқотчилар уни I асрнинг биринчи ярмида ишлатилган, дейдилар, яқин ўтмишда М. Минарди уни эрамизгача бўлган

I асрнинг охирги ўн йиллигида ишлатилган, деб белгилашни таклиф этди (Minardi, 2013. Қ.Ё. 117–119).

Ушбу битик В.А. Лившиц томонидан қуйидагича ўқилган: «678 йил, Ахурим ойи (ўнинчи ой), Гош куни (14-кун). Ушбу кутида Хуницка Табоний, Эжамуа ўғлининг жасади сақланмоқда».

Тўққалъадаги айрим остадонлар манзарали тасвирларга эга. Тасвирлар, афтидан, маҳоратсиз усталар томонидан бажарилган бўлиб, уларда қуёш ва ой, иншоотлар, геометрик шакллар, ит ҳамда кўп ҳолларда аза маросими тасвирланган. Остадоннинг марказида тўртбурчак ичида ётган эркак тасвирланган. Унинг атрофида ўтирган ва турган қиёфалар бор. Қаҳрамонлар учбурчак ёқали тиззагача узун, бели боғланган камзул ва этик кийишган. Тасвир қаҳрамонлари барча бўш ўринларда ифодаланган. Эҳтимол, унда аза маросими тасвирланган бўлса керак. Суратни кузатиш жараёнида хоразмликларнинг ўлаётган табиат учун аза тутаётганлари ифодаланган, деб ҳам ўйлаш мумкин. Шунга ўхшаш маросим – «Мино кечаси» ҳақида Абу Райҳон Беруний ўз асарида эслатиб ўтган (Беруний – Салье, 1957, 257–258 бб.). Таъкидлаш керакки, Панжикентдан топилган аза маросимининг тасвири энди тақвимий байрамни ифодоловчи сурат сифатида талқин этилади (F. Grenet, V. Marshak, 1998).

OSSUARIES

P.B. Lurje

Khorezm is the region where the ritual cleaning of the bones of the deceased and placing them in an ossuary is most fully reflected. The largest dakhma (a structure for exposing the corpses to the sun and air) in Central Asia was found in the region, in Chilpyk, and the ossuaries (bone receptacles) are dated from the fourth to the second centuries BC and continued to exist until the eighth century AD. By the end of the 1960s, more than 40 archaeological sites containing ossuaries and their fragments had been discovered. They are represented by various types (Y.A. Rapoport, 1971, pp. 123–125).

The chest, tower and statuary ossuaries are characteristic of ancient Khorezm. Some depict the figures of men, women, and horsemen. The origin of their attribution remains unclear, as well as who is depicted on such ossuaries: the deceased or his/her patron deity. After the third century and until the eighth century, only chest ossuaries remained. Unfired clay, ceramic, and stone ossuaries of this type are known, but the largest number of late-period ossuaries are made of gypsum. A gypsum solution was poured into the wooden form (here and there traces of formwork are visible), and after the hardening it was trimmed. The alabaster sloping lid of the ossuary was cast in the same way and closely adjusted to the walls. Most often the ossuaries had low legs; sometimes the handle of the lid was in the form of a bird's figure–the image of the soul of the deceased in the cultures of the Iranian peoples. It is curious that one of the types of the Khorezmian ossuaries, the rectangular ceramic box with a border with incisions at the joints on the sides (Y.A. Rapoport, 1971, fig. 47b) – has an exact parallel in the ossuary burial from Tuyugou, in the Shanshan county, east of Turfan (Wertmann, 2015, fig. 80, 1). Might this finding suggest Khorezm settlers in Eastern Turkestan?

At the same time, other burial traditions close to the burials of the Eurasian steppe cultures were spread on the borders of Khorezm, as

well as in the delta of the Syr Darya, culturally closely connected with Khorezm.

The exposition in the Hermitage presents perhaps the best example of the Khorezm statuary ossuaries of the Kangju period. Its fragments were collected at the manor 1 km to the northeast of Koy-Krylgan Kala, and the accompanying inventory is dated to the third to second centuries BC. The fragments were assembled into the form of a human body, although the arms could not be restored (however, a fragment of a hand was found).

A man, practically of natural height, sits cross-legged on a rectangular platform (apparently, on a pillow). He has a shirt down to his hips (the lines drawn in the lower part may indicate lamellar armor), with a U-shaped collar, and he seems to be wearing boots. On his thin waist is a belt, to which a fragmentarily preserved dagger was attached. On his broad and anatomically elaborate breast is a torc, with the front part in the form of a disk and two argali on the sides; it has connections in the jewelry of the Achaemenids and Iranian nomads of the Black Sea region. A rectangular hole for insertion of bone is located on the back of the figure and the platform. The character's head, with a hemispherical hairstyle, large eyes and a slightly hooked nose, a mustache and a pointed beard, was molded separately.

The chest ossuaries appeared in Khorezm at about the same time as the statuary, since the Kangju time, and existed until the eighth century AD, until the establishment of Islam in the region.

Another ossuary comes from the necropolis of Tok Kala. It is a multi-layered site on the right bank of Northern Khorezm, the historic Kerder region. The necropolis corresponds to the stage of development of the site, which, according to coins, should be dated from the seventh to the first half of the eighth century. The ossuaries were located in ground surface funerary structures, the so-called "nauses."

There are 94 known inscriptions and fragments of inscriptions on the ossuaries stored in the Hermitage, the Museum of Arts named after Savitsky and the Nukus Museum of Local Historical Studies. Only 15 of them have been interpreted (S.P. Tolstov, V.A. Livshits, 1964; P.B. Lurje, 2014). The inscriptions are made in ink in the late, cursive version of the Khorezm script – the local derivative of the Aramaic prototype – in the Early Khorezmian language. Inscriptions are most often vertical, but sometimes horizontal. Many of them have a date – from 658 to 738 of the "Khorezmian era"; the same era was given in roughly synchronous inscriptions on silver vessels and four to five centuries earlier in docu-

ments from Toprak Kala. Most researchers date the beginning of the era by the first half of the first century AD; recently M. Minardi suggested that it be shifted back to the last decades of the first century BC (Minardi, 2013, pp. 117–119), but the present author collected some unnoticed data that it should start around mddle 1st centure CE (Lurje, 2018).

This inscription was interpreted by V.A. Livshits as follows: "Year 678, month Ahurim (the tenth month), day Ghosh (the 14th day). This is the box of the body of Khunitska of Taban, son of Ezhamaua."

Some Tok Kala ossuaries had genre paintings. The paintings are executed clearly by an amateur; the sun and the moon, structures, geometric figures, dogs, and often scenes of mourning are depicted. In the center of the ossuary is shown a rectangle with a man lying down. Around him figures are standing and sitting. The characters are dressed in knee-length belted gowns with a triangular collar, and boots. The figures occupy all the free space. Perhaps the painting depicts the mourning of the deceased. One can also think that the painting contains the ritual of the Khorezmians dedicated to the mourning of dying nature. A similar holiday – the night of Mina – is mentioned by Biruni (Biruni-Sal'e, 1957, pp. 257–258). It should be noted that the painting with the scene of mourning from Penjikent is now interpreted as a calendar holiday (F. Grenet, V. Marshak, 1998).

ОССУАРИИ

П.Б. Лурье

Хорезм – область, где наиболее полно определен обряд очищения костей умерших и помещения их в оссуарии. Именно здесь найдена самая большая в Средней Азии *дахма* (сооружение для выставления тел умерших) – Чильпык, а оссуарии (костехранилища) датируются IV–II вв. до н.э. и продолжают существовать до VIII в. н.э. К концу 1960-х гг. было открыто более 40 археологических памятников, содержащих оссуарии и их фрагменты. Они представлены различными типами (Ю.А. Рапопорт, 1971, сс. 123–125).

Так, для античного Хорезма характерны ящичные, башенные и статуарные оссуарии. На некоторых из них изображены фигуры мужчин, женщин, всадников. Пока не ясно, кто изображен на таких оссуариях: умерший или божество-покровитель. После III и до VIII вв. используются только ящичные оссуарии. Известны необожженные глиняные, керамические, каменные оссуарии такого типа, но наибольшее их число позднего периода выполнено из гипса. Гипсовый раствор заливался в деревянную форму (кое-где видны следы опалубки), после затвердения подтачивался. Так же отливалась и алебастровая покатая крышка оссуария, точно подгонявшаяся под стенки. Чаще всего оссуарии имели невысокие ножки, иногда ручка крышки формировалась в виде фигуры птички – изображения души умершего в культурах иранских народов. Любопытно, что один из типов хорезмских оссуариев: подпрямоугольный керамический ящик с бордюром с насечками по стыкам сторон (Ю.А. Рапопорт, 1971. Рис. 47б), – находит точную параллель в оссуарном захоронении из Туюгоу, в округе Шаньшань к востоку от Турфана (Wertmann, 2015. Рис. 80, 1). Может ли эта находка говорить о хорезмских поселенцах в Восточном Туркестане?

При этом на границах Хорезма, а точнее в дельте Сырдарьи, культурно тесно связанной с Хорезмом, были распространены другие традиции погребения, близкие захоронениям культур степного пояса Евразии.

На экспозиции в Эрмитаже представлен, пожалуй, лучший образец статуарных оссуариев Хорезма кангюйского периода. Его фрагменты собраны на территории усадьбы в 1 км к северо-востоку от Койкрылганкалы. Сопровождающий инвентарь относился к III–II вв. до н.э. Из фрагментов была собрана фигура человека; руки восстановить не удалось, хотя был найден фрагмент кисти.

Мужчина, практически в человеческий рост, сидит скрестив ноги на прямоугольном подиуме (видимо, подушке). На нем рубаха до бедер (прочерченные линии в нижней части могут указывать и на ламеллярный доспех) с П-образным воротом, ноги, кажется, в сапогах. На тонкой талии – пояс, к которому крепился фрагментарно сохранившийся кинжал. На широкой и анатомически проработанной груди – гривна с передней частью в виде диска и двух архаров по сторонам; она имеет связи с ювелирными изделиями ахеменидов и иранских кочевников Причерноморья. Прямоугольное отверстие для закладывания костей расположено в задней части фигуры и подиума. Отдельно вылеплена голова персонажа, с полусферической прической, крупными глазами и чуть горбатым носом, усиками и острой бородкой.

Ящичные оссуарии появляются в Хорезме примерно одновременно со статуарными, с кангюйского времени, и существуют до VIII в. н.э., т.е., до утверждения ислама в регионе.

Еще один оссуарий происходит из некрополя Токкала. Это многослойный памятник на правобережье северного Хорезма, исторической области Кердер. Некрополь соотносится с этапом развития городища, который, по монетным находкам, должен датироваться VII – первой половиной VIII вв. Оссуарии располагались в наземных погребальных сооружениях, т.н. наусах.

Известны 94 надписи и фрагмента надписей на оссуариях, хранящихся в Эрмитаже, Государственном музее искусств им. И.В. Савицкого и Каракалпакском государственном краеведческом музее (Нукус). Лишь 15 из них прочтены (С.П. Толстов, В.А. Лившиц, 1964; П.В. Лурье, 2014). Надписи выполнены тушью поздним, курсивным изводом хорезмийского письма (местного деривата арамейского прототипа) на раннехорезмийском языке. Надписи чаще вертикальные, но нередки и горизонтальные. Многие из них имеют дату – с 658 по 738 гг. «хорезмийской эры»; та же эра использовалась в примерно синхронных надписях на серебряных сосудах и на четыре–пять столетий раньше – в документах из Топраккалы. Большинство исследователей датирует начало эры первой половиной I в. н.э., недавно М. Минарди предложил удревнить ее до последних десятилетий I в. до н.э. (Minardi, 2013, pp. 117–119) ; недавно

мы привели незамеченные ранее данные, которые подтверждают датировку начала эры серединой I века н.э. (Lurje, 2018).

Настоящая надпись прочитана В.А. Лившицем следующим образом: «Год 678, месяц Ахурим (десятый месяц), день Гош (14-й день). Это ящичек тела Хуницка Табанского, сына Эжамауа».

Некоторые оссуарии Токкалы имели сюжетные росписи. Росписи выполнены явно непрофессиональной рукой, изображаются солнце и луна, сооружения, геометрические фигуры, собаки и часто сцены оплакивания. На оссуарии по центру показан прямоугольник с лежащим мужчиной. Вокруг него – стоящие и сидящие фигуры. Одеты персонажи в затянутые на поясе длинные по колено халаты с треугольным воротником и в сапоги. Фигуры занимают все свободное пространство. Возможно, роспись изображает оплакивание умершего. Можно также предположить, что на росписи представлен ритуал хорезмийцев, посвященный оплакиванию умирающей природы. О сходном празднике (ночи Мины) упоминает Бируни (Бируни – Салье, 1957, сс. 257–258). Заметим, что роспись со сценой оплакивания из Пенджикента толкуется Теперь именно как иллюстрация календарного праздника (F. Grenet, V. Marshak, 1998).

Хр-784
Ўтирган эркак киши шаклидаги ҳайкал-остадон
Қўйқирилганқалъа атрофлари, милоддан аввалги III–II асрлар (?).
Сопол; қолиплаш, ангоб; гипс билан қайта таъмирланган; 104×45×40 см.

Hr-784
Statuary ossuary in the form of a sitting man
Vicinity of Koy-Krylgan Kala, 3rd–2nd centuries BC (?).
Clay; forming, engobe; restored with gypsum; 104×45×40 cm.

Хр-784
Статуарный оссуарий в виде сидящего мужчины
Окрестности Койкрылганкалы, III–II вв. до н.э. (?).
Глина; формовка, ангоб; реставрирован гипсом; 104×45×40 см.

CA-15708
Оёқли, устига расм ишланган тўғри тўртбурчак остадон
Тўққалъа қабристони, VII аср охири – VIII аср бошлари.
Гипс, қуйма қолип, минерал бўёқларда ишланган нақш; 48,8×28,5×42 см.

SA-15708
Rectangular ossuary on legs with a painting
Necropolis of Tok Kala, the end of the 7th – the beginning of the 8th century.
Gypsum, pouring in a mold, painting with mineral paints; 48.8×28.5×42 cm.

CA-15708
Оссуарий прямоугольный на ножках с росписью
Некрополь Токкала, конец VII – начало VIII вв.
Гипс, заливка по форме, роспись минеральными красками; 48,8×28,5×42 см.

CA-15707
Оёқли, устига расм ишланган тўғри тўртбурчак остадон
Тўққалъа қабристони, 678 й. Хоразм даври (VIII аср бошлари).
Гипс, қуйма қолип, тушда ёзилган; 51×25,7×28,8 см.

SA-15707
Rectangular ossuary on legs with an inscription
Necropolis of Tok Kaia, 678 of the Khorezmian era (early 8th century?).
Gypsum, pouring in a mold, inscription in ink; 51×25.7×28.8 cm.

CA-15707
Оссуарий прямоугольный на ножках с надписью
Некрополь Токкала, 678 г. хорезмийской эры (начало VIII в.?).
Гипс, заливка по форме, надпись тушью; 51×25,7×28,8 см.

КУМУШ ИДИШЛАР

П.Б. Лурье

Илк ўрта асрларга оид кумуш идишларнинг кичик гуруҳи Хоразм торевтика мактабига тегишли. Хоразм тангаларининг палеографик тузилиши ва кумуш идишлардаги ёзувлар ушбу фикрнинг асоси бўлиб ҳисобланади (Толстов, 1948а, 192–194 бб.). Бир хил шаклдаги Хоразм идишларининг барчасига ҳам безак ишлови берилмаган: кумушнинг юпқалаштирилган қатлами асосида ярим айлана косага кандакорлик ишлови берилиб, унинг деворлари нозик сим билан безатилган, юзи эса сурат акс этган тангасимон доира билан безатилган. Мана шундай безак бериш ҳолати кумушдан юпқа қилиб ишланган кўзачада ҳам учрайди. Хоразм кумуш идишларини айнан Хоразмнинг ўзидан бир марта ҳам топмаганлар. Улар суғд кумуши ёки Эроннинг сосонийлар идиши сингари Эрмитажда сақланиб, Кама, қуйи Обь дарёси, Доғистон ҳудудларидан топилган ҳамда бу ҳолат хоразмликларнинг ўша даврда кенг савдо алоқаларини йўлга қўйганлигини англатади.

Безаклар билан безатилган косанинг марказий қисмининг ўнг тарафида ёқалари қайрилган чакмон кийган садоқли ясовул тасвирланган. Ёйилган сочлари устига бошидан чамбарак тақкан ушбу отлиқ, эҳтимол, қандайдир илоҳ бўлса керак. Косанинг ички томонига «Пахнак, Ширнинг ўғли, улар учун ясалган» деган ёзув бор (Lurje, 2018, 296-299 бб.). Қизиқ жиҳати шундаки, Абу Райҳон Берунийнинг «Қадимги халқлардан қолган ёдгорликлар» китобининг Истанбул нусхасида хоразмшоҳлар номи келтирилган рўйхатда Сабрий исми (VII асрлар)ни Ширий деб ўқиш тўғрироқ бўлади (Беруний – Салье, 1957, 48 б.).

Косанинг айланаси ичида тўрт қўллик маъбуданинг бўртма шакли келтирилган. У айлана кенглигини деярли эгаллаган ҳолда тахтда ўтирибди. Тахтнинг оёқлари мураккаб шаклда. Тахтнинг ўнг оёғи устида – қандайдир тўғри тўртбурчак буюм, ўриндиқ олд томони дур-инжулар тизмаси билан безалган. Маъбуда олд томондан кўрсатилган. Маъбуданинг эгнида узун, этаги ергача тегиб турувчи кўйлак, унинг устидан ёқаси ярим айланали,

олди безак ва тўрлар билан ишлов берилган пешбанд кийган. Маъбуданинг юқори қўллари қуёш(?) ва ярим ойни, ўнг тарафидаги пастки қўли салтанат ҳассасини тутиб турибди, пастки чап қўли озгина юқорига кўтарилган бўлиб ҳаракатни англатмоқда. Қолган пастки қўлларидан доира ичидаги ниҳоллар униб чиқмоқда, бу қўлларни ёлғон қўллар дейиш ҳам мумкин. Умуман олганда, суратга тавсиф бериш жараёнида маъбуданинг юқори қўлларида ой ва қуёшнинг акс эттирилишига кўра Хоразм торевтикасида кўп учрайдиган маъбуда Нанная билан ўхшаш томонларини топиш мумкин.

Битикни қуйидагича ўқиш тавсия қилинади: «570 йил, Цири ойи (4 ой), Вег куни (16-кун). Ушбу идиш олов худоси учун Харакнинг ўғли Вуншаргикдан, унда 30 стерик оғирлик бор. Қувонч!» (Lurje, 2018, 290-293 бб.).

Доирасимон юпқа кумуш идишнинг айланасида (S-66) афсонавий махлуққа боғланган аравадаги олдинга ҳаракат қилаётган аёл тасвирланган. Ҳайвоннинг тумшуқ ва қўллари, арава айлана гардишининг ташқарисига чиққан. Маъбуда оддий ёпишиб турган тўпиққача бўлган либосда, иккала оёгининг тиззаси тенг равишда букилгансимон, белига маркази осилиб турган ипак белбоғ боғлаган. Қанотларининг мавжуд эмаслиги Варахшадан топилган грифонлардан ажратиб туради, оёқларининг ҳолати эса кўпроқ Панжикентдан топилган II асрга оид ибодатхонадаги сув аждари (макара)ни эслатади.

Оғир қурол-аслаҳали икки пиёда аскарнинг жанги деярли бир хил тасвирланиб, идишнинг барча сатҳини эгаллаган (S-33). Аскарлар бир-бирларига шундай эгилганларки, бутун кўринишда намоён бўлган. Улар бир хил зирҳланган совут кийиб, тиззаларида металл пайпоқ бор. Тирсагидан пастки қўлларига қалқон тутишган, қалқоннинг ички томонидаги ушлагич жангчи ўзига қаратган. Иккаласининг белидаги камарида пичоқ бор. Чап тарафдаги жангчи ўнг тарафдаги жангчига камондан ўқ узмоқда, ўнг томондагиси эса қалқон билан ўзини ҳимоя этмоқда. Бу жангнинг сўнгги кўриниши ҳисобланиб, ерда қалқонлар, уруш чўқморлари, найзалар ва ханжарлар ётибди.

Идиш ясалган ҳудуд ҳанузгача мавҳум бўлиб қолмоқда: С.П. Толстов (1948, 198 б.) ва Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпель (1960, 149 б.) унинг Хоразмга тегишлилигини айтсалар, Б.И. Маршак (1971, 10–11, 61 бб.) кенг миқёсда Ўрта Осиёга мансублигини билдирганлар, бошқа ҳолатларда эса Панжикент деворий ёдгорликларига ривожланиш давригача бўлган суғдга оидлигини билдиради ҳамда идишдаги расм мавзуси бизгача етиб келмаган китоб тасвиридан ўзлаштирилган, деб тахмин қилади (Б.Н. Маршак, 1967). Ҳар қандай ҳолатда ҳам буюмнинг айрим белгиларга кўра (идиш текислигини эгалловчи сатҳ, ҳаракат ифодаланган мавзу, ер сатҳининг мавжудлиги), ушбу идиш Хоразм торевт усталарининг ўзига хос асари, деб баҳоланади.

SILVER VESSELS

P.B. Lurje

A small group of silver vessels of the early Middle Ages is confidently included in the Khorezm school of toreutics. The basis for this identification was the comparison of the paleography of the coins of Khorezm and the inscriptions on silver vessels (S.P. Tolstov, 1948a, pp. 192–194). Almost all the Khorezmian inscriptions are engraved on vessels of the same type: hemispherical bowls made of thin silver sheet, embossed, their sides are decorated with thin channelures, a medallion with an image placed on the bottom. In one case, a jug of thin silver was decorated with the same channelures. The Khorezmian silver vessels were never found in the excavations of Khorezm. They, like the Sogdian silver or the dishes of Sasanian Iran in the Hermitage collection, originate from the region of the Kama River, the Lower Ob, in one case Dagestan, and indicate the extensive trade contacts of the Khorezmians.

In the central field of the bowl with channelures (S-15) there an image of a rider to the right, in a caftan with lapels, with a bowcase, without stirrups. The rider holds the reins with his left hand, and the right hand lies on the horse's croup. Around the head with long hair there is a halo: probably the rider is a deity. The inscription on the outside of the bowl is interpreted "Pakhnak, Shir's son, made for them" (Lurje, 2018, pp. 296–299). It is curious that according to the Istanbul manuscript "Chronology of Ancient Nations", the name Sabri (the seventh century) from the list of kings of Khorezm from Biruni (Biruni-Salie, 1957, p. 48) is more correctly interpreted as Shiri.

In the medallion of another bowl, there is a somewhat grotesque image of a four-armed goddess. She sits on a throne – a bench in the full width of the medallion. The legs of the throne have a complex shape. Above the right leg there is a rectangular object; the front of the bench is decorated with a strip of pearls. The goddess sits face forward. She wears a dress that reaches the floor and an apron decorated with notches and circles; the collar is semicircular. The upper arms of the goddess hold the sun (?) and the crescent moon; the right lower arm holds a scepter; the lower left arm is slightly raised to the

left, perhaps in a gesture. The lower arms have two appendices with circles at the ends, which might be considered false sleeves. In general, the image is extremely careless, but the presence of the sun and the moon in the upper pair of hands indicates the similarity of this goddess to the images of Nanaya, well represented, in particular, in the toreutics of Khorezm.

The inscription is interpreted in the following way "Year 570, month Ciri (the 4th month?), day Vegh (the 16th day). This vessel (is) from Vunsharghakc (?), son of Kharak (?), for flamboyant god(dess), it (is) 30 steriks. Joy!" (Lurje, 2018, pp. 290–293)

In the medallion of a hemispherical bowl of thin silver (S-66) there is the image of a woman in a crown on a fantastic beast moving to the right. The paws and nose of the animal and the crown are out of the border of the medallion. She is goddess in a simple, tight dress reaching to the ankles, legs symmetrically bent at the knees, a belt at the waist with end downwards the center. The collar is semicircular; the sleeves are finished with material with rhombic ornaments. In the left hand of the goddess there is a warder raised in front of her face; her right hand is on the waist. Her curly locks fall to the shoulders, she wears a crown or a low crown with a ledge in the middle and a picture of the crescent moon with a circle in the center. Horns, ears and partly the muzzle of the animal suggest an ungulate, but the paws are those of a predator, and there is a mane on the neck. The absence of wings distinguishes it from the griffins of Varakhsha, and the paws distinguishes it from the water dragon (makara) of the early Penjikent painting from Temple II.

The struggle of two heavily armed foot soldiers, portrayed absolutely identically, takes up the entire field of the dish (S-33). The warriors are dressed in identical lamellar armor to the knee, with metal stockings underneath. Arms and hands below the elbow are in chain mail, plates are on the back of the hands. They both have scabbards on their belts. The left warrior shoots to the right with the bow; the right one pierces his opponent with a spear. This is the final episode of the battle; the warriors previously fought with other weapons: on the ground lie abandoned shields, battle axes, mace and daggers.

The place of production of the dish remains unknown: S.P. Tolstov (1948, p. 198) and G.A. Pugachenkova, L.I. Rempel (1960, p. 149) attributed it to Khorezm, B.I. Marshak (1971, pp. 10–11, 61) wrote more broadly about the Central Asian origin, and in another case refers to Sogd before the golden age of the wall paintings of Penjikent; he believes that the theme of the dish was borrowed from a book illustration that did not survive (B.N. Marshak, 1967). In any case, in a number of features (a field that occupies the entire plane of the dish, a dynamic story-line, depiction of the earth's surface) this dish stands apart from the works of the Khorezm artisans masters.

СЕРЕБРЯНЫЕ СОСУДЫ

П.Б. Лурье

Небольшая группа серебряных сосудов раннего средневековья из коллекции Эрмитажа, безусловно, относится к хорезмской школе торевтики. Основанием для этого отождествления стало сопоставление палеографии монет Хорезма и надписей на серебряных сосудах (С.П. Толстов, 1948а, сс. 192–194). Едва ли не все хорезмийские надписи начертаны на сосудах одного типа: полусферических чашах из тонкого листа серебра, чеканных, стенки их украшены тонкими каннелюрами, по донцу расположен медальон с изображением. В одном случае такими же каннелюрами оформлен кувшинчик тонкого серебра. Хорезмийские серебряные сосуды ни разу не находили в раскопках собственно Хорезма. Они, как и согдийское серебро или посуда сасанидского Ирана в коллекции Эрмитажа, происходят из района реки Камы, Нижней Оби, в одном случае – Дагестана, и свидетельствуют о многочисленных торговых контактах хорезмийцев.

В центральном поле чаши с каннелюрами (S-15) – изображение всадника, повернутого вправо, в кафтане с отворотами, с налучьем, без стремян. Левой рукой всадник держит поводья, правая – на крупе лошади. Вокруг головы с длинными волосами – нимб, вероятно, всадник является божеством. Надпись на внешней стороне чаши прочитана как: «Пахнак, сын Шира, для них сделано». Любопытно, что по стамбульской рукописи «Памятников минувших поколений» имя Сабри (VII в.) из списка царей Хорезма у Бируни (Бируни – Салье, 1957, с. 48) правильнее читать как Шири.

В медальоне другой чаши (S-2) несколько гротескное изображение четверорукой богини. Она восседает на троне-скамье во всю ширину медальона. Ножки трона сложной формы. Над правой ножкой – некий прямоугольный предмет, фас скамьи украшен полосой перлов. Богиня показана в фас. На ней длинное, в пол, платье и передник, декорированный насечками и кружками, ворот полукруглый. Верхние руки богини

держат солнце (?) и полумесяц, в правой нижней – скипетр, нижняя левая – чуть приподнята влево, возможно, в жесте. От нижних рук отходят два отростка с кружками на концах, которые можно считать «фальшивыми» рукавами. В целом изображение выполнено крайне небрежно, но наличие солнца и луны в верхней паре рук указывает на сходство этой богини с изображениями Нанайи, хорошо представленными, в частности, в торевтике Хорезма.

Надпись читается следующим образом: «Год 570, месяц Цири (4 месяц), день Вег (16-й день). Этот сосуд от Вуншаргикца, сына Харака, для огненного божества, в нем 30 стериков веса. Радость!» (П.Б. Лурье, 2018, сс. 290–293).

В медальоне еще одной полусферической чаши тонкого серебра (S-66) – изображение женщины в венце, на фантастическом звере, движущемся вправо. Лапы, нос животного и венец выходят за бордюр медальона. Богиня в простом обтягивающем платье по щиколотку, ноги симметрично подогнуты в коленях, на поясе – кушак, конец которого свисает по центру. Ворот полукруглый, рукава отделаны материей с ромбическим орнаментом. В левой руке богини – поднятый перед лицом жезл, правая – на поясе. Вьющиеся локоны ниспадают до плеч, на голове – венец или невысокая корона с выступом посередине и изображением полумесяца с кружочком по центру. Рога, уши и отчасти морда животного отсылают к копытным, но лапы – хищника, на шее – грива. Отсутствие крыльев отличает его от грифонов Варахши, а наличие лап – от водного дракона (макары) ранней пенджикентской росписи из храма II.

Борьба двух тяжеловооруженных пеших воинов, проработанных абсолютно идентично, занимает все поле блюда (S-33). Они склонились друг к другу и таким образом вписались в поле. Воины одеты в одинаковые ламеллярные доспехи до колена, под ними – металлические чулки. Руки ниже локтя – в кольчуге, пластины защищают тыльную сторону руки. На поясе у обоих ножны. Левый воин стреляет в правого из лука, правый протыкает соперника копьем. Это заключительный эпизод битвы, до того воины боролись другим оружием: на земле лежат уже брошенные щиты, боевые топоры, палицы, кинжалы.

Вопрос о месте производства блюда остается открытым: С.П. Толстов (1948, с. 198) и Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпель (1960, с. 149) относили его к Хорезму, Б.И. Маршак (1971, сс. 10–11, 61) говорил о среднеазиатском происхождении или относил к Согду до эпохи расцвета настенных росписей Пенджикента и полагал, что сюжет блюда был заимствован из не дошедшей до нас книжной иллюстрации (Б.Н. Маршак, 1967). В любом случае, по ряду признаков (поле, занимающее всю плоскость блюда, динамический сюжет, наличие земной поверхности) это блюдо стоит особняком среди произведений хорезмских торевтов.

S-15

Чавондоз тасвири туширилган лаган

Хоразм, VII – VIII аср бошлари.
Кумуш, кандакорлик, ўйма нақш, зархал;
Диаметри 14, баландлиги 5,5 см.

S-15

Bowl with depicted horse rider

Khorezm, 7th–the beginning of the 8th century.
Silver, chasing, engraving, gilding; diameter: 14 cm, height: 5.5 cm.

S-15

Чаша с изображением всадника

Хорезм, VII – начало VIII вв.
Серебро, чеканка, гравировка, позолота;
диаметр – 14, высота – 5,5 см.

S-33
Олишув тасвири туширилган лаган
Ўрта Осиё, VII аср.
Кумуш, кандакорлик, зархал;
диаметри 22 см.

S-33
Bowl with depicted a duel
Central Asia, 7th century.
Silver, chasing, gilding;
diameter: 22 cm.

S-33
Чаша с изображением поединка
Средняя Азия, VII в.
Серебро, чеканка, позолота;
диаметр – 22 см.

S-2

Тўрт қўлли маъбуда тасвири туширилган коса

Хоразм, VII аср.
Кумуш, кандакорлик; диаметри 10,6 см.

S-2

Bowl with depicted four-handed goddess

Khorezm, 7th century AD.
Silver, chasing; diameter: 10.6 cm.

S-2

Чаша с изображением четверорукой богини

Хорезм, VII в. н.э.
Серебро, чеканка; диаметр – 10,6 см.

S-66
Хаёлий ҳайвон шаклидаги маъбуда тасвири тушурилган коса
Хоразм, VII аср.
Кумуш, кандакорлик; диаметри 12,3 см.

S-66
Bowl with depicted goddes on a mythical beast
Khorezm, 7th century.
Silver, chasing; diameter: 12.3 cm.

S-66
Чаша с изображением богини на фантастическом звере
Хорезм, VII в.
Серебро, чеканка; диаметр – 12,3 см.

ЁЗМА ЁДГОРЛИКЛАР

EPIGRAPHIC ARTIFACTS

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

ЁЗМА ЁДГОРЛИКЛАР

П.Б. Лурье

Аксарият қадимги битиклар, табиий ашё ёрдамида ёзилган, бироқ Ўзбекистоннинг иқлими ва тупроғи шароитида, уларнинг сақланиши амри маҳол. Битикларнинг кўпчилиги тикланмайдиган ҳолатга келган, фақат қаттиқ юзага ёзилган қисқа матнларгина етиб келган. Давлат Эрмитажи тўпламида Ўзбекистон ҳудудига ва ислом дини давригача бўлган бир қатор ёзувлар мавжуд. Улар идишга, муҳрга, сополга, ганч, девор сувоғига ҳамда тангадаги ёзувларга битилган.

Ушбу альбомга киритилган битиклар Ҳинд-Европа оилаларига мансуб бўлиб, шарқий-эроний (бақтрия, суғд, хоразмий), ҳинд (гандхари ва санскрит), юнон (қадимги танга ёзувларида) ифода этилган. Бироқ туркий ёзувнинг ишлатилиши жуда кам учрайди. Тилни ёзувда муқобиллаштириш ҳар доим ҳам сўзлашув тилига мос келавермайди, айниқса, гап қадимий ва ўрта асрлар хусусида кетганда буни тасаввур этиб бўлмайди.

Суғд, Бақтрия ва Хоразм тиллари бир-бирига қариндош ҳисобланади, лекин ҳар бирининг ўз хос қоидалари, ёзув тизими бор. Хоразмликлар ва суғдларнинг ёзуви (шунингдек, парфиялик ва форсийларники ҳам) оромийсифат алифбосига асосланган. «Ҳукмрон» оромий тили семит тилларининг оиласига мансуб бўлиб, Эронда аҳоманийлар ҳукмронлик қилган даврда давлат ҳужжатлари юритиладиган тил ҳисобланган. У ғарбий семит ёзувида ифодаланиб асосан ундошлар ёзилган, айрим ҳоллардагина унлилар қайд этилган. Искандар Мақдуний давридаги оромий тилда ёзилган давлат ҳужжатлари яқин ўтмишда Афғонистонда топилган. Эллин даврида оромий тилда ҳужжат юритиш сақланиб қолган, бироқ маҳаллий хаттотлар оромий ёзувини ўз она тили ва форс тилларини ифодалашда қўллашган. Ўша пайтларда вилоятларда семит тилидан форс тилига ўтиш турлича бўлган, ҳар бир ҳарф ва орфографик анъаналар ўз услубига мос шакллантирилган. Вақт ўтиши билан ягона тизимда бўлган шарқий Эрон диалектлари бир-биридан кескин фарқланиб, ўз ёзув анъанасига эга бўлган мустақил тилга айланган.

Суғд ёзуви тўғрисидаги маълумотлар бизга биринчи навбатда Шарқий Туркистон (ҳозирги Хитой ҳудудида)даги Турфан ва Дуньхуандан топилган буддавийлик, насронийлик ва монийлик муқаддас битиклари ёзилган матнлар орқали маълум, шу ўринда Ўрта Осиёдан топилган секуляр матнлар ҳам муҳим манба ҳисобланади. Асосий ёзма ёдгорликлар IV–XI асрларга тегишли. Эрамизгача Тожикистоннинг Яғноб тоғли водийсида суғд тилига яқин диалект сақланиб қолган.

Хоразм тили ҳақида маълумот суғд тилига нисбатан анча кам. Унинг ёзма ёдгорликлари иккига ажратилади: илк (эрамиздан аввалги III аср – эрамизнинг VIII асрлари), оромий имлосида ёзилган битиклар (уларнинг аксарияти Хоразмдан келиб чиққан деб тахмин қилинади, аммо уларнинг ҳаммасини ҳам тушуниб бўлмайди), ҳатто мусулмон атамалари луғати ҳамда шариат қонунлари баённомалари (XI–XIV асрлар) орқали ҳам ифодаланган.

Бақтрияда узоқ муддат эллин ҳукмронлигининг бўлиши Бақтрия ёзуви билан бир қаторда бир мунча ўзгартирилган юнон алифбосининг VIII асргача қўлланилишига сабаб бўлди. Бақтрия эпиграфик материалларининг деярли тор доираси 1990-йилларда Афғонистонда топилган ҳужжат ва битиклар туфайли анча кенгайди.

Ҳинд ёзувидаги битиклар жанубий Ўзбекистонда жойлашган, буддавийлик дини етакчилик қилган тарихий Бақтрия давлати билан боғлиқ бўлиб, ёзув ҳинд роҳиблари томонидан олиб келинган. Ундан аввалроқ ёзувлар кхароштхи ёзуви (оромий ёзувининг ўзига хос муқобили), гандхари ёки шимоли-ғарбий пракрите билан қайд этилган. Кейинги матнларда ҳиндлар томонидан кашф этилган брахми ёзувидан фойдаланилган. Уларнинг гандхаридан ҳам қадимийроқ, яқингача ҳиндларнин адабий тили асоси ҳисобланган санскрит тили эса негадир «музлатиб» қўйилган.

Кўпгина ёзувларда гемма-мухрлардан фойдаланилган. Ўйма мухр, узук мухрлари ярим қимматбаҳо тошлардан ясалган. Ўрта Шарқда асосан сердолик тоши кенг тарқалган. Гемма-мухрларда асосан, кичик ҳажмга эга бўлишига қарамай, юқори бадиий аҳамиятга эга бўлган эркак ва аёл портретлари (бюст)лари тасвирланган. Шунингдек, мавжуд ва афсонавий ҳайвон суратлари ҳам ифодаланган. Мухрлардаги ёзувларнинг суғд, Бақтрия ва қўшни тилларда битилиши ҳам муҳим аҳамиятга эга. Улар, қисқа бўлса-да, тарих нуқтаи назаридан маҳаллий ёзувнинг ривожланишини ўрганишда кўп маълумот беради ҳамда тарихий-маданий айрим хулосалар чиқаришга ёрдам беради.

Гл-1258 геммадаги юз суратида сочлар уни ўраб турган тарзда берилиб, қулоққа сирға тақилган. Унинг четида қия шаклда бақтрия ёзуви-

даги битик бор: υαζαροχτο «хазарохт» – Эрон сосонийлари ва Бақтриядаги юқори унвон, «мингбоши». Эҳтимол, бу атоқли отдир (Sims-Williams, 2010, 139 б.).

Танга ва мухрларда юз суратининг ишлатилиши Ўрта Осиёда эрамизнинг V асрларидан бошлаб қўлланила бошланди. Чекка тараф ва сурат қахрамонининг бош тарафида қия ҳолда бақтрия ёзувида унинг исми σαγγο, Санг (мазмуни «Тош», юнон тилида «Петрос» каби) ёзилган (Sims-Williams, 2010, 121 б., with literature).

Бақтрия ёзувидаги битиклар танга, тошдаги безаклар, нақш ва бино куббаларини безатишда қўлланган. Қоратепа ва Зартепада улар кўпроқ сополларда учрайди. Ёзувлар девор ёки идиш четларига туш ёрдамида ўйиб ёзилган. Қоратепадаги Будда ибодатхонасидаги идишларда Буддданинг исми ёки диний формулалар келтирилган.

Ибодатхона кўзасининг ушбу қисмида (А-1649) сиёҳ билан Бақтрия ёзувида, босма ҳарфдан қия ҳолатга ўтувчи ёзув қораланган: ε<ιδο ... / χο>βο ζαχφαιο βαυ<αρο...> «Э (идиш) ибодатхонадаги Захфайнинг шахсий мулки...» (Sims-Williams apud Fussman et al., 2011, 106 б.).

Зартепадан топилган бўлак (А-2603) гултожининг тос-тоғора қисмида Бақтрия ёзувидаги ушбу жумла пиширилишидан аввал кесиб олиниб, унинг бир қисмигина сақланган: <...β>αγοοηþο ογλοφο Битикнинг биринчи қисми – илоҳий атоқли от «(кимнинг тангриси экани) – Веш» (Sims-Williams apud Fussman et al., 2011, 130 б.), иккинчи қисми мавҳум, эҳтиётқорлик билан тахминан ўқиш мумкин ογλαφο ва Бақтрия метатезани ўхшатиши деб қабул қилса бўлади οιγαλφο, σαγαλφο ва ҳоказо. «гувоҳ»? Жумла тўлиқ шундай бўлиши керак: «Тангри Веш (у Шива ҳам) – гувоҳ».

Қоратепа ибодатгоҳлари мажмуасини шакллантириш жараёнида роҳиб ва ҳомийлар ерости иншооти ҳамда ғор деворларига турли мазмундаги ёзувлар қолдиришган. Бу ёзувлар Буддданинг исми, дуоларнинг бир қисми, атоқли отлар ва бошқалар бўлган. Сувоқ бўлагидаги А-1730-сонли битиклар асосан Бақтрия (кушон) алифбосида қия битилган:

1](αγο)φρα(λαδ)ο [2 χο]αδηοοιγγο βαυαρ(ο)[3] þι(ρ?)[ο]γαμαγ(ο γ)[4](α)ργαδο (τ)αδασαφ(α)[γο](οδ)ο <ε(ι)ο> 5](ο)ασο ιασκαδομιγο βαγο (α)[6](γ)ατο (μ)[«Фралад... хукмдорнинг вихараси ... оққўнгил ... балки... сўнг сендан ва ....дан ... юқори Тангридан»» (Sims-Williams, 2013). Ўнг томонда паҳлавий рақамлари келтирилган.

Ушбу битик кхароштхи ёзувидаги бошқа битиклар сингари Қоратепанинг асл номини англатади: Хвадевака-вихара «ҳукмдор ибодатхонаси», «подшо узлатхонаси».

Бақтриянинг ўнг қирғоғидаги маҳаллий ҳамда буддавийлик ибодатхоналари билан бир қаторда ҳинд ёзуви брахми ва кхароштхи кўрини-

шида қўлланган. Қоратепада олиб борилган қазилма ишлари пайтида топилган идишларда ўнлаб брахма ёзувлари топилган.

Ушбу А-1870 идиши пастки қисмининг айланасида будда санскрит тилида ёзув ёзилган: <a>[ya]m pugalīga na kaic[i] harttavya yo harati so coro bhavati. «Бу шахсий буюм, уни ҳеч ким олмасин. Ким олса, у –ўғри» (Fussman et al., 2011, 71 б.).

Гандхари тилида кхароштхи ёзувида битилган ёзувда шундай дейилган: ayam pā[niya]kumdika budhaśi[ra-pu] [ga]l[ī]ka-mahādharmaka-thi[kasa] «Ушбу кўза дхарманинг буюк руҳонийсиники, Буддхашири суви учун, шахсий» (Fussman et al., 2011, 63–64 бб.).

Мухрдаги Гл-1239-сонли эркакнинг соқолли, сочлари боғланган юзи яққол кўрсатилган. Унинг юзи олдида қадимий суғд ёзувида тўрт ҳарфдан иборат ёзув бор (эрамиздан аввалги IV аср): «zk, Азақ атоқли оти (ҳарфлар, «Бошлиқ» (саркарда), ҳинд-скиф подшоси Аза номи билан қиёс) (Lurje, 2011, 330 б.).

Бошқа мухрда (Z-437) филда кетаётган одам тасвирланиб, четида суғд ёзувидаги икки жумла бор: prn / βγγ (шон-шараф, жаноб). Бундай бирикма бир қатор тангаларда учрайди. Бу атоқли от бўлиши ҳам мумкин (Lurje, 2010, 298–299 бб., with literature).

Нахшаб (Жанубий Суғд)нинг Кунжутлитепаси қазилмаларидан топилган материаллар орасидан шундай суратли сиртига нақш туширилган қимматбаҳо тошда ҳам фил устидаги икки одам тасвирланиб, атрофида эгасининг кимлигини билдирувчи суғд ёзуви бор.

Идиш гулкосаси (S-17) тагига суғд ёзуви қия ҳолатда ўйиб ёзилган: ZNHZY ptγ'δ cn ryδ'rc xyrδ XX XX XX δrxm'k «Ушбу коса Пидарчанинг шахсий буюмидир, 60 драхм» (Lurje, 2010, 296 б., with literature).

Идишга ажи-бужи қия суғдча битикнинг икки қатори тирнаб ёзилган (S-295). Қуйидагича ўқиш тавсия этилади: 1 (pt)γ'δk (?) ZNH ZY (?) 2 sr'c «Ушбу идиш... Срача». Афтидан, бу Чоч хукмронининг мавқеи бўлса керак (c)'c'nn'(p)c (Лившиц, Луконин, 1964, 172 б., n. 121. Титул бет. Лившиц, 2008, 306–311 бб.).

EPIGRAPHIC ARTIFACTS

P.B. Lurje

Most of the ancient inscriptions, of course, were written on soft, organic material, but the climate and soils of Uzbekistan rarely preserve organic materials intact. In the vast majority of cases, they are lost irrevocably, and only concise texts on hard surfaces have survived. In the collections of the State Hermitage, belonging to the territory of Uzbekistan and dating to pre-Islamic times, there is a series of inscriptions applied on silverwork, seals, ceramics, alabaster, and plaster walls, not to mention coin legends.

The inscriptions that are presented in this Album refer to the Indo-European languages: East Iranian (Bactrian, Sogdian, Khorezmian), Indian (Gandhari and Sanskrit), Greek (on early coin legends). However, there are very few inscriptions in Turkic script from its territory. The language fixed in writing does not always correspond to the spoken language, especially when we speak of antiquity and the Middle Ages.

The Sogdian, Bactrian and Khorezm languages are closely related, but each has its own identity and its own written system. Writing of the Khorezmians and Sogdians (as well as the Parthians and Persians) is based on the Aramaic quasi-alphabet. The so-called "imperial" Aramaic, one of the Semitic languages, was used in Achaemenid Iran as the language of the chancellery. It was written down in a west Semitic script, in which only consonants and rarely vowels were recorded. Not so long ago, a large collection of imperial Aramaic documents of the era of Alexander was discovered in Afghanistan. In the Hellenistic period, the Aramaic chancellery was still formally maintained, but local scribes began to use the Aramaic script to write down their own, Iranian languages. In various provinces, the transition from the Semitic to the Iranian languages took place in different ways, with different variants of writing letters and spelling traditions. Over time, the East Iranian dialects, once constituting a single array, separated more and more from

one another and turned into independent languages with their own written traditions.

The Sogdian language is known to us primarily from the texts of Turfan and Dunhuang in East Turkestan (modern China), which were translations of Buddhist, Christian and Manichaean scriptures, although secular texts from Central Asia are also an important source. The main written artifacts are from the fourth to the eleventh centuries. A dialect close to Sogdian has been preserved to the present day in the mountain valley of Yagnob in Tajikistan.

Khorezmian is much less well known than Sogdian. Its artifacts fall into two groups: early (from the third century BC to the seventh century AD), written in Aramaic letters (most of it comes from Khorezm, but not all lend themselves to interpretation), and glosses in Muslim dictionaries and works on Shariah laws (eleventh to fourteenth centuries). In Bactria, the long period of Hellenic rule led to the writing of the Bactrian language, which up to the eighth century used a slightly modified Greek alphabet. A very limited range of Bactrian epigraphic materials was multiplied by the findings of documents and inscriptions in Afghanistan in the 1990s.

Inscriptions in Indian writing are limited to the south of Uzbekistan and historical Bactria, where Buddhism, introduced by Indian monks, dominated. Earlier inscriptions are made in Kharoshthi writing – a kind of development of the Aramaic prototype, in the Gandhari language, or northwestern Prakrit; later texts use Brahmi writing (probably itself an Indian invention); their language, Sanskrit, oddly enough, is more archaic than Gandhari, and is standardized "frozen" ancient Indian, which until recently was the main literary language of Hindus.

Carved gem seals, ring inserts, were made of various semiprecious stones. Carnelian was particularly popular in the Middle East. Male and female portraits (busts) are commonly depicted on gems, often highl artistic, despite the small size. Real and fantastic animals were al represented. The inscriptions accompanying them in Sogdian, Bactri or neighboring languages are extremely important. Although they a short and usually convey only the name of the owner, they are interestin from the point of view of the history of development of local scripts and allow us to come to some historical and cultural conclusions.

The image on the gem is (Gl-1258) drawn in profile; the hair around the face forms a cushion; there is an earring. On the edge of the gem there is a cursive Bactrian inscription: υαζαροχτο "khazarokht", a high title in Sasanian Iran and Bactria, "captain of thousands" – perhaps a given name (Sims-Williams, 2010, p. 139).

Images from the front were widely distributed on coins and on the glyptics of Central Asia starting in the fifth century AD. On the sides and above the head of the character on the gemstone Gl-503 there is a cursive Bactrian inscription: σαγγο, the given name of Sang (lit., "Stone", as the Greek Petros. Sims-Williams, 2010, p. 121, with literature).

Inscriptions with Bactrian letters were found on coins, on stone reliefs and on plaster in the decoration of buildings. At Karatepa and Zartepa, they were found most often on ceramics. The inscriptions are made in ink, drawn on the sides or necks of the vessels. Those that are from the Buddhist monastery of Karatepa usually indicate the owner of the vessel, and convey the name of the Buddha or religious formulas.

On this fragment of a jug (A-1649) from the monastery the inscription is made in ink in Bactrian writing, transitional from lapidary to cursive: ε <ιδο ... / χο> βο ζαχφαιο βαυ <αρο ...> "T(his vessel is the pro)perty of Zakhfaya from the monastery ... ." (Sims-Williams apud Fussman et al., 2011, p. 106).

On the neck of a fragment of a washbowl (togora) from Zartepa (A- 2603) a phrase was inscribed in cursive Bactrian writing before the firing, from which a fragment was preserved: <... β> αγοοηþο ογλοφο in the first part of the inscription – the theophore proper name "(the one whose god is) Vesh" (Sims-Williams apud Fussman et al., 2011, p. 130); the second part is unclear, one could carefully propose the reading of ογλαφο and understand it as a metathesis of the Bactrian οιγαλφο, οαγαλφο, etc. "witness"(?). In general, the phrase could mean something like "God Vesh (Shiva) – a witness."

In the process of the operation of the complex of the monasteries of Karatepa, monks and donors (visitors) left inscriptions of various types on the walls of its ground facilities and caves. Most often this is the Buddha's name, parts of prayers, given names, etc. In this case (A-1730), the main inscription is made in the Bactrian (Kushan) alphabet in cursive:

1](αγο)φρα(λαδ)ο [2 χο]αδηοοιγγο βαυαρ(ο)[3] þι(ρ?)[ο]γαμαγ(ο γ) [4](α)ργαδσ (τ)αδασαφ(α)[γο](οδ)ο <ε(ι)ο> 5](ο)ασο ιασκαδομιγο βαγο (α)[6](γ)ατο (μ)["Fralad ... the ruler's vikhara ... well-wisher ... maybe ... then from you and from ... from the supreme god." (Sims-Williams, 2013). Pahlavi figures are on the side.

This inscription, like a number of ostraka in Kharoshthi writing, indicates the original name of Karatepa: Khvadevaka-vikhara "monastery of the ruler", "royal monastery."

Along with Bactrian, the Buddhist monasteries of the right-bank Bactria used an Indian script of two types: Brahmi and Kharoshthi.

During the excavations of Karatepa, several dozen inscriptions in Brahmi were found on fragments of vessels.

On the lower part of the body of this vessel A-1870, in a circle, in Buddhist Sanskrit the inscription is made: <a>[ya]m. pugalīga na kaic[i] harttavya yo harati so coro bhavati. "This is personal (property), no one takes it, the one who took it is a thief." (Fussman et al., 2011, p. 71).

The inscription in Kharoshthi writing in the Gandhari language A-1653 reads ayam pā[niya]kumdika budhaśi[ra-pu] [ga]l[ī] ka-mahādharmaka-thi[kasa] "This is the vase for the water of Buddkhashira, the great preacher of dharma, personal (property)." (Fussman et al., 2011, p. 63–64).

The man on the seal (Gl-1239) is drawn in profile, with a beard and a band around his hair. In front of his face there is an inscription of four letters in archaic Sogdian ductus (before the fourth century CE): 'zk, the given name of Azak (lit., "Leader (of the army")"; compare the name of the Indo-Scythian King Azes. (Lurje, 2011, p. 330).

Another seal, Z-437 depicts a character riding an elephant; on the edge there are two words in Sogdian writing prn / βγy "glory, lord." This combination is found on a number of coins. It is also possible that this is a given name. (Lurje, 2010, p. 298–299, with literature).

In the materials of excavations from Kundzhutlitepa in Nakhshab (Southern Sogd), there is a gem with a similar image: two characters on an elephant, a surrounding Sogdian inscription conveying the owner's given name.

Under the neck of the bowl S-17, the Sogdian cursive inscription is cut from the outside: ZNHZY ptγ'δ cn pyδ'rc xypδ XX XX XX δrxm'k "This chalice is the property of Pidarch, 60 drams." (Lurje, 2010, p. 296, with literature).

A scribble Sogdian cursive inscription on No. S-295 is scratched in two lines. The proposed reading of 1 (pt)γ'δk (?) ZNH ZY (?) 2 sr'c "This vessel is ... of Sracha." I see, perhaps, the title of the rulers of Chach (c)'c'nn'(p)c. (Лившиц, Луконин, 1964, p. 172, n. 121. For the title see Лившиц, 2008, p. 306–311).

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

П.Б. Лурье

Большинство древних надписей, безусловно, было начертано на мягком, органическом материале, но климат и почвы Узбекистана редко сохраняют органические материалы в неповрежденном виде. В абсолютном большинстве случаев они утеряны безвозвратно, и лишь лаконичные тексты на твердых поверхностях дошли до наших дней. В коллекциях Государственного Эрмитажа, относящихся к территории Узбекистана и датирующихся доисламским временем, имеется серия надписей, нанесенных на серебряную посуду, печати, керамику, алебастр, штукатурку стен, не говоря уже о монетных легендах.

Надписи, которые представлены в этой книге-альбоме, относятся к индоевропейским языкам: восточно-иранским (бактрийскому, согдийскому, хорезмийскому), индийским (гандхари и санскриту), греческому (на ранних монетных легендах). Однако надписей с тюркским письмом с его территории весьма мало. Язык письменной фиксации вообще далеко не всегда соответствует разговорному языку, особенно, когда речь идет о древности и средних веках.

Согдийский, бактрийский и хорезмийский языки близкородственные, однако каждый из них имеет особую норму и письменную систему. Письмо хорезмийцев и согдийцев (а также парфян и персов) основано на арамейском квази-алфавите. Так называемый «имперский» арамейский – один из семитских языков, – был распространен в ахеменидском Иране как язык канцелярии. Его записывали западно-семитским письмом, в котором фиксировались только согласные и редко – гласные. Не так давно большой корпус имперских арамейских документов эпохи Александра Македонского был открыт в Афганистане. В эллинистическое время арамейская канцелярия еще формально сохранялась, однако местные писцы стали использовать арамейское письмо для записи со своих родных, иранских языков. В разных провинциях переход с семитского на иранские языки проходил по-разному, формировались свои варианты напи-

сания букв и орфографические традиции. С течением времени восточно-иранские диалекты, некогда составлявшие единый массив, все более и более отделялись друг от друга и превращались в самостоятельные языки со своей письменной традицией.

Согдийский язык известен нам в первую очередь по текстам из Турфана и Дуньхуана в Восточном Туркестане (совр. Китай), являвшимся переводами буддийских, христианских и манихейских священных писаний, хотя секулярные тексты из Средней Азии также являются важным источником. Основные письменные памятники на согдийском относятся к IV–XI вв. н.э. В то же время в горной долине Ягноба в Таджикистане сохранился диалект, близкий согдийскому.

Хорезмийский язык известен много хуже согдийского. Его памятники распадаются на две группы: ранние (III в. до н.э. – VIII в. н.э.), записанные арамейским письмом надписи (большая часть происходит из Хорезма, но далеко не все поддаются интерпретации), и глоссы в мусульманских словарях и сочинениях по шариатским законам (XI–XIV вв.).

В Бактрии долгое эллинское правление стало причиной того, что для записи бактрийского языка вплоть до VIII в. использовался несколько измененный греческий алфавит. Весьма ограниченный круг бактрийских эпиграфических материалов был многократно расширен находками документов и надписей в Афганистане в 1990-е гг.

Надписи индийским письмом ограничены югом Узбекистана, исторической Бактрией, где доминировал буддизм, привнесенный индийскими монахами. Более ранние надписи начертаны письмом *кхароштхи* – своеобразным развитием арамейского прототипа, на языке *гандхари*, или северо-западном пракрите. Более поздние тексты используют письмо *брахми* (вероятно, собственно индийское изобретение); язык их, санскрит, как ни странно, архаичнее гандхари, это стандартизованный «замороженный» древнеиндийский, остававшийся до недавнего времени основным литературным языком индийцев.

Часто надписи несут резные геммы-печати. Вставки в перстни выполнялись из различных полудрагоценных камней. Особенно популярен на Среднем Востоке был сердолик. На геммах обычны мужские и женские портреты (бюсты), нередко высокохудожественные, несмотря на маленький размер. Изображались также реальные и фантастические животные. Чрезвычайно важны сопровождающие их надписи на согдийском, бактрийском или соседних языках. Хотя они короткие и обычно передают только имя владельца, но интересны с точки зрения истории развития местных письменностей и позволяют прийти к некоторым историко-культурным выводам.

Гл-1258
Эркак киши боши тасвири туширилган тамга
Ўрта Осиё, IV – VI асрлар (?)
Сердолик, сайқалланган, ўйма тасвир; 1,4×1,3 см.

Gl-1258
Seal depicting a man's head
Central Asia, 4th–6th centuries (?)
Carnelian, polishing, carving; 1.4×1.3 cm.

Гл-1258
Печать с изображением мужской головы
Средняя Азия, IV – VI вв. (?)
Сердолик, шлифовка, резьба; 1,4×1,3 см.

Гл-503
Эркак киши боши тасвири туширилган тамга
Ўрта Осиё, IV – VI асрлар (?)
Сардоникс; сайқалланган, ўйма тасвир; 1,8×1,6 см.

Gl-503
Seal depicting a fullface
Central Asia, 4th–6th centuries (?)
Sardonyx; polishing, carving; 1.8×1.6 cm

Гл-503
Печать с изображением головы человека в фас
Средняя Азия, IV – VI вв. (?)
Сардоникс; шлифовка, резьба; 1,8×1,6 см.

Гл-1239
Эркак киши боши тасвири туширилган тамга
Суғд, III–IV асрлар(?)
Ёқут; сайқалланган, ўйма тасвир, 1,2×0,9 см.

Gl-1239
Seal depicting a man's head
Sogd, 3rd–4th centuries (?)
Garnet; polishing, carving, 1.2×0.9 cm.

Гл-1239
Печать с изображением мужской головы
Согд, III–IV вв. (?)
Гранат; шлифовка, резьба, 1,2×0,9 см.

A-1649; A-2603

Бақтрия ёзувлари туширилган идиш бўлаклари

Қоратепа, Эски Термиз, Шимолий Бақтрия, II–III асрлар; Зартепа, Шимолий Бақтрия, III–IV асрлар охири.
Сопол, тушь; 14,6×7,2 см; гил, ўйма тасвир; 16,4×8,2 см.

A-1649; A-2603

Fragments of vessels with Bactrian inscriptions

Kara-tepa, Old Termez, Northern Bactria, 2nd–3rd centuries; Zar-tepa, Northern Bactria, the end of the 3rd–4th centuries.
Clay, ink; 14.6×7.2 cm; clay, carving; 16.4×8.2 cm.

A-1649; A-2603

Фрагменты сосудов с бактрийскими надписями

Каратепа, Старый Термез, Северная Бактрия, II–III вв.; Зартепа, Северная Бактрия, конец III–IV вв.
Глина, тушь; 14,6×7,2 см; глина, резьба; 16,4×8,2 см.

A-1730

Граффити ёзувли сувоқ бўлаклари

Қоратепа, мажмуанинг шимолий қисми (П-2); Эски Термиз, Шимолий Бақтрия, III–IV асрлар.
Оҳактошга ишланган; 111,5×72,5 см.

A-1730

Fragment of plaster with graffiti inscriptions

Kara-tepa, northern corridor of complex (P-2); Old Termez, Northern Bactria, 3rd–4'h centuries
Limestone ground; 111.5×72.5 cm.

A-1730

Фрагмент штукатурки с надписями-граффити

Каратепа, северный коридор комплекса (П-2); Старый Термез, Северная Бактрия, III–IV вв.
Грунт известковый; 111,5×72,5 см.

Z-437
Конус шаклидаги тамга
Суғд, IV–V асрлар.
Олтин: қуйма, ўйма нақш, сайқалланган; баландлиги – 2,4, диаметри – 1,5 см, вазни – 26 г.

Z-437
Seal in the form of an edged cone
Sogd, 4th–5th centuries.
Gold: casting, engraving, polishing; height: 2.4, diameter: 1.5 cm, weight: 26 g.

Z-437
Печать в виде конуса с гранями
Согд, IV–V вв.
Золото: литье, гравировка, шлифовка; высота – 2,4, диметр – 1,5 см, вес – 26 г.

S-17
Ёзувли ярим шар шаклидаги идиш
Кумуш; куйма, ўйма накш;
диаметри – 14 см.

S-17
Hemispherical bowl with an inscription
Silver; casting, engraving;
diameter: 14 cm.

S-17
Чаша полусферическая с надписью
Серебро; литьё, гравировка;
диаметр – 14 см.

S-295

S-295

S-295

A-1870

Брахми ёзуви туширилган кўза

Коратепа, Б мажмуаси, X-I биноси; Эски Термиз, Шимолий Бақтрия, II–III асрлар
Сопол, ангоб, тушь; 19×8,7 – 16,5 см.

A-1870

Kundika-type jug with Brahmi inscription

Kara-tepa, complex B, room X-I; Old Termez, Northern Bactria, 2nd–3rd centuries
Clay, engobe, ink; 19×8.7 – 16.5 cm.

A-1870

Кувшин типа кундики с надписью брахми

Каратепа, комплекс Б, помещение X-I; Старый Термез, Северная Бактрия, II–III вв.
Глина, ангоб, тушь; 19×8,7 – 16,5 см.

A-1653

Кхароштхи ёзуви туширилган идиш бўлаги

Коратепа; Эски Термиз, Шимолий Бақтрия, [illegible]

A-1653

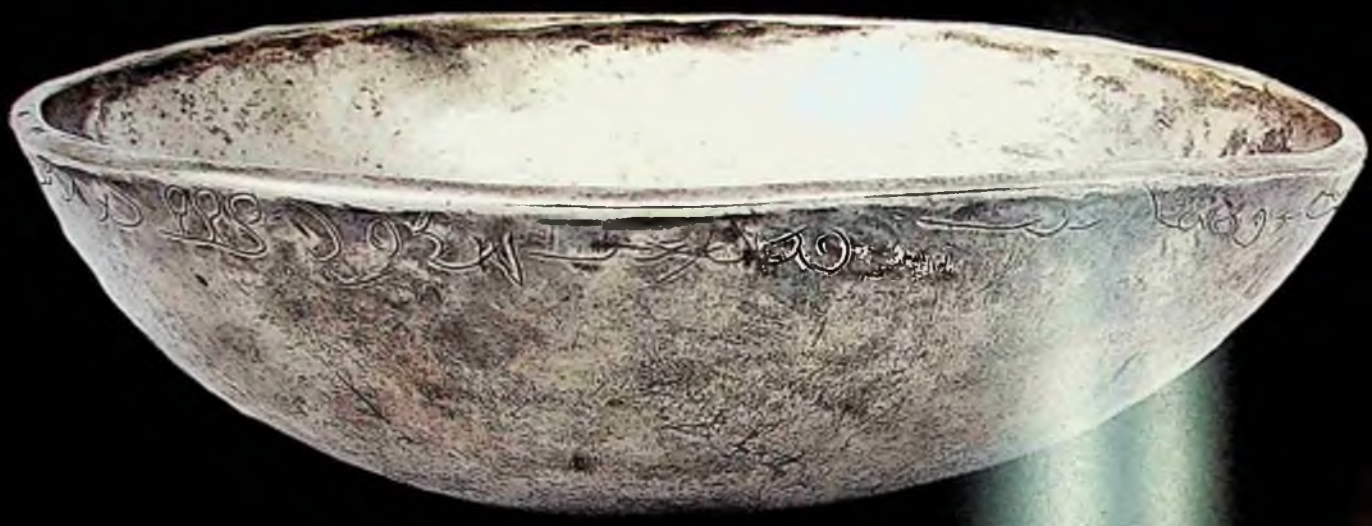
Fragmented vessel with Kharosthi inscription

Kara-tepa; Old Termez, Northern Bactria, 2nd–3rd centuries

A-1653

Фрагмент сосуда с надписью кхароштхи

Каратепа; Старый Термез, Северная Бактрия, II–III вв.

S-17
Ёзувли ярим шар шаклидаги идиш
Кумуш; куйма, ўйма накш;
диаметри – 14 см.

S-17
Hemispherical bowl with an inscription
Silver; casting, engraving;
diameter: 14 cm.

S-17
Чаша полусферическая с надписью
Серебро; литье, гравировка;
диаметр – 14 см.

S-295
Ёзувли ярим шар шаклидаги идиш
Кумуш; куйма, ўйма накш;
диаметри – 13,5 см.

S-295
Hemispherical bowl with an inscription
Silver; casting, engraving;
diameter: 13.5 cm.

S-295
Чаша полусферическая с надписью
Серебро; литье, гравировка;
диаметр – 13,5 см.

A-1870
Брахми ёзуви туширилган кўза
Коратепа, Б-мажмуаси. X-I биноси; Эски Термиз, Шимолий Бақтрия, II–III асрлар
Сопол, ангоб, тушь; 19×8,7 – 16,5 см.

A-1870
Kundika-type jug with Brahmi inscription
Kara-tepa, complex B, room X-I; Old Termez, Northern Bactria, 2nd–3rd centuries
Clay, engobe, ink; 19×8.7 – 16.5 cm.

A-1870
Кувшин типа кундики с надписью брахми
Каратепа, комплекс Б, помещение X-I; Старый Термез, Северная Бактрия, II–III вв.
Глина, ангоб, тушь; 19×8,7 – 16,5 см.

A-1653
Кхароштхи ёзуви туширилган идиш бўлаги
Коратепа; Эски Термиз, Шимолий Бақтрия. II–III асрлар
Сопол, ангоб, пардозлаш, тушь;
11×5,7 см; 12,4×6,8 см.

A-1653
Fragmented vessel with Kharosthi inscription
Kara-tepa; Old Termez, Northern Bactria, 2nd–3rd centuries.
Clay, engobe, glazing, ink; 11×5.7 cm; 12.4×6.8 cm.

A-1653
Фрагмент сосуда с надписью кхароштхи
Каратепа; Старый Термез, Северная Бактрия, II – III вв.
Глина, ангоб, лощение, тушь; 11×5,7 см; 12,4×6,8 см.

ҲОЗИРГИ ЎЗБЕКИСТОН ҲУДУДИДАН ТОПИЛГАН ТАНГАЛАР
(ҚАДИМГИ ДАВРДАН АРАБ ИСТИЛОСИГАЧА)

THE COINS OF UZBEKISTAN FROM ANCIENT TIMES TO THE ARAB CONQUEST
(FROM ANCIENT TIMES TO THE ARAB CONQUEST)

МОНЕТЫ С ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО УЗБЕКИСТАНА
(С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО АРАБСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ)

ҲОЗИРГИ ЎЗБЕКИСТОН ҲУДУДИДАН ТОПИЛГАН ТАНГАЛАР (ҚАДИМГИ ДАВРДАН АРАБ ИСТИЛОСИГАЧА)

К.В. Кравцов

Ёзма манбаларда ҳозирги Ўзбекистон ҳудудида жойлашган бир қанча қадимги тарихий-маданий воҳалар келтирилган. Иқтисодий ҳамда сиёсий жиҳатдан ривожланган Бақтрия, Хоразм, Суғдиёна ҳамда уларнинг шимолий ҳудудий бўлинмалари металл пулларнинг дастлабки пайдо бўлган жойларга кирмаган. Шундай бўлса-да, танганинг тўлов воситаси хусусияти билан Ўрта Осиё халқлари эрамиздан аввалги VI асрларда, ушбу ҳудудларга аҳоманийлар ҳукмронлиги кириб келгач, танишишган. Ўрта Осиёни илк бора босиб олишга уриниш эрамиздан аввалги 530 йилдаги массагетлар қабиласига қарши олиб борган жангда ҳалок бўлган Кир II томонидан амалга оширилган. Ўрта Осиёни истило қилишни Кир II дан кейин унинг ворислари давом эттиришган. Асосан, Доро I томонидан ёздиртирилган машҳур Беҳистун ёзувларида эрамиздан аввалги 523–521 йилдаги воқеалар баён этилиб, унда аҳоманийлар давлати тасарруфида бўлган мамлакатлар, шу жумладан, Хоразм, Бақтрия, Суғдиёна давлатларининг номи келтирилган. Ушбу даврда металл тангалар ишлаб чиқариш тизими йўлга қўйилиб, бунда асосан, тилла тангалар – дарик ва кумуш тангалар – сиқллар деб аталган. Шак-шубҳасиз, ўша даврдаёқ аҳоманийлар қўшинида етарлича ҳарбий қўшинга эга бўлган Ўрта Осиё халқлари металл пуллар тўғрисида тушунчага эга бўлганлар. Бироқ ушбу даврда пул муносабатининг форслар ҳукмронлигининг бошқа шарқий сатрапияларида қай даражада ривожланганлиги кузатилмаган.

Искандар Мақдуний қўшинлари билан бўлиб ўтган ҳал қилувчи жанглардан сўнг (эрамиздан аввалги 334 йилда Граник дарёси бўйидаги, эрамиздан аввалги 333 йилда Иссадаги, эрамиздан аввалги 329 йилдаги Гавгамел жанги) аҳоманийлар ҳукмронлиги деярли тугатилган. Эрамиздан аввалги 329 йилда буюк саркарда қўшини Ўрта Осиёга кириб келган. Искандар Мақдуний икки йилдан ортиқроқ вақт мобайнида аҳолиси янги истилочига қаттиқ қаршилик кўрсатган ҳудудларни истило этиш

билан шуғулланди. Искандар Мақдуний қўшинининг аскарлари ўзлари учун хос бўлган тангаларни олиб келган, деб шубҳаланиш ўринсиз, бироқ бу сабаб ўз тангаларини ишлаб чиқаришга хизмат қилган-қилмаганлиги номаълум.

Искандар Мақдуний вафотидан сўнг саркадаларнинг ҳокимият учун бўлган аёвсиз кураши туфайли қачонлардир кучли бўлиб, хароба ҳолига келган давлат ўрнига эрамиздан аввалги 312 йилда Искандарнинг саркардаси (диадох) Салавк I Никатор томонидан асос солинган салавкийлар ҳукмронлиги даври бошланган. Ўрта Осиёнинг жанубий музофотлари, шу жумладан, Бақтрия ва Суғдиёна ҳам салавкийлар томонидан назорат қилинди. Салавк I нинг ўғли Антиох (эрамизгача бўлган 281–261 йиллар) даврида Бақтрияда зарбхона ташкил қилинди.

Чамаси, суғддаги хусусий зарбхона ҳам айнан салавкийлар даврида пайдо бўлган. Бу тўғрисида Антиох I ёки Антиох II томонидан эрамиздан аввалги 261–246 йилларда зарб этилган мис тангалар гувоҳлик беради. Тангаларнинг олд тарафида қисқичбақа ифодаланган (баъзи ўринлардаги нусхаларда тасвир ўргимчак суратига ўхшайди). Танганинг орқа тарафида асалари расми бўлиб, монограмма ва юнон тилида ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ «ҳукмрон Антиоха» деб ёзилган.

Эрамиздан аввалги 250 йилларда салавкийлар ўртасидаги ички низоларнинг кучайиши оқибатида Бақтрия ноиби Диодот мустақил ҳукмронликка эришиб, Бақтрия, Суғдиёна, Марғиёнани назорат қилувчи янги давлат тузган. Давлатнинг пул тизими тарихий манбаларда Юнон-Бақтрия номини олиб, металл пуллар ишлаб чиқарилган ҳамда ўша давр талабларига жавоб берган. Юнон-бақтрия пул ишлаб чиқарилишининг асосини кумуш ва мис тангалар ташкил қилган, деган эътирофларга қарамай, Диодот I, Диодот II, Евтидем I ва Евкратид I пайтида тилла тангалар ишлаб зарб этиш авжига чиққан. Бундан ташқари Евтидем II, Агатокл (Агафокл), Пантелеон даврида мис-никель тангалар ҳам машҳур бўлган.

Юнон-бақтрия тангаларининг олтин, кумуш шаклининг кўриниши деярли бир хил бўлган. Танганинг олд тарафида ҳукмронлик қилувчи шоҳнинг, орқа тарафига эса юнон маъбудлари – Зевс, Геракл, Посейдон, Гермес, Аполлон, Дионис, Гелиос, Артемида, Афина, Ника, сакраётган тулпорга миниб олган Диоскурнинг расми ифодаланган. Танганинг орқа тарафидаги расмнинг атрофида ярим айлана ёки тик шаклда подшонинг исми ва мавқеи юнон ёзувида битилган. Айнан маъбуд тасвирининг ёнида, монограмма ёзувлари битилиб, турли фаразларга кўра, ушбу қисқартма ҳарфлар зарбхона, давлат амалдорлари номи ёки зарб қилинган йилни билдиради. Мис тангалар тизими турли хил иконографикаси

билан кескин ажралиб турган. Шуни ҳам айтиш жоизки, тангаларнинг бир қисми тўртбурчак шаклда бўлган. Бизгача бургут, туя, от, бойўғли, фил, шер, сиртлон, тўнғиз, буқа кўриниши тасвирланган тангалар етиб келган. Ҳиндистоннинг бир қисми Юнон-Бақтрия подшолиги таркибига киргач, тангаларда брахма ва кхароштхи ёзувлари пайдо бўлди.

Эрамиздан аввалги 230-йилларда юнонлар Суғд устидан ўз назоратларини йўқотиб қўйишган, мамлакатни эгаллаб уни бир нечта ўлкаларга бўлиб олган кўчманчилар эса салавкийлар ва юнон-бақтрия тангаларига тақлидан бир неча туркум тангаларни ишлаб чиқиб, тангага «муҳтожлик»нинг ўрнини тўлдирмоқчи бўлишган. Бу ерда Антиох I, Евтидем I тангаларига тақлидларни келтириш мумкин. Эрамизга яқин бўлган даврларда танга тизимлари юқори сифатли тасвир, муҳр кўринишида юнон ва суғд ёзувини акс этиб, зарб этилиш ҳажми ортган. Бироқ I асрнинг охири II асрнинг бошларидаги воқеалар Суғднинг иқтисодий ва маданий ривожланишига тўсқинлик қилган, Суғд вилояти ҳукмронлари III аср ўрталаригача зарб этаётган тангалар эса аввалги тангалар кўринишини такрорлаб, баъзан янги суғд сўзларигина қўшиларди.

Хоразмда эса узоқ муддатли мустақиллик мобайнида қисман Бақтрия ҳамда Суғдга ўхшаш қадимги ўзига хос анъаналар ва маданиятни сақлаб қолишга ҳаракат қилинган. Табиийки, бундай ўзига хослик танга тизимида ҳам акс этган. Тангани мустақил зарб этишдаги дастлабки қадамлар тахминан эрамизнинг I асрига бориб тақалади. Муайян танга кўринишларининг мисолида тақлид қилиш орқали ёндошувни кейинчалик ўзига хос кўринишга ўтганлигини кузатиш мумкин. Евкратида I нинг тетрадрахмаларига тақлид қилинувчи тангалардан сўнг, вақт ўтиб «хоразмий» деб аталувчи ўзига хос тамға пайдо бўлган.

Кейинроқ иконографиканинг олд ва орқа тарафидаги кўринишлари ўзгарган. Танганинг тескари тарафида анъанавий тарзда ифодаланадиган арғумоқдаги Диоскур ўрнига ўнгга қараган чавандоз тасвирланган. Танганинг орқа тарафидаги ушбу иконография анча пайтгача кумуш тангаларда ва айрим мис тангаларда ўзгармай қолган. Орқа тарафдаги ёзувлар ҳам ўзгаришларга учради: дастлабки юнон ёзувидаги битикнинг айрим қисмлари сақланиб, Хоразм тилидаги ёзув билан бир қаторда ифодаланди. Кейинроқ зарб этилган Хоразм тангаларида эса фақат Хоразм ёзуви акс этган.

Бақтрияда ҳукмдор Евкратид II вафотидан сўнг тахтга Евкратид II (эрамиздан аввалги 150 йиллар) ўтиргач, кўчманчи қабилалар мамлакатга ҳужум қилишган, мамлакат ҳукмронлигига да-юэчжилар ўтиради. Ҳужум натижасида мамлакатнинг кўп шаҳар марказлари, шу жумладан, Ойхоним ҳам вайрон этилади. Нумизматик, ёзма, шунингдек, хитой

манбаларининг гувоҳлик беришича, Юнон-Бақтрия ҳукмдорлигининг таназзулга учраши эрамиздан аввалги 90-йилларда рўй берган. Орадан бироз вақт ўтгач, да-юэчжилар кенгаши бир қанча вилоятларга ажралиб, уларга ҳукмрон-ябғу тайинланади.Бизгача уларнинг I асрдаги сана келтирилган тангаси етиб келган. Танга ишлаб чиқариш эмиссияси ўзида энди Евкратид I ва Гелиокл I юнон тангаларига тақлид қилган ҳолда, ябғу номларини келтириб,бақтрия тангалари тизимида зарб этила бошланган.

Эрамизнинг I асрида ябғу Кужула Кадфиз ўз ҳукмронлиги остидаги ҳокимликларни бирлаштириб, ўша даврдаги кучли давлатлар бўлган Хитой, Эрон, Римга рақиб бўлган Кушон империясини тузган. Эрамизнинг 50-йилларида кушонлар ҳинд-юнон, ҳинд-скиф, ҳинд-парфия анъаналарига асосланган ўз тангаларини зарб эта бошлаганлар. 80-йиллар охири, 90-йиллар бошларида мамлакат ҳудудидаги барча ерларда (Кашмирдан ташқари) пул ислоҳоти ўтказилмоқчи бўлган. Муомалага асосан икки драхма (8,5 граммга яқин) ва «пасайтирилган» аттик стандартига нисбатан камайтирилган ½ драхма (2,1 г) киритилган. Пул ислоҳотидаги кейинги қадамлар мамлакат ҳудудида, энди Кашмир ва ишғол қилинган бошқа мамлакатларда ҳам ягона пул ислоҳотини йўлга қўйишдан иборат эди. Номинал мис тангаларидан ташқари муомалада 4, 2, 1 ва ½ драхма (16, 8, 4 ва 2 г) тангалар ҳам пайдо бўлди. Мис тетрадрахма ва дидрахма, олтин динор ҳамда ½ динорлар умумий қабул қилинган стандартга айланди.

Кушон тангаларининг иконографикасига ҳам тўхталиб ўтиш жоиз. Танганинг орқа тарафидаги ҳукмрон-ҳомий расмлари ўзгача қизиқиш уйғотади. Тангаларда Нанная, Геракл, Зевс, Ника, Михра (қуёш маъбуди), Виша (осмон ва тоғлар худоси, иконографик жиҳатдан ҳиндларнинг Шива ва юнонларнинг Гераклига монанд), Ардохшо (омад, бахтли тақдир маъбуди), Вад (шамол худоси) ва бошқалар сиймоси акс эттирилган. Сўзсиз, маъбудларнинг ушбу тасвири иконографик жиҳатдан ҳинд-юнон, ҳинд-скиф, ҳинд-парфия маданиятларига яқин бўлган.

III асрларда Яқин ва Ўрта Шарқдаги геосиёсат бутунлай ўзгарган, бу эса Ўрта Осиёдаги ўзгаришларга ҳам ўз таъсирини кўрсатмай қолмаган. Тарих саҳнига Эроннинг қудратли сосонийлар сулоласининг чиқиши ҳаракат йўналиши асосан, Суғд орқали ўтадиган Буюк ипак йўлининг йўналишини ҳам ўзгартириб юборган. Сосонийлар ҳатто Бухоро воҳасини ҳам эгаллашган. Натижада IV аср суғд нумизматикасида ҳам сосонийлар таъсири кучли сезилган. Хусусан, зарб этилган кумуш ва мисли металл тангаларда Нахшаб, Самарқанд камончиси каби, шунингдек, шер ўлдираётган ҳукмдор тасвирларининг пайдо бўлиши янги иконогра-

фиянинг вужудга келишига сабаб бўлди. «Сосонийларнинг ёркин тасвири» қиёфаси Бухоронинг Мавак ҳукмдори зарб этган биметалл тангаларида ҳам акс этган.

Кушон империясига тўхталадиган бўлсак, фаразларга кўра унинг ҳудуди тахминан 230-йилларда сосонийларнинг илк подшоларидан бири Ардашер I (224–240) томонидан ишғол қилинган. Ҳукмронликни бошқариш учун «кушоншоҳ», яъни кушон ҳукмрони мавқеига эга сосоний шаҳзодалари тайинланган. Ҳозирги тарихчилар нуқтаи назаридан ушбу ҳукмдорлар кушон-сосонийлар номини олган. Топилган тангалар етти Кушон шоҳларининг ҳукмронлик фаолиятини аниқлашга ёрдам беради: номаълум ҳукмдор (230 йил) – Ардашер (230–245 йиллар) – Пероз I (245–270-йиллар) – Ҳормизд I (270–300 йиллар) – Ҳормизд II (300–303-йиллар) – Пероз II (303–330 йиллар) ва Варахран (330–365 йиллар). Номлари келтирилган дастлабки икки ҳукмдор фақат мис тангалар орқали маълум, қолган кушоншоҳлар олтин тангалар билан бир қаторда, мис тангалар ҳам зарб этишган. Шунингдек, Пероз I ва Ҳормизд I ларнинг ноёб кумуш тангалари ҳам машҳур. Кушон-сосоний тангаларининг одатий «подшо» тангалари зарб этилишидан ташқари қўшимча тарзда Васудева I га тақлид қилинувчи кўринишида ҳам анча миқдорда танга чиқарилган. Тангаларнинг ушбу серияси олтин ва кумуш кўринишида. Кушон-сосоний тангаларининг иконографик хусусиятларининг ўзига хослиги ҳақида гап кетганда қуйидагиларни ҳам таъкидлаш ўринлидир. Танганинг орқа тарафида ҳукмдор Пероз I ифодаланган олтин динорда унинг тўлиқ қомати келтирилиб, Васудева I ва Канишка II ларнинг фақат бош қисми тасвирланган. Кўпчилик мис тангаларнинг орқа тарафида ҳукмдорнинг тасвири елкасигача кўрсатилиб, анъанавий сосоний портрет услубидан фойдаланилган. Ардашер ва Пирознинг тўлиқ қадди келтирилган аввалги танга зарблари бундан мустасно. Тилла тангаларнинг орқа тарафида буқа билан бирга тасвирланган олий маъбуд Шива акс этган. Мис тангаларнинг иконографияси турлича бўлган: баъзи кўринишларида Анахита ва Митра каби маъбудлар ҳам бор.

340-йилларда сосонийлар Суғдни эгаллаган хун-хионийлар билан тўқнаш келган. Кушон ва кушон-сосонийлар даврининг сўнгида, V аср бошларида Бақтрия-Тохаристон кидорийлар номи билан машҳур бўлган қабилалар назоратида бўлди. Ушбу ҳукмдорларнинг тангалари иконография нуқтаи назаридан улар ҳақида ҳеч қандай маълумот бермайди. Кидорийларнинг танга тизими кўп металли тизимга таянган бўлиб, тилла (кушон-сосоний, кушон услубида зарб этилган), кумуш (сосонийлар услубида чиқарилган, мис (кушон-сосоний, кушон ва сосоний услубларини аралаштирилиб ўзига хос услуб яратилган) тангалар бўлган.

V аср ўрталари ва VI асрларда ёзма манбаларда эфталийлар номи билан аталган (улар ўзларини «хион» деб аташган) элат вакиллари Тохаристонни эгаллашган. Сосонийларни парокандаликка учратиб, улар Хуросоннинг бир қисмини, Шимолий Ҳиндистон, Шарқий Туркистоннинг бир қанча воҳаларини, Суғд ва бошқа ҳудудларда ҳукмронлик ўрнатиб, ҳудудни эгаллаш жиҳатдан Кушонлар салтанатидан ҳам ўзиб кетишган. Шунингдек, эфталийлар давлатининг маркази икки ерда – Тохаристон ва Ҳиндистонда бўлган. VI асрнинг 60-йиллари охирида Эрон сосонийлари билан сулҳ шартномаси тузган турк хоқонлари томонидан зарбага учрагач, эфталийлар давлатининг қудратига нуқта қўйилди.

Алғов-далғов сиёсий ҳодисалар суғд нумизматикасининг ривожланишига кескин таъсир кўрсатган. Шу сабаб Бухоро воҳасида зарб этилган тангалар серияси алоҳида аҳамиятга эга. Ушбу тангалар сериясининг олд тарафида ҳукмдорнинг (уларнинг бир кўринишида икки ҳукмдор ёки ҳукмдор ва малика) қия боқиб турган ҳолати тасвирланган. Олд тарафида иконографик портретларни акс этиш, орқа тарафида тасвир узвийлигининг аниқлиги, шунингдек, ишлаб чиқариш услуби (қуйиш ишларидан сайқаллаштириш жараёнигача) танга зарб этишнинг анъанасини белгилаган ҳамда бу ҳолат тангалар сериясини ўн уч турли кўринишга ажратиш имконини берган.

VII асрнинг бошланишини қуйма танганинг пайдо бўлиши туфайли Суғдда танга ишлаб чиқарилишининг янги босқичи дейиш мумкин. Самарқандда ўнг тарафининг ярмида киши сурати, Бухорода эса туя сурати тасвирланган мис тангалар зарб этилди. 620-йилларга келиб, Суғдда Хитойнинг афсонавий қаҳрамони Кай Юань Тун Баога багишлаб ишлаб чиқарилган тангаларга тақлидан, марказий қисми квадрат билан чегараланган мис тангалар қуйила бошланган. Хитой иероглифларига биноан, ушбу кўринишдаги тангаларда суғд ёзуви ва тамғалари акс этган.

Умуман олганда, ҳозирги Ўзбекистон таркибига кирувчи қадимий ҳудудларда зарб этилган ислом истилосигача бўлган Ўрта Осиё тангалари турли даврларда юнон, эрон, дашт кўчманчилари, ҳинд ва хитой анъаналарини ўзида мужассам этиб, улар вақт-вақти билан ўзгариб турган.

THE COINS OF UZBEKISTAN FROM ANCIENT TIMES TO THE ARAB CONQUEST

K.V. Kravtsov

On the territory of modern Uzbekistan there were several ancient historical and cultural areas known from written sources. But neither the most economically and politically developed Bactria, Khorezm and Sogdiana, nor much less their northern periphery, were among the lands where metal money originated. Nevertheless, the coin as a means of payment was known to the peoples of Central Asia back in the sixth century BC, when these areas became a part of the Achaemenid Empire. The first attempts to conquer Central Asia were undertaken by Cyrus II the Great, who died in 530 BC during a campaign against the Massagets tribe. The further conquest of Central Asia continued under the rule of the successors of Cyrus. In particular, in the famous Behistun inscription of Darius I, narrating the events of 523–521 BC, the countries subordinated to the Achaemenid king include Khorezm, Bactria, and Sogdiana, among others. By that time, a bimetallic monetary system had developed in the empire, based on gold coins (darics) (Figure 1) and silver coins (shekels). Without a doubt, even then the peoples of Central Asia, who made up a significant military contingent in the Achaemenid army, had learned what metal money was; there was no developed money circulation during this period, however, similar to other eastern satrapies of the Persian state.

After three decisive battles with the armies of Alexander the Great (on the river Granicus in 334 BC, at Issus in 333 BC and at Gaugamela in 331 BC), the Achaemenid state practically ceased to exist. In 329 BC, the army of the great commander invaded Central Asia. For more than two years, Alexander the Great was busy conquering the region, whose peoples pushed back fiercely against the new invaders. There is little doubt that the soldiers of Alexander the Great brought with them their usual coins, but it is impossible to say so far whether this was the impetus to start their own local production.

After the death of Alexander the Great and the fierce struggle for power among his generals on the ruins of the once great power, the Seleucid Empire was founded in 312 BC by the diadochus of Alexander, Seleucus I Nicator. Southern areas of Central Asia, including Bactria and Sogdiana, were controlled by the Seleucids. During the reign of the son of Seleucus Antiochus I (281–261 BC), a mint was built in Bactra (the capital of Bactria).

Apparently they began their own minting in Sogdiana when the Seleucids arrived. This is evidenced by copper coins issued, most likely, in Samarkand by Antiochus I or Antiochus II (261–246 BC). A crab was depicted on their obverse side (iconographically very close to the image of a spider on some specimens). The reverse side carried an image of a bee, the monogram and the Greek legend ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ "King Antiochus."

Around 250 BC, as a result of the aggravation of internal contradictions, the deputy of Bactria, Diodotusus, separated from the Seleucids, proclaimed independence, and founded a new kingdom that controlled Bactria, Sogdiana and Margiana. The coinage system of the state, which is known in the historical literature as Greco-Bactria, was multimetallic and based on the Attic standard. Despite the fact that the Greco-Bactrian issue was based on silver and copper, the production of gold coins under the kings Diodotus I, Diodotus II, Euthydemus I and Eucratideses I was very intense. In addition, copper-nickel releases of Euthydemus II, Agathocles, and Pantaleon are known.

The coin type of gold and silver Greco-Bactrian coins was generally quite standard. On the obverse side there was an image of the reigning king, on the reverse side – a Greek deity: Zeus, Hercules, Poseidon, Hermes, Apollo, Dionysus, Helios, Artemis, Athena, or Nika, riding the horses of Dioscuri. On the reverse side, Greek legends were places in a semicircle around the image or vertical columns to proclaim the names and titles of the kings. Here, next to the image of the deity, there were monograms that, in accordance with various hypotheses, could represent abbreviated names of mints, names of officials or chronograms. Copper emissions were notable for greater iconographic diversity. In addition, some of the coins had a square shape. Issues with the image of an eagle, a camel, a horse, an owl, an elephant, a lion, a panther, a wild boar, or a zebu bull have survived to this day. With the inclusion of part of India in the Greco-Bactrian kingdom, legends in the writing of Brahmi and Kharoshthi appear on the coins.

Around 230 BC, the Greeks apparently lost control of Sogd, and the nomads who seized the country and divided it into several small

principalities reacted to the resulting monetary "vacuum" by issuing long series of imitations of Seleucid and Greco-Bactrian coins. We can mention the imitations of the coins of Antiochus I and Euthydemus I. In the first centuries AD, the imitative series gradually evolved into local independent issues with high-quality images and legends in Greek and Sogdian. However, a number of events that took place at the end of the first and the beginning of the second century slowed the economic and cultural development of Sogd, and the coins that the Sogdian principalities minted until the middle of the third century simply reproduced the preceding types, only occasionally adding new Sogdian legends.

As for Khorezm, the long period of independence of this region contributed to the preservation of ancient traditions and the formation of a special culture, only partially similar to the Bactrian and Sogdian. Naturally, such specificity was reflected in the monetary system. The first steps of independent coinage in Khorezm date, apparently, to the beginning of the first century AD. Using the example of local monetary types, it is easy to trace the transition from imitative issues to independent ones. A specific tamga, called "Khorezmian," appeared in time on imitative issues of the tetradrachms of Eucratides I.

A little later, the iconography of the obverse and reverse sides changed. On the reverse side, the place traditionally occupied in the imitative series by the images of skipping Dioscuri was occupied by a rider oriented to the right. This type of iconography of the reverse side of silver and some copper coins remained unchanged for a long time. The legends on the reverse side also changed: the original type with the Greek legend was replaced by a type with the remains of a distorted Greek legend, accompanied by a legend in the Khorezmian language. Later issues contained only the Khorezmian legend.

After the death of King Eucratides I, in the early years of the reign of Eucratides II (early 150s BC), Da Yuezhi nomads invaded Bactria. As a result, the main urban centers of the region, including Ay-Khanoum, fell. Nevertheless, numismatic and written, mainly Chinese, sources testify that the final collapse of the Greco-Bactrian kingdom did not occur until 90 BC. After some time, the union of the Da Yuezhi broke up into several principalities, headed by tribal chiefs, the yabgu. Their coins, dating from the first half of the first century, have survived. The issue included both local Bactrian issues with yabgu names and a series imitating the Greek types of Eucratides I and Heliocles I.

By the middle of the first century AD, the yabgu Kujula Kadphiz united under his authority all other domains and created the Kushan

Empire, which became a powerful opponent of the three largest powers of that time: China, Persia and Rome. About 50 AD, the Kushans began the production of their own coins, based on the preceding Indo-Greek, Indo-Scythian and Indo-Parthian traditions. In the late 80s to early 90s, an attempt was made to unify the monetary system throughout the empire (with the exception of Kashmir). Copper denominations of two drachmas (about 8.5 grams) and ½ drachma (about 2.1 grams) of the "lowered" Attic standard were set as the basis. Further steps towards unification contributed to the formation of a single monetary system throughout the empire, including Kashmir and the newly conquered lands. In addition to copper denominations, gold coins weighing 4, 2, 1 and ½ drachma (16, 8, 4 and 2 g) appeared in circulation. Copper tetradrachms and didrachms and gold dinars and ½ dinars become universally accepted standards.

A few words should be said about the iconography of Kushan coins. The images of deity-protectors on the reverse side of the coins are of exceptional interest. Here we can name Nanaya (the god of the moon), Hercules, Zeus, Nica, Mithra (the god of the sun), Oesho/Vishu (the god of heaven and mountains, iconographically associated with the Indian Shiva and the Greek Hercules), Ardokhsho (the god of luck, good fortune), Oado/Vado (god of the wind), etc. Certainly, the images of these deities iconographically referred back to the Greco-Iranian traditions of the Indo-Greek, Indo-Scythian and Indo-Parthian cultures.

In the third century, the geopolitical situation in the Near and Middle East in general and in Central Asia in particular underwent significant changes. The emergence of the powerful Sasanian Iran changed the configuration of the Silk Road, the main branch of which began to pass through Sogd. The Sasanians even captured the Bukhara oasis. As a result, the Sogdian numismatics of the fourth century experienced a strong Sasanian influence. This manifested itself particularly in the bimetallic issue (from silver and copper) of Nakhshab, which reproduces the type of Samarkand archer, and also in the appearance of a new iconographic type of coins bearing the image of a ruler killing a lion. The bimetallic Bukhara issues of the ruler Mawak also had a pronounced "Sasanian" appearance.

As for the Kushan Empire, its territory, according to one version, was captured about 230 by the first Sasanian shahinshah, Ardashir I (224–240). Sasanian princes were appointed to manage the empire, bearing the title of "kushanshah", i.e., Kushan ruler. In modern historiography, these rulers received the name Kushano-Sasanians. Numismatic material

allows us to construct a chronological sequence of the rule of seven kushanshahs: unknown ruler (about 230); Ardashir (about 230–245); Peroz I (about 245–270); Hormizd I (about 270–300); Hormizd II (about 300–303); Peroz II (about 303–330); and Varahram (about 330–365). The first two rulers are known only from copper issues; the rest of the The Kushanian kings minted both gold and copper coins. In addition, very rare silver emissions by Peroz I and Hormizd I are known. In addition to the standard "imperial" issues under the Kushano-Sasanians, a large imitative series, following the type of Vasudeva I coins, was also minted (Figure 10). Coins of this series are known in gold and copper. Regarding the iconographic features of Kushano-Sasanian coins, it is worth noting the following: On the obverse side of the coins there was the image of the ruler. On the early gold dinars of Peroz I it was full-length and imitated the portrait style of Vasudeva I and Kanishka II. On all other gold issues, the portrait type followed the Sasanian tradition (Figure 11). Most copper coins on the obverse side carried an image of the ruler, executed in the traditional Sasanian portrait style. The exception is the early issues of Ardashir and Peroz with a full-length image of the rulers. On the reverse side of the gold coins there was an image of the higher deity (Oesha) with a bull. The iconography of the images on the reverse side of the copper coins was more diverse: in addition to several versions of images of the higher deity, one could find Anahita, Mithra.

Around the 340s, the Sasanians encountered the invasion of Hunnu-Chionites who occupied Sogd, and in the early fifth century, in the late Kushan and Kushano-Sasanian eras, the territory of Bactria-Tokharistan was controlled by a group of tribes known as the Kidarites. The coins of these rulers, from the point of view of iconography, practically do not have any characteristics of their "barbarous" origin, and copy the types of the preceding Sasanian, Kushan and Kushano-Sasanian kings. The Kidarite coin system was multimetallic in nature: gold issues (made in the Kushan-Sasanian and Kushan styles), silver (made in the Sasanian style, Figure 12), and copper (made in the Kushano-Sasanian and mixed Sasanian and Kushan styles).

Between the middle of the fifth and sixth centuries AD, power in Tokharistan was captured by another tribal grouping, known in written sources as the Hephthalites (they called themselves "Xion"). Having defeated the Sasanians, they occupied part of Khorasan, Northern India, a number of oases of Eastern Turkestan and Sogd, i.e., even surpassing the Kushan Empire. It is also possible that there were two Hephthalite states, with centers in Tokharistan and India. The power of the Hephthalites

came to an end in the 60s of the sixth century, when they were defeated by the Turkic Kaganate, acting in alliance with Sasanian Iran.

Stormy political events gave a new impetus to the development of Sogdian numismatics. In this regard, a rather long series of coins minted in the Bukhara oasis is of particular interest. The issues of this series contained on the obverse side the image of the ruler (on one of the types, two rulers or the male ruler and the female ruler) in a light half- to three-quarter pose. The iconographic continuity of portraits on the obverse side, a certain sequence of images on the reverse side, as well as production techniques (gradual transition to minting on cast billets) make it possible to distinguish at least 13 different monetary types within this series.

The beginning of the seventh century was marked by a completely new stage in the minting of Sogd: the appearance of a cast coin. In Samarkand, copper coins were issued with a three-quarter portrait on the obverse side, and in Bukhara, with the image of a camel. Since the 620s, copper coins with a square hole in the center, imitating the Chinese issues with the legend of Kai Yuan Tong Bao, began to be cast in Sogd. In addition to Chinese characters, coins of this type contained Sogdian legends and tamgas.

In general, it is possible to state that the Central Asian coin types of the pre-Islamic era, which were issued on the territory of ancient regions including modern Uzbekistan, at various times reflected and actively reworked Greek, Iranian, steppe, Indian and Chinese traditions.

МОНЕТЫ С ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО УЗБЕКИСТАНА (С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО АРАБСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ)

К.В. Кравцов

На территории современного Узбекистана располагалось несколько древних историко-культурных областей, известных по письменным источникам. Но ни наиболее экономически и политически развитые Бактрия, Хорезм и Согдиана, ни тем более их северная периферия не входили в число земель первоначального зарождения металлических денег. Тем не менее, с монетой как средством платежа народы Средней Азии познакомились еще в VI в. до н.э., когда эти области вошли в состав Ахеменидской империи. Первые попытки покорения Средней Азии были предприняты Киром II Великим, погибшим в 530 г. до н.э. во время похода против племени массагетов. Дальнейшее завоевание Средней Азии продолжилось при преемниках Кира. В частности, в знаменитой Бехистунской надписи Дария I, повествующей о событиях 523–521 гг. до н.э., в числе стран, подчиненных ахеменидскому царю, называются в том числе и Хорезм, Бактрия, Согдиана. К тому времени в империи сложилась биметаллическая денежная система, основанная на золотых монетах – *дариках* и серебряных – *сиклях*. Без всякого сомнения, уже тогда народы Средней Азии, составлявшие значительный воинский контингент в ахеменидской армии, узнали, что представляют собой металлические деньги, однако сколько-нибудь развитого денежного обращения в этом регионе, впрочем, как и в других восточных сатрапиях персидского государства, не наблюдалось.

После трех решающих сражений с войсками Александра Македонского (на реке Граник 334 г. до н.э., при Иссе 333 г. до н.э. и при Гавгамелах 331 г. до н.э.) Ахеменидская держава практически прекратила свое существование. В 329 г. до н.э. армия великого полководца вторглась на территорию Средней Азии. В течение двух с лишним лет Александр Македонский был занят покорением региона, чьи народы оказывали новым захватчикам ожесточенное сопротивление. Вряд ли стоит сомневаться в том, что воины Александра Великого принесли с собой привычные для

них монеты, но послужило ли это толчком к началу собственного локального производства – сказать пока нельзя.

После смерти Александра Македонского и ожесточенной борьбы за власть его полководцев, на развалинах когда-то великой державы была образована империя Селевкидов, основанная в 312 г. до н.э. диадохом Александра – Селевком I Никатором. Южные районы Средней Азии, в том числе Бактрия и Согдиана, контролировались Селевкидами. Во время правления сына Селевка Антиоха I (281–261 гг. до н.э.) в Бактрах (столице Бактрии) был организован монетный двор.

Видимо, и в Согдиане собственный чекан начался именно при Селевкидах. Об этом свидетельствуют медные монеты, выпущенные, скорее всего, в Самарканде Антиохом I или Антиохом II (261–246 гг. до н.э.). На их лицевой стороне изображался краб (на некоторых экземплярах иконографически очень близкий к изображению паука). Оборотная сторона несла изображение пчелы, монограмму и греческую легенду ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ «царя Антиоха».

Около 250 г. до н.э. в результате обострения внутренних противоречий от Селевкидов «отложился» наместник Бактрии Диодот, провозгласивший ее независимость и основавший новое царство, контролировавшее Бактрию, Согдиану и Маргиану. Монетная система государства, получившего в исторической литературе название Греко-Бактрия, была мультиметаллической и базировалась на аттическом стандарте. Несмотря на тот факт, что основу греко-бактрийской эмиссии составляли серебряные и медные выпуски, производство золотых монет при царях Диодоте I, Диодоте II, Евтидеме I и Евкратиде I носило весьма интенсивный характер. Помимо этого, известны медно-никелевые выпуски Евтидема II, Агатокла (Агафокла), Панталеона.

Монетный тип золотых и серебряных греко-бактрийских монет был в целом довольно стандартен. На лицевой стороне помещалось изображение правящего царя, на оборотной стороне – греческое божество: Зевс, Геракл, Посейдон, Гермес, Аполлон, Дионис, Гелиос, Артемида, Афина, Ника, скачущие на лошадях Диоскуры. На оборотной стороне вокруг изображения полукругом или вертикальными столбцами располагались греческие легенды, сообщающие имена и титулы царей. Здесь же рядом с изображением божества помещались монограммы, которые, в соответствии с различными гипотезами, могли представлять собой сокращенные названия монетных дворов, имена чиновников или хронограммы. Медные эмиссии отличались бóльшим иконографическим разнообразием. К тому же, часть монет имела квадратную форму. До нас дошли выпуски с изображением орла, верблюда, лошади, совы, слона,

льва, пантеры, кабана, быка-зебу. С включением части Индии в состав Греко-Бактрийского царства на монетах появляются легенды, выполненные письмом *брахми* и *кхароштхи*.

Около 230 г. до н.э. греки, по всей видимости, потеряли контроль над Согдом, а кочевники, захватившие страну и разделившие её на несколько небольших княжеств, отреагировали на образовавшийся монетный «вакуум» выпуском длинных серий подражаний селевкидским и греко-бактрийским монетам. Здесь можно назвать подражания монетам Антиоха I, Евтидема I. Около рубежа нашей эры подражательные серии постепенно переросли в местные самостоятельные эмиссии с высококачественными изображениями и легендами на греческом и согдийском языках. Однако ряд событий, произошедших в конце I – начале II вв., затормозил экономическое и культурное развитие Согда, а монеты, которые согдийские княжества чеканили до середины III в., просто воспроизводили предшествующие типы, лишь иногда добавляя новые согдийские легенды.

Что же касается Хорезма, то длительный период независимости этой области способствовал сохранению древних традиций и формированию особой культуры, лишь частично сходной с бактрийской и согдийской. Естественно, подобного рода специфика отразилась и на монетной системе. Первые шаги самостоятельной монетной чеканки в Хорезме относятся, видимо, к началу I в. На примере локальных монетных типов легко проследить переход от подражательных эмиссий к самостоятельным. На подражательных выпусках тетрадрахм Евкратида I с течением времени появилась специфическая тамга, получившая название «хорезмийской».

Чуть позже видоизменилась иконография лицевой и оборотной сторон. На оборотной стороне место традиционного для подражательной серии изображения скачущих Диоскуров занял всадник, ориентированный вправо. Такой тип иконографии оборотной стороны серебряных и некоторых медных монет оставался неизменным длительное время. Легенды, расположенные на оборотной стороне, также прошли путь деформации: первоначальный тип с греческой легендой сменился типом с остатками искаженной греческой легенды, сопровождаемой легендой на хорезмийском языке. Более поздние выпуски несли только хорезмийскую легенду.

В Бактрию, после смерти царя Евкратида I, в первые годы царствования Евкратида II (начало 150-х гг. до н.э.) вторгаются кочевники да-юечжи. Результатом стало падение основных городских центров области, в том числе и самого известного и хорошо исследованного из них города Ай-Ханум в правобережной Бактрии. Тем не менее, нумизматические и

письменные, главным образом китайские, источники свидетельствуют, что окончательное крушение Греко-Бактрийского царства произошло не ранее 90 г. до н.э. Спустя некоторое время объединение да-юечжей распалось на несколько княжеств, во главе которых стояли племенные вожди – ябгу. До нас дошли их монеты, датируемые первой половиной I в. Эмиссия включала в себя как локальные бактрийские выпуски с именами ябгу, так и подражательные серии, имитирующие греческие типы Евкратида I и Гелиокла I.

К середине I в. ябгу Куджула Кадфиз объединил под своей властью все остальные владения и создал Кушанское царство, ставшее мощным противником трех крупнейших держав того времени: Китая, Персии и Рима. Ок. 50 г. н.э. кушаны начали выпуск собственной монеты, основанный на предшествующих индо-греческих, индо-скифских и индо-парфянских традициях. В конце 80-х – начале 90-х гг. была предпринята попытка унифицировать денежную систему на территории всей империи (за исключением Кашмира). В основу были положены медные номиналы в две драхмы (ок. 8,5 г) и ½ драхмы (ок. 2,1 г) «пониженного» аттического стандарта. Дальнейшие шаги на пути унификации способствовали становлению единой денежной системы на территории уже всей империи, включая Кашмир и вновь завоеванные земли. Помимо медных номиналов, в обращении появились и золотые монеты весом в 4, 2, 1 и ½ драхмы (16, 8, 4 и 2 г). Медные тетрадрахмы и дидрахмы и золотые динары и ½ динара становятся общепризнанными стандартами.

Следует сказать несколько слов и об иконографии на кушанских монетах. В этой связи исключительный интерес представляют изображения божеств-покровителей на оборотной стороне монет. Здесь можно назвать Нанаю (божество Луны), Геракла, Зевса, Нику, Мииро/Михро (божество Солнца), Оешо/Вишу (божество неба и гор, иконографически связанное с индийским Шивой и греческим Гераклом), Ардохшо (божество удачи, счастливой судьбы), Оадо/Вадо (божество ветра) и др. Безусловно, изображения этих божеств иконографически восходили к греко-иранским традициям индо-греческих, индо-скифских и индо-парфянских культур.

В III в. геополитическая ситуация на Ближнем и Среднем Востоке в целом и в Средней Азии в частности претерпела значительные изменения. Выход на историческую арену мощного сасанидского Ирана изменил конфигурацию Шелкового пути, основное ответвление которого стало проходить через Согд. Сасаниды даже захватили Бухарский оазис. В итоге, на согдийской нумизматике IV в. сильно сказалось сасанидское влияние. В частности, это проявилось в биметаллической эмиссии (из серебра и меди) Нахшаба, воспроизводящей тип самаркандского лучника,

а также в появлении нового иконографического типа монет, несущего на себе изображение правителя, убивающего льва. Ярко выраженный «сасанидский» облик носили и биметаллические бухарские выпуски правителя Мавака.

Что же касается Кушанской империи, то ее территория, по одной из версий, была захвачена ок. 230 г. первым сасанидским шахиншахом Ардаширом I (224–240). Для управления империей были назначены сасанидские принцы, носившие титул «кушаншах», т.е. кушанский правитель. В современной историографии эти правители получили название Кушано-Сасанидов. Нумизматический материал позволяет построить хронологическую последовательность правления семи кушаншахов: неизвестный правитель (ок. 230) – Ардашир (ок. 230–245) – Пероз I (ок. 245–270) – Хормизд I (ок. 270–300) – Хормизд II (ок. 300–303) – Пероз II (ок. 303–330) и Варахран (ок. 330–365). Первые два правителя известны только по медным выпускам, остальные кушаншахи чеканили как золотые, так и медные монеты. Известны и весьма редкие серебряные эмиссии Пероза I и Хормизда I. В добавок к стандартным «имперским» выпускам при Кушано-Сасанидах чеканилась многочисленная подражательная серия, имитирующая тип монет Васудевы I. Монеты этой серии известны в золоте и меди. Говоря об иконографических особенностях кушано-сасанидских монет, следует отметить следующее. На лицевой стороне монет помещалось изображение правителя: на ранних золотых динарах Пероза I оно в полный рост и имитирует портретный стиль Васудевы I и Канишки II. На всех остальных золотых выпусках портретный тип следовал сасанидской традиции. Большинство медных монет на лицевой стороне несло оплечное изображение правителя, выполненное в традиционном сасанидском портретном стиле. Исключение составляют ранние эмиссии Ардашира и Пероза с изображением правителей в полный рост. На оборотной стороне золотых монет помещалось изображение высшего божества (Оешо) с быком. Иконография изображений на оборотной стороне медных монет была более разнообразной: помимо нескольких вариантов изображений высшего божества здесь можно было встретить Анахиту, Митру.

Около 340-х гг., в поздний период кушанской и кушано-сасанидской эпохи, территория Бактрии-Тохаристана оказывается под контролем группы племен, известной как *кидариты*. Монеты этих правителей, с точки зрения иконографии, практически не имеют никаких характеристик, говорящих об их «варварском» происхождении, и копируют типы предшествующих сасанидских, кушанских и кушано-сасанидских царей. Монетная система кидаритов носила мультиметаллический характер:

известны золотые эмиссии (выполнены в кушано-сасанидском и кушанском стилях), серебряные (выполнены в сасанидском стиле), медные (выполнены в кушано-сасанидском и смешанном сасанидском и кушанском стилях).

Между серединой V и VI вв. власть в Тохаристане захватила другая племенная группировка, известная по письменным источникам как *эфталиты* (сами они называли себя «*хион*»). Разгромив Сасанидов, они заняли часть Хорасана, Северную Индию, ряд оазисов Восточного Туркестана и Согд, т.е. территориально даже превзошли Кушанскую империю. Возможно также, что было два государства эфталитов: с центром в Тохаристане и в Индии. Могуществу эфталитов был положен конец в 60-х гг. VI в., когда они были разбиты Тюркским каганатом, выступавшем в союзе с Сасанидским Ираном.

Бурные политические события дали новый толчок развитию согдийской нумизматики. В этой связи особый интерес представляет довольно длинная серия монет, чеканившихся в Бухарском оазисе. Выпуски этой серии несли на лицевой стороне изображение правителя (на одном из типов – двух правителей или правителя и правительницы) в легком полуобороте на три четверти. Иконографическая преемственность портретов на лицевой стороне, определенная последовательность изображений на оборотной стороне, а также техника производства (постепенный переход к чеканке на литых заготовках) позволили в рамках данной серии выделить как минимум 13 различных монетных типов.

Наступление VII в. ознаменовалось совершенно новым этапом в монетном производстве Согда – появлением литой монеты. В Самарканде выпускались медные монеты с трехчетвертным портретом на лицевой стороне, а в Бухаре – с изображением верблюда. Начиная с 620-х гг., в Согде начали отливать медные монеты с квадратным отверстием в центре, подражающие китайским выпускам с легендой Кай Юань Тун Бао. Помимо китайских иероглифов, монеты данного типа несли согдийские легенды и тамги.

В целом можно сказать, что среднеазиатские монетные типы домусульманской эпохи, выпускавшиеся на территории современного Узбекистана, в разное время отражали и активно перерабатывали греческие, иранские, степные, индийские и китайские традиции.

Инв. № ОН-В-Инд-9
Тетрадрахма. Диодот II (Диодот I шарафига чиқарилган)
Бактрия. Тахминан эрамиздан аввалги 248–236/230–225 йиллар.
Кумуш, кандакорлик.
Диаметри – 26.5 мм. Вазни – 16.48 г.

Inventory No. ON-V-Ind-9
Tetradrachm. Diodotus II (coining in honor of Diodotus I)
Bactria. c. 248–236/230–225 BC.
Silver, struck.
Diameter: 26.5 mm. Weight: 16.48 g.

Инв. № ОН-[illegible]
Тетрадрахма. [illegible] II (выпуск в честь [illegible])
Бактрия. Ок[illegible]–225 гг. до н.э.
Серебро; чеканка.
Диаметр – 26,5 мм. Вес – 16,48 г.

Инв. № ОН-В-Инд-62
Тетрадрахма. Евкратид I нинг ўлимидан кейин чиқарилган
Бактрия (?) Эрамиздан аввалги 145 йилдан кейин. Кумуш, кандакорлик.
Диаметри – 31 мм. Вазни – 15.28 г.

Inventory No. ON-V-Ind-62
Tetradrachm. A "posthumous" issue of Eucratides I
Bactria (?) After 145 BC.
Silver, struck.
Diameter: 31 mm. Weight: 15.28 g.

Инв. № ОН-В-Инд-62
Тетрадрахма. «Посмертный» выпуск Евкратида I
Бактрия (?) После 145 г. до н.э.
Серебро, чеканка.
Диаметр – 31 мм. Вес – 15,28 г.

Инв. № ОН-В-[illegible]
Тетрадрахма. Артамуш
Қадимги Хоразм. III аср.
Кумуш, кандакорлик.
диаметри – 33 мм. Вазни – 11.75 г.

Inventory No. ON-V-M-34786
Tetradrachma. Artramush
Ancient Chorasmia. 3rd century.
Silver, struck.
Diameter: 33 mm. Weight: 11.75 g.

Инв. № ОН-В-М-34786
Тетрадрахма. Артамуш
Древний Хорезм. III в.
Серебро, чеканка.
Диаметр – 33 мм. Вес – 11,75 г.

Инв. № ОН-В-Азмуз-8810
Тетрадрахма. Вазамар
Қадимги Хоразм. III аср иккинчи ярми – IV аср биринчи ярми.
Кумуш, кандакорлик.
Диаметри – 33 мм. Вазни – 9.07 г.

Inventory No. ON-V-Azmuz-8810
Tetradrachm. Vazamar
Ancient Chorasmia. The second half of the 3rd – the first half of the 4th century.
Silver, struck.
Diameter: 33 mm. Weight: 9.07 g.

Инв. № ОН-В-Азмуз-8810
Тетрадрахма. Вазамар
Древний Хорезм. Вторая половина III – первая половина IV в.
Серебро, чеканка.
Диаметр – 33 мм. Вес – 9,07 г.

Инв. № ОН-В-М-34797
Шкам кумуш тангаси
Кадимги Хоразм. тахминан 712 й.
Кумуш, кандакорлик.
Диаметри – 28 мм. Вазни – 4,87 г.

Inventory No. ON-V-M-34797
Silver coin of Shkam
Ancient Chorasmia. c. 712 AD.
Silver, struck.
Diameter: 28 mm. Weight: 4.87 g.

Инв. № ОН-В-М-34797
Серебряная монета Шкама
Древний Хорезм. Ок. 712 г.
Серебро, чеканка.
Диаметр – 28 мм. Вес – 4,87 г.

Инв. № ОН-А-ДГ-37921
Антиох I драхмасига тақлид
Суғд. Самарқанд.
Эрамиздан аввалги I аср.
Кумуш, кандакорлик.
Диаметри – 15 мм. Вазни –2,05 г.

Inventory No. ON-A-DG-37921
Imitation of the drachm of Antiochs I
Sogd. Samarkand. 1st century BC.
Silver, struck.
Diameter – 15 mm. Weight – 2.05 g.

Инв. № ОН-А-ДГ-37921
Подражание драхме Антиоха I
Согд, Самарканд. I в. до н.э.
Серебро, чеканка.
Диаметр – 15 мм. Вес –2,05 г.

Инв. № ОН-В-Инд-551
Камончи тасвири туширилган танга
Суғд. Самарқанд. V аср.
Кумуш, кандакорлик.
Диаметри – 12,5 мм. Вазни – 0.56 г.

Inventory No. ON-V-Ind-551
Coin with the image of an archer
Sogd. Samarkand. 5th century.
Silver, struck.
Diameter – 12.5 mm. Weight – 0.56 g.

Инв. № ОН-В-Инд-551.
Монета с изображением лучника
Согд, Самарканд. V в.
Серебро, чеканка.
Диаметр –12,5 мм. Вес – 0,56 г.

Инв. № ОН-В-М-34853
Хукмдор Турок тангаси
Суғд. Самарқанд. VII аср боши.
Мис, қуйма.
Диаметри – 23 мм. Вазни – 5.86 г.

Inventory No. ON-V-M-34853
Coin of the ruler Turak
Sogd. Samarkand. Early 7th century.
Copper, cast.
Diameter – 23 mm. Weight – 5.86 g.

Инв. № ОН-В-М-34853
Монета правителя Турака
Согд, Самарканд. Нач. VII в.
Медь, литье.
Диаметр – 23 мм. Вес – 5,86 г.

Инв. № ОН-В-М-34844
Суғд хукмдори Угрок зарб эттирган танга
Суғд. Самарканд. 730-йиллар боши ва охири.
Мис, куйма.
Диаметри – 24 мм. Вазни – 3,16 г.

Inventory No. ON-V-M-34844
Coin of ikhshid (King of Sogd) Ugrak
Sogd. Samarkand. Early and mid 730s.
Copper, cast.
Diameter – 24 mm. Weight – 3.16 g.

Инв. № [illegible]
Монета [illegible]да (царя Согда) Уграка
Согд, Са[illegible]амарканд. Начало – середин[illegible]730х гг.
Медь, литье.
Диаметр – 24 мм. Вес – 3,16 г.

Инв. № ОН-В-Инд-452
Тетрадрахма Евтидем тангасига таклид
Суғд. Бухоро. III аср биринчи ярми.
Кумуш, кандакорлик.
Диаметри – 29,5 мм. Вазни – 7,95 г.

Inventory No. ON-V-Ind-452
Coin of tetradrachm of Euthydemos type
Sogd. Bukhara. First half of the 3rd century.
Silver, struck.
Diameter – 29.5 mm. Weight – 7.95 g

Инв. № ОН-В-Инд-452
Монета по типу тетрадрахмы Евтидема
Согд, Бухара. Первая пол. III в.
Серебро, чеканка.
Диаметр – 29,5 мм. Вес – 7,95 г.

Инв. № ОН-В-М-34874
Хукмдор Мавак зарб килдирган танга
Суғд. Бухоро. IV аср охири.
Кумуш, кандакорлик.
Диаметри – 12 мм. Вазни – 0,73 г.

Inventory No. ON-V-M-34874
Coin of the ruler Mawak
Sogd. Bukhara. Late 4th century.
Silver, struck.
Diameter – 12 mm. Weight – 0.73 g.

Инв. № ОН-В-М-34874
Монета правителя Мавака
Согд, Бухара. Конец IV в.
Серебро, чеканка.
Диаметр – 12 мм. Вес – 0,73 г.

Инв. № ОН-В-М-34896
Хукмдор Асбор зарб килдирган танга
Суғд. Бухоро.V аср.
Мис, кандакорлик.
Диаметри – 19 мм. Вазни – 2,32 г.

Inventory No. ON-V-M-34896
Coin of the ruler Asbar
Sogd. Bukhara. 5th century.
Copper, struck.
Diameter – 19 mm. Weight – 2.32 g.

Инв. № ОН-В-М-34896
Монета правителя Асбара
Согд, Бухара.V в.
Медь, чеканка.
Диаметр – 19 мм. Вес – 2,32 г.

Инв. № ОН-В-М-34923

Хукмдор Асбор зарб қилдирган тангага тақлид

Суғд. Бухоро. V аср иккинчи ярми – VI аср биринчи ярми.
Мис, кандакорлик.
Диаметри – 17,5 мм. Вазни – 1,48 г.

Inventory No. ON-V-M-34923

Imitation of the coin of the ruler Asbar

Sogd. Bukhara. Second half of the 5th – first half of the 6th century.
Copper, struck.
Diameter – 17.5 mm. Weight – 1.48 g.

Инв. № ОН-В-М-34923

Подражание монете правителя Асбара

Согд, Бухара. Вторая половина V – первая половина VI в.
Медь, чеканка.
Диаметр – 17,5 мм. Вес – 1,48 г.

Инв. № ОН-В-М-34938

Номаълум хукмдор зарб эттирган танга

Суғд. Бухоро. VI аср иккинчи ярми.
Мис, кандакорлик.
Диаметри – 19 мм. Вазни – 1,52 г.

Inventory No. ON-V-M-34938

Coin of an unknown ruler

Sogd. Bukhara. Second half of the 6th century.
Copper, struck.
Diameter – 19 mm. Weight – 1.52 g.

Инв. № ОН-В-М-34938

Монета неизвестного правителя

Согд, Бухара. Вторая половина VI в.
Медь, чеканка.
Диаметр – 19,0 мм. Вес – 1,52 г.

Инв. № ОН-[illegible]
Номаълум хукмдор(лар) зарб эттирган танга
Суғд. Бухоро. VI аср иккинчи ярми.
Мис, кандакорлик.
Диаметри – 20 мм. Вазни – 2,22 г.

Inventory No. ON-V-M-34929
Coin of an unknown ruler
Sogd. Bukhara. Second half of the 6th century
Copper, struck.
Diameter – 20 mm. Weight – 2.22 g.

Инв. № ОН-В-М-34929
Монета неизвестного правителя
Согд, Бухара. Вторая половина VI в.
Медь, чеканка.
Диаметр – 20 мм. Вес – 2.22 г.

Инв. № ОН-В-М-34954.
Номаълум хукмдор(лар) зарб эттирган танга
Суғд. Бухоро.VI аср иккинчи ярми.
Мис, кандакорлик.
Диаметри –20 мм. Вазни – 0,85 г.

Inventory No. ON-V-M-34954
Coin of unknown ruler(s)
Sogd. Bukhara. Second half of the 6th century.
Copper, struck.
Diameter – 20 mm. Weight – 0.85 g.

Инв. № ОН-В-М-34954.
Монета неизвестного правителя (правителей)
Согд, Бухара. Вторая половина VI в.
Медь, чеканка.
Диаметр –20 мм. Вес – 0,85 г.

Инв. № ОН-В-М-34926.
Номаълум хукмдор зарб эттирган танга
Суғд. Бухоро. VI аср иккинчи ярми.
Мис, кандакорлик.
Диаметри – 19 мм. Вазни – 1,13 г.

Inventory No. ON-V-M-34926
Coin of an unknown ruler
Sogd. Bukhara. Second half of the 6th century.
Copper, struck.
Diameter – 19 mm. Weight – 1.13 g.

Инв. [illegible]
Монета неизвестного правителя
Согд, Бухара. Вторая половина VI в.
Медь, чеканка.
Диаметр – 19 мм. Вес – 1,13 г.

Инв. № ОН-В-Азмуз-45
Номаълум хукмдор зарб эттирган танга
Суғд. Бухоро. VI аср иккинчи ярми.
Мис, кандакорлик.
Диаметри – 20 мм. Вазни – 1,96 г.

Inventory No. ON-V-Azmuz-45
Coin of an unknown ruler
Sogd. Bukhara. Second half of the 6th century.
Copper, struck.
Diameter – 20 mm. Weight – 1.96 g.

Инв. № ОН-В-Азмуз-45
Монета неизвестного правителя
Согд, Бухара. Вторая половина VI в.
Медь, чеканка.
Диаметр – 20 мм. Вес – 1,96 г.

Инв. № ОН-В-М-34973
Туя ва м[illegible] туширилган, номаълум [illegible] эттирган танга
Суғд. Бухоро. 600–620-йиллар.
Мис, кандакорлик.
Диаметри – 19,5 мм. Вазни – 1,30 г

Inventory No. ON-V-M-34973
Coin of an unknown ruler with the image of camel and altar
Sogd. Bukhara. 600–620s.
Copper, struck.
Diameter – 19.5 mm. Weight – 1.30 g.

Инв. № ОН-В-М-34973
Монета неизвестного правителя с изображением верблюда и алтаря
Согд, Бухара. 600–620-е гг.
Медь, чеканка.
Диаметр – 19,5 мм. Вес – 1,30 г

Инв. № ОН-В-Азмуз-54
Туя ва суғд афсонаси тасвири туширилган, номаълум хукмдор зарб эттирган танга
Суғд. Бухоро. VII аср ўрталари.
Мис, куйма.
Диаметри – 18 мм. Вазни – 1,22 г.

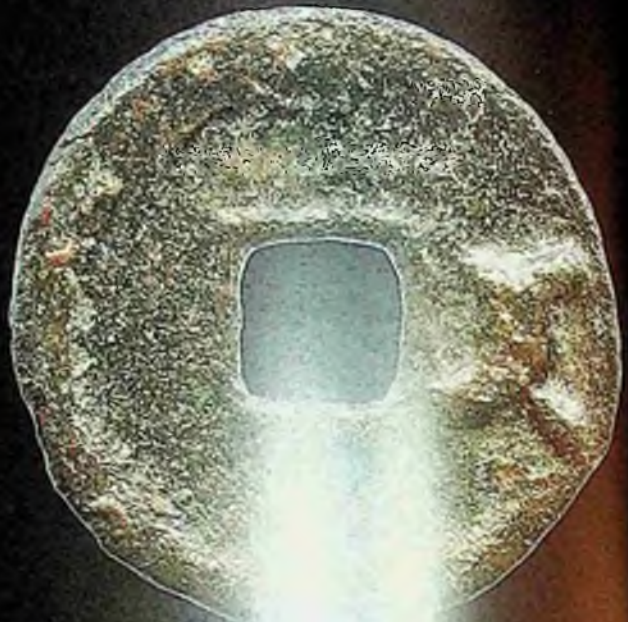
Inventory No. ON-V-Azmuz-54
The coin of an unknown ruler with the image of camel and Sogdian legend
Sogd. Bukhara. Middle of the 7th century.
Copper, cast.
Diameter – 18 mm. Weight – 1.22 g.

Инв. № ОН-В-Азмуз-54
Монета неизвестного правителя с изображением верблюда и согдийской легендой
Согд. Бухара. Середина VII в.
Медь, литье.
Диаметр – 18 мм. Вес – 1,22 г.

Инв. № ОН-В-М-34831
Олд томонида Хитой афсонаси Кай Юан Тун Бао тасвири туширилган танга
Суғд. Бухоро. VII аср ўрталари.
Мис, куйма.
Диаметри – 24,5 мм. Вазни – 4,14 г.

Inventory No. ON-V-M-34831
Coin with the obverse bearing the Chinese legend Kai Yuan Tong Bao
Sogd. Bukhara. Middle of the 7th century.
Copper, cast.
Diameter – 24.5 mm. Weight – 4.14 g.

Инв. № ОН-[illegible]
Монета с [illegible] стороной, воспроизводящей китайскую легенду Кай Юань Тун Бао
Согд, Бухара. Середина VII в.
Медь, литье.
Диаметр – 24,5 мм. Вес – 4,14 г.

Инв. № ОН-В-Р-26
Хитой намунасидаги танга
Суғд. Бухоро. VII аср ўрталари.
Мис, куйма.
Диаметри – 19 мм. Вазни – 1,46 г.

Inventory No. ON-V-R-26
Chinese-type coin
Sogd. Bukhara. Middle of the 7th century.
Copper, cast.
Diameter – 19 mm. Weight – 1.46 g.

Инв. № ОН-В-Р-26
Монета китайского образца
Согд, Бухара. Середина VIIв.
Медь, литье.
Диаметр – 19 мм. Вес – 1,46 г.

Инв. № ОН-В-Азмуз-17327
Бухархудат Кан номи туширилган драхма
Суғд. Бухоро. VII асрнинг 30-йиллари
Кумуш, кандакорлик.
Диаметри – 29,5 мм. Вазни – 3.,37 г.

Inventory No. ON-V-Azmuz-17327
Drachm with the name of Bukharkhuda Kana
Sogd. Bukhara. The first third of the 7th century.
Silver, struck.
Diameter – 29.5 mm. Weight – 3.37 g.

Инв. № ОН-В-Азмуз-17327
Драхма с именем Бухархудата Каны
Согд. Бухара. Первая треть VII в.
Серебро, чеканка.
Диаметр – 29,5 мм. Вес – 3,37 г.

Инв. № ОН-В-Азмуз-19425
Бухархудат Кан номи туширилган драхма
Суғд. Бухоро. 690–709 йиллар.
Кумуш, кандакорлик.
Диаметри – 29 мм. Вазни – 3,06 г.

Inventory No. ON-V-Azmuz-19425
Drachm with the name of Bukharkhuda Khunak
Sogd. Bukhara. 690–709s.
Silver, struck.
Diameter – 29 mm. Weight – 3.06 g.

Инв. № ОН-В-Азмуз-19425
Драхма с именем Бухархудата Хунака
Согд, Бухара. 690–709 гг.
Серебро, чеканка.
Диаметр – 29 мм. Вес – 3,06 г.

Инв. № ОН-В-Азмуз-8552
Хукмдор Тарнавч тангаси
Чоч. VIII аср.
Мис, куйма.
Диаметри – 19 мм. Вазни – 2,43 г.

Inventory No. ON-V-Azmuz-8552
Coin of the ruler Tarnavch
Chach. 8th century.
Copper, cast.
Diameter – 19 mm. Weight – 2.43 g.

Инв. № ОН-В-Азмуз-8552
Монета правителя Тарнавча
Чач. VIII в.
Медь, литье.
Диаметр – 19 мм. Вес – 2,43 г.

Инв. № ОН-В-М-34867
Номаълум хукмдор зарб эттирган ёзувсиз танга
Чоч. VIII аср.
Мис, куйма.
Диаметри– 18 мм. Вазни – 1,39 г.

Inventory No. ON-V-M-34867
Anepigraphic coin of an unknown ruler
Chach. 8th century.
Copper, cast.
Diameter – 18 mm. Weight – 1.39 g.

Инв. № ОН-В-М-34867
Анэпиграфная монета неизвестного правителя
Чач. VIII в.
Медь, литье.
Диаметр – 18 мм. Вес – 1,39 г.

Инв. № ОН-В-Азмуз-9627
Номаълум хақон тангаси
Фарғона. VIII аср.
Мис, куйма.
Диаметри – 29 мм. Вазни – 4,36 г.

Inventory No. ON-V-Azmuz-9627
Coin of the anonymous khaqan
Fergana. 8th century.
Copper, cast.
Diameter – 29 mm. Weight – 4.36 g.

Инв. № ОН-В-Азмуз-9627
Монета безымянного хакана
Фергана. VIII в.
Медь, литье.
Диаметр – 29 мм. Вес – 4,36 г.

ХАЛҚЛАРНИ БИРЛАШТИРУВЧИ МЕРОС

КИТОБ-АЛЬБОМНИ НАШРГА ТАЙЁРЛАШДА ИШТИРОК ЭТГАН ОЛИМЛАРГА МИННАТДОРЛИК

HERITAGE UNITING PEOPLES

ACKNOWLEDGEMENT TO THE SCHOLARS PARTICIPATED IN THE PUBLICATION OF THE BOOK-ALBUM

НАСЛЕДИЕ, ОБЪЕДИНЯЮЩЕЕ НАРОДЫ

БЛАГОДАРНОСТЬ УЧЕНЫМ, ПРИНЯВШИМ УЧАСТИЕ В ИЗДАНИИ КНИГИ-АЛЬБОМА

ХАЛҚЛАРНИ БИРЛАШТИРУВЧИ МЕРОС

КИТОБ-АЛЬБОМНИ НАШРГА ТАЙЁРЛАШДА ИШТИРОК ЭТГАН ОЛИМЛАРГА МИННАТДОРЛИК

Яқинда 250 йиллигини нишонлаган Давлат Эрмитажи дунёнинг йирик ва нуфузли музейларидан биридир. Барча қитъалардан келтирилган асарлар билан бир қаторда Эрмитажда Ўзбекистон ҳудудига боғлиқ жуда катта коллекция мавжуд. Айнан шу сабабли ушбу музей билан ҳамкорлик «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳаси иштирокчилари учун жуда қувончли ва омадли бўлди. Ушбу ҳамкорлик бир вақтнинг ўзида Лойиҳанинг халқаро миқёсда тан олинишининг яна бир далилидир. Эрмитаж коллекцияси билан ишлаш жараёни ушбу музейнинг катта тўпламларидан Ўзбекистон билан ҳудудий жиҳатдан боғлиқ бўлган камёб ва қимматбаҳо буюмларни ажратиб кўрсатишдек ноёб имкониятни берди.

Бизнинг ижодий гуруҳимиз Эрмитаж раҳбарияти ва ходимлари билан музокаралар олиб бориш ва ҳамкорликни йўлга қўйиш мақсадида бир неча бор Санкт-Петербургга сафар уюштирди. Ушбу сафарлар натижасида музей директори – машҳур тарихчи-шарқшунос, арабшунос, исломшунос, профессор, тарих фанлари доктори Михаил Борисович Пиотровский билан яқин дўстона алоқалар ўрнатишга муваффақ бўлдик. Унинг қўллаб-қувватлаши, сўзсиз, ушбу нашрнинг муваффақияти учун муҳим аҳамият касб этди. Шунингдек, музей ходимлари Павел Лурье ва Андрей Омельченко бизнинг ҳамкорларимиз ва ёрдамчиларимизга айланишди.

Яқин ўтмишда ҳамюртимиз бўлган ва мутахассис сифатида ўзининг касбий маҳорати учун биринчи навбатда ўзбек археология мактабидан миннатдор А. Омельченко мазкур китоб-альбомнинг куратори бўлди.

Музокаралар натижасида, келиб чиқиши Ўзбекистонга оид бўлган коллекциянинг ниҳоятда бой эканини инобатга олган ҳолда, тўпламдаги санъат асарлари тўғрисида имкон қадар тўлиқ маълумот бериш учун уч жилдли тўплам тайёрлашга аҳд қилинди. Китобхон қўлидаги биринчи жилд Ўзбекистоннинг қадимги – илк ўрта асрлар давридаги қатор тарихий маданий ҳудудлари бўлган Бақтрия–Тохаристон, Суғд, Хоразм, Чоч, Фарғона ёдгорликларига бағишланди.

Музей коллекцияси билан танишиш давомида бизни Ўзбекистон ҳудудларига тегишли бўлган кўплаб қимматбаҳо буюмлар қизиқтириб қолди. Улар орасида таниқли рус археологи, шарқшунос, Ўрта Осиё тарихи ва археологияси тадқиқотчиси Н.И. Веселовский томонидан топилган

топилмалар мавжуд. 1883 йилда Самарқандга ташриф буюрган профессор Н.И. Веселовский қадимий буюмлар коллекциячиси, ўлкашунос ва этнограф Мирзо Бухорийнинг ажойиб тўпламидан ҳайратга тушган эди. Профессор ундан 1200 га яқин қадимий буюмлар, жумладан, 11 та олтин, 77 та кумуш ва 951 та мис тангаларни харид қилди. 1889 дан 1891 йилга қадар Мирзо Бухорий Санкт-Петербургга 6300 та қадимий тангаларни жўнатган бўлиб, Борис Луниннинг маълумотига кўра, ушбу тангалар Эрмитажнинг Ўрта Осий коллекциясидан асосий ўринни эгаллаган. Мирзо Бухорий энг фаол хайрия қилувчи сифатида, ўз мамлакатининг тарихий буюмларини илмий мақсадлар учун тақдим этишдек олий мақсадни устун қўйган. «Мен умумий манфаатлар, шунингдек, уларнинг асл ҳолатда сақланиб қолиши учун қўлимдан келганини қиламан» – деб ёзган эди у.

Мирзо Бухорий маҳаллий хайрия қилувчиларнинг энг таниқли вакили эди. 1883 йилда у Тошкент музейига қимматбаҳо археологик буюмларни ҳадя қилди. 1888 йилда, Санкт-Петербургдан қайтаётиб, 43 та буюмни Император маъмурий идорасига жўнатди. Булар асосан Самарқанд ва Бухорода топилган буюмлар эди. 1870-йилларда ташкил этилган ажойиб коллекцияларнинг асосини савдогар Мирзо Бухорий тўпламининг археологик ва нумизматик буюмлари ташкил қилган. Ушбу коллекция ҳақида биз бир оз кейинроқ, нашримизнинг учинчи – XIX–XX асрлар бошларига оид даврга бағишланган бўлимида ҳикоя қиламиз.

Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш Бутунжаҳон жамияти номидан муаллифлик жамаоси аъзолари – А.В. Омельченко, П.Б. Лурье, К.К. Кравцов, Л.Ю. Кулакова, А.И. Торгоевга ижодий ёндашуви, виждонан ва малакали амалга оширилган ишлари, якуний натижадорлик учун самимий миннатдорлик билдирмоқчиман. Ва, албатта, шахсан Михаил Борисович Пиотровскийга бизни қўллаб-қувватлагани учун алоҳида ташаккуримни изҳор қиламан. Аминманки, мазкур альбом Лойиҳа иштирокчилари ва Россиянинг бош музейи ўртасидаги ҳамкорликнинг сўнгги натижаси эмас. Нашрнинг тайёрланишида, Россия музейлари коллекциялари билан яхши таниш бўлгани ҳолда, мазкур китобнинг илмий асосини ташкил қилган материалларни кўриб чиқиш, тақриз қилиш ва таҳрирлаш жараёнида фаол иштирок эт-

Давлат Эрмитажи директори М.Б. Пиотровскийга «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» туркумидаги китоб-альбомлар тақдим этилмоқда. Санкт-Петербург ш., 2018 й.

Presentation of the book-albums of the series "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections" to the Director of the State Hermitage Mikhail Piotrovsky. St. Petersburg, 2018

Вручение книг-альбомов серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» директору Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровскому, г. Санкт-Петербург, 2018 г.

Павел Лурье (Давлат Эрмитажи) ва Ирина Попова (РФА Шарқ қўлёзмалари институти) I Халқаро илмий-маданий конгрессда. Самарқанд ш., 2017 й.

Pavel Lurje (State Hermitage) and Irina Popova (Institute of Oriental Manuscripts of the RAS) at the events of the First International Scientific and Cultural Congress. Samarkand, 2017.

Павел Лурье (Государственный Эрмитаж) и Ирина Попова (Институт восточных рукописей РАН) на мероприятиях I Международного научно-культурного конгресса, г. Самарканд, 2017 г.

ган Лойиҳа илмий раҳбари академик Э.В. Ртвеладзенинг ҳиссаси катта бўлганини алоҳида таъкидлашни истардим.

Маълумки, бизнинг Лойиҳамиз мультимедиа шаклида, шунинг учун ҳар бир китоб-альбомда дастур сифатида видео-диск, шунингдек, 3D-форматида қўшимча визуал маълумотларни олиш учун планшет ёки смартфон ёрдамида сканерлашга мўжалланган махсус ёрлиқлар мавжуд.

«Давлат Эрмитажи тўплами (1-қисм)» китоб-альбоми ҳақида «Ўзбекистон маданий бойлиги – халқлар ва мамлакатлар ўртасидаги мулоқотга йўл» I Халқаро илмий-маданий Конгрессида эълон қилинди (2017 йил 15–16 май, Тошкент–Самарқанд). Нашрдан чиққан китоб-альбом тақдимоти эса музейнинг ватани бўлмиш Санкт-Петербург шаҳрида, «Ўзбекистон маданий бойлиги – халқлар ва мамлакатлар ўртасидаги мулоқотга йўл» II Халқаро Конгрессида бўлиб ўтди (2018 йил 6–8 июнь). Китоб Конгресс иштирокчилари томонидан қизғин маъқулланиб, унинг муҳимлиги алоҳида таъкидланди. Ўзбекистоннинг санъати тарихи кенг бадиий ёдгорликлар доираси мисолида акс эттирилган китоблар бўшлигини тўлдиргани билан ҳам мазкур нашрнинг чоп этилиши айни муддао бўлди.

Санкт-Петербургга сафаримизнинг ёркин хотиралари сифатида, Михаил Борисович Пиотровскийнинг таклифига биноан, ҳар кимга ҳам кириш рухсат этилмаган, музей дурдонаси ҳисобланмиш «Қадимги Қишлоқ»даги Эрмитаж фонди хазинасига ташрифимизни айтиш мумкин. Конгресс иштирокчилари ўзбек санъатининг ноёб дурдоналари намуналарини кўришга муваффақ бўлдилар, улардан айримла-

Давлат Эрмитажи тўпламлари билан танишув ва музейнинг Шарқ бўлими Ўрта Осиё, Кавказ ва Крим шўъбаси мутахассислари билан учрашув.

Acquaintance with the collection of the State Hermitage and the meeting with specialists from the Central Asia, Caucasus and Crimea sectors of the Oriental Department.

Знакомство с коллекцией Государственного Эрмитажа и встреча со специалистами сектора Средней Азии, Кавказа и Крыма Отдела Востока.

ри «Давлат Эрмитажи тўпламлари» китоб-альбомининг учинчи қисмида «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» туркумида чоп этилади. Уларнинг орасида ўзининг нафислиги ва ҳажми билан ажралиб турувчи Бухоро ипак чодири, Бухоро амирининг сарой устахоналарида ясалган заргарлик буюмлари ва бошқа бебаҳо буюмларни кўриш мумкин. Ишончим комилки, «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» туркумидаги «Давлат Эрмитажи тўплами» китоб-альбомининг биринчи жилди каби, кейинги икки жилд ҳам тарихий санъатшунослик учун муҳим ҳисса қўшади.

Китоб-альбом Ўзбекистон Республикаси ҳукуматининг ташкилий-молиявий кўмаги билан чоп этилганини алоҳида таъкидлаб ўтмоқчиман. Ва, албатта, Янги Ўзбекистонда маданий меросни ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш бўйича амалга оширилаётган кенг кўламдаги лойиҳаларни ҳар томонлама қўллаб-қувватлаётган «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳасининг бош ҳомийси «ERIELL» халқаро нефть-сервис компаниясига, хусусан, Бахтиёр Фозиловга ўз миннатдорлигимизни билдирамиз.

Ф. Ф. Абдухоликов,
«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳаси муаллифи ва раҳбари,
Ўзбекистонда хизмат кўрсатган журналист

HERITAGE UNITING PEOPLES

ACKNOWLEDGEMENT TO THE SCHOLARS PARTICIPATED IN THE PUBLICATION OF THE BOOK-ALBUM

The State Hermitage Museum, which has recently celebrated 250th anniversary, is one of the largest and most authoritative museums in the world. Along with artifacts from all over the world, the Museum houses very significant collection geographically associated with Uzbekistan. For this reason, cooperation with this museum was especially exciting and long-awaited for the Project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections." At the same time, this cooperation is another evidence of the international recognition of the Project. The work on the Hermitage collection as a whole has become a unique opportunity to single out that part of the rarities geographically connected with Uzbekistan from the huge collection of this outstanding museum.

Since 2016 our workgroup has been traveling to St. Petersburg more than once to build bridges and to carry on talks with the authorities and scholars of the Hermitage. As a result of these trips, we were able to establish close friendly contacts with the museum director – prominent orientalist and historian, Arabist, specialist in Islamic studies, Professor, Doctor of History Mikhail Piotrovskiy. His support was an absolute key to the success of this publication. Our partners and assistants were museum specialists Pavel Lurje and Andrey Omelchenko. A. Omelchenko, our compatriot, a specialist, whose basis of professional career is primarily the archaeological school of Uzbekistan, has become the curator of this album-book.

As a result of the talks, in consideration of the exceptionally rich collection of artifacts of Uzbek origin, it was decided to prepare three volumes for the most complete representation of this group of artifacts. The first volume that the readers hold in hands is devoted to the monuments of a number of historical and cultural regions of Uzbekistan of Antiquties – the early Middle Ages – Bactria-Tokharistan, Sogd, Khorezm, Chach, and Fergana.

Studying the museum collection, we were interested in many rarities originating from the territory of Uzbekistan. Among them are finds discovered by the famous Russian archaeologist, orientalist, researcher of the history and archeology of Central Asia N.I. Veselovskiy. Professor N.I. Veselovskiy visited Samarkand in 1883 and was amazed at the magnificent collection of antiquities collector, local historian and ethnographer Mirza Bukhari. The professor purchased about 1,200 antique artifacts, including 11 gold, 77 silver and 951 copper coins from him. From 1888 to 1891, Mirza Bukhari sent 6300 coins to St. Petersburg, which, according to Boris Lunin, took one of the central places in the Central Asian collection of the Hermitage. Mirza Bukhari, as one of

Лариса Кулакова, Давлат Эрмитажи Шарқ булими Ўрта Осиё, Кавказ ва Крим шўъбаси илмий ходими. Тошкент ш., 2019 й.

Larisa Kulakova, Researcher, Sector of Central Asia, the Caucasus and Crimea, the Oriental Department, State Hermitage Museum. Tashkent, 2019

Лариса Кулакова, научный сотрудник сектора Средней Азии, Кавказа и Крыма Отдела Востока Государственного Эрмитажа, г. Ташкент, 2019 г.

the most active donors, was guided by the desire to provide artifacts of his country for scientific purposes. "I do everything I can for the common good, as well as to keep them in good condition," he wrote.

Mirza Bukhari was the most eminent representative of local donors. In 1883, he made a generous donation of archaeological materials to the Tashkent Museum. In 1888, on the way from St. Petersburg, he sent 43 objects to the administrative office of the Emperor. Basically, they were finds from Samarkand and Bukhara. In the 1870s, very remarkable archaeological collections were made on the base of archaeological and numismatic materials from the merchant Mirza Bukhari's collection. However, we will tell about this collection in the third part of our publication on to the period of the 19th – early 20th centuries.

On behalf of the World Society for Study, Preservation and Popularization of the Cultural Heritage of Uzbekistan, I would like to express my sincere gratitude to the group of authors – A.V. Omelchenko, P.B. Lurje, K.K. Kravtsov, L.Yu. Kulakova, and A.I. Torgoev – for creative approach, conscientiously and professionally done work and interest in the final result. My special gratitude is to Mikhail Borisovich Piotrovskiy, whose support is very important for us all. I am sure that this album-book is not the last result of our cooperation with the main museum of Russia. And, certainly, I would like to note the Project scientific adviser, Academician E.V. Rtveladze's important role in the appearance of this publication, who, being very familiar with the collections of Russian museums, has taken an active part in the scientific component of this volume, reviewing and editing the basic materials.

As a matter of fact, our project is multimedia and, therefore, each book-album has a video disc attached, as well as special tags for scanning with a tablet or smartphone to receive additional visual information in 3D format

The announcement of the album-book "The Collection of the State Hermitage (part 1)" took place at the First International Scientific and Cultural Congress "The Cultural Heritage of Uzbekistan – the Path to Dialogue between Peoples and Countries" (May 15–16, 2017, Tashkent and Samarkand). Presentation of the published book-album took place in the museum's homeland, in St. Petersburg, during the Second International Congress "The Cultural Heritage of Uzbekistan – the Path to Dialogue between Peoples and Countries" (June 6–8, 2018). The book was strongly supported by participants of the Congress, who emphasized its importance. The timeliness of

Бухоро амири Саид Абдулахадхон томонидан Россия шохи Александр III га тақдим этилган ипак матодан тикилган чодир. Давлат Эрмитажи

Tent made of silk fabric (chodir ui), gifted by the Emir of Bukhara Seyid Abdulakhad Khan to the Russian Tsar Alexander III. State Hermitage Museum

Шатер-палатка из шелковой ткани (чодир уй), подаренный эмиром Бухары Сеид Абдулахад-ханом российскому царю Александру III. Государственный Эрмитаж

the publication is the fact that it makes up for the lack of books, in which the history of art of Uzbekistan would be expounded on the example of a wide range of works of art.

A highlight of the days of our stay in St. Petersburg was a visit to the Hermitage's repository in the "Old Village" – the holy of holies of the museum, access to which is not open to everyone – by Mikhail Borisovich Piotrovskiy's invitation. The Congress participants had the opportunity to see unique masterpieces of Uzbek art, many of which will be published in the third part of the book-album "The Collection of the State Hermitage" of the series "The Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections." They are the Bukharan silk tent, amazing in its beauty and size, jewelry made at the court workshop of the Emir of Bukhara, and much more. I am sure that both the first and the next two volumes, "The Collection of the State Hermitage Museum" of the series "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections" will be an important contribution to art history.

I would like to make a special emphasis that the publication of the album-book has taken place with the organizational and financial support of the Government of the Republic of Uzbekistan. And, of course, our sincere gratitude goes to Bakhtiyor Fazylov on behalf of the main sponsor of the Project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections" – the International oilfield services company "ERIELL", which fully supports the large-scale processes implemented in the new Uzbekistan to study, preserve and promote the cultural heritage.

F.F. Abdukhalikov,
Author and Head of the project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections", Honored Journalist of Uzbekistan

НАСЛЕДИЕ, ОБЪЕДИНЯЮЩЕЕ НАРОДЫ

БЛАГОДАРНОСТЬ УЧЕНЫМ, ПРИНЯВШИМ УЧАСТИЕ В ИЗДАНИИ КНИГИ-АЛЬБОМА

Государственный Эрмитаж, которому недавно исполнилось 250 лет, – один из самых больших и авторитетных музеев мира. Наряду с артефактами со всех континентов он обладает весьма значительной коллекцией, территориально связанной с Узбекистаном. Именно по этим причинам сотрудничество с этим музеем стало огромной радостью и удачей для проекта «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира». Одновременно это сотрудничество – еще одно свидетельство международного признания Проекта. Работа с эрмитажной коллекцией в целом дала уникальную возможность вычленить из огромного собрания этого выдающегося Музея ту часть раритетов, которая территориально связана с Узбекистаном.

Начиная с 2016 года наша творческая группа неоднократно выезжала в Санкт-Петербург с целью налаживания мостов и проведения переговоров с руководством и сотрудниками Эрмитажа. В результате этих поездок нам удалось установить тесные дружеские контакты с директором Музея – выдающимся историком-востоковедом, арабистом, исламоведом, профессором, доктором исторических наук Михаилом Борисовичем Пиотровским. Его поддержка, безусловно, стала ключевой для успешности этого издания. Также нашими партнерами и помощниками стали сотрудники Музея Павел Лурье и Андрей Омельченко. А. Омельченко, в недавнем прошлом наш соотечественник, специалист, своей профессиональной карьерой обязанный в первую очередь узбекистанской археологической школе, стал куратором настоящей книги-альбома.

В результате переговоров, учитывая исключительно богатую коллекцию предметов узбекистанского происхождения, было принято решение подготовить три тома для максимально полного представления этой группы артефактов. Первый том, который читатель держит в руках, посвящен памятникам ряда историко-культурных областей Узбекистана периода древности – раннего средневековья – Бактрии-Тохаристана, Согда, Хорезма, Чача, Ферганы.

В ходе знакомства с коллекцией Музея нас заинтересовали многие раритеты, происходящие с территории Узбекистана. Среди них – находки, обнаруженные известным русским археологом, востоковедом, исследователем истории и археологии Средней Азии Н.И. Веселовским. Профессор Н.И. Веселовский, посетивший Самарканд в 1883 г., был поражен великолепной коллекцией собирателя древностей, краеведа и этнографа Мирзы Бухари. Профессор приобрел у него около 1200 антикварных артефактов, включая 11 золотых, 77 серебряных и 951 медную монету. С 1889-го по 1891-й Мирза Бухари отправил в Санкт-Петербург 6300 монет, которые по оценке историографа

и археолога Бориса Лунина, заняли одно из центральных мест в среднеазиатской коллекции Эрмитажа. Мирза Бухари, как один из самых активных жертвователей, руководствовался желанием предоставить артефакты своей страны для научных целей. «Я делаю все, что могу, ради общего блага, а также чтобы сохранить их в хорошем состоянии», – писал он.

Мирза Бухари был самым видным представителем местных жертвователей. В 1883 году он сделал щедрое пожертвование археологических материалов Ташкентскому музею. В 1888 г. по пути из Санкт-Петербурга он отправил 43 объекта в административный офис Императора. В основном, это были предметы, найденные в Самарканде и Бухаре. В 1870-х весьма примечательные археологические коллекции были созданы из археологического и нумизматического материала, составляющего коллекцию купца Мирзы Бухари. Но об этой коллекции мы расскажем позже, в третьей части нашего издания, посвященной периоду XIX – начала XX вв.

М. Пиотровскийнинг II Халқаро конгрессдаги чиқиши. Санкт-Петербург ш., 2018 й.

Speech by M. Piotrovsky at the Second International Congress. St. Petersburg, 2018

Выступление М. Пиотровского на II Международном конгрессе, г. Санкт-Петербург, 2018 г.

От имени Всемирного общества по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана хочу выразить искреннюю признательность авторскому коллективу – А.В. Омельченко, П.Б. Лурье, К.К. Кравцову, Л.Ю. Кулаковой, А.И. Торгоеву – за творческий подход, добросовестно и профессионально проделанную работу, заинтересованность в конечном результате. Моя особая благодарность – лично Михаилу Борисовичу Пиотровскому, чья поддержка очень важна для нас. Уверен, что данная книга-альбом – не последний результат нашего сотрудничества с главным музеем России. И, конечно, хочу отметить важную роль научного руководителя Проекта академика Э.В. Ртвеладзе в появлении этого издания – будучи прекрасно знакомым с коллекциями российских музеев, он принял активное участие в научной составляющей данного тома, рецензировании и редактировании материалов, положенных в его основу.

Как известно, наш Проект мультимедийный, и потому каждая книга-альбом имеет в качестве приложения диск с видеофильмом, а также специальные метки для сканирования планшетом или смартфоном для получения дополнительной визуальной информации в 3D-формате.

Анонс книги-альбома «Собрание Государственного Эрмитажа (часть 1)» состоялся на I Международном научно-культурном конгрессе «Культурное наследие Узбекистана – путь к диалогу между народами и странами» (15–16 мая 2017 года, Ташкент и Самарканд). Презентация уже изданной книги-альбома прошла на родине музея, в Санкт-Петербурге, в ходе II Международного конгрес-

са «Культурное наследие Узбекистана – путь к диалогу между народами и странами» (6–8 июня 2018 года). Книга получила горячую поддержку участников конгресса, которые подчеркнули ее важность. Своевременность издания и в том, что оно восполняет нехватку книг, где история искусств Узбекистана излагалась бы на примере широкого круга художественных памятников.

Ярким событием дней нашего пребывания в Питере стало посещение по приглашению Михаила Борисовича Пиотровского эрмитажного фондохранилища в «Старой Деревне» – святая святых музея, доступ куда открыт не каждому. Участники конгресса получили возможность увидеть уникальные шедевры узбекского искусства, многие из которых будут опубликованы в третьей части книги-альбома «Собрание Государственного Эрмитажа» серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира». Среди них – потрясающий по своей красоте и размерам бухарский шелковый шатер, ювелирные украшения работы придворной мастерской эмира Бухары и многое другое. Уверен, что как первый, так и последующие два тома «Собрания Государственного Эрмитажа» серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» станут важным вкладом в историческое искусствознание.

Хочу особо подчеркнуть, что публикация книги-альбома состоялась при организационно-финансовой поддержке Правительства Республики Узбекистан. И, конечно, наша искренняя благодарность основному спонсору проекта «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» – международной нефтесервисной компании «ERIELL» в лице Бахтиера Фазылова, которая всемерно поддерживает масштабные процессы, реализуемые в новом Узбекистане по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия.

Ф. Ф. Абдухаликов,
автор и руководитель проекта
«Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира»,
заслуженный журналист Узбекистана

I Халқаро конгрессда «Давлат Эрмитажи тўплами» китоб-альбоми тақдимоти. Тошкент ш., 2018 й.

Presentation of the volume "The Collection of the State Hermitage" at the First International Congress. Tashkent, 2018.

Презентация книги-альбома «Собрание Государственного Эрмитажа» на I Международном конгрессе, г. Ташкент, 2018 г.

АДАБИЁТЛАР ВА МАНБАЛАР РЎЙХАТИ
BIBLIOGRAPHY
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Abdullaev, 2015 – K. Abdullaev. Buddhist Iconography of Northern Bactria. New Dehli.

Afghanistan, 2008 – Afghanistan. Hidden Treasures from the National Museum, Kabul. Catalogue of the Exhibition. Eds. F. Hiebert and P. Cambon. National Geographic Society.

Arts from the land of Timur, 2012 – Arts from the land of Timur. An exhibition from a Scottish Private Collecnion / M. Bashanov, M. BaShanova, P. Petrov, N. Serikoff. Edinburgh.

Ashurov, 2013 – Ashurov B. Tarsākyā: an analysis of Sogdian Christianity based on Archaeological, Numismatic, Epigraphic and Textual Sources. PhD Thesis in the Study of Religions. University of London.

Ashurov, 2013 – B. Ashurov. Tarsākyā: an analysis of Sogdian Christianity based on Archaeological, Numismatic, Epigraphic and Textual Sources. PhD Thesis in the Study of Religions. University of London.

Ashurov, 2015 – Ashurov B. Inculturation matérielle de l'Église d'Orient en Asie centrale: témoignages archéologiques // Études syriaques 12: Le christianisme syriaque en Asie centrale et en Chine. Paris. P. 161–183.

Ashurov, 2015 – B. Ashurov. Inculturation matérielle de l'Église d'Orient en Asie centrale: témoignages archéologiques // Études syriaques 12: Le christianisme syriaque en Asie Centrale et en Chine. Paris. P. 161–183.

Auboyer, 1968 – J. Auboyer. Afghanistan und seine Kunst. Prague.

Belenitsky, 1968 – A. Belenitsky. Central Asia. Arhaeologia mundi. Geneva, Paris, Munich.

Bopearachchi, 1991 – Bopearachchi O. Monnaiesgréco-bactrienneset indo-grecques. Catalogueraisonnė. Paris.

Bopearachchi, 1991 – O. Bopearachchi. Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonnė. Paris.

Bulling, 1960 – A. Bulling. The Decoration of Mirrors of the Han Period: A Chronology. Ascona, MCMLX.

Bussagli, 1992 – M. Bussagli. Indica et Serindica. Scritti di storia dell'arte dell'India e dell'Asia Centrale. Roma.

Carter, 2015 – M.L. Carter, P.O. Harper, P. Meyers. Arts of the Hellenized East. Precious Metalwork and Gems of the Pre-Islamic Era. The Al-Sabah Collection, Kuwait.

Cribb, 2010 – J. Cribb. The Kidarites, the Numismatic Evidence. With an Analytical Appendix by A. Oddy // Coins, Art, Chronology II. Eds. M. Alram, D.E. Klimburg-Salter, M. Inaba, M. Pfisterer. Wien. S. 91–146.

Expedition Silk Road, 2014 – Expedition Silk Road. Journey to the West. Catalogue of the Exhibition. Eds. E. Kiy, P. Lurje, K. Samosyuk. Amsterdam.

ExpeditionSilkRoad, 2014 – Expedition Silk Road Journey to the West: Treasures from the Hermitage. Hermitage Amsterdam.

Fedorov, 2006 – Fedorov M. The Ancient Kings of Kwārezm: Chronology and Succession // ArchäologischeMitteilungenaus Iran und Turan. Band 38. Berlin. P. 347–354.

Fedorov, 2006 – M. Fedorov. The Ancient Kings of Kwārezm: Chronology and Succession // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 38. Berlin. P. 347–354.

Fussman et al., 2011 – Š. R. Pidaev, G. Fussman, T. D. Annaev, avec une contribution de Nicholas Sims-Williams et le collaboration d'Eric Ollivier. Monuments buddiques de Termez. I. Catalogue des inscriptions sur poteries. I/1. Introductions, catalogues, commentaires.

Naymark, 2011 - Naymark A. A Christian Principality in the Seventh Century BukharanOasis // ONS Journal of the Oriental Numismatic Society № 206. Ringwood, 2011. P. 2–3.

Naymark, 2012 – A. Naymark. Drachms of Bukhār Khudā Khunak // Journal of Inner Asian Art and Archaeology. Vol. 5. Belgium. P. 7–32.

Naymark, 2012–Naymark A. Drachms of Bukhār Khudā Khunak // Journal of Inner Asian Art and Archaeology. Vol. 5. Belgium. P. 7–32.

Pavchinskaia, 1994 – L.V. Pavchinskaia. Sogdian Ossuaries // BAI. Vol. 8. P. 209–225

Pugachenkova, 1991/1992 – G.A. Pugachenkova. The Buddhist Monuments of Airtam // SRAA. Vol. 2. P. 23–41.

Pugachenkova, 1994 – G.A. Pugachenkova. The Form and Style of Sogdian Ossuaries // BAI. Vol. 8. P. 227–243.

Rapson, 1896 – Rapson E.J. On the attribution of certain silver coins of the Sassanian fabric // The Numismatic Chronicle and Journal of the Numismatic Society. 3rd ser. Vol. 16. P. 246–253.

Sérinde, 1996 – Sérinde, Terre de Bouddha. Paris.

Shishkina, 1994 – G.V. Shishkina. Ancient Samarkand: Capital of Sogd // BAI. Vol. 8. P. 81–97.

Sims-Williams, 2010 – N. Sims-Williams. Bactrian Personal names / Iranisches Personennamenbuch, Bd. II Fz. 7. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Sims-Williams, 2013 – Nicholas Sims-Williams. The "Lord's Vihāra" at Kara-Tepa // Sogdians, their precursors, contemporaries and heirs. (Volume in the memory of B.I. Marshak), Transactions of the State Hermitage, LXII, St.-Petersburg, 2013. P. 77–81.

Sims-Williams, Grenet, 2006 – N. Sims-Williams, F. Grenet. The Sogdian inscriptions of Kultobe // SHYGYS. 1. Алматы. С. 95–113.

Stavisky, Mkrtychev, 1996 – B. Stavisky, T. Mkrtychev. Qara-Tepa in Old Termez: On the History of Monument // BAI. Vol. 10. P. 219–232.

The Buddha and Buddhist Images.., 1993 – The Buddha and Buddhist Images along the Silk Routes. The Mr. & Mrs. Hirayama Collection (シルクロードのみほとけたち: 鎌倉仏教文化の源流を探る: 古都の伝統と文化を 考える特別展). Kamakura.

The crossroads of Asia, 1992 – The crossroads of Asia. Transformation in image and symbol in the art and ancient Afghanistan and Pakistan. Catalogue of the Exhibition. Eds. E. Errington, J. Cribb, M. Claringbull. Cambridge.

The Everlasting Flame, 2013 – The Everlasting Flame. Zoroastrianism in History and Imagination. Catalogue of the Exhibition. London.

The immortal Alexander the Great, 2010 – The immortal Alexander the Great. The myth, the reality, his journey, his legacy. Catalogue of the Exhibition. Ed. A. Trofimova, V. Boele, D. Alexinsky, A. Bijl, S. Datsenko, F. Foppema, C. Phillips. Amsterdam.

Thomas, 1883 – Thomas E. Parthian and Indo-Sassanian Coins // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. N.s. Vol. 15, nr 2. P. 73–99.

Trever, 1934 – K. Trever. Terracottas from Afrasiab. Moscow–Leningrad.

Watt et al., 2004 – J.C.Y. Watt et al. China: Dawn of a Golden Age, 200–750 A.D. Catalogue of the Exhibition. Metropolitan Museum of Art. New York.

Weihrauch und Seide, 1996 – Weihrauch und Seide. Alte Kulturen an der Seidenstraße; eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums in Zusammenarbeit mit der Staatlichen Eremitage in St. Petersburg. Hrsg. von W. Seipel. Milano.

Weitzmann, 1943 – K. Weitzmann. Three «Bactrian» Silver Vessels with Illustrations from Euripides // The Art Bulletin. Vol. XXV. 1943. Issue 4.

Wertmann, 2015 – P. Wertmann. Sogdians in China. Archaeological and art historical analyses of tombs and texts from the 3rd to the 10th century AD. Darmstadt.

Zeimal', 1994 – E.V. Zeimal'. The Circulation of Coins in Central Asia during the Early Medieval Period (Fifth-Eighth Centuries A.D.) // BAI. Vol. 8. P. 245–267.

Zeimal', 1994 -Zeimal' E.V. The Circulation of Coins in Central Asia during the Early Medieval Period (Fifth-Eighth Centuries A.D.) // Bulletin of the Asia Institute. Vol. 8. Bloomfield Hills. P. 245–267.

ZENO – ZENO.RU – Oriental Coins Database.

Zeymal, 1996 -ZeymalE. V.Münzen von der Seidenstrasse // Weichrauch und Seide. AlteKulturenan der Seidenstrasse. Wien. S. 358–380.

Абдуллаев, Раимкулов, 1994 – Абдуллаев К., Раимкулов С. Сцена триумфального шествия на гемме из Кунджутлитепа (Кашкадарья) // ВДИ. – 1994. – № 2. – С. 50–58.

Авеста, 1990 – Авеста. Избранные гимны / Стеблин-Каменский И.М. (пер. с авест. и коммент.), Лившиц В.А. (предисл.). – Душанбе.

Акишев, 1978 – Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.

Акишев, Свиридов, 2011 – Акишев К.А., Свиридов А.Н. Курган № 28 могильника Актас 1 // Маргулановские чтения. – 2011. – С. 188–191.

Алпаткина, 2002 – Алпаткина Т.Г. Ганчевый декор дворца Варахши из фондов Государственного музея Востока: новые открытия // Материальная культура Востока. Вып. 3. – М.

Альбаум, 1975 – Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. – Ташкент, 1975.

Арриан, 1993 – Арриан. Поход Александра / М.Е. Сергеенко (пер.). – М. –Л. 1993.

Артамонов, 1973 – Артамонов М.И. Сокровища саков. – М. 1973.

Бадер, Смирнов, 1954 – Бадер О.Н., Смирнов А.П. «Серебро закамское» первых веков нашей эры. Бартымское местонахождение // Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. XIII. – М. 1954.

Бартольд, 1908 – Бартольд В.В. К вопросу об оссуариях // Сочинения. Т. IV (Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии). – М. 1908.

Беленицкий, 1973 – Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. – М. 1973.

Бердимурадов, Матбабаев, Мантеллини, Ронделли – Бердимурадов А.Э., Матбабаев Б.Х., Мантеллини С., Ронделли Б. Археологические раскопки на городище Кафир-кала // АИУ. – Вып. 5. – С. 73–79.

Бердимурадов, Менги, Самибаев – Бердимурадов А.Э., Менги Э., Самибаев М.К. Раскопки на Кафир-кала // АИУ. – Вып. 3. – С. 45–48.

Бируни, 1957 – Бируни Абу Рейхан. Избранные произведения. I. Памятники минувших поколений / Пер. и прим. М. А. Салье. – Ташкент. 1957.

Борисов, 1940 – Борисов А.Я. К истолкованию изображений на биянайманских оссуариях // ТОВЭ. – 1940. Т. II. – С. 25–49.

Борисов, Луконин, 1963 – Борисов А.Я., Луконин В.Г. Сасанидские геммы. – Л. 1963.

Боровкова, 1989 – Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. (Историко-географический обзор по древнекитайским источникам). – М. 1989.

Вайнберг, 1977 – Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. – М. 1977.

Вайнберг, 1977 – Вайнберг Б.И. Монеты Древнего Хорезма. М.

Вайнберг, 2004 – Вайнберг Б.И. (ред). Калалы-гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме. – М. 2004.

Веселовский 1917 – Веселовский Н. Греческие изображения на туркестанских оссуариях // ИИАК. – 1917, Вып. 63. – С. 59–68.

Веселовский, 1907 – Веселовский Н. Еще об оссуариях // ЗВОРАО. Т. XVII. – С. 0176 – 0180.

Вестник древней истории. № 1 (264). М. С. 55–70.

Воробьева, 1981 – Воробьева М.Г. Хорезмийские терракоты // Культура и искусство древнего Хорезма. – М. 1981 – С. 184–194.

Вызго, 1980 – Вызго Т.С. Музыкальные инструменты Средней Азии. Исторические очерки. – М. 1980.

Вяткин, 1927 – Вяткин В.Л. Афрасиаб – городище былого Самарканда. – Ташкент. 1927.

Гайдукевич – Гайдукевич В.Ф. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943–1944 гг. // КСИИМК. – Вып. XIV. – С. 92–109.

Грек, Пчелина, Ставиский, 1964 – Грек Т.В., Пчелина Е.Г., Ставиский Б.Я. Каратепа – буддийский монастырь в Старом Термезе. Основные итоги работ 1937, 1961–62 гг. и индийские надписи на керамике. – М. 1964.

Гренэ, 1987 – Гренэ Ф. Интерпретация декора оссуариев из Биянаймана и Миankаля // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. – Ташкент. 1987 – С. 42–53.

Григорьев, 1940 – Григорьев Г.В. Городище Тали-Барзу (краткий очерк) // ТОВЭ. 1940. Т. II. – С. 87–104.

Григорьев, 1940 – Григорьев Г.В. Поселения древнего Согда (по данным исследования городищ Самаркандского района) // КСИИМК. – 1940. Вып. VI. – С. 24–34.

Григорьев, 1946 – Григорьев Г.В. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда // КСИИМК. – 1946. Вып. XII. – С. 94–103.

Гудкова, 1964 – Гудкова А.В. Ток-кала. – Ташкент. 1964.

Дальверзинтепа, 1978 – Дальверзинтепа – кушанский город на юге Узбекистана / Г.А. Пугаченкова, Э.В. Ртveладзе и др. – Ташкент. 1978.

Даркевич, 1976 – Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М. 1976.

Двуреченская, 2005 – Двуреченская Н.Д. История изучения терракотовой пластики Средней Азии // ПИФК. – 2005. № 1 (27). – С. 141–308.

Деннике, 1939 – Деннике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. – М. –Л. 1939.

Древнейшие, 1985 – Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Археология СССР. – Т. – VII. – М. 1985.

Древнекитайские бронзовые зеркала, 1997. – Древнекитайские бронзовые зеркала (越力光, 李文英 编著. 中国古代铜镜). Сост. Юэ Лигуан, Ли Вэньин. Сиань.

Дружинина, 2004 – Дружинина А.П. Крышка каменной пиксиды с зооморфным фризом с городища Тахти-Сангин. Новая находка на территории древней Бактрии // Археология, этнография и антропология Евразии. – № 3. – Новосибирск. 2004. – С. 98–105.

Дьяконова, Сорокин, 1960 – Дьяконова Н.В., Сорокин С.С. Хотанские древности. Терракота и штук. – Л. 1960.

Завьялов, 2008 – Завьялов В.А. Кушаншахр при Сасанидах. По материалам раскопок Зартепа. – СПб. 2008.

Заднепровский, 1962 – Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. – МИА. 1962. – № 118.

Засецкая, 1994 – Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). – СПб. 1994.

Зеймаль, 1968 – Зеймаль Е.В. Раннесогдийские монеты с изображениями Геракла и Зевса // СГЭ. – Вып. XXXVII. – С. 68–73.

Зеймаль, 1973 – Зеймаль Е.В. Раннесогдийские монеты с изображениями Геракла и Зевса // Сообщения Государственного Эрмитажа. Выпуск XXXVII. Л. С. 68–73.

Зеймаль, 1978 – Зеймаль Е.В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Сборник статей. Л.

Зеймаль, 1979 – Зеймаль Т.И. Раскопки на северной вершине Каратепа (1985–1989) // Каратепа. – Вып. VII. – М. – С. 137–152.

Зеймаль, 1983 – Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. – Душанбе.

Иваницкий – Иваницкий И.Д. Саратепа 2 – поселение керамистов середины I тыс. до н.э. под Самаркандом // ИМКУ. – Вып. 26. – С. 22–41.

Исамиддинов, 2000 – Исамиддинов М.Х. История городской культуры Самаркандского Согда (проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху раннежелезного века и в период античности). – Ташкент. 2000.

Исамиддинов, Рапэн, Рахманов, Грицина, Лушникова, Рахимов – Исамиддинов М.Х., Рапэн К., Рахманов Ш.А., Грицина А.А., Лушникова Е., Рахимов К. Раскопки на городище Коктепа // АИУ. –Вып. 5. – С. 104–115.

К исторической топографии – К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда // Э.Ю. Бурякова, С.К. Кабанов, Ш.Ш. Шарахимов, Г.В. Шишкина, У. Алимов, Н.И. Крашенинникова, Ш.Р. Пидаев. – Ташкент.

Кабанов – Кабанов С.К. Терракоты из раскопок Афрасиаба // ИМКУ. – Вып. 19. – С. 72–80.

Кабанов, 1964 – Кабанов С.К. Ареал и эволюция двух древних керамических форм // СА. № 3. С. 79–87.

Кабанов, 1969 – Кабанов С.К. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб // СА. – № 1. – С. 183–188.

Кабанов, 1974 – Кабанов С.К. Периодизация раннеантичной культуры Согда (VI–IV вв. до н.э.): По материалам раскопок на городище Афрасиаб // Античная культура Средней Азии и Казахстана: Тез. докл. Всесоюзного научного совещания. – Ташкент. – С. 54–56.

абанов, 1981 – Кабанов С.К. Культура сельских поселений Южного Согда II–VI вв. – Ташкент.

Кастальский, 1908 – Кастальский Б.Н. Бия-Найманские оссуарии (отдельная брошюра). – Самарканд. 1908.

Косолапов, Маршак, 1999 – Косолапов А.И., Маршак Б.И. Стенная живопись Средней и Центральной Азии. – СПб.

Кочевник, 2014 – Кочевник, между небом и землей. Каталог выставки ГИМ. / Отв. ред. Н.И. Шишлина. – М.

Кочевники Евразии, 2012 – Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.

Кочнев, 1995 – Кочнев Б.Д. О монетах Нахшеба (Несефа) VII–VIII вв. // Третья Всероссийская нумизматическая конференция. г. Владимир, 17–21 апреля 1995 г.: Тезисы докладов. – М. – С. 13–14.

Кочнев, 1999 – Кочнев Б.Д. Среднеазиатские куфические фельсы с изображением коня // НЦА. – Вып. 4. – С. 42–46.

Кошеленко, 2007 – Кошеленко Г.А. Новые документы из Бактрии позднеахеменидского и раннеэллинистического времени / Рецензия. Paris: De Boccard, 2004 // ВДИ. 2. – С. 216–220.

Красота и великолепие – Красота и великолепие. Национальные сокровища исторического музея Шэньси (神韵与辉煌. 陕西历史博物馆国宝鉴赏. 主编冀东山. 金银器卷. 本卷主编谭前学). / Под ред. Цзи Дуншаня и Тань Цяньсюэ. – Сиань.

Кузнецов, Шагалов, 2006 – Кузнецов А.В., Шагалов В.Д. Каталог монет Чача III–VIII вв. – Ташкент.

Кузьмина, 1966 – Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии // САИ. – Вып. В4–9.

Культура и искусство, 1991 – Культура и искусство древнего Узбекистана. Т. 1. Каталог выставки. – М., 1991.

Культура и искусство, 1991 – Культура и искусство древнего Узбекистана. Т. 2. Каталог выставки. – М., – 1991.

Курций Руф Квинт, 2009 – Курций Руф Квинт. История Александра Македонского. Сохранившиеся книги. / Ред. В.С. Соколов. – М.

Лившиц, 2008 – Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. – СПб.

Лившиц, Луконин, 2008 – Лившиц В.А., Луконин В.Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах // ВДИ. – № 3. – С. 155–176.

Логинов, Никитин, 1985 – Логинов С.Д., Никитин А.Б. О начальном этапе чеканки бухарских подражаний драхмам Варахрана V // ОНУ. – № 6. – С. 49–53.

Луконин, 1969 – Луконин В.Г. Культура Сасанидского Ирана. Очерки по истории культуры. – М.

Лурье, 2013 – Лурье П.Б. Несколько неизданных хорезмийских надписей из Ток-калы // Scripta Antiqua. III (сборник в честь Э.В. Ртвеладзе), – М. – С. 728–740.

Марков, 1892 – Марков А.К. Неизданныя арсакидскія монеты. Санкт Петербургъ.

Марцеллин, 1906 – Марцеллин Аммиан. Римская история / Ю.А. Кулаковский, А.И. Сонни (пер.). – Киев, Вып. 1. 1906.

Маршак, 1967 – Маршак Б.И. Серебряное блюдо со сценой поединка (к вопросу об истоках монументального искусства Согда VII–VIII вв.) // Тезисы докладов научной конференции сессии Государственного Эрмитажа. – Л., 1967. – С. 61–63.

Маршак, 1971 – Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки восточной торевтики. – М.

Маршак, 2000 – Маршак Б.И. Согдийцы в Китае и китайцы в Согде (по произведениям искусства) // Отделу Востока – 80 лет. СПб. – С. 43–48.

Маршак, 2009. – Маршак Б.И. Искусство Согда. СПб.

Маршак, 2012. – Маршак Б.И. Керамика Согда V–VIII веков как историко-культурный памятник (К методике изучения керамических комплексов). СПб.

Маршак, Крикис, 1969 – Маршак Б.И., Крикис Я.К. Чилекские чаши // ТГЭ Т. X. 1969. – С. 67–76.

Массон, 1950 – Массон М.Е. К периодизации древней истории Самарканда // ВДИ. 1950 – № 4. – С. 155–165.

Массон, 1953 – Массон М.Е. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции Ташкентского государственного университета (КАТЭ) по изучению восточной половины Кашкадарьинской области // Археология Средней Азии: Сб. научных трудов Ташкентского государственного университета. Вып. 533. – Ташкент. – С. 3–63.

Матбабаев, 2009 – Матбабаев Б.Х. К истории культуры Ферганы в эпоху раннего средневековья. – Ташкент, 2009.

Мешкерис, 1977 – Мешкерис В.А. Коропластика Согда. – Душанбе, 1977.

Мешкерис, 1989 – Мешкерис В.А. Согдийская терракота. – Душанбе 1989.

Мкртычев, 2002 – Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). – Москва, 2002.

Мусакаева, 2013 – Мусакаева А.А. Туранские монеты III–VIII вв. – Ташкент, 2013.

Наймарк, 1995 – Наймарк А.И. О начале чеканки медной монеты в Бухарском Согде // НЦА. – Вып. I., 1995. – С. 29–50.

Наймарк, 1995 – Наймарк А.И. О начале чеканки медной монеты в Бухарском Согде // Нумизматика Центральной Азии. Вып. I. Ташкент. С. 29 – 50.

Наймарк, 1998 – Наймарк А.И. О причинах появления подражаний эллинистическим монетам в Согдиане // ВДИ., 2008 – № 1 – (264). – С. 55–70.

Наймарк, 2011 – Наймарк А.И. Медный чекан Кеша в VIII в. // Нумизматические чтения 2011 года. Памяти Алексея Владимировича Фомина. Тезисы докладов и сообщений. М., – С. 12–15.

Наймарк, 2017 – Наймарк А. Нахшебские монеты VII в. // KOINON ΔΩΡΟΝ. Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова. – СПб., 2017. – С. 266–277.

Наймарк, 2017 – Наймарк А.И. Еще раз о чекане самаркандского ихшида Уграка // Commentationes Iranicae. Сборник статей к 90-летию Владимира Ароновича Лившица. – СПб., 2017. – С. 343–366.

Наршахи, 1897 – Наршахи М. История Бухары / Пер. Н Лыкошина. – Ташкент, 1897.

Неразик, 1976 – Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме I–XIV вв. / Труды ХАЭЭ. 1976. – Т. IX.

Омельченко, 2000 – Омельченко А.В. Терракотовые статуэтки лютнисток с поселения Сарайтепа // San'at. Вып. 2000 3(4). – Ташкент. – С. 8–9.

Оранский, 1960 – Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. – М., 1960.

Орбели, Тревер, 1935 – Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский металл. – М.-Л., 1935.

Подушкин, 2005 – Подушкин А.Н. Новые памятники письменной культуры Южного Казахстана // SHYGYS. 2. – Алматы. 2005. – С. 133–139.

Поярков, Кузнецов, 2010 – Поярков А.Н., Кузнецов А.В. Нумизматические находки из окрестностей колодца Караката // НЦА. – Вып. 2010. IX. – С. 63–66.

Пугаченкова, 1979 – Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи Кушан. – М., 1979.

Пугаченкова, 1982 – Пугаченкова Г.А. Искусство Гандхары. – М., 1982.

Пугаченкова, Рempель, 1960 – Пугаченкова Г.А., Рempель Л.И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. – Ташкент, 1960.

Пугаченкова, Рempель, 1965 – Пугаченкова Г.А., Рempель Л.И. История искусств Узбекистана. С древнейших времен до середины XIX в. – М., 1965.

Рапопорт, 1962 – Рапопорт Ю.А. Об изображении на бартымском блюде, найденном в 1951 г. // СА. – 1962. – № 2. – С. 50–60.

Рапопорт, 1971 – Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии) / Труды ХАЭЭ. Т. VI. – М., 1971.

Рапопорт, Неразик, 1984 – Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е. (отв. ред.). Топраккала. Дворец / Труды ХАЭЭ. 1984, Т. XIV.

Реставрационный, 2008 – Реставрационный сборник. К 100-летию со дня рождения П.И. Кострова. – СПб., 2008.

Ртвеладзе, 1987 – Ртвеладзе Э.В. Древние монеты Средней Азии. – Ташкент, 1987

Ртвеладзе, 2000 – Ртвеладзе Э.В. Этюд по исторической географии Бактрии и Согдианы во время похода Александра Македонского // ВДИ. №. 4. 2000. – С. 104–112.

Ртвеладзе, 2006 – Ртвеладзе Э.В. История и нумизматика Чача (вторая половина III – середина VIII в. н.э.). – Ташкент, 2006.

Садоков, 1971 – Садоков Р.Л. Загадочные глиняные музыканты // СЭ. – 1971. – № 3. – С. 120–131.

Семенов, Адылов, 2006 – Семенов Г.Л., Адылов Ш.Т. Арсенал на цитадели Пайкенда // Древняя и средневековая культура Бухарского оазиса. – Самарканд–Рим. 2006. – С. 36–43.

Семенов, Мирзаахмедов, 2002 – Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Д.К. Раскопки в Пайкенде // АИУ. Вып. 2. 2002. – С. 138–151.

Симоненко, 2011 – Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. – СПб., 2011.

Смирнов, 1999 – Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской Империи. – СПб., 1999.

Смирнова, 1939 – Смирнова О.И. Новые данные по истории Согда VIII в. // ВДИ. 1939. № 4(9). – С. 97–102.

Смирнова, 1952 – Смирнова О.И. Материалы к сводному каталогу согдийских монет // ЭВ. – Вып. 1952. VI. – С. 3–45.

Смирнова, 1963 – Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент: (материалы 1949–1956 гг.). – М., 1963.

Смирнова, 1981 – Смирнова Н.М. Греко-бактрийские и индо-греческие монеты из коллекции Государственного Эрмитажа // НЭ. 1981. Т. XVII. – С. 139–180.

Смирнова, 1981 – Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. – М., 1981.

Сорокин, 1960 – Сорокин С.С. Хакский клад // СГЭ. Вып. XIX. 1960. – С. 28– 32.

Средняя Азия, 1996 – Средняя Азия в раннем средневековье / Археология. – Т. – XVII. – М., 1996.

Ставиский, 1960 – Ставиский Б.Я. О датировке и происхождении эрмитажной серебряной чаши с изображением венчания царя // СГЭ. – Вып. XVII. – 1960. – С. 67–71.

Ставиский, 1961 – Ставиский Б.Я. Оссуарии из Бия-Наймана // ТГЭ. – Т. V. 1961. – С. 162–176.

Ставиский, 1969 – Ставиский Б.Я. Фрагменты каменных рельефов и деталей архитектурного убранства из раскопок Каратепа 1961–1964 гг. // М., 1969. – С. 139–169.

Ставиский, 1982 – Ставиский Б.Я. Основные итоги изучения Каратепа в 1974–1977 гг. // Каратепа. Вып. V. 1982. – М. – С. 7–49.

Ставиский, 1992 – Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии (по данным археологии). – М., 1992.

Ставиский, 1996 – Ставиский Б.Я. Основные итоги раскопок Каратепа в 1961–1962 гг. // Каратепа. Вып. I. – М., 1996. – С. 7–61.

Сычева, Сычев, 1975 – Сычева Н.С., Сычев В.Л. Керамика Каратепа // Каратепа. Вып. V. – М., 1975 – С. 88–148.

Сычева, 1982 – Сычева Н.С., Сычев В.Л. К проблеме семантики изобразительных и декоративных мотивов на Каратепа – М., 1982. – С. 72–93.

Тереножкин, 1950 – Тереножкин А.И. Согд и Чач // КСИИМК. Вып. – С. 152–163.

Тереножкин, 1972 – Тереножкин А.И. Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда // СА. – № 3. 1972 – С. 90–99.

Толстов, 1938 – Толстов С.П. Монеты шахов Древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит // Вестник древней истории. М. № 4(5). С. 120–145.

Толстов, 1948 – Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.

Толстов, 1948 – Толстов С.П. По следам древне-хорезмийской цивилизации. – М.-Л., 1948.

Толстов, 1962 – Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962.

Толстов, Вайнберг, 1967 – Толстов С.П., Вайнберг Б.И. (отв. ред.). Кой-Крылган-кала. Памятник культуры древнего Хорезма IV в до н.э. – IV в. н.э. / Труды ХАЭЭ. 1967 Т. V.

Толстов, Лившиц, 1964 – Толстов С.П., Лившиц В.А. Датированные надписи на хорезмийских оссуариях с городища Ток-кала // СЭ. 1964. № 2. С. 50–69.

Тревер, 1940 – Тревер К.В. Гопатшах – пастух-царь // ТОВЭ. – Т. II. 1940. – С. 71–86.

Тревер, 1948 – Тревер К.В. Памятники Греко-Бактрийского искусства. – М.-Л., 1948.

Тургунов, Лившиц, Ртвеладзе, 1981 – Тургунов Б.А., Лившиц В.А., Ртвеладзе Э.В. Открытие бактрийской монументальной надписи в Айртаме (предварительное сообщение) // ОНУ. – № 3. 1981. – С. 38–48.

Уманский, 1978 – Уманский А.П. Погребение «эпохи великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск. 1978. – С. 129–163.

Ходза, 2004 – Ходза Е.Н. Две терракоты из коллекции Эрмитажа в контексте эллинистического портрета // Эллинистические штудии в Эрмитаже. – СПб. 2004. – С. 74–92.

Цветкова, 2013 – Цветкова Т.Г. Неизвестный орнаментальный мотив в резьбе по ганчу из Варахши // РА. – 2013. – № 3. – С. 76–79.

Цветкова, 2013 – Цветкова Т.Г. Резной ганч Варахши: опыт классификации и общие композиционные приемы // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры Т. III. – М., 2013. – С. 657–716.

Шахрисабз, 2002 – Шахрисабз: наследие тысячелетий. Альбом / Э.В. Ртвеладзе, А.С. Сагдуллаев (ред.). Ташкент.

Шишкин, 1947 – Шишкин В.А. Архитектурная декорация дворца в Варахше // ТОВЭ. 1947. – Т. IV.

Шишкин, 1963 – Шишкин В.А. Варахша. – М., 1963.

Шишкин, 1969 – Шишкин В.А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей // Афрасиаб. – Вып. 1. – Ташкент. 1969 – С. 3–121.

Шишкина, 1961 – Шишкина Г.В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом // ИМКУ. – Вып. 2. 1961 – С. 192–222.

Шишкина, 1965 – Шишкина Г.В. О датировке некоторых терракот Афрасиаба // ИМКУ. Вып. 6. 1965. – С. 180–184.

Якубовский, 1940 – Якубовский А.Ю. ГАИМК-ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за 20 лет // КСИИМК. – Вып. 1940. VI. – С. 14–23.

Якубовский, 1940 – Якубовский А.Ю. Из истории археологического изучения Самарканда // ТОВЭ. 1940. Т. II. – С. 285–336.

НОМЛАР ВА ЭТНИК НОМЛАНИШЛАР КЎРСАТКИЧИ

Аббосийлар – 111
Авесто – 110, 138, 281
Авлод – 234
Агатокл (Агафокл) – 421
Альбаум Л.И. – 96, 119
Анахита – 136, 424
Антиох I – 421
Антиох II – 421
Аполлон – 421
Ардашер I – 424
Ардохшо – 97, 423
Артемида – 421
Афина – 421
Афродита (Венера) – 136
Ахоманийлар – 110, 337, 400, 420
Ахура-Мазда – 138, 189
Бартольд В. В. – 37, 118, 134
Беруний – 283, 337, 338, 372, 384
Бодхисаттва Самантабхадра – 210
Будда – 72-73, 88, 402-403
Вад (Вадо, Оадо) – 423
Вазамар – 337, 352
Вайнберг Б. И. – 337, 339, 352
Варахран – 424
Васудева I – 424
Веретрагна – 97, 138
Вертоградова В. В. – 88
Веселовский Н. И. – 36-37, 118, 134, 296, 458-459
Виша (Оешо) – 423
Вяткин В. Л. – 37, 118
Гелиокл I – 423
Гелиос – 421
Геракл – 65, 97, 421, 423
Гермес – 421
Геродот – 281, 336
Гопатшох – 120, 137, 169
Горбунова Н. Г. – 39
Григорьев Г. В. – 118, 168, 179, 281
Диодот I – 421
Диодот II – 421
Дионис – 89, 135, 421
Диоскурлар – 421-422
Доро I – 110
Дудин С. М. – 280, 134
Евкратид I – 337, 421-423
Евтидем I – 421-422
Евтидем II – 421
Екатерина II – 36
Завьялов В. А. – 96
Зардушт – 56
Зевс – 421, 423
Зеймаль Е. В. – 88
Зеймаль Т. И. – 88
Императорлик археология комиссияси – 36
Индра – 210-211
Искандар Мақдуний – 57, 110, 116, 134, 136, 282, 337, 400, 420-421
Кабанов С. К. – 119, 169
Кадфиз – 423, 435
Канишка I – 57, 352
Канишка II – 424
Кастальский Б. Н. – 37, 39, 134, 188
Кесаев В. Н. – 38-39
Кидорийлар, қабилалар гуруҳи – 424

Кир II – 420
Костров Павел Иванович – 208-209
Кубера – 89
Кунсткамера (Антропология ва этнография музейи) – 38, 40, 353
Кушон давлати – 40, 72, 282-283, 324, 423-425
Кушонлар, қабила – 57, 352
Кушонликлар-сосонийлар – 97, 424
Лившиц В. А. – 65, 72, 337-338, 371-372
Луконин В. Г. – 39, 88
Массагетлар, қабила – 420
Марр Н. Я. – 37
Маршак Б. И. – 37
Массон М. Е. – 38, 72, 88, 169
Массон В. М. – 96
Медуза Горгона – 65, 135
Мирзиёев Шавкат – 4, 5, 7, 12, 13
Мирзо Бухорий – 37, 134, 459,
Митра – 137, 424
Михр (Мииро, Михро) – 423, 435
Моддий маданият тарихи институти (ММТИ), Археология институтининг Ленинград бўлими (АИЛМ) – 38-41, 96, 168, 179, 315
Нанна (Нанная) – 136, 385, 423
Наршахий – 135, 207
Ника – 353, 421, 432
Ольденбург С. Ф. – 37, 73
Орбели И. А. – 38-39, 178
Пан – 97
Панталеон – 423
Пероз I – 424
Пероз II – 424
Пидаев Ш. Р. – 96
Посейдон – 421
Пугаченкова Г.А. – 72-73, 189, 385
Ртveладзе Э.В. – 13, 32, 72, 280, 314, 460
Рус археология жамияти – 37
Рус музейи – 459
Рустам – 233-234
Саклар – 292, 296
Салавк I – 421
Салавкийлар – 57, 421-422
Сарматлар – 110, 281, 289
Семёнов Г. Л. – 40
Силен – 89, 135-136
Смирнов Я. И. – 39, 252
Сосонийлар – 57, 64, 137, 169, 210, 250-251, 255, 384, 402, 423-425
Ставиский Б. Я. – 39, 65, 88, 169, 189
Сухарев И. А. – 38, 118, 179
Сфинкс – 120
Тереножкин А. И. – 118-119, 169
Термиз археология мажмуаси экспедицияси (ТАКЭ) – 38, 72
Толстов С. П. – 40, 338-339
Тревер К. В.
Турк хоқонлиги – 57, 283, 353, 371, 384-385
Туркийлар – 251-252
Хионийлар – 111, 117, 424
Хоразм археология-этнография экспедицияси (ХАЭЭ) – 338, 354
Шива – 65, 402, 423-424
Шимолий Вэй – 64
Шишкин Василий Афанасьевич (1894 – 1966 й) – 119, 206, 208-210, 233-235
Шишкина Г. В. – 119, 169, 179, 206-207
Шопур II – 251
Штиглиц музейи – 38
Эврипид – 65
Эфталийлар (хионийлар), қабилалар бирлашмаси – 57, 64, 111, 137, 251, 425
Юнонлар – 57, 65, 72-73, 97, 117, 135-136, 336-337, 353, 400-402, 421-423, 425
Юэчжи (да-юэчжи), қабилалар бирлашмаси – 110, 422-423
Якубовский А. Ю. – 37-39, 168-169, 338
Ўзбекистон моддий маданият ёдгорликларини қўриқлаш ва ўрганиш қўмитаси – 206, 232
Ўзбекистон санъатшунослик экспедицияси – 72
Ҳормизд I – 424
Ҳормизд II – 424
MAFOUz-Суғдиёна экспедицияси – 119

ГЕОГРАФИК ВА ТОПОГРАФИК НОМЛАР КЎРСАТКИЧИ

Бақтрия – 40, 56-57, 64, 72, 89, 96-97, 119, 293-294, 338, 400-402, 420-424

Бухоро воҳаси – 38, 206-207, 423, 425

Бухоро ш. – 38, 41, 64, 111, 135, 188, 206, 232, 255, 424-425, 444, 459, 461

Буюк ипак йўли – 40, 110, 282, 423

Гавгамел – 420

Граник – 420

Жанубий Суғд – 403

Исс – 420

Кашмир – 423

Кеш – 110

Марғиёна – 421

Марказий Осиё – 6, 10, 169, 315

Нахшаб – 403, 423

Ойхоним ш. – 57, 422

Рим – 57, 169, 295, 423

Рим империяси – 294

Самарқанд – 10, 36-39, 111, 116-119, 134-136, 138, 168, 178-179, 188, 190, 251, 254, 337, 423, 425, 459-460

Суғдиёна, Суғд – 110-111, 119, 169-170, 420-421

Тохаристон – 40, 56-58, 88, 97, 118, 210, 424-425, 458

Фарғона – 36, 39, 250-251, 292-294, 314-316, 323-324, 338, 458

Форс ўлкаси – 57, 116

Хитой – 64, 110-111, 118, 137, 252, 280-281, 283, 314, 316, 324, 401, 423, 425

Хоразм – 38, 40, 110, 206, 250, 252, 254, 282, 336-339, 352-354, 370-371, 384-385, 400-401, 420, 422, 458

Хуросон – 425

Чоч – 250, 252-253, 280-283, 292-294, 296, 336, 403

Шарқий Туркистон – 57, 110, 118, 135, 137, 252, 282, 370, 401, 425

Шимолий Ҳиндистон – 64, 425

Эрон – 37-39, 56-57, 63, 73, 97, 111, 134, 136-137, 250, 253, 255, 315, 323, 384, 400, 402, 423, 425,

Юнон-Бақтрия подшоҳлиги – 110

Яқин Шарқ – 97

Ўзбекистон – 72-73, 179, 206, 208, 211, 232, 251, 315, 336, 400-401, 420, 425

Ўрта Шарқ – 63, 401, 423

Ҳиндистон – 57, 64, 111, 315, 323, 353, 422, 425

ГЛОССАРИЙ

А

Акант (аканф) – кенг, қайчисимон баргли субтропик ўсимликнинг баргларини ифодалаган нақш. Коринф устуни ва унинг қисмларини безатишда қўлланилиб, эллин давридан бошлаб оммалашган.

Амфора – икки бандли кўзасимон қўшқулоқ сопол идиш бўлиб, ундан озуқа захиралари (май, ёғ ва ҳк.) олиб келиш ва сақлашда фойдаланилган.

Ангоб – идишнинг юпқа лой қатлами билан қопланган безакли қатлами, унга қўшилган қўшимчаларга мувофиқ ёркин, қизил, кумуш жилол беради.

Арфа – чертиб чалинадиган торли мусиқа асбоби бўлиб, торлари икки ром ўртасидаги бурчакларга қараб тортилган. Қадимги арфалар тахта ва ёғоч ўзагидан тайёрланиб, уларга тор ўралган (Ўрта Осиё ва Эронда чанг).

Б

Балбал – бронза даврида Евроосиё чўлларида машҳур тик қўйилган ишлов берилмаган тош ёки антроморф тош ҳайкал. Асосан, туркий тилда сўзловчи халқлар орасида эрамизнинг VI–X асрларида Тува ва Олтойдан Дунайгача тарқалган. Ғалаба қозонган қаҳрамон ёки марҳумни ифодалаган, деб ҳисоблашади.

Бодхисаттва – Буддизмда «огоҳликка интилувчи жонзот», яъни будда бўлишга қарор қилиш орқали барча жонзотларни ғам-аламлардан халос қилиш ва чексиз қайта туғилиш занжиридан халос қилишни кўзлаган.

Брахми – Қадимги Ҳиндистондаги бўғинларга асосланган маҳаллий ёзув. Тахминан эрамиздан аввалги VI асрларда пайдо бўлган. Аксарият, Ҳиндистон, Тибет, Ҳинд-Хитой ҳозирги ёзувининг муқобили. Унинг кенг ҳудудларда қўлланилиши буддизм тарқалиши билан боғлиқ; санскрит тилидаги битикларни ифодалаш учун қўлланилган.

Буддавийлик – эрамиздан аввалги I аср ўрталарида Қадимги Ҳиндистонда пайдо бўлиб, руҳни комилликка эришишини даъват этувчи фалсафий-диний таълимот бўлган, кейинчалик дунё динига айланган. Асосчиси – Сиддхартха Гаутама (Будда Шакьямуни).

Букли – Сиқиб ёки айланалар ёрдамида айлантирилган соч ўрими; гажаклари

Бухорхудот – Ўрта асрларда Бухоро, Ғарбий Бухоро, Суғдни бошқарувчи ҳукмдор унвони.

Балик идиши – таги чуқур, атрофлари қайрилган, ёғ ёки соус соладиган идиш,

антик дунёда унинг атрофига денгиз жонзотлари тасвирланган. Ўрта Шарқда юнон кулолчилик анъаналарининг маҳаллий анъаналарга таъсир ўтказишининг яққол кўриниши.

В

Вихара – Буддавийлик қароргоҳи, ибодатхонаси, асосан, ғорда жойлашган.

Г

Гандхари – маҳаллий ҳинд диалектлари асосида юзага келган ўрта ҳинд тилларининг пракрит шимолий-ғарбий тури. Гандхари, асосан, ҳинд ёзуви кхарошт-хи ёрдамида етиб келган ёзув ва қўлёзмалар асосида маълум.
Гемма – сиртига хат ёзилган ёки тасвир туширилган қимматбаҳо ёки сунъий тош.
Горельеф – текис сатҳга ишланган тасвир юзадан бўртиб турадиган шакл ёки ҳайкал кўриниши.
Гравировка – қаттиқ материаллар сиртига кесувчи асбоб қаламтарош ва ўймакор қалами ёрдамида ёзув, тасвир яратиш жараёни. Ўйма нақш.
Гривна – бўйинга тақиладиган айлана шаклидаги тақинчоқ; кўпинча қимматбаҳо металлардан ишланади.
Грифон – танаси шер, боши ва панжаси бургут шаклидаги афсонавий махлуқ. Афсона ва асотирларда кўпинча кўриқчи вазифасини бажарган.

Д

Дарик – тиззаси букилган камончи сипоҳ тасвирланган олтин танга, уни зарб этиш эрамиздан аввалги VI асрларда аҳоманийлар подшоси Доро I ҳукмронлиги пайтида бошланган. Оғирлиги 8,4 г, 1/3000 форс талантига тенг.
Дахма – зардуштийлик дафн маросимига кўра марҳумнинг гўштини суягидан тозалаш учун жасад қўйиладиган минора шаклидаги иншоот.
Диадема – қимматбаҳо тош ва металлар ёки металл билан безатилган гултож, тож бўлиб, ҳукмдорнинг юқори бошқарув рамзи ҳисобланган.
Донатор – эҳром ёки ибодатхонага нимадир қурбонлик келтирувчи шахс.
Дравидлар – жанубий Ҳиндистондаги дравидийлар оиласи тилида сўзловчилар; Ҳинд-орий қабилалари келгунча Ҳиндистоннинг асосий аҳолиси ҳисобланган; Эрамиздан аввалги III–II асрларда Ҳинд водийсидаги Харапп тамаддунининг асосчилари.
Драпировка – Матода кўп тахламлар орқали ҳосил қилинадиган безак; сурат, ҳайкал, бўртмалардаги матолар тасвири тахламларда акс этган.
Драхма – Қадимги Юнонистонда эрамиздан аввалги VI асрда зарб этилган пул бирлиги ва ўлчов бирлиги. Афина драхмасининг оғирлиги аввал 37 г, кейин 4,26 г кумушдан иборат бўлган. Ўрта Шарқ эллин давлатининг пул тизими асосида юритилган.
Дукт – Ҳарфни ташкил этувчи алоҳида чизиқлар йўналишининг кетма-кетлиги.
Дхарма – буддавийликда фазо тартибини сақлаб қолиш учун зарур бўлган белгиланган тартиб-қоидалар, «сақлаб қолиш ёки қўллаб-қувватлаш» тамойилига асосланган («ахлоқ асоси», «диний мажбурият», «барчага тегишли бўлган ҳаёт қонуни» тартиблари).

З

Зардуштийлик – қадимги Эронда жорий бўлган дин ҳисобланиб, унинг асосида оламнинг қарама-қарши кучларининг – эзгулик ва ёвузлик, ёруғлик ва зулмат, ҳаёт ва ўлим кураши таълимоти ётади. Асосчиси Зардушт (Заратуштра) ҳисобланади. Зардуштийлик динининг таълимоти «Авесто» – муқаддас китоб тўпламида жамланган бўлиб, эрамиздан аввалги VII асрларда шаклланган. Унда Борлиқ тўрт унсур – сув, олов, тупроқ, ҳаводан таркиб топганлиги ҳамда покликка амал қилиш кўзда тутилган. Шу сабаб зардуштийлар мархумларни махсус удумга кўра сўнгги йўлга кузатишган: дафн маросимида устухондан тозаланган суяклар махсус иншоотларда сақланган. Зардуштийлик қадимги Эрон ва Ўрта Осиё ҳудудларида кенг тарқалиб, монийлик, митризм, иудаизм ва насронийлик динларига катта таъсир кўрсатган.

И

Илк ўрта асрлар – Ўрта Шарқ тарихида тахминан VI–VIII асрларни ўз ичига олади.

Истеҳком – шаҳарнинг тепаликда жойлашган ва мустаҳкамланган қисми.

Ихшид Ўрта асрларда Самарқанд. Шарқий ҳудуд, Самарқанд Суғдидаги ҳукмдор унвони.

К

Кавсия – Қадимги Македонияда берет ёки шляпа кўринишидаги бош кийими.

Кандис – эронликларга хос бўлган кенг енгли чакмон кўринишидаги устки кийим.

Кентавр – тани от, елкаси ва боши одам кўринишидаги афсонавий махлуқ.

Кимваллар – 5–18 см.ли металл (одатда бронза) жуфт ликопчалардан иборат урма мусиқа асбоби.

Колт – бош кийимига қимматбаҳо металлардан осилган шокила, ғовак тақинчоқ; одатда заргарлик услубидаги турли безаклар берилади.

Коропластика – турли материаллар, асосан лойдан ишланган шакллар (ҳайкалли терракота).

Кандакорлик – безакли амалий санъат турларидан бири, металлга бадиий ишлов бериш усули, металл маҳсулотдаги муайян бўрттириш орқали расм ёки битиклар ишлаш усули.

Кхароштхи – оромий мукобили асосида ривожланган ва гандхари тилидаги (шимолий-ғарбий пракрит) битикларни мустаҳкамлаш учун фойдаланилган ҳарф-бўғинга асосланган ҳинд ёзуви. Эрамиздан аввалги V асрларда ва эрамизнинг бошларидан X асргача Гандхари, Тохаристон, Шарқий Туркистонда қўлланган.

Л

Ламеллярланган аслаха – темир тахтачаларнинг боғич ёрдамида бирлаштирилиб тўқилишидан ҳосил бўлган жангчиларнинг зирҳли кийими (аслаҳаси).

Лютня – бугунги гитара кўринишидаги торли, овалсимон кўринишга эга бўлган чолғу асбоби, удсимон асбоб.

М

Макара – Ҳинд маъбуди Варуннинг минадиган ўзида дельфин, акула ва тимсоҳ кўринишини жамлаган сув аждари.

Маскарон – «катта ниқоб», одамнинг юзи ёки ҳайвон боши шаклидаги, ниқоб кўринишидаги безакли бўртма (кўпинча гротеск ёки фантастик қиёфада).

«Мегар» косаси – қизил ёки қора лок (ангоб) билан бўялган, бўртма тасвирларга эга бўлган махсус коса.

Металлопластика – безакли-амалий рангтасвир тури; ингичка тасвир четларига махсус асбоблари билан босим бериш орқали бўртма тасвирлар яратиш.

Муралис тожи (Corona muralis) – бош кийими, шаҳар қалъалари шаклида безатилган тож. Одатда унда маъбудлар – бирор шаҳар, масалан, қадимги Тюхе, ҳомийлари акс эттирилган.

Н

Наус – зардуштийларнинг дафн маросимларини ўтказиш учун қурилган махсус иморати.

Нимб – илоҳий қаҳрамонларнинг боши тасвири устидаги ёки атрофидаги нурли ҳалқа тасвири.

О

Оромий тили – семит тилларидан бири бўлиб, қадимда Яқин ва Ўрта Шарқ халқларининг ўзаро алоқа тили сифатида эрамиздан аввалги VII ва эрамизнинг VII асрларида кенг ишлатилган; оромий тили давлат тили сифатида расман аҳоманийлар сулоласида қўлланган.

Оромий алифбоси – Финикия алифбоси асосида эрамиздан аввалги VIII асрларда ишлаб чиқилган алифбо; эрамизнинг V асрида давлат (аҳоманийлар давлати) оромий алифбоси ишлаб чиқилиб, унинг асосида бир қатор ёзув тизимлари – парфия, хоразмий, кхароштхи, тахминларга кўра, қадимги туркий ёзув ва бошқа ёзувлар ишлаб чиқилган.

Остодон – зардуштийларнинг юмшоқ тўқималардан «покланган» суякларини сақлаш учун терракота ёки гипсдан ясалган қопқоқли қути.

П

Пальметта – нақш мавзуси – елпиғичсимон махсус қатлам, меъморий нақшлар ва безакли-амалий санъатда кенг қўлланиладиган қисм.

Панчамахашабта – буддавийлар эътиқодига кўра, бешта мусиқий оҳанг.

Паринирвана – буддавийликда нирвананинг сўнгги босқичи, жисмоний қайта туғилиш силсиласининг тўла илоҳийлашиш даражаси (бодхи)га етган сўнгги ҳалқаси; буддавийлик амалиётидаги бош мақсад.

ПБМА – полибутилметакрилат – бутил эфирининг метакрил кислотаси, қаттиқ кристалл полимер. Ёғоч, сопол, чинни ва бошқа археология ёдгорликларини, асосан қадимий деворий суратларни дала шароитида консервация ва тиклаш учун қўлланилади.

Пахлавий – Ўрта форс тили (айнан «парфия тили»), сосонийлар даври (III–VII аср) расмий тили; қадимги ва янги форс тили ўртасидаги босқич.

Пегас – қанотли от.
Поналаш – мисли металлга ишлов бериш усули бўлиб, махсус болғачалар ёрдамида унинг сиртига (одатда айлана шаклида) бўртма кўринишдаги нақш ҳосил қилинган.

Р

Реликварий – муқаддас диний обидаларни асраш учун қурилган махсус жой, масалан, буддавийлар бунда жойларни суф деб юритишган.

С

Санскрит – (деванагари) – ҳинд-европа тиллари оиласига мансуб қадимги ҳинд тилининг адабий жиҳатдан қайта ишланган кўриниши. Санскрит тили ва ёзувида қадимги ҳиндларнинг жуда кўп бадиий, диний, фалсафий, юридик ва илмий асарлари ёзиб қолдирилган. Бугунги ҳинд ижтимоий элитаси қатламида ишлатилади.
Сердолик – ярим қимматбаҳо тош, пушти, зарғалдоқ-қизил, олтинранг-сариқ тусларда товланади, қадимги даврда ва илк ўрта асрларда қадрланган.
Сикль – қадимги олтин ва кумуш ўлчов бирлиги, тахминан 12 г; кейинчалик кумуш тангалар ҳам шундай аталган; Аҳоманийлар салтанатида дарик билан тенг юрган асосий пул бирлиги. Фақат ундан фарқли ўлароқ, сиклни сатрапликларда ҳам зарб қилиш мумкин бўлган.
Сиринга – қадимги юнон мусиқа асбоби, узун найга ўхшаб кетади, битта ва кўп асосли сирингалар мавжуд.
Стела – ёзув ёки бўртма тасвири бор тик турувчи тош.
Ступа – буддавийлар меъморчилигида муҳим диний воқеалар муносабати билан қурилган яримшар кўринишидаги маҳобатли рамзий ва маъмурий иншоотлар; кўпинча лойдан, гоҳида тош билан қопланган ёки тўла тошдан қурилган бўлади.
Субстрат – (лингв.) келгиндилар томонидан сиқиб чиқарилган, бироқ унга ўз таъсирини қолдирган маҳаллий аҳоли тили.

Т

Теофор – худо(лар)нинг номи билан боғлиқ, илоҳий маъносида.
Терракота – пиширилган лойдан ясалган шакллар ёки безакли унсурлар.
Тирс – қадимий мифологияда Дионис ва унинг йўлдошига тегишли бўлган таёқ. Ток баргларига ўралган ҳолда тасвирланган.
Торевтика – металлдан ясалган бадиий маҳсулотларни бўртмали қайта ишлаш;
Туника – қадимги дунёда ўртасидан бошни ўтказиш учун тешик очилган, эркакларда тиззагача, аёлларда тўпиққача тушиб турадиган сочиқсимон мато.
Тур – қадимги буқа, йирик шохли хонаки қорамолнинг аждодларидан, Кавказдаги йирик тоғ эчкиларининг тури.

Ф

Фестон – тишчали ёки тўлқинсимон нақш кўринишидаги махсус тасвирий шакл.

Фраваши – шахсий даҳо, инсон қалбининг тимсоли, эзгу рух (ҳомий).
Фриз – бино деворини қоплаб турувчи безакли, ҳайкалтарошлик, рангтасвир ва бошқа тасвирий асарлар.

Х

Хум – Лойдан ишланган, бошқа кўринишидаги, турли маҳсулотларни солиш учун ишлатиладиган идиш.

Я

Яккашох – пешонасида узун шох ўсиб чиққан афсонавий махлуқ, аввал хўкиз қиёфасида, сўнг от, баъзан эса эчки қиёфасида тасвирланган.
Якша – Қадимги ҳинд мифологиясида рух, ярим худо ёки табиат ҳомийси.

ҚИСҚАРТМАЛАР

ЎАТ – Ўзбекистондаги археология тадқиқотлари, Тошкент – Самарқанд

ДТМ – Давлат тарих музейи, Москва

ШДМ – Шарқ давлат музейи, Москва

РАЖШБЁ – Рус Императорлик Археологик жамиятнинг Шарққа оид бўлими ёзувлари, Санкт-Петербург, Петроград

ИАКА – Императорлик археология комиссияси ахбороти, Санкт-Петербург, Петроград

ЎММТ – Ўзбекистон моддий маданияти тарихи, Тошкент – Самарқанд

ММТИҚА – Моддий маданият тарихи институтининг қисқача ахборотномаси, Москва – Ленинград

АИЛБ – Археология институтининг Ленинград бўлими, ҳозирда Моддий маданият тарихи институти (ММТИ), Санкт-Петербург

АЭМ – Буюк Пётр номидаги Антропология ва этнография музейи (Кунсткамера), Санкт-Петербург

АМТ – СССР археологияси бўйича материаллар ва тадқиқотлар, Москва

ММТИМБ – Моддий маданият тарихи институтининг Москва бўлими

МОН – Марказий Осиё нумизматикаси, Тошкент

НЭ – Нумизматика ва эпиграфика, Москва

ЎИФ – Ўзбекистондаги ижтимоий фанлар. Тошкент

ТФММ – Тарих, филология ва маданият муаммолари. Москва

РА – Россия археологияси, Москва

АМТ – Археология манбалари тўплами. СССР Археологияси. Москва – Ленинград

ДЭХ – Давлат Эрмитажи хабарномаси. Ленинград, Санкт-Петербург

СЭ – Совет этнографияси, Москва

ТАМЭ – Термиз археология мажмуавий экспедицияси

ДЭМ – Давлат Эрмитажи маълумотлари, Ленинград, Санкт-Петербург

ЭШБМ – Эрмитажнинг Шарқ бўлими маълумотлари, Ленинград

ХАЭЭ маълумотлари – Хоразм археология ва этнография экспедицияси маълумотлари, Москва

Ўздавэстаркўм – Ўзбекистон моддий маданият ёдгорликларини муҳофаза қилиш ва ўрганиш бўйича қўмитаси

ШЭ – Шарқ Эпиграфикаси, Москва – Ленинград

BAI – Bulletin of the Asia Institute, Bloomfield Hills

SRAA – Silk Road Art and Archaeology, Kamakura

INDEX OF NAMES AND ETHNIC NAMES

Abbasids – 113
Achaemenides – 59, 112, 121, 124, 341, 374, 404, 426
Ahura-Mazda – 142, 192
Albaum L.I. – 98, 124
Alexander the Great – 59, 112, 121-122, 139, 141, 286, 341, 426-427, 452, 481, 483
Anahita – 141, 430
Angra Mainyu (Ahriman) – 217
Antiochus I – 427, 428
Antiochus II – 427
Aphrodite (Venus) – 141
Apollo – 427
Ardashir I – 429
Ardokhsho – 429
Artemis – 427
Artramush – 439
Asbar – 445-446
Athena – 427
Avesta – 112, 285
Avlad (Aulad) – 238
Bartold V.V. – 43, 123, 139
Biruni – 287, 341, 342, 375, 386
Bodhisattva Samantabhadra – 216, 217
Buddha – 75, 90, 94, 99, 105, 406, 481, 483
Catherine the Great – 42
Chionites – 113, 300, 430
Cyrus II – 341, 426
Darius I – 112, 285, 341, 426
Dashly-Sapalli culture – 59
Diodotus I – 427, 438, 481, 485
Diodotus II – 427, 438, 481, 485
Dionysus (Bacchus) – 91, 140, 427
Dioscuri – 427-428
Dudin S.M. – 139
Hephthalites (chionites), tribal association – 113
Eucratides I – 428, 438
Euripides – 67, 484
Euthydemus I – 427, 428
Euthydemus II – 427
Gopatshah – 125, 142, 148, 172, 176
Gorbunova N.G. – 46
Gorgon Medusa – 148
Greeks – 427
Grigoriev G.V. – 45, 123, 171-172, 285
Hecataeus of Miletus – 340
Heliocles I – 428
Helios – 427
Hercules – 67, 99, 102, 427, 429
Hermes – 427
Herodotus – 285, 340
Hormizd I – 430
Hormizd II – 430
Indra – 216, 217
Kabanov S.K. – 124, 172
Kanishka II – 430
Kastalsky B.N. – 191
Kesaev V.N. – 45
Khorezm archaeological and ethnographic expedition – 342, 356-357
Kidarites, a group of tribes – 113, 430
Kostrov Pavel Ivanovich – 214-215
Kubera – 91
Kujula Kadphiz – 428

Kunstkammer (Museum of Anthropology and Ethnography) – 44, 46, 356
Kushan Empire – 20, 22, 44, 429, 430
Kushano-Sasanid – 99, 430
Kushans, tribe – 355, 429
Livshits V.A. – 67, 74, 374-375
Lukonin V.G. – 45, 90
MAFOUz-Sogdiana expedition – 124
Marr N. Ya. – 43
Marshak B.I. – 45-46, 66, 142, 172, 191, 216, 257, 259, 262, 375, 387
Massagets, tribe – 426
Masson M.E. – 45, 74, 90, 172
Masson V.M. – 98
Mawak – 429, 445
Mihr – 429
Mirziyoyev Shavkat – 4, 14, 16, 21, 22
Mirzo Bukhari – 43, 139, 462-463
Nana (Nanaya) – 141, 387, 429
Narshakhi – 140, 213
Nika – 427
Nirtak – 453
Northern Wei – 66
Oldenburg S.F. – 43, 75
Orbeli I.A. – 44-45, 180
Pantaleon – 427
Pidaev S.R. – 98
Poseidon – 427
Pugachenkova G.A. – 74-75, 191, 387
Rtveladze E.V. – 22, 74, 463
Russian Archaeological Society – 43
Russian Museum – 44
Rustam – 237, 238, 262
Sakas – 285, 300
Sarmatians – 112, 285
Sassanides – 112, 142
Seleucids – 112, 427-428
Seleucus I Nicator – 427
Semyonov G.L. – 46
Shapur II – 258
Shishkina G.V. – 124, 181, 212, 214
Shishkin Vasily Afanasyevich (1894–1966) – 124, 212-214, 216, 237-239
Shiva – 67, 406, 429
Shkam – 440
Silenus – 91, 140, 150
Smirnov Y.I. – 259
Smirnov O.I. – 45
Society for the Encouragement of Arts – 44
Sphinx – 125
Sraosha – 142
Stavisky B.Y. – 67, 191
Stieglitz Museum – 44
Sukharev I.A. – 45, 123
Tarnavch – 454
Terenozhkin A.I. – 123-124, 172
Termez archaeological complex expedition (TAKE) – 45, 90
Imperial Archaeological Committee – 42
The Institute of History of Material Culture (IIMC), the Leningrad branch of the Institute of Archeology (LOIA) – 44, 46, 171, 181, 318
The Turkic Kaganate – 262, 287, 431
The Uzbekistan Arts Expedition 74
The Uzbekistan Committee for the Protection and Study of Monuments of Material Culture – 236
Tolstov S.P. – 45, 46, 342-343, 356, 374, 386-387
Trever K.V. – 44-45, 180
Turks – 113, 258, 259
Ugrak – 443-444
Vad (Vado, Oado) – 429
Varakhsha – 45, 212-213, 215-216, 237-239, 387
Varahran – 430
Vasudeva I – 355, 450
Vazamar – 355, 439
Veretragna – 143
Vertogradova V.V. – 90
Veselovsky N.I. – 301
Vyatkin V.L. – 43, 123
Vainberg B.I. – 343, 355
Yakubovsky A.Y. – 342
Yuezhi (Tokhars), tribal union – 60, 112, 428
Zarathushtra – 59
Zavyalov V.A. – 98
Zeus – 427, 429, 481, 485

INDEX OF GEOGRAPHICAL AND TOPOGRAPHICAL NAMES

Ay-Khanum – 60, 298
Bactra – 427
Bactria – 46-47, 59-60, 66, 74-75, 91, 98-99, 112, 124, 140, 216, 298-299, 341-342, 356, 404-406, 426-428, 430, 462
Bukhara – 44, 47, 66, 112, 140, 191, 212-213, 236, 262, 429, 431, 463-464
Bukhara oasis – 429, 431
Central Asia – 17-19, 42-47, 60, 66, 90, 112, 121, 123, 139-142, 172, 191, 212, 215, 257-260, 284, 299-301, 318-319, 342-343, 373, 387, 405-406, 426-427, 429, 431, 462
Chach – 257, 259-260, 284-287, 297-301, 340, 407, 462
China – 60, 112-113, 123, 142, 259, 284, 317, 319, 332, 405, 429, 484
East Turkestan – 142, 259, 405
Fergana – 317, 326, 462
Gaugamela – 426
Granicus – 426
Greco-Bactrian Kingdom – 60
India – 60, 66, 113, 216, 318, 325, 356, 427, 430-431, 480-481, 500-501, 503
Iran – 43-44, 66, 112-113, 142, 148, 257, 262, 318, 325, 330, 386, 404, 406, 429, 431, 480, 482, 484
Iss – 426-427
Kashmir – 429
Kesh – 112, 452-453
Khorasan – 342, 430
Khorezm – 112, 257, 261-262, 285, 340-343, 349, 351, 355-357, 364-365, 368, 373-374, 386-387, 390, 394, 397, 404-405, 426, 428, 462
Margiana – 340, 427
Middle East – 66, 405, 429
Nakhshab – 407, 429, 452
Near East – 99, 325
Northern India – 66, 430
Persia – 429
Rome – 429
Samarkand – 8-9, 13, 18, 20, 460, 462-463
Sogd – 47, 66, 107, 112-113, 121-124, 131, 139, 141-143, 148, 150, 153, 155-167, 172, 180, 198, 201-202, 224, 257-262, 270, 285, 287, 326, 340-342, 387, 407, 412, 414, 427-431, 440-453, 462, 483
Sogdiana – 112, 124, 172, 239, 273-274, 277, 426-427, 482, 485
Southern Sogd – 407
The Silk Road – 47, 64, 66, 68, 112, 286, 429
The Roman Empire – 60, 121, 172, 299-300
Tokharistan – 60-61, 90-91, 99, 216, 326, 430-431

GLOSSARY

A

Acanthus – Ornament in the form of leaves of the same subtropical plant with wide, carved leaves. The decor, which is used in the Corinthian order and its derivatives, has become particularly popular since the Hellenistic era.

Acropolis – the sublime, fortified part of the city.

Amphora – a vessel with two handles for storing and transporting supplies (wine, oil, etc.).

Aramaic – one of the Semitic languages, in antiquties was used as a language of international communication in the Near and Middle East, especially widely in the 7th century. BC. – 7th century. AD; imperial (standardized) Aramaic became official in the Achaemenid empire.

Aramaic alphabet – The alphabet, created on the basis of Phoenician in the VIII century. BC.; in the V century. BC. The imperial (Achaemenid) Aramaic alphabet was developed on the basis of which a number of new written systems arose: the Parthian, Khorezm, Sogdian, Kharosthi, possibly the ancient Türkic letter, etc.

Argali – mountain sheep, the largest among wild species; widely inhabited the mountainous regions of Central Asia.

Aurochs – ancient bull, one of the ancestors of domestic cattle; a species of wild mountain goats in the Caucasus.

B

Balbal – vertical untreated stone or an anthropomorphic stone sculpture, known in the Eurasian steppes from the Bronze Age. Particularly widespread among the Turkic peoples (the 6th – 10th centuries AD) from Tuva and Altai to the Danube. It is believed that depicts the buried or the hero, who defeated him.

Bodhisattva – in Buddhism, "a being striving for awakening," that is, who made the decision to become in order to save all beings from suffering and exit from the endless chain of rebirths.

Brahmi – Local ancient variant of the syllabic letter of historical India. Originated around the 6th century. BC, a prototype of most modern writings of India, Tibet and Indochina. The expansion of the range of use is associated with the spread of Buddhism; It was used for writing in the Sanskrit language.

Buccula – one of the elevated plates or ridges beneath the head on either side of the rostrum of insects of the order Heteroptera.
Buddhism – religious and philosophical doctrine of spiritual awakening that arose in the middle of the 1st millennium BC. in ancient India and later became one of the world religions. The founder is Siddhartha Gautama (Buddha Shakyamuni).
Bukharhudat – The title of ruler of early medieval Bukhara, Western, Bukhara Sogd.

C
Capricorn – mountain goat with powerful, long horns.
Celt – an ax with a bush perpendicular to the handle; widely used until the early Iron Age.
Centaur – A mythical creature with a trunk of a horse and a torso and a human head.
Chasing – One of the types of arts and crafts, the type of artistic metal processing; technological process of making a picture, an inscription, an image by knocking out a certain relief on a metal product.
Cornelian – semiprecious stone, a kind of chalcedony of pink, orange-red and golden-yellow color; highly prized in antiquties and the early Middle Ages.
Corona muralis – Headgear, crown, decorated in the form of city fortifications. Usually it depicted deities – the patrons of a city, like, for example, the ancient Tyukha.
Coroplastic – making figures from various materials, most often clay (sculptural terracotta).
Cymbals – paired percussion instrument in the form of metal (typically bronze) dishes in diameter 5–18 cm.

D
Dahma – The structure in the form of an eminence (tower), for exhibiting corpses, purifying them from the flesh in the Zoroastrian burial rite.
Daric – gold coin with the image of a kneeling archer, minted in the reign of the Achaemenid king Darius I, at the 6th century BC. Weight is about 8.4 gr., 1/3000 Persian talent.
Dharma – What holds or supports"; in Buddhism, the totality of established norms and rules, the observance of which is necessary to maintain the cosmic order ("moral principles", "religious duty", "universal law of being»).
Diadem – Crown or bandage with ornaments of precious stones and metals or a strip of metal as a symbol of the supreme authority of the ruler.
Donator – donating something to a temple, usually a temple or a monastery.
Drachma – Drachma weight and currency of ancient Greece, in the 6th century BC in Anthens drachm contained 4.37 g and then 4.26 g. silver, formed the basis of the monetary systems of the Hellenistic states of the Middle East.
Drapery – the location of material forming the elegant folds; fabrics presented in paintings, statues, reliefs.
Dravidians – the peoples of South India who speak the languages of the Dravidian family; the main population of the Indian subcontinent before the arrival of the Indo-Aryan tribes; the creators of the Harappan civilization of the Indus Valley in the 3rd – 2nd millenia BC.

GLOSSARY

A

Acanthus – Ornament in the form of leaves of the same subtropical plant with wide, carved leaves. The decor, which is used in the Corinthian order and its derivatives, has become particularly popular since the Hellenistic era.

Acropolis – the sublime, fortified part of the city.

Amphora – a vessel with two handles for storing and transporting supplies (wine, oil, etc.).

Aramaic – one of the Semitic languages, in antiquties was used as a language of international communication in the Near and Middle East, especially widely in the 7th century. BC. – 7th century. AD; imperial (standardized) Aramaic became official in the Achaemenid empire.

Aramaic alphabet – The alphabet, created on the basis of Phoenician in the VIII century. BC.; in the V century. BC. The imperial (Achaemenid) Aramaic alphabet was developed on the basis of which a number of new written systems arose: the Parthian, Khorezm, Sogdian, Kharosthi, possibly the ancient Türkic letter, etc.

Argali – mountain sheep, the largest among wild species; widely inhabited the mountainous regions of Central Asia.

Aurochs – ancient bull, one of the ancestors of domestic cattle; a species of wild mountain goats in the Caucasus.

B

Balbal – vertical untreated stone or an anthropomorphic stone sculpture, known in the Eurasian steppes from the Bronze Age. Particularly widespread among the Turkic peoples (the 6th – 10th centuries AD) from Tuva and Altai to the Danube. It is believed that depicts the buried or the hero, who defeated him.

Bodhisattva – in Buddhism, "a being striving for awakening," that is, who made the decision to become in order to save all beings from suffering and exit from the endless chain of rebirths.

Brahmi – Local ancient variant of the syllabic letter of historical India. Originated around the 6th century. BC, a prototype of most modern writings of India, Tibet and Indochina. The expansion of the range of use is associated with the spread of Buddhism; It was used for writing in the Sanskrit language.

Buccula – one of the elevated plates or ridges beneath the head on either side of the rostrum of insects of the order Heteroptera.
Buddhism – religious and philosophical doctrine of spiritual awakening that arose in the middle of the 1st millennium BC. in ancient India and later became one of the world religions. The founder is Siddhartha Gautama (Buddha Shakyamuni).
Bukharhudat – The title of ruler of early medieval Bukhara, Western, Bukhara Sogd.

C

Capricorn – mountain goat with powerful, long horns.
Celt – an ax with a bush perpendicular to the handle; widely used until the early Iron Age.
Centaur – A mythical creature with a trunk of a horse and a torso and a human head.
Chasing – One of the types of arts and crafts, the type of artistic metal processing; technological process of making a picture, an inscription, an image by knocking out a certain relief on a metal product.
Cornelian – semiprecious stone, a kind of chalcedony of pink, orange-red and golden-yellow color; highly prized in antiquties and the early Middle Ages.
Corona muralis – Headgear, crown, decorated in the form of city fortifications. Usually it depicted deities – the patrons of a city, like, for example, the ancient Tyukha.
Coroplastic – making figures from various materials, most often clay (sculptural terracotta).
Cymbals – paired percussion instrument in the form of metal (typically bronze) dishes in diameter 5–18 cm.

D

Dahma – The structure in the form of an eminence (tower), for exhibiting corpses, purifying them from the flesh in the Zoroastrian burial rite.
Daric – gold coin with the image of a kneeling archer, minted in the reign of the Achaemenid king Darius I, at the 6th century BC. Weight is about 8.4 gr., 1/3000 Persian talent.
Dharma – What holds or supports"; in Buddhism, the totality of established norms and rules, the observance of which is necessary to maintain the cosmic order ("moral principles", "religious duty", "universal law of being»).
Diadem – Crown or bandage with ornaments of precious stones and metals or a strip of metal as a symbol of the supreme authority of the ruler.
Donator – donating something to a temple, usually a temple or a monastery.
Drachma – Drachma weight and currency of ancient Greece, in the 6th century BC in Anthens drachm contained 4.37 g and then 4.26 g. silver, formed the basis of the monetary systems of the Hellenistic states of the Middle East.
Drapery – the location of material forming the elegant folds; fabrics presented in paintings, statues, reliefs.
Dravidians – the peoples of South India who speak the languages of the Dravidian family; the main population of the Indian subcontinent before the arrival of the Indo-Aryan tribes; the creators of the Harappan civilization of the Indus Valley in the 3rd – 2nd millenia BC.

Drift – a method of cold working of sheet metal, when hammers an ornament is made by hammering in the form of combinations of expanded (usually spherical) surfaces.
Ductus – The number of strokes that make up a written letter, their direction, sequence writen.

E

Engobe – decorative coating of the vessel with a thin layer of clay; depending on the additives, there are light, red, gray shades.
Engraving – the process of creating an image, inscriptions on the surface of solid materials with a cutting tool (chisel, graver). Often combined with chasing.

F

Farn (Hvar) – the embodiment of happiness, luck, fate; royal glory, power, her power. In the Iranian world often embodied in the image of a ram.
Festoon – ornamental motif in the form of a dentate or wavy pattern, garlands.
Fish dish – a vessel of a special shape, in the form of a bowl with a curved edge and a depression in the center (for butter, sauce); in the ancient world painted with images. of sea animals and fish; in the Middle East – one of the clearest manifestations of the influence of Greek ceramic tradition to the local.
Fraavashi – Personal genius, personification of the human soul; a good spirit (patron).
Frieze – a solid band of decorative, sculptural, pictorial and other images, bordering the top of the walls of the room.

G

Ganch – Central Asian alabaster, obtained as a result of roasting special rocks containing gypsum and clay. The wet ganch is easily cut, which makes it possible to create a delicate relief ornament. In ancient times it was widely used as a material for plaster (the basis for wall paintings), volumetric plastic decoration, sculpture on a frame basis.
Gandhari – Northwestern variety of Middle Indian languages of Prakrit, originated on the basis of local Indian dialects. Gandhari is known mainly for inscriptions and manuscripts, made with the help of the Indian letter kharoshta.
Gem – An ornamental or precious stone with a convex or incised image, an inscription.
Gilding – a thin layer of gold superimposed on the surface of the object.
Griffin – Gryphon is a fantastic winged creature with a lion's body and head and claws of an eagle. In myths and legends of different traditions it usually acts as a guard.

H

Harp – stringed plucked musical instrument, the strings of which are stretched between two angled frames. The oldest harps were made of a board and a wooden rod, on which strings were wound (chang in Central Asia and Iran).
High relief – A type of sculpture.
Hryvna – Decoration in the form of a hoop, worn around the neck; usually of precious metals.

I

Ihshid - The title of the ruler of the early medieval Samarkand, Eastern and Samarkand Sogd.

Italics – in this case an oblique or simplified (high-speed) writing of letters.

K

Kandis – Iranian-style outerwear such as caftan with wide sleeves.

Kavsia – Headgear such as beret or hat, common in antiquties in Macedonia.

Kharoshthi – alpha-syllabic scrypt in India, which developed from the Aramaic prototype and used to fix the inscriptions in the Gandhari language (northwest Prakrit). It was spread since the 5th century BC and since the turn of millenium in Gandhara, Tocharistan.

Khum – A large earthen vessel for storing different substances, including grain, water, oil etc.

L

Lamellar armor – A kind of armor made of woven or stapled thin plates.

Lute – stringed musical instrument with an oval sounding board and fretboard on the neck, the prototype of a modern guitar.

M

Macar – in the Indian water dragon, which combines the features of a dolphin, a shark and a crocodile, a Vahana (mount animal) of the god Varuna.

Mascaron – "A large mask," a decorative relief in the form of a mask depicting a human face or the head of an animal (often in a grotesque or fantastic form).

Metal-plastic – Kind of arts and crafts; technique of creating relief images on thin sheets of metal by extruding the contour of the drawing with special tools.

Mould – In this case – a form for the manufacture (replication) of terracotta figurines.

N

Naus – Special building for the burial of the Zoroastrian burial rite.

Necropolis – a cemetery.

Nimbus – light image above or around the head of the divine character; a symbol of holiness, divinity.

O

Ossuary (astodan) – terracotta or gypsum chests with lids for storing cleaned bones according to the Zoroastrian burial order.

P

Pahlavi – The official language in the period of the Sassanids (the 3rd – 7th centuries); an intermediate stage between the Old and New Persian languages.

Pakhsa – broken clay often with an admixture of herbal supplements (straw, chopped cane), building material.

Palmetta – ornamental motif – stylized fan-shaped leaf; It was widely used as a detail of architectural decor and in decorative and applied art.

Panchamahasabata – five sacred sounds in a Buddhist ritual.
Parinirvana – Buddhism – final Nirvāna, going beyond chain of rebirths and to reach complete bleaching (bodhi); the main purpose of Buddhist practices.
PBMA – Polybutyl methacrylate – methacrylic acid butyl ester, solid crystalline polymer. Used for field conservation and restoration of archaeological items made of wood, ceramics, porcelain, etc., and especially widely – in the restoration of ancient wall paintings.
Pegasus – the winged horse.
Pyx – a box for jewelry, spices or ointments; made of wood, bone, metal or stone.

R
Relief – One of the main types of sculpture, in which the image is created using volumes protruding from the background plane.
Reliquary – a repository for the storage of valuable relics, which has religious sacred significance; in Buddhism it is for this purpose, for example, sufa.
Rython – A vessel for drinking in the form of an animal horn made of metal, clay, glass, bone.

S
Sanskrit – (devanagari) is a literary processed version of the ancient Indian language of the Indo-European language family. Sanskrit in the script types, dating back to the Brahmi script was used for the most important works of the ancient Indian art, religious, philosophical, legal and scientific literature. Now it is used by the Indian social elite.
Shekel – an ancient unit of the weight of gold, more often of silver, equal to 12 g; later silver coin; in the Achaemenid empire – the basic monetary unit together with Darik.
Stele – vertically standing stone slab with an inscription or a relief image.
Substratum – linguistics language of the local population, superseded by the alien language and influenced by it.
Stupa – Buddhist architecture in the monumental and symbolic memorial structure often hemispherical shape, erected in honor of the events associated with Buddhism (maybe reliquary). Clay, often lined with stone, or completely stone construction.
Syrinx – Ancient Greek musical instrument, a kind of longitudinal flute; with one or many pipes.

T
Temple pendant – Pendant of precious metals to the headdress; usually richly decorated in different jewelry techniques.
Terracotta – figurines and decorative elements of architecture from baked clay
Theophoric – a word, a proper name, which includes the name of the god (gods) or the divine epithet.
Thyrsus – in ancient mythology the warder of Dionysus and his companions; It was depicted as a stick, twined with ivy and grape leaves.
Toreutics – art of relief processing of artistic products of metals.
Tunic – in the ancient world it was the simplest type of shirt from shoulder to lean on the cloth knee-length (for men) or ankle (women) with a cut for the head.

V

Varnished ceramics – In this case, ceramics coated with a special composition (lacquer), which gives the surface of the vessel a shiny surface

Vihara – Buddhist monastery, often cave

Y

Yakshi – in ancient Indian mythology, spirits, demigods, patrons of nature.

Z

Zoroastrianism – Ancient Iranian religion, which is based on the doctrine of the constant struggle in the world of two opposite principles: good and evil, light and darkness, life and death. Created by prophet Zarathushtra (Zoroaster). The teaching is set forth in the Avesta – the collection of sacred books; finally formed by the 7th century. BC. The four basic elements of the universe are worshiped: water, fire, earth, air, the purity of which must be observed. In this regard, the Zoroastrian are practices specific burial of rite: burial already purified bone remains in special facilities. Zoroastrianism was widely spread in the regions of ancient Iran and Central Asia; It greatly infuenced on Manichaeism, Mithraism, Judaism and Christianity.

ABBREVIATIONS

AIU – Archaeological research in Uzbekistan, Tashkent – Samarkand

BAI – Bulletin of the Asia Institute, Bloomfield Hills

EV – Epigraphy of the East, Moscow – Leningrad

GIM – State Historical Museum, Moscow

GMV – State Museum of Oriental Art, Moscow

IIAK – Proceedings of the Imperial Archaeological Commission, St. Petersburg, Petrograd

IMKU – History of the material culture of Uzbekistan, Tashkent – Samarkand

KSIIIMK – Bulletins of the Institute of the History of Material Culture, Moscow – Leningrad

LOIA – Leningrad Branch of the Institute of Archaeology, now the Institute of the History of Material Culture (IIMK), St. Petersburg

MAE – Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), St. Petersburg

MIA – Materials and research on archaeology of the USSR, Moscow

MOIIMK – Moscow Institute of the History of Material Culture

NE – Numismatics and epigraphy, Moscow

NTsA – Numismatics of Central Asia, Tashkent

ONU – Social sciences in Uzbekistan, Tashkent

PIFK – Issues of history, philology and culture, Moscow

RA – Russian archaeology, Moscow

SAI – Code of Archaeological Evidence. Archaeology of the USSR. Moscow – Leningrad

SE – Soviet ethnography, Moscow

SGE – Reports of the State Hermitage, Leningrad, St. Petersburg

SRAA – Silk Road Art and Archaeology, Kamakura

TAKE – Termez archaeological complex expedition

TGE – Transactions of the State Hermitage, Leningrad, St. Petersburg

TOVE – Transactions of the Hermitage Oriental Department, Leningrad

Transactions of the KhAEE – Transactions of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition, Moscow

Uzkomstaris – Uzbekistan Committee for the Protection and Study of Monuments of Material Culture

ZVORAO – Transactions of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society, St. Petersburg, Petrograd

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аббасиды – 115
Авеста – 468
Авлад – 242
Агатокл (Агафокл) – 421, 433
Александр Македонский – 126
Альбаум Л.И. – 468
Амеша Спента – 189, 194, 195
Анахита – 146, 436
Ангра-Майнью (Ахриман) – 223
Антиох I – 433, 434
Антиох II – 433
Аполлон – 433
Ардашир I – 436
Ардохшо – 101, 435
Артемида – 433
Артрамуш – 439
Асбар – 445, 446
Афина – 433
Афродита (Венера) – 145
Ахемениды – 62, 114, 126, 128, 345, 377, 408, 432, 515
Ахурпат – 453
Ахура-Мазда – 147
Бартольд В. В. – 49, 128, 144, 469
Бируни – 345, 346, 469
Бодхисаттва Самантабхадра – 222, 223
Будда – 100, 101, 105, 409, 410, 411, 475, 511
Вадо (Оадо) – 435
Вазамар – 345, 358, 362, 439
Вайнберг Б. И. – 345, 347, 358, 469
Ванинда – 359
Варахран – 436, 473
Вархуман – 443
Васудева I – 436
Кушаны – 435
Веретрагна – 147
Вертоградова В. В. – 92
Веселовский Н. И. – 48, 465, 469
Виша (Оешо) – 62, 435
Виштаспа – 62
Вяткин В. Л. – 128, 470
Гекатей Милетский – 344
Гелиокл I – 423, 435
Гелиос – 433
Геракл – 69, 101
Гермес – 433
Геродот – 289, 344
Гопатшах – 129, 147, 174, 176, 478
Горбунова Н. Г. – 51
Греки – 434
Григорьев Г. В. – 50, 118, 128, 173, 174, 179, 183, 289
Дарий I – 345
Дашлы-Сапаллинская культура – 62
Диодот I – 438
Диодот II – 433
Дионис (Вакх) – 93, 145, 433
Диоскуры – 433
Дудин С. М. – 144
Евкратид I – 337, 345, 433, 434, 435, 438
Евтидем I – 433, 434
Евтидем II – 421, 433
Екатерина II – 48
Завьялов В. А. – 100, 471
Заратуштра – 512

Зевс – 433, 435, 471
Зеймаль Е. В. – 51, 88, 92, 471
Зеймаль Т. И. – 51, 88, 92, 471
Императорская Археологическая комиссия – 48
Индра – 222, 223
Институт истории материальной культуры (ИИМК), Ленинградское отделение Института археологии (ЛОИА) – 50
Кабанов С. К. – 128, 129, 472
Кана – 146
Канишка I – 63, 358
Канишка II – 424
Кастальский Б. Н. – 49, 144, 194, 195, 472
Кесаев В. Н. – 50
Кидариты, группа племен – 115, 436
Кир I – 420
Кир II Великий – 338, 345, 432
Киртимукха – 69, 148, 150
Костров П.И. (1905 – 1983) – 220, 221, 476
Кубера – 93
Куджула Кадфиз – 435
Кунсткамера (Музей антропологии и этнографии, МАЭ) – 52, 359
Кушано-сасаниды – 101, 436, 437
Кушанское царство – 63, 435
Кушаны, племя – 435
Лившиц В.А. – 76, 346, 377
Луконин В. Г. – 39, 51, 92, 470
Мавак – 436, 445
Марр Н. Я. – 49
Маршак Б. И. – 51, 68, 147, 174, 222
Массагеты, племя – 432
Массон М. Е. – 50, 76, 92, 169, 174, 474
Массон В. М. – 96, 100
Медуза горгона – 69, 145
Мирзиёев Шавкат – 4, 23, 26, 29-31
Мирзо Бухари – 49
Митра – 146, 512
Михр (Мииро, Михро) – 435
Нанна (Нанная) – 146
Наршахи – 145, 219, 475
Ника – 388
Ниртак – 453
Общество поощрения художеств – 50
Ольденбург С. Ф. – 49, 77
Орбели И. А. – 50, 182, 475
Пан – 101
Панталеон – 433
Пероз I – 436
Пероз II – 436
Пидаев Ш. Р. – 100, 472, 526
Посейдон – 433
Пугаченкова Г.А. – 389, 471
Ртвеладзе Э.В. – 13, 32, 72, 76, 288, 320, 466, 471, 474, 478, 526
Русский музей – 50
Русское археологическое общество – 49
Рустам – 241, 242, 269
Саки – 289
Сарматы – 114, 289, 477
Сасаниды – 435
Северная Вэй – 68
Селевк I Никатор – 433
Селевкиды – 63, 114, 433, 434
Семенов Г. Л. – 52, 476
Силен – 145, 150
Смирнов Я. И. – 39, 51, 266, 470
Сраош – 147
Ставиский Б. Я. – 51, 69, 174, 470
Сухарев И. А. – 38, 50, 128, 183
Сфинкс – 129
Сэнмурв (Семург) – 269
Тарнавч – 454
Тереножкин А. И. – 128, 169, 174, 478
Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ) – 50, 76
Толстов С. П. – 50, 346, 347, 359, 377, 388, 389, 478
Тревер К. В. – 50, 51, 182, 475
Турак – 441
Тюрки – 63, 264, 266, 267, 291, 408, 437
Тюркский каганат – 63, 267, 291, 437
Уграк – 475
Узбекистанская искусствоведческая экспедиция (УзИскЭ) – 76, 218
Узбекистанский Комитет по охране и изучению памятников материальной культуры (Узком-старис) – 517

Фортуна – 148
Хань – 322, 332
Хиониты – 115, 127, 305
Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция (ХАЭЭ) – 346
Хормизд I – 436
Хормизд II – 436
Хунак – 451
Шапур II – 265
Шива – 410
Шишкин В.А. (1894–1966 гг.) – 128, 174, 206, 220, 221, 222, 241, 242
Шишкина Г.В. – 174, 218, 472
Шкам – 440
Штиглица музей – 50
Эврипид – 69
Эфталиты (хиониты), племенное объединение юечжи (да-юечжи), племенной союз – 63, 68, 115, 147, 291, 437
Якубовский А. Ю. – 49, 51, 173, 479
MAFOUz-Согдиана экспедиция – 128

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Ай-Ханум, г. – 63, 303, 434
Бактра, Бактры, г. – 433
Бактрия, обл. – 62, 63, 432
Бухара, г. – 50, 444, 445, 447, 448
Бухарский оазис – 218, 435
Ближний Восток – 101
Великий шелковый путь – 53
Восточный Туркестан – 290
Гавгамелы, сел. – 432
Граник, р. – 432
Греко-бактрийское царство – 63
Исс, г. – 432
Индия – 63, 68, 77, 115, 222, 321, 327, 359, 409
Иран – 49, 50, 62, 68, 77, 114, 115, 144, 147, 264, 269, 321, 327, 377, 388, 410, 435, 437, 474
Кашмир, обл. – 435
Кеш, г. – 114, 475
Китай – 68, 266, 288, 290, 320, 409, 435
Маргиана, обл. – 433
Нахшаб, г. – 435
Персия – 408
Римская империя – 468
Рим, г. – 68, 304, 435
Самарканд, г. – 8, 13, 18, 28, 48, 50, 115, 126, 144, 146, 157, 173, 194, 265, 268, 437, 460, 465, 466
Северная Индия – 437
Согдиана, Согд, обл. – 114, 432
Средний Восток – 68
Средняя Азия – 166, 306, 412, 477
Тохаристан, обл. – 52, 62, 63, 101, 127, 222, 328, 436, 437
Узбекистан – 4, 11, 20, 23, 26, 27, 29, 31, 62, 77, 223, 344, 467, 473
Фергана, обл. – 320, 322, 332, 455
Хорасан, обл. – 346, 437
Хорезм, обл. – 50, 52, 114, 218, 264, 267, 289, 344, 345, 346, 347, 349, 358, 360, 365, 376, 388, 432, 469, 486
Чач, обл. – 264, 266, 288, 289, 290, 291, 302, 306, 454
Южный Согд – 411, 452

ГЛОССАРИЙ

А

Аканф (аканф) – орнамент в виде листьев одноименного субтропического растения с широкими, резными листьями. Декор, который используется в коринфском ордере и его производных, стал особенно популярным начиная с эллинистической эпохи.

Акрополь – в данном случае, возвышенная, укрепленная часть города.

Амфора – сосуд с двумя ручками для хранения и перевозки запасов (вина, масла и т.д.).

Ангоб – декоративное покрытие сосуда тонким слоем глины; в зависимости от добавок бывает светлых, красных, серых оттенков.

Арамейский язык – один из семитских языков, в древности использовался как язык международного общения на Ближнем и Среднем Востоке, особенно широко в VII в. до н.э. – VII в. н.э.; имперский (стандартизированный) арамейский язык стал официальным в империи Ахеменидов.

Арамейский алфавит – алфавит, созданный на основе финикийского в VIII в. до н.э.; в V в. до н.э. разработан имперский (ахеменидский) арамейский алфавит, на основе которого возник ряд новых письменных систем: парфянская, хорезмийская, согдийская, кхароштхи, возможно, древнетюркское письмо и др.

Арфа – струнный щипковый музыкальный инструмент, струны которого натянуты между двумя расположенными под углом рамами. Древнейшие арфы делались из доски и деревянного стержня, на который наматывались струны (чанг в Средней Азии и Иране).

Архар – горный баран, самый крупный среди диких разновидностей; ранее был широко представлен в горных районах Средней и Центральной Азии; объект царской охоты.

Б

Балбал – вертикально поставленный необработанный камень или антропоморфная каменная скульптура, известная в степях Евразии с эпохи бронзы. Особенно широко распространяется у тюркоязычных народов (VI–X вв. н.э.) от Тувы и Алтая до Дуная. Считается, что изображает погребенного или героя, которого тот одолел.

Бодхисаттва – в буддизме «существо, стремящееся к пробуждению», т.е. принявшее решение стать буддой с целью спасения всех существ от страданий и выхода из бесконечной цепи перерождений.
Брахми – местная древнейшая разновидность слогового письма исторической Индии. Возникла примерно в VI в. до н.э., прототип большинства современных письменностей Индии, Тибета и Индокитая. Расширение ареала использования связано с распространением буддизма; использовалась для надписей на языке санскрит.
Буддизм – религиозно-философское учение о духовном пробуждении, возникшее в середине I тысячелетия до н.э. в Древней Индии и ставшее позднее одной из мировых религий. Основатель – Сиддхартха Гаутама (Будда Шакьямуни).
Букли – завитые крупными кольцами или туго закрученные валиками пряди волос; локоны.
Бухархудат – титул правителя раннесредневековой Бухары, Западного, Бухарского Согда.

В

Вихара – буддийская обитель, монастырь, часто пещерный.
Выколотка – способ холодной обработки листового металла, когда при помощи специальных молотков создается орнамент в виде сочетаний вспученных (обычно сферических) поверхностей.

Г

Гандхари – северо-западная разновидность среднеиндийских языков пракритов, возникших на основе местных индийских диалектов. Гандхари известен в основном по надписям и рукописям, выполненным с помощью индийского письма кхароштхи.
Ганч – среднеазиатский алебастр, получается в результате обжига специальных пород, содержащих гипс и глину. Влажный ганч легко режется, что дает возможность создавать тонкий рельефный орнамент. В древности широко использовался как материал для штукатурки (основы для стенных росписей), объемно-пластического декора, скульптуры на каркасной основе.
Гемма - поделочный или драгоценный камень с выпуклым или врезанным изображением, надписью.
Горельеф – вид скульптуры, высокий рельеф, в котором изображение отступает от фона более чем на половину своего объёма.
Гравировка – процесс создания изображения, надписи на поверхности твердых материалов режущим инструментом (резец, штихель). Часто сочетается с чеканкой.
Гривна – украшение в виде обруча, носившееся на шее; обычно из драгоценных металлов.
Грифон – фантастическое крылатое существо с туловищем льва и головой и когтями орла. В мифах и легендах разных традиций обычно выступает в роли стража.

Д

Дарик – золотая монета с изображением коленопреклоненного лучника, выпуск которой начался в правление ахеменидского царя Дария I, в конце VI в. до н.э. Вес – около 8,4 гр., 1/3000 персидского таланта.

Дахма – сооружение в виде возвышения (башни), для выставления трупов, очищения их от плоти в зороастрийском погребальном обряде.
Диадема – венец или повязка с украшениями из драгоценных камней и металлов или полоска металла как символ верховной власти правителя.
Донатор – жертвующий что-либо человек, обычно храму или монастырю.
Дравиды – народы Южной Индии, говорящие на языках дравидийской семьи; основное население Индийского субконтинента до прихода индоарийских племен; создатели Хараппской цивилизации долины Инда III–II тыс. до н.э.
Драпировка – расположение материи так, чтобы она образовала множество изящных складок; ткани, представляемые на картинах, статуях, рельефах.
Драхма – весовая и денежная единица Древней Греции, чеканившаяся с VI в. до н.э. Афинская драхма содержала 4,37 г, затем 4,26 г. серебра, легла в основу денежных систем эллинистических государств Среднего Востока.
Дукт – последовательность и направление в начертании отдельных линий, составляющих букву.
Дхарма – «то, что удерживает или поддерживает»; в буддизме – совокупность установленных норм и правил, соблюдение которых необходимо для поддержания космического порядка («нравственные устои», «религиозный долг», «универсальный закон бытия»).

Е

Единорог – мифическое животное с длинным прямым рогом на лбу, в ранних традициях с телом быка, в более поздних – с телом лошади, иногда козла.

З

Зороастризм – древнеиранская религия, в основе которой лежит учение о постоянной борьбе в мире двух противоположных начал: добра и зла, света и тьмы, жизни и смерти. Создана пророком Заратуштрой (Зороастром). Учение изложено в Авесте – собрании священных книг; окончательно оформилась к VII в. до н.э. Почитаются четыре основных элемента Вселенной: вода, огонь, земля, воздух, чистоту которых необходимо соблюдать. В связи с этим зороастрийцы практикуют специфический обряд погребения: захоронение уже очищенных костных останков в специальных сооружениях. Зороастризм получил широкое распространение в областях древнего Ирана и Средней Азии; оказал большое влияние на манихейство, митраизм, иудаизм и христианство.

И

Инвеститурный – в данном случае – подтверждающий (оформляющий) получение власти над государством или владением.
Ихшид – титул правителя раннесредневекового Самарканда, Восточного, Самаркандского Согда.

К

Кавсия – головной убор типа берета или шляпы, распространенный в древности в Македонии.

Кандис – характерная для иранцев верхняя одежда типа кафтана с широкими рукавами.
Кельт – топорик с втулкой, расположенной перпендикулярно рукояти; широко применялся вплоть до раннего железного века.
Кентавр – мифическое существо с туловищем лошади и торсом и головой человека.
Кимвалы – парный ударный музыкальный инструмент в виде металлических (обычно бронзовых) тарелок диаметром 5–18 см.
Козерог – горный козел с мощными, длинными рогами.
Колт – подвеска из драгоценных металлов к головному убору; обычно богато украшена в разных ювелирных техниках.
Коропластика – изготовление фигурок из различных материалов, чаще всего глины (скульптурная терракота).
Корона муралис – головной убор, корона, оформленная в виде городских укреплений. Обычно на ней изображались божества – покровители того или иного города, как, например, древнегреческая Тюхе.
Курсив – в данном случае наклонное или упрощенное (скоростное) написание букв.
Кхароштхи – буквенно-слоговое индийское письмо, развившееся от арамейского прототипа и использовавшееся для фиксации надписей на языке гандхари (северо-западный пракрит). Получило распространение с V в. до н.э., с рубежа н.э. – в Гандхаре, Тохаристане, Восточном Туркестане (в последнем – до X в.).

Л

Лаковая керамика – в данном случае керамика, покрытая специальным составом (лаком), придающим поверхности сосуда блестящую поверхность.
Ламеллярный доспех – разновидность доспеха из сплетённых между собой шнуром или скобами пластин.
Лютня – струнный музыкальный инструмент с овальным корпусом и ладами на грифе, прообраз современной гитары.

М

Макара – в индийской мифологии водяной дракон, сочетающий в себе черты дельфина, акулы и крокодила, вахана (ездовое животное) бога Варуны.
Маскарон – «большая маска», декоративный рельеф в виде маски, изображающей человеческое лицо или голову животного (часто в гротескном или фантастическом облике).
Матрица – в данном случае – форма для изготовления (тиражирования) терракотовых статуэток.
«Мегарская» чаша – особый тип чаш с украшениями в виде рельефных изображений под красным или черным лаком (ангобом).
Металлопластика – вид декоративно-прикладного искусства; техника создания рельефных изображений на тонких листах металла путем выдавливания контура рисунка специальными инструментами.

Н

Наус – специальная постройка для захоронения по зороастрийскому погребальному обряду.

Некрополь – кладбище.

Нимб – изображение сияния над или вокруг головы божественных персонажей; символ святости, божественности.

О

Оссуарий (астодан) – терракотовые или гипсовые ящики с крышками для хранения очищенных костей согласно зороастрийскому обряду погребения.

П

Пальметта – орнаментальный мотив – стилизованный веерообразный лист; широко использовался как деталь архитектурного декора и в декоративно-прикладном искусстве.

Панчамахашабта – пять священных звуков в буддийском ритуале.

Паринирвана – в буддизме – окончательная нирвана, выход за пределы цепи перерождений существом, достигшим полного просветления (бодхи); главная цель буддийских практик.

Пахса – прессованная глина, часто с примесью растительных добавок (соломы, рубленого камыша), строительный материал.

Пиксида – коробочка для ювелирных украшений, пряностей или мазей; из дерева, кости, металла или камня.

Полибутилметакрилат (ПБМА) – бутиловый эфир метакриловой кислоты, твердый кристаллический полимер. Используется для полевой консервации и реставрации археологических предметов из дерева, керамики, фарфора и др. и особенно широко – в реставрации древней настенной живописи.

Пегас – крылатый конь.

Пехлеви – среднеперсидский язык (букв. «парфянский»), официальный язык во времена Сасанидов (III–VII века); промежуточная стадия между древне- и новоперсидским языками.

Позолота – тонкий слой золота, наложенного на поверхность предмета.

Р

Раннее средневековье – период истории, на Среднем Востоке охватывает время приблизительно с VI по VIII вв.

Редукция – в данном случае – уменьшение, упрощение объекта.

Реликварий – вместилище для хранения ценных реликвий, которые имеют религиозное сакральное значение; в буддизме для этих целей использовались, например, суфы.

Рельеф – один из основных видов скульптуры, в котором изображение создается с помощью объемов, выступающих из плоскости фона.

Ритон – сосуд для питья в виде рога животного из металла, глины, стекла, кости; рыбное блюдо - сосуд специальной формы в виде тарелки с загнутым краем и углублением по центру (для масла, соуса); в античном мире расписывались

изображениями морских животных и рыб; на Среднем Востоке – одно из ярких проявлений влияния греческой керамической традиции на местную.

С

Санскрит (деванагари) – литературно обработанная разновидность древнеиндийского языка индоевропейской языковой семьи. На санскрите с использованием типов письменности, восходящих к брахми, написаны важнейшие произведения древнеиндийской художественной, религиозной, философской, юридической и научной литературы. Сейчас используется в среде индийской социальной элиты.

Сердолик – полудрагоценный камень, разновидность халцедона розовой, оранжево-красной и золотисто-жёлтой окраски; высоко ценился в древности и раннем средневековье.

Сикль – древняя единица веса золота, чаще серебра, равная примерно 12 г; в Ахеменидской империи – основная денежная единица наряду с дариком. В отличие от последнего, сикли могли чеканить наместники сатрапий.

Сиринга – древнегреческий музыкальный инструмент, род продольной флейты; бывает одно- и многоствольной.

Стела – вертикально стоящая каменная плита с надписью или рельефным изображением.

Ступа – в буддийской архитектуре монументальное символическое и мемориальное сооружение часто полусферической формы, воздвигнутое в честь событий, связанных с буддизмом (может быть реликварием). Глинобитная, нередко облицованная камнем, или полностью каменная конструкция.

Субстрат – (лингв.) язык местного населения, вытесненный языком пришельцев, но оказавший на него влияние.

Т

Тагора – сосуд типа таза, бывает столовым (небольшой, изящной формы) и хозяйственным.

Теофорный – слово, имя собственное, включающее в себя имя бога (богов) или божественный эпитет.

Терракота – в данном случае фигурки и декоративные элементы архитектуры из обожженной глины.

Тирс – в античной мифологии жезл Диониса и его спутников; изображался как палка, увитая плющом и виноградными листьями.

Торевтика – искусство рельефной обработки художественных изделий из металлов.

Туника – в античном мире тип простейшей рубахи из перегнутого на плечах полотнища длиной до колен (мужская) или до лодыжек (женская), с вырезом для головы.

Тур – древний бык, один из предков домашнего крупного рогатого скота; разновидность диких горных коз на Кавказе.

Ф

Фарн (хварена) – в данном случае воплощение счастья, удачи, судьбы; царской славы, власти, ее могущества. В иранском мире нередко воплощался в образе барана.

Фестон – орнаментальный мотив в виде зубчатого или волнистого узора, гирлянды.
Фраваши – личный гений, олицетворение души человека; благой дух (покровитель).
Фриз – в данном случае – сплошная полоса декоративных, скульптурных, живописных и других изображений, окаймляющая верх стен помещения.

Х

Хум – крупный глиняный сосуд для хранения типа бочки с выделенной горловиной.

Ч

Чеканка – один из видов декоративно-прикладного искусства, тип художественной обработки металла; технологический процесс изготовления рисунка, надписи, изображения с помощью выбивания на металлическом изделии определенного рельефа.

Я

Якши – в древнеиндийской мифологии духи, полубоги, покровители природы.

СОКРАЩЕНИЯ

АИУ – Археологические исследования в Узбекистане, Ташкент – Самарканд

ГИМ – Государственный исторический музей, Москва

ГМВ – Государственный музей Востока, Москва

ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества, Санкт-Петербург, Петроград

ИИАК – Известия Императорской археологической комиссии, Санкт-Петербург, Петроград

ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана, Ташкент – Самарканд

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры, Москва – Ленинград

ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии, сейчас Институт истории материальной культуры (ИИМК), Санкт-Петербург

МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Санкт-Петербург

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, Москва

МОИИМК – Московское отделение Института истории материальной культуры

НЦА – Нумизматика Центральной Азии, Ташкент

НЭ – Нумизматика и эпиграфика, Москва

ОНУ – Общественные науки в Узбекистане, Ташкент

ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры, Москва

РА – Российская археология, Москва

САИ – Свод археологических источников. Археология СССР. Москва – Ленинград

СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград, Санкт-Петербург

СЭ – Советская этнография, Москва

ТАКЭ – Термезская археологическая комплексная экспедиция

ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа, Ленинград, Санкт-Петербург

ТОВЭ – Труды Отдела Востока Эрмитажа, Ленинград

Труды ХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, Москва

Узкомстарис – Узбекистанский Комитет по охране и изучению памятников материальной культуры

ЭВ – Эпиграфика Востока, Москва – Ленинград

BAI – Bulletin of the Asia Institute, Bloomfield Hills

SRAA – Silk Road Art and Archaeology, Kamakura

UZ

Cultural legacy of Uzbekistan лойиҳаси ёрдамида китоб ҳақида кўпроқ маълумот олинг

1-қадам: Cultural legacy of Uzbekistan иловасини юклаб олинг ва ўрнатинг
2-қадам: Смартфон камерасини QR-кодига йўналтиринг
3-қадам: Экспонатларни интерактив режимда ўрганиш учун қўшимча контентни юклаб олинг

EN

Find out more about the book with Cultural legacy of Uzbekistan Application

Step 1: Download and set up Cultural legacy of Uzbekistan Application
Step 2: Point the smartphone camera at the QR code
Step 3: Wait until the additional content for the collections online encounter is loaded

RU

Узнайте больше о книге с приложением Cultural legacy of Uzbekistan

Шаг 1: Скачайте и установите приложение Cultural legacy of Uzbekistan
Шаг 2: Наведите камеру смартфона на QR-код
Шаг 3: Дождитесь загрузки дополнительного контента для знакомства с коллекциями в интерактивном режиме

МУНДАРИЖА • CONTENTS • СОДЕРЖАНИЕ

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳаси ҳақида 5
About the project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections" 14
О проекте «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» 23

Ўзбекистон моддий ва бадиий мероси буюмлари тўплами 36
The Collection of Objects of the Material and Artistic Culture of Uzbekistan 42
Коллекция предметов материальной и художественной культур Узбекистана 48

Қадимги ва илк ўрта асрлар археологик тўплами 56
The Archaeological Collection of Antiquity and the early Middle Ages 59
Археологическая коллекция эпохи древности и раннего средневековья 62
Бақтрия торевтикаси 64
Bactrian Toreutics 66
Бактрийская торевтика 68
Айритом фризи 72
The Ayrtam Frieze 74
Айртамский фриз 76
Қоратепа 88
Karatepa 90
Каратепа 92
Зартепа 96
Zartepa 98
Зартепа 100
Суғд 110
Sogd 112
Согд 114
Афросиёб–Самарқанд 116
Afrasiab–Samarkand 122
Афрасиаб–Самарканд 126

Самарқанд осори атиқалари тўплами. Терракота пластикаси 134
The Collection of Antiquities from Samarkand. Terracotta Sculptures 139
Коллекция самаркандских древностей. Терракотовая пластика 144
Тали-Барзу 168
Tali-Barzu 171
Тали-Барзу 173
Кофирқалъа 178
Kafir Kala 180
Кафыркала 182
Бия Найман остадонлари 188
Biya-Naiman Ossuaries 191
Бия-Найманские оссуарии 194

Варахша шаҳарчаси тарихий-меъморий ёдгорликлари 206
The Monumental Art of the Varakhsha site 212
Памятники монументального искусства с городища Варахша 218
Варахшанинг ганчли безаклари 232
The Ganch Decor of Varakhsha 236
Ганчевый декор Варахши 240

Суғд кумушининг босиб ўтган йўли 250
Roads of the Sogdian Silver 257
Дороги согдийского серебра 264

Чоч 280
Chach 284
Чач 288
Тошкент воҳаси осори атиқалари 292
Antiquities of the Tashkent Oasis 297
Древности Ташкентского оазиса 302

Фарғона 314
Fergana 317
Фергана 320
Фарғона ёдгорликлари 323
Antiquities of Fergana 325
Древности Ферганы 327

Хоразм 336
Khorezm 340
Хорезм 344
Тупроққалъа Олий саройидаги ҳайкал ва тасвирий санъат асарлари 352
Sculpture and Painting of the High Palace of Toprak Kala 355
Скульптура и живопись Высокого дворца Топраккалы 358
Остадонлар 370
Ossuaries 373
Оссуарии 376
Кумуш идишлар 384
Silver Vessels 386
Серебряные сосуды 388

Ёзма ёдгорликлар 400
Epigraphic Artifacts 404
Эпиграфические памятники 408

Ҳозирги Ўзбекистон ҳудудидан топилган тангалар 420
The Coins of Uzbekistan from Ancient Times to the Arab Conquest 426
Монеты с территории современного Узбекистана 432

Халқларни бирлаштирувчи мерос 458
Heritage Uniting Peoples 462
Наследие, объединяющее народы 465

Адабиётлар ва манбалар рўйхати 468
Bibliography 468
Список литературы и источников 468

ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИНИ ЎРГАНИШ, САҚЛАШ ВА ОММАЛАШТИРИШ БЎЙИЧА БУТУНЖАҲОН ЖАМИЯТИ

ИЛМИЙ КЕНГАШИ

Эдвард Ртveладзе – *Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси академиги, профессор, Бутунжаҳон жамияти илмий кенгаши раиси, илмий мухаррир,*

Акмал Саидов – *Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси академиги, профессор, юридик фанлар доктори, таҳрир ҳайъати раиси,*

Анатолий Сагдуллаев – *Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси академиги, профессор, тарих фанлари доктори,*

Александр Наймарк – *тарих фанлари доктори, профессор (АҚШ),*

Александр Седов – *тарих фанлари доктори (Россия Федерацияси),*

Баҳром Абдуҳалимов – *тарих фанлари доктори, профессор (Ўзбекистон),*

Владимир Грусман – *педагогика фанлари доктори (Россия Федерацияси),*

Ефим Резван – *тарих фанлари доктори, профессор (Россия Федерацияси),*

доктор Маттиас Рёсслер *(Германия),*

Пьер Лериш – *профессор (Франция),*

доктор Роберт Брейси *(Буюк Британия),*

Роиқ Баҳодиров – *фалсафа фанлари доктори, профессор (Ўзбекистон),*

Рустам Сулаймонов – *тарих фанлари доктори, профессор (Ўзбекистон),*

доктор Томас Кунце *(Германия),*

доктор Франсис Ришар *(Франция),*

Жерар Фюссман – *профессор (Франция),*

доктор Фредерик Старр *(АҚШ),*

Шоҳин Мустафоев – *академик, тарих фанлари доктори, профессор (Озарбойжон),*

Шокиржон Пидаев – *тарих фанлари номзоди (Ўзбекистон),*

Эльмира Гюль – *санъатшунослик доктори, профессор (Ўзбекистон).*

БОШҚАРУВ КЕНГАШИ

Фирдавс Абдухолиқов – *раис (Ўзбекистон Республикасида хизмат кўрсатган журналист),*

Бахтиёр Фозилов – *раис ўринбосари,*

Азиз Абдуҳакимов – *«Ипак йўли» Халқаро туризмни ривожлантириш университети ректори,*

Криста Пиккат – *ЮНЕСКОнинг Олмаотадаги Кластер Бюроси директори,*

Ирина Попова – *тарих фанлари доктори, профессор (Россия Федерацияси),*

Камола Акилова – *санъатшунослик доктори (Ўзбекистон),*

Шоазим Миноваров – *Ислом цивилизацияси маркази директори (Ўзбекистон),*

Кетлин Гёбель – *Cultur-cooperation International e.V. фонди директори (Германия),*

Павел Лурье – *филология фанлари номзоди (Россия),*

Сергей Лаптев – *тарих фанлари номзоди (Япония).*

«ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ»
муаллифлик туркуми

«ДАВЛАТ ЭРМИТАЖИ ТЎПЛАМИ. БИРИНЧИ ҚИСМ»
китоб-альбоми

(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)
Ўзбек, инглиз ва рус тилларида

Илмий муҳаррир
Эдвард Ртveладзе
(Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси академиги, профессор)

Туркум муаллифи, лойиҳа раҳбари
Фирдавс Абдухолиқов
(Ўзбекистон Республикасида хизмат кўрсатган журналист)

Бўлимлар муаллифлари
А.В. Омельченко, П.Б. Лурье, К.К. Кравцов, Л.Ю. Кулакова, А.И. Торгоев.

Ташкилий гуруҳ
Екатерина Соболева (Ўзбекистон бўйича координатор),
Игорь Портнягин (Россия Федерацияси бўйича координатор)

Альбомда фойдаланилган суратлар Давлат Эрмитажи томонидан тақдим этилган (Санкт-Петербург ш.)
Фотосуратчи: Д.В. Сироткин, В.С. Теребенин, А.В. Теребенин, Л.Г. Хейфец.

Тасвирга олиш гуруҳи
Шаҳноза Ғаниева, Козим Хотамкулов, Жанат Нурбаев, Насиба Фахриддинова, Шамил Юсупов

Таржимон, муҳаррир ва мусаҳҳиҳлар:
Шоқаҳҳор Салимов, Шаҳноза Бозорова, Рустам Жабборов, Хосият Ражапова (ўзбек тилига таржима ва таҳрир); Мирзаахмед Алимов, Алина Хайрулина, Лилиана Гуревич, Светлана Балашова (рус тилидаги матн таҳрири ва мусаҳҳиҳлиги), Дмитрий Костюшкин, Виолетта Цилитская, Матлюба Муминова (инглиз тилидаги матн таҳрири ва мусаҳҳиҳлиги). «Транслейтиз» МЧЖ таржималар маркази, Москва ш. (инглиз тилига таржима).
Охирги таҳрири ва мусаҳҳиҳлиги – «SHARQ» НМАК.

Компьютерда саҳифаловчилар, дизайн, нашрга тайёрлаш, 3D-эффектлар
Александр Варламов, Тарас Монченко, Азим Жўрабоев, Абдусаттор Абдубаннапов, Барчина Рисқиева

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳасининг ижодий гуруҳи ушбу лойиҳани амалга оширишда кўрсатган ёрдами учун Ўзбекистон Республикаси ҳукуматига миннатдорлик билдиради.

Лойиҳа ҳомийси

ERIELL
ХАЛҚАРО НЕФТЕСЕРВИС ГУРУҲИ

NATIONAL ASSOCIATION OF ELECTRONIC MASS MEDIA OF UZBEKISTAN
ЎЗБЕКИСТОН ЭЛЕКТРОН ОММАВИЙ АХБОРОТ ВОСИТАЛАРИ МИЛЛИЙ АССОЦИАЦИЯСИ (ЎЗЭОАММА)

Tashkent Office
ЮНЕСКОНИНГ ЎЗБЕКИСТОНДАГИ ВАКОЛАТХОНАСИ

UZBEKISTAN
ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ТУРИЗМИНИ РИВОЖЛАНТИРИШ ДАВЛАТ ҚЎМИТАСИ

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ТУРИЗМИНИ РИВОЖЛАНТИРИШ ДАВЛАТ ҚЎМИТАСИ

UZBEKISTAN airways
«ЎЗБЕКИСТОН ҲАВО ЙЎЛЛАРИ» МИЛЛИЙ АВИАКОМПАНИЯСИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
The State Hermitage Museum
ДАВЛАТ ЭРМИТАЖИ

SEVINCH TV

Даракчи
«DARAKCHI INFORM SERVIS»

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ВАЗИРЛАР МАҲКАМАСИ ҲУЗУРИДАГИ ЎЗБЕКИСТОНГА ОИД ХОРИЖДАГИ МАДАНИЙ БОЙЛИКЛАРНИ ТАДҚИҚ ЭТИШ МАРКАЗИ

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ВАЗИРЛАР МАҲКАМАСИ ҲУЗУРИДАГИ ГЕОМ ЦИВИЛИЗАЦИЯСИ МАРКАЗИ

WORLD SOCIETY FOR STUDY, PRESERVATION AND POPULARIZATION OF CULTURAL HERITAGE OF UZBEKISTAN

ACADEMIC COUNCIL

Edvard Rtveladze – *Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Professor, Chairperson of Academic Council of the World Society, Scientific Editor,*

Akmal Saidov – *Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Professor, Doctor of Law, Chairman of the Editorial Board,*

Anatoliy Sagdullayev – *Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Professor, Doctor of History,*

Aleksandr Naymark – *Doctor of History, Professor (USA),*

Alexander Sedov – *Doctor of History (Russian Federation),*

Bakhrom Abdukhalimov – *Doctor of History, Professor (Uzbekistan),*

Vladimir Grusman – *Doctor of Pedagogics (Russian Federation),*

Efim Rezvan – *Doctor of History, Professor (Russian Federation),*

Doctor Matthias Roessler *(Germany),*

Pierre Leriche – *Professor (France),*

Doctor Robert Bracey *(UK),*

Roik Bakhodirov – *Doctor of Philosophy, Professor (Uzbekistan),*

Rustam Suleimanov – *Doctor of History, Professor (Uzbekistan),*

Doctor Thomas Kunze *(Germany),*

Doctor Francis Richard *(France),*

Gérard Fussman – *Professor (France),*

Doctor Frederick Starr *(USA),*

Shahin Mustafayev – *Academician, Doctor of History, Professor (Azerbaijan),*

Shakirjon Pidayev – *Ph.D. of History (Uzbekistan),*

Elmira Gyul – *Doctor of Art History, Professor (Uzbekistan).*

EXECUTIVE COUNCIL

Firdavs Abdukhalikov – *Chairman (Honored Journalist of the Republic of Uzbekistan),*

Bakhtier Fazilov – *vice-chairman,*

Aziz Abdukhakimov – *Rector of the International University of Tourism "Silk Road",*

Krista Pikkat – *Director of the UNESCO Cluster Office in Almaty,*

Irina Popova – *Doctor of History, Professor (Russian Federation),*

Kamola Akilova – *Doctor of Art History (Uzbekistan),*

Shoazim Minovarov – *Director of the Center for Islamic Civilization (Uzbekistan),*

Kathleen Goebel – *Director of the Cultur-cooperation International e.V. (Germany),*

Pavel Lurje – *Ph.D. of Philology (Russia),*

Sergey Lapteff – *Ph.D. of History (Japan).*

Author's book series

"THE CULTURAL LEGACY OF UZBEKISTAN"

Book-album

THE COLLECTION OF THE STATE HERMITAGE MUSEUM. PART ONE

(ST. PETERSBURG, RUSSIA)

In Uzbek, English and Russian

Scientific editor

Edvard Rtveladze

(Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Professor)

Author of the series, Head of the project

Firdavs Abdukhalikov

(Honored Journalist of the Republic of Uzbekistan)

Authors

A.V. Omelchenko, P.B. Lurje, K.K. Kravtsov, L.Y. Kulakova, A.I. Torgoev.

Organization group

Ekaterina Soboleva (Coordinator for Uzbekistan),
Igor Portnyagin (Coordinator for Russia)

All photos by the courtesy of the State Hermitage (St. Petersburg, Russia),
Photographers: D.V. Sirotkin, V.S. Terebenin, A.V. Terebenin, L.G. Heifets

Film crew

Shakhnoza Ganiyeva, Kozim Hotamkulov, Jannat Nurbaev, Nasiba Fahriddinova, Shamil Yusupov

Translation, editing and proofreading:

Shokakhor Salimov, Shakhnoza Bazarova, Rustam Zhabborov, Khosiyat Rajapova (translation and editing of the Uzbek text); Mirzaahmed Alimov, Alina Khayrulina, Liliana Gurevich, Svetlana Balashoh va (editing and proofreading of the Russian text), Dmitriy Kostyushkin, Violetta Tsilitskaya, Matlyuba Muminova (editing, proofreading of the English text).
"Translateiz" LLC, Moscow (translation into English).
Final editing and proof-reading – PPJSC "SHARQ"

Computer layout, design, preparation for printing, 3D effects

Alexander Varlamov, Taras Monchenko, Azim Zhurabaev, Abdusattor Abdubannapov, Barchina Riskieva

---

The creative group of the project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World collections" expresses gratitude to the Government of the Republic of Uzbekistan for the support in the implementation of the project.

Project sponsor

ERIELL
INTERNATIONAL OIL SERVICE COMPANY ERIELL GROUP

NATIONAL ASSOCIATION OF ELECTRONIC MASS MEDIA OF UZBEKISTAN
NATIONAL ASSOCIATION OF ELECTRONIC MASS MEDIA OF UZBEKISTAN (NAEMM)

Tashkent Office
UNESCO OFFICE IN UZBEKISTAN

UZBEKISTAN
THE STATE COMMITTEE OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN FOR TOURISM DEVELOPMENT

MINISTRY OF CULTURE OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

UZBEKISTAN airways
NATIONAL AVIA COMPANY "UZBEKISTAN AIRWAYS"

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
The State Hermitage Museum
THE STATE HERMITAGE

Sevimli
SEVIMLI TV

Даракчи
-DARAKCHI INFORM SERVIS-

CENTER FOR THE STUDY OF CULTURAL PROPERTY OF UZBEKISTAN, LOCATED ABROAD, UNDER THE CABINET OF MINISTERS OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

FA
ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

CENTER FOR ISLAMIC CIVILIZATION UNDER THE CABINET OF MINISTERS OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

ВСЕМИРНОЕ ОБЩЕСТВО ПО ИЗУЧЕНИЮ, СОХРАНЕНИЮ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ УЗБЕКИСТАНА

НАУЧНЫЙ СОВЕТ

Эдвард Ртвеладзе – *академик Академии наук Республики Узбекистан, профессор, председатель научного совета Всемирного общества, научный редактор,*

Акмаль Саидов – *академик Академии наук Республики Узбекистан, профессор, доктор юридических наук, председатель редакционного совета,*

Анатолий Сагдуллаев – *академик Академии наук Республики Узбекистан, профессор, доктор исторических наук,*

Александр Наймарк – *доктор исторических наук, профессор (США),*

Александр Седов – *доктор исторических наук (Российская Федерация),*

Бахром Абдухалимов – *доктор исторических наук, профессор (Узбекистан),*

Владимир Грусман – *доктор педагогических наук (Российская Федерация),*

Ефим Резван – *доктор исторических наук, профессор (Российская Федерация),*

доктор Маттиас Рёсслер *(Германия),*

Пьер Лериш – *профессор (Франция),*

доктор Роберт Брейси *(Великобритания),*

Роик Баходиров – *доктор философских наук, профессор (Узбекистан),*

Рустам Сулейманов – *(доктор исторических наук, профессор (Узбекистан),*

доктор Томас Кунце *(Германия),*

доктор Франсис Ришар *(Франция),*

Жерар Фюссман – *профессор (Франция),*

доктор Фредерик Старр *(США),*

Шаин Мустафаев – *академик, доктор исторических наук, профессор (Азербайджан),*

Шакиржон Пидаев – *кандидат исторических наук (Узбекистан),*

Эльмира Гюль – *доктор искусствоведения, профессор (Узбекистан).*

ПРАВЛЕНИЕ

Фирдавс Абдухаликов – *председатель (заслуженный журналист Республики Узбекистан),*

Бахтиёр Фазылов – *заместитель председателя,*

Азиз Абдухакимов – *ректор Международного университета туризма «Шелковый путь»,*

Криста Пиккат – *директор Кластерного Бюро ЮНЕСКО в Алматы,*

Ирина Попова – *доктор исторических наук, профессор (Российская Федерация),*

Камола Акилова – *доктор искусствоведения (Узбекистан),*

Шоазим Миноваров – *директор Центра исламской цивилизации (Узбекистан),*

Кетлин Гёбель – *директор фонда Cultur-cooperation International e.V. (Германия),*

Павел Лурье – *кандидат филологических наук (Россия),*

Сергей Лаптев – *кандидат исторических наук (Япония).*

Авторская серия
«КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА»
Книга-альбом

«СОБРАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ»

(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

На узбекском, английском и русском языках

Научный редактор
Эдвард Ртveладзе
(академик АН Республики Узбекистан, профессор)

Автор серии, руководитель проекта
Фирдавс Абдухаликов
(заслуженный журналист Республики Узбекистан)

Авторы разделов
А.В. Омельченко, П.Б. Лурье, К.К. Кравцов, Л.Ю. Кулакова, А.И. Торгоев.

Организационная группа
Екатерина Соболева (координация творческих вопросов по Республике Узбекистан),
Игорь Порогнягин (координация организационно-финансовых вопросов по Российской Федерации).

Фотографии для альбома предоставлены Государственным Эрмитажем (г. Санкт-Петербург)
Фотографы: Д.В. Сироткин, В.С. Теребенин, А.В. Теребенин, Л.Г. Хейфец.

Съемочная группа
Шахноза Ганиева, Козим Хотамкулов, Жанат Нурбаев, Насиба Фахриддинова, Шамиль Юсупов.

Перевод, редактура и корректура
Шокаххор Салимов, Шахноза Базарова, Рустам Жабборов, Хосият Раджапова (перевод и редактура узбекского текста); Мирзаахмед Алимов, Алина Хайрулина, Лилиана Гуревич, Светлана Балашова (редактура и корректура русского текста), Дмитрий Костюшкин, Виолетта Цилитская, Матлюба Муминова (редактура, корректура английского текста). Центр переводов ООО «Транслейтиз», г. Москва (перевод на английский язык).
Контрольная редактура и корректура – ИПАК «SHARQ».

Компьютерная верстка, дизайн, подготовка к печати, 3D-эффекты
Александр Варламов, Тарас Монченко, Азим Журабаев, Абдусаттор Абдубаннапов, Барчина Рискиева.

Творческая группа проекта «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» выражает благодарность правительству Республики Узбекистан за поддержку в реализации проекта.

Спонсор проекта

ERIELL
МЕЖДУНАРОДНАЯ НЕФТЕСЕРВИСНАЯ ГРУППА

NATIONAL ASSOCIATION OF ELECTRONIC MASS MEDIA OF UZBEKISTAN
НАЦИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ УЗБЕКИСТАНА

Tashkent Office
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЮНЕСКО В УЗБЕКИСТАНЕ

UZBEKISTAN
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН ПО РАЗВИТИЮ ТУРИЗМА

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

UZBEKISTAN airways
НАЦИОНАЛЬНАЯ АВИАКОМПАНИЯ «УЗБЕКИСТОН ХАВО ЙУЛЛАРИ»

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
The State Hermitage Museum
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

Sevimli
SEVIMLI TV

Даракчи
«DARAKCHI INFORM SERVIS»

ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ УЗБЕКИСТАНА, НАХОДЯЩИХСЯ ЗА РУБЕЖОМ, ПРИ КАБИНЕТЕ МИНИСТРОВ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ЦЕНТР ИСЛАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПРИ КАБИНЕТЕ МИНИСТРОВ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

УЎК 069
КБК 85.101
С 55

«Ўзбекистон маданий мероси» муаллифлик туркуми: «Давлат Эрмитажи тўплами. Биринчи қисм» китоб-альбоми / Ф.Ф. Абдухоликов, Э.В. Ртвеладзе, А.В. Омельченко, П.Б. Лурье, К.К. Кравцов, Л.Ю. Кулакова, А.И. Торгоев // Тошкент: «Silk Road Media», «East Star Media» МЧЖ, «Darakchi inform servis» МЧЖ буюртмасига кура, 2020 – 528 б.

С 55

УЎК 069
КБК 85.101 С 55

«ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ»
муаллифлик туркуми

«ДАВЛАТ ЭРМИТАЖИ ТЎПЛАМИ. БИРИНЧИ ҚИСМ»

китоб-альбоми

Ўзбек, инглиз ва рус тилларида

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳаси
«Darakchi inform servis» МЧЖ томонидан амалга оширилмоқда.
Оригинал макет «Zamon-Press-Info Nashriyot Uyi» МЧЖ базасида тайёрланди.
Нашр лицензияси AI №289, 04.11.2016.
«Silk Road Media», «East Star Media» МЧЖ.

Тайёр макетдан босишга рухсат этилди 9.04.2020. Бичими 60×90 1/8.
«Book Antique, Myriad Pro» гарнитураси.
Офсет босма. Шартли босма табоғи 66,0. Адади 3000. Буюртма рақами №376-К.
Нархи шартномада келишилган.

ISBN 978-9943-4865-6-0

«КОЛОРПАК» МЧЖ босмахонасида чоп этилди.
100060, Тошкент шаҳри, Элбек кўчаси, 8-уй.

ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ
THE CULTURAL LEGACY OF UZBEKISTAN
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА